

УДК 824; 82-43

СТИХОТВОРЕНИЕ П. А. ВЯЗЕМСКОГО «ИЕРУСАЛИМ» В КОНТЕКСТЕ «ПАЛОМНИЧЕСКОЙ ТЕМЫ» РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: ОПЫТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ДУХОВНОЙ ЛИРИКИ

О. Н. Александрова-Осокина

Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия

Работа выполнена в рамках гранта РГНФ № 15-64-01000 «Паломничество в Святую Землю и русская литература: опыт сохранения национальных историко-культурных и религиозно-духовных ценностей» (20152017)

Статья предлагает опыт интерпретации стихотворения П. А. Вяземского «Иерусалим» как явления духовной лирики. Обосновывается мысль о том, что в художественном пространстве стихотворения евангельские топонимы, являясь деталями «иерусалимского пейзажа», вместе с тем становятся основой поэтической символики и формируют философский смысл произведения. Символические образы стихотворения «духовная нива», «крест», «молитва» формируют главную тему стихотворения — «вера» и «надежда» — как константы человеческого бытия.

Ключевые слова: *П. А. Вяземский, духовная лирика, пейзажная лирика, «паломническая тема», элегия.*

Понятие «духовная литература», «духовная лирика» сегодня является дискуссионным вопросом в литературоведении. Принимая во внимание имеющиеся различные подходы к определению термина «духовная литература», мы под этим понятием понимаем литературу, ориентированную в своих ценностных основах на Слово Священного Писания. Православная духовная литература осмысливает вечные проблемы человеческого бытия в свете евангельского знания. Предметом художественного познания в духовной литературе становится человек перед лицом Бога. Бесспорно, что к кругу подобных произведений будут отнесены «Пророк» А. С. Пушкина, «Богомолье» И. С. Шмелева, «Иудея» И. А. Бунина и многие другие произведения русской классики.

Должна быть рассмотрена в этом кругу и религиозно-духовная лирика П. А. Вяземского. Это явление в творчестве известного русского поэта практически не изучено, а между тем еще Л. Я. Гинзбург писала о том, что в творчестве писателя с 40-х гг. XIX в. эта тема занимает важное место [5]. Следует отметить, что стихи молитвенного или покаянного начала, осмысливающие жизнь в свете Божественного видения, появлялись у Вяземского на всем протяжении его творчества: «Молитвенные думы», — 1821; «Лилия», «Осень 1830 года», «Родительский дом» — 1830; «Два ангела» — 1831; «Молись», «Любить. Молиться. Петь», «Молитва» — 1840; «Утешенье», «Все скорби, все язвы» — 1845; «Моя молитва» — 1847; «Святая Русь» — 1848.

В апреле 1850 г. П. А. Вяземский совершил поездку в Иерусалим. Впечатления от этого события также находят отражение в путевом дневнике и в лирике: «Иерусалим» (1850), «Палестина» (1853), «Одно сокровище» (1853), «Александрю Андреевичу Иванову» (1858).

«Иерусалимские» стихи выстраиваются в тематический цикл, по религиозно-философскому содержанию они могут быть рассмотрены как явления духовной поэзии, раскрывающие в поэтической форме содержание Священного Писания, понимание человека и истории в свете событий и Священной Истории. Созданный в этих произведениях образ Святой Земли охватывает различные проблемно-тематические аспекты: личный опыт паломничества, духовные смыслы человеческого бытия, историю христианской культуры, Слово Священного Писания. Изучение «паломнической» лирики Вяземского позволяет не только осмыслить малоизученные страницы творчества поэта, но и сделать наблюдения над спецификой художественной структуры такого явления, как «духовная лирика».

Стихотворение «Иерусалим» [3] стало первым, открывшим «палестинскую страницу» в лирике Вяземского. Анализ произведения позволяет показать, что его жанрово-стилевое и ценностно-смысловое содержание создается двумя «уровнями» художественной структуры произведения: «литературно-эстетическим» и «духовно-религиозным», которые соотносятся соответственно с литературно-эстетическим и религиозными

контекстами. Поэтическая мысль стихотворения развивается от конкретно-изобразительного начала к усилению символической образности, связанных со сферой философско-религиозных значений.

Иерусалим в христианской культуре осознается как город-символ, центр Святой Земли. Вслед за книгами Священного Писания развернутый образ этого города формируется в искусстве, литературе, в народной культуре. В историко-религиозной, богословской и эстетической традициях Иерусалим предстает как город реальный и как символ христианской культуры: это столица библейского Священного царства, место искупительной жертвы Господа Иисуса Христа за род человеческий, символ утраченного из-за грехов величия; прообраз грядущего Небесного Града; участник всей человеческой христианской истории [6].

Романтизм, обратившись к осмыслению духовных ценностей национальных культур, актуализирует и христианскую модель мира, и образы Святой Земли становятся веховыми в художественном пространстве писателей-романтиков. Это очевидно и для русской литературы: «Устремленность к истине—Христу, покаяние не самоуничтожительное, а взыскующее — главное в поэзии, обращенной к Святой Земле, к ее христианскому свету», — пишет исследователь Б. Н. Романов [9].

Эстетические представления русского романтизма, оформившиеся в литературном и литературно-критическом творчестве русских писателей первой трети XIX в. (О. М. Сомова, А. И. Галича, В. Ф. Одоевского, Д. В. Веневитинова, А. А. Бестужева и др.), постулировали христианскую, религиозную основу искусства. Категории романтической эстетики: «двоемирие», «художественная интуиция», «место художника в мире», «природа искусства» — объяснялись ими исходя из христианского начала мира [7; 8]. Важной позицией в эстетической теории романтизма было осмысление соотношения античного и христианского начал в культуре и искусстве Нового времени. Античное и романтическое (христианское) мировосприятие рассматривались как два принципиально разных типа художественного и философского сознания. Так, А. А. Бестужев всю историю литературы разделял на два этапа: древний и романтический, начавшийся с развитием христианства: в то время, когда «мраморные боги шатались», а «души, томимые пустотой, чего-то жда-

ли», произошел переход от «мира вещественного» к «миру духовному», родилась христианская вера, ставшая, по мысли писателя, практической мудростью, философией, наставницей совести. А в работе А. И. Галича «Опыт науки изящного» показано, что характер древнего искусства «есть жизнь внешняя», а нового — «внутренняя», что античное искусство воспеваает красоту реальной земной жизни, а искусство Нового времени не «прилепляется к тщете земного бытия и скоротечных радостей, а устремляет нравственные свои помыслы и желания к беспредельной и вечной существенности» [цит. по: 8. С. 130–133].

При этом Рим — Вечный город — и Святой град Иерусалим стали для культуры романтизма топонимами-символами двух типов мира, обозначали путь духовных исканий: «Туда, туда, в тот край счастливый, / В те дали солнца полетим, / Где Рима прах красноречивый / иль град Святой Ерусалим» (Гнедич «К. Н. Батюшкову») [9. С. 19].

О сложном соотношении символов-концептов «Рим» и «Иерусалим» пишет, в частности, исследователь А. В. Моторин в работе «Образ Иерусалима в русском романтизме», обращая внимание, что взаимосвязь этих городов в русском православном представлении обусловлена тем, что Рим — земное христианское царство, в котором родился Христос и которое будет стоять до второго Христова Пришествия и Страшного Суда (с XVI в. в русской историографии сложилась теория «Москва-третий Рим, согласно которой Рим устоит в московской, третьей и последней ступени развития), а Иерусалим, разрушение которого было предсказано, — город страданий и величия Господа Иисуса Христа (Лк. 13, 35; 21, 20–24; Мф. 23, 35–38; Мк. 13, 14). Поэтому в православной традиции отношение к Иерусалиму было неоднозначным: с одной стороны, город воспринимался как величайшая святыня христианского мира, как икона, но, с другой стороны, считалось, что земная история города завершена, земное падение города представлялось знаком утраты богоизбранности. С православной точки зрения, разрушенный Иерусалим восстановился именно как символ Иерусалима будущего, как прообраз Небесного града: «Светися, светися, Новый Иерусалиме» — поется в церковной молитве [6].

Такое «двойственное» отношение к Иерусалиму находит отражение в творчестве русских романтиков, отражается оно, в частности, и в «паломнической прозе», в русле которой строится и «палестинская лирика» Вяземского: здесь характер-

ны палестинские письма Н. В. Гоголя, дневниковые записки самого П. А. Вяземского. В таком культурном и поэтическом контексте создается стихотворение Вяземского «Иерусалим».

При первом уровне восприятия стихотворение видится в жанровом русле элегической пейзажной лирики: эмоциональный строй стихотворения окрашен мотивами грусти, одиночества: «Куда ни обращаешь взоры, / Повсюду грустные места: / Нагая степь, нагие горы / И диких дебрей пустота» [3. С. 357]. Картины бедной палестинской природы (нагая степь, нагие горы, пустота диких дебрей) усиливаются оценочным психологическим эпитетом «грустный», характеристиками, задающими пространственные параметры («куда ни обращаешь взоры, повсюду грустные места»). Эти образы создают ощущение одиночества, заброшенности, оставленности человека. Скучная растительность, однообразная цветовая палитра, оценочные эпитеты, повторы — усиливают пейзаж региона, особенно заметный для русского восприятия. Эта характеристика местности описывалась всеми путешественниками, паломниками, художниками настолько часто, что стала практически «общим местом» в описании пейзажей Палестины. Картина в целом соотносима с типом восприятия земного удела Иерусалима и с романтической моделью мира: бесконечность пространства, конечность человеческого эмпирического бытия, стремление человека к постижению тайны Бытия.

Второй стих, продолжая картины «печально-го» палестинского пейзажа, усиливает символично-обобщающее значение образов, соотносимое с библейским контекстом: «И посреди сей мертвой нивы / И скорбью освященных мест / Печально город молчаливый / Стоит — как на кладбище крест» [3. С. 357].

Образ «мертвой нивы» на первом смысловом уровне выступает как синоним образов «нагая степь», «пустота диких дебрей», но вместе с тем существует и библейский контекст образа «нива, поле»: в переносном значении «нива, поспевшая к жатве», олицетворяет человека, готового воспринять Евангелие (Ин 4:35). «Жатва» в библейском контексте также обогащается дополнительным комплексом значений: время жатвы связывалось со временем всеобщей радости, «жатва» также выступала символом человека (людей), готового принять Слово Божие (Ин 4: 35–37) [1]. Образ «мертвой нивы», помимо пейзажного значения, связанного с идеей «унылого пейзажа» (реали-

стическая основа определена особенностями палестинского ландшафта), имеет и иное значение, связанное с философским осмыслением человеческой жизни. Поэтическая семантика образа связана со смыслами «потери веры», означает человека, не умеющего услышать Божье Слово, остывшее в духовном горении человечество.

Образ «места, освященного скорбью», также, помимо соотнесенности с пейзажным комплексом, имеет и более актуальное в контексте всего стихотворения значение, указывающее на событие Страстной Недели. И в этом контексте уже перифраз, обозначающий Иерусалим («город молчаливый, стоит — как на кладбище крест»), с одной стороны, усиливает значения «безжизненности», с другой стороны, также имплицитно несет в себе значения Евангельского контекста: «крест» — символ страдания, но одновременно и величия, и надежды на спасение для человечества.

Третья строфа, вводя образы Библейской топонимики «Гефсиманская долина», «Элеонская гора», усиливает звучание библейских смыслов. Нельзя и предположить, чтобы эти названия священной топонимики оказались в стихотворении случайно и могли быть заменены названиями любых других священных мест, которые мог видеть Вяземский в окрестностях Иерусалима. Поэт, сформировавший свой поэтический дар в традициях поэзии «гармонической точности» (определение Л. Я. Гинзбург) с ее трепетным отношением к выбору слова и образа, не мог в столь знаковом произведении, как стихотворение «Иерусалим», обратиться к библейским картинам всего лишь в поисках «колоритной иллюстрации». Это побуждает видеть в топонимах «Гефсиманская долина» и «Элеонская гора» символические значения.

Гефсимания (Гефсиманская долина) — в евангельские времена так называлась долина, лежащая у подошвы Елеонской горы, священное для христиан место моления Господа Иисуса Христа в ночь ареста (Мф. 26:36–57; Мк. 14:32–53; Лк. 22:39–53; Ин. 18:1–13). «Сколько пробуждается священных, глубоко трогательных евангельских воспоминаний <...> здесь Сын Божий вынес тот страшный гнет безмерной душевной муки, который невольно вырвал из уст Его потрясающий вопль: “Душа моя скорбит смертельно!”» [1. С. 160]. Здесь же находится могила Богородицы. С Елеонской (Элеонской) горой также связано одно из важнейших евангельских

событий — Елеонская проповедь Господа Иисуса Христа о втором пришествии (Матф. 24:4–14).

Гефсиманская долина и Елеонская гора в европейской культуре являются символами (концептами), связанными с вековыми событиями христианской истории.

В таком контексте стихотворение «Иерусалим» предстает как художественное целое, где в лаконичной форме раскрывается взгляд поэта на место человека в мире. Романтическому двоимрию, ощущению одиночества человека, невозможности гармонического соединения человеческого и Небесного в стихотворении противопоставлен религиозный, христианский взгляд на бытие человека.

Автор создает мир человека в христианской парадигме: человек не одинок, не оставлен. В произведении выстраивается духовная вертикаль: Иерусалим как крест спасения, Гефсимания — как образ меры Божественной любви и сострадания к человеку, как готовность Господа отдать себя на страдание во имя человека и, наконец, Елеонская гора, на которой произнеслись пророческие слова Господа о втором пришествии — как символ надежды и одновременно предостережения заблудившемуся человечеству. Таким образом, поэтический текст П. А. Вяземского может быть рассмотрен как проповедь, дающая уверенность человеку в его неоставленности перед лицом Бога.

Анализ стихотворения позволяет обозначить параметры такого художественного явления, как «духовная лирика». Духовную лирику характеризует, прежде всего, тип лирического мироощущения: мир видится в свете евангельских истин. Второй существенной чертой жанра может быть

назван характер историко-культурного и поэтического контекста, с которым соотносится произведение — это соотнесенность с Библейскими сюжетами, с православной обрядовой культурой. Художественная структура произведения будет содержать «сигналы», отсылающие к религиозному контексту. В стихотворении «Иерусалим» это топонимы (Иерусалим, Елеонская гора, Гефсимания), которые являются и важнейшими символами (концептами) христианской культуры. Евангельский контекст усложняет и художественный образ мира в произведении: позволяет увидеть новые смыслы и закономерности в композиционной организации, в образной системе (так, в стихотворении элегические картины «унылой природы» одновременно могут быть рассмотрены как пейзажные детали и как метафорическое видение судеб человечества). Композиция стихотворения «Иерусалим» строится как смена модуля: от романтического чувства одиночества человека к евангельскому чувству защищенности: антитеза печали, одиночества и надежды подчеркивается строфически и синтаксически (связывая две части стихотворения союзом «но»).

Анализ «иерусалимских» стихов поэта является важной частью более масштабной задачи — изучения творчества П. А. Вяземского 40–70-х гг. Изучение творческого пути этого писателя, единственного представителя «пушкинской плеяды», прожившего столь долгую творческую жизнь, позволяет увидеть более полно и логику развития русской поэзии XIX в. в целом. Также глубокого и внимательного исследования в историко-литературном и теоретическом аспектах требует русская духовная лирика.

Список литературы

1. Библейский словарь Брокгауза. Сайт Азбука веры. — URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/biblejskaja-entsiklopedija-brokgauza/3289>.
2. Библейская энциклопедия. — М., 1990. — 902 с.
3. Вяземский, П. А. Полное собрание сочинений : в 12 т. / П. А. Вяземский. — СПб., 1887. — Т. XI.
4. Гинзбург, Л. Я. О лирике / Л. Я. Гинзбург. — Л., 1974. — 405 с.
5. Гинзбург, Л. Я. П. А. Вяземский / Л. Я. Гинзбург // Вяземский, П. А. Стихотворения / П. А. Вяземский. — Л., 1986. — С. 550.
6. Моторин, А. В. Образ Иерусалима в русском романтизме / А. В. Моторин // Христианство и русская литература. — СПб., 1996. — С. 61–89.
7. Осанкина, В. А. Библейско-евангельская традиция в эстетике и поэзии русского романтизма : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / В. А. Осанкина. — Екатеринбург, 2001. — 35 с.
8. Осанкина, В. А. О христианских корнях в эстетике русского романтизма / В. А. Осанкина // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 1999. — № 2. — С. 129–137.

9. Романов, Б. Н. Звезда Ерусалима / Б. Н. Романов // Ветка Палестины: Стихи русских поэтов об Иерусалиме и Палестине / сост. Б. Н. Романов. — М., 1993. — С. 5–36.

Сведения об авторе

Александрова-Осокина Ольга Николаевна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры литературы и журналистики, Тихоокеанский государственный университет. Хабаровск, Россия. osokina-11@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2017. No. 12 (408). *Philology Sciences. Iss. 110. Pp. 7–11.*

THE POEM P. A. VYAZEMSKY «JERUSALEM»: EXPERIENCE OF THE INTERPRETATION OF SPIRITUAL LYRICS

O. N. Alexandrova-Osokina

Pacific State University, Khabarovsk, Russia. osokina-11@mail.ru

The article offers an experience of interpreting a poem by P.A. Vyazemsky «Jerusalem» as a phenomenon of spiritual lyrics. The author substantiates the idea that in the artistic space of the poem the evangelical toponyms, being details of the «Jerusalem landscape», at the same time become the basis of poetic symbolism and form the philosophical meaning of the work. Symbolic images of the poem «spiritual field», «cross», «prayer» form the main theme of the poem «faith» and «hope» — as constants of human existence.

Keywords: *P.A. Vyazemsky, spiritual lyrics, landscape lyrics, «pilgrimage theme», elegy.*

References

1. *Biblejskij slovar' Brokgauza. Sajt Azbuka very* [Biblical Dictionary of Brockhaus]. Available at: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/biblejskaja-entsiklopedija-brokgauza/3289>. (In Russ.).
2. *Biblejskaja jenciklopedija* [Biblical Encyclopedia]. Moscow, 1990. 902 p. (In Russ.).
3. Vyazemsky P.A. *Polnoe sobranie sochinenij : v 12 t. T. XI* [Complete works in 12 vol. Vol. XI]. St. Petersburg, 1887. (In Russ.).
4. Ginzburg L.Y. *O lirike* [On the lyrics]. Leningrad, 1974. 405 p. (In Russ.).
5. Ginzburg L.Y. P.A. Vjazemskij [P.A. Viazemsky]. Vyazemsky P.A. *Stihotvorenija* [Poetry]. Leningrad, 1986. Pp. 550. (In Russ.).
6. Motorin A.V. *Obraz Ierusalima v russkom romantizme* [The image of Jerusalem in Russian romanticism]. *Hristianstvo i russkaja literatura* [Christianity and Russian literature]. St. Petersburg, 1996. Pp. 61–89. (In Russ.).
7. Osankina V.A. *Biblejsko-evangel'skaja tradicija v jestetike i poezii russkogo romantizma* [The Biblical-Evangelical Tradition in the aesthetics and poetry of the Russian Romanticism]. Ekaterinburg, 2001. 35 p. (In Russ.).
8. Osankina V.A. *O hristianskih kornjah v jestetike russkogo romantizma* [About Christian Roots in the Aesthetics of Russian Romanticism]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State University], 1999, no. 2, pp. 129–137. (In Russ.).
9. Romanov B.N. *Zvezda Erusalima* [The star of Jerusalem]. Romanov, B. N. (comp.). *Vetka Palestiny: Stihy russkikh poetov ob Ierusalime i Palestine* [The branch of Palestine: Poems of the Russian poets about Jerusalem and Palestine]. Moscow, 1993. Pp. 5–36. (In Russ.).

УДК 821.161.1.09“1917/1991”
ББК 83.(2Рос=Рус)6

МОТИВ ПУСТОТЫ В «ЖИЗНИ КЛИМА САМГИНА» М. ГОРЬКОГО

Е. Г. Белоусова

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

В статье рассматривается мотив пустоты, его роль в раскрытии образа главного героя и организации художественного пространства «Жизни Клима Самгина». Выявляются стилевые механизмы, способствующие воплощению мотива пустоты в тексте романа и открывающие специфику видения и понимания Горьким современного бытия и места человека в нем.

Ключевые слова: *русская литература, М. Горький, «Жизнь Клима Самгина», поэтика, мотив пустоты.*

Статью, написанную в 2008 г. к 140-летию М. Горького, Н. Лейдерман называет «Непрочитанный Горький» [9]. Увы, он остается недопрочитанным и недоисследованным накануне своего 150-летия, т. е. в 2017 г. Особенно остро это ощущается в романе «Жизнь Клима Самгина» (1925–1936), который автор считал своей главной книгой, духовным завещанием: «Сначала этот роман никто не поймет, будут ругать, да уже и ругают. Лет через пятнадцать кое-кто начнет смекать, в чем суть, через двадцать пять академики рассердятся, а через пятьдесят — будут говорить: “Был такой писатель Максим Горький — очень много написал, и все плохо, а что и осталось от него, так это роман “Жизнь Клима Самгина”» [12. С. 7].

Поиски иной художественной формы, способной передать невероятную сложность и неустойчивость постреволюционной жизни (ее немислимую «пестроту» и «спутанность»), Горький начинает еще в «Рассказах 1922–24 годов», а завершает в романе «Жизнь Клима Самгина». При этом новый (третий) «виток» творческой «спирали», как справедливо пишет Н. Лейдерман, оказывается не менее противоречивым, чем два предыдущих¹, ведь помимо внешних, социально-исторических обстоятельств он обусловлен уникальным строем горьковской личности, «взрывчатый состав мировоззрения» [15] которой вызывает сегодня пристальный интерес литературоведов [3; 13; 15].

¹ Первый «виток», по мысли Н. Лейдермана, приходится на вторую половину 1890-х гг., «когда рядом писались романтические рассказы-легенды и натуралистические “босяцкие” рассказы», а второй — на первую половину 1910-х гг., «когда почти одновременно создавались возвышенные “Сказки об Италии” и сурово-тревожный цикл “По Руси”» [9].

Однако противоположность творческих устремлений писателя современные исследователи, как и исследователи прежних лет, обнаруживают преимущественно в жанровой природе итоговой книги М. Горького, одинаково располагающей, по словам В. А. Беглова, к извлечению из нее признаков романа, эпопеи, хроники [2], жития и антижития [11; 6; 15]. Силевые же стратегии писателя, открывающие уникальный, присущий именно ему способ видения мира и способ его формосозидания, по-прежнему остаются малоизученными. Конечно, работа по осмыслению горьковской поэтики как единой художественной системы, обладающей своими внутренними закономерностями и логикой развития, начата Н. Геом [7], Е. Тагером [16], А. Овчаренко [11], сегодня активно продолжается. Это подтверждают диссертационные исследования последних лет — А. В. Маркович, которая анализирует «Жизнь Клима Самгина» в коммуникативном аспекте [10], О. А. Спиригиной, рассматривающей диалогическую поэтику романа М. Горького в контексте теории диалогизма М. Бахтина и в сопоставлении с романом Ф. М. Достоевского «Бесы» [14]. И тем не менее «формула» стиля «Жизни Клима Самгина», собирающая воедино различные грани и элементы художественной формы романа, определяющая их появление и взаимодействие в тексте и открывающая суть авторских воззрений, до сих пор не найдена.

На наш взгляд, ее образует взаимодействие противоположных стилевых тенденций («определенности» и «неопределенности», «собирающая» и «разрушающая»), которые *не исключают, а переходят одна в другую*, благодаря чему стиль Горького здесь существенно усложняется и вме-

сте с тем решительно открывает свою *разнонаправленность и подвижность*¹.

Новое качество горьковского стиля зримо проявляет мотив пустоты, концептуальную и стилеобразующую значимость которого подтверждает его реализация сразу на двух уровнях художественной структуры — в образе главного героя и пространственном компоненте хронотопа. В каждом из этих случаев мотив пустоты получает специфическое воплощение, уточняя наше представление об особенностях видения мира М. Горьким и способах его конструирования.

Прежде всего, пустота есть сущностное ядро личности Клим Самгина, хотя практически нигде Горький не говорит об этом прямо. Известно только, что первый вариант романа имел название «История пустой души».

Мысль автора открывается в результате целенаправленной работы его стиля, использующего различные инструменты погружения в мир индивидуального сознания. Один из них — контрастные по форме и взаимооборачивающиеся по сути мотивы, коррелирующие с центральным мотивом «кажимости» («выдуманности»). Речь идет о мотивах «закрытости» / «явленности», «исключительности» / «стертости», «оригинальности» / «банальности». Нагнетая их, Горький создает стойкое ощущение неоднозначности главного героя и вместе с тем беспощадно разоблачает неясное, постоянно «прячущее себя» самгинское «Я».

Этой же цели служит в романе набор ключевых слов («путаница», «бессвязность» и «между»), образующих «экзистенциальный код» (М. Кундера) героя, который определяет природу поступков Самгина, взаимоотношения с другими персонажами. И вновь, подчиняясь логике горьковского стиля, обусловленной новым жизнепониманием художника, враждебным однолинейности и в то же время решительно не принимающим человеческую безликость, внутренняя неопределенность Самгина, подчеркивающая его непростую человеческую природу, оборачивается своей противоположностью — *открывает бесплодную пустоту и абсолютное равнодушие героя к жизни*.

В первую очередь, как справедливо отмечают исследователи, ее материальным знаком становится отсутствие у Самгина своих мыслей и слов. Напомним, что демагог по природе и адвокат по профессии, т. е. человек, для которого «слово идентично поступку» [10. С. 210], Самгин реши-

тельно не способен найти *своего слова* не только для описания внешних событий (например, в сцене похорон Баумана), но и собственных переживаний (например, в отношениях с Лидией Варавкой или Никоновой). Как следствие, основными лейтмотивами «Жизни Клим Самгина» оказываются *чужие фразы*: «А был ли мальчик?», «Да что вы озорничаете?».

Трансформация оппозиции «свое»/«чужое» получает убедительное и соответствующее сути стилевое мышление Горького обоснование в работе О. В. Быстровой. Очередной горьковский парадокс исследовательница объясняет множественностью прототипов К. Самгина. «Но у множества не бывает лица. Множественность всегда безлика. А безликость влечет за собой пустоту», которая заполняется чужими мыслями и словами [4. С. 44].

Не менее важным для понимания горьковской концепции личности — сложной, самобытной, не только осознающей «необходимость себя» (М. Мамардашвили), но и проявляющей ее, в том числе и эмоционально — оказывается *отсутствие страстного отношения к жизни*. Это подтверждают письма художника, в частности к Р. Ролану: «Я вижу людей, которые чувствуют, что внутри их все непрочно, все горит, плавится, разрушает целостность чувства, и чувство улетучивается, как газ, в мыслях, словах: *человек — опустошается*» [11. С. 80].

Клим же, будучи воплощением холодного рассудка, совершенно не способен жить «жизнью сердца» и абсолютно равнодушен к людям. Наиболее показательным в этом плане отношение героя к матери, вызывавшей у него больший интерес, чем кто-либо из членов семьи. Но когда «слово “мать”» «потребовало наполнения», в сознании героя рождается характеристика, поражающая своей отчужденностью: «Красива, умела одеться, избалована вниманием мужчин. Книжной мудростью не очень утруждала себя. Рациональна. Правильно оценила отца и хорошо выбрала друга, — Варавка был наиболее интересный человек в городе. И — легко “делал деньги”...» [8. Т. 24. С. 20].

Также неведомы герою сострадание и скорбь, поэтому мысль о скорой смерти жены для него не более чем «неприятное» слово. И даже когда оно материализуется в фигуре человека из похоронной конторы, как ни прислушивается Самгин, пытаясь уловить движение в собственной душе, он ничего не слышит.

¹ Здесь и далее, в том числе в цитатах, курсивом выделено нами. — Е. Б.

Единственная по-настоящему сильная эмоция, которая периодически захлестывает героя, — страх. Он присутствует практически во всех ключевых сценах романа (смерти Бориса Варавки, разрушения казарм, 9 января и др.), и каждый раз автор открывает новые оттенки внутреннего состояния героя. Это может быть естественный для человека страх за свою жизнь, проявляющийся в самых различных формах — «стискивающий <...> обессиливающим холодом», «отупляющий», «животный» и так далее. Но гораздо острее Самгин переживает боязнь потерять себя и ощущение своей исключительности, поэтому, например, он панически боится толпы: «Унизительно и страшно катиться темненькой, безличной икринкой по общей для всех дороге к неустрашимой гибели» [8. Т. 22. С. 114].

Наконец, в доминантном состоянии героя отчетливо просматривается еще один аспект, проявляющий принципиальную многослойность горьковской концепции личности, — страх самого себя. Речь идет о потаенных «уголках» человеческого «Я», которые обнажаются в критической ситуации, заставляя увидеть себя в новом и далеко неприглядном свете. Это происходит в сцене ареста, когда Климу предлагают сотрудничать с полицией. При этом Горький не просто фиксирует, но максимально углубляет и заостряет внутреннее состояние героя, используя прием метаморфозы — превращения одного полюса в полную его противоположность. Например: «Испугало его не это *оскорбительное предложение*, а что-то другое», — и практически тут же: «Но Самгин понял: уже испуган он именно тем, что *не оскорблен предложением быть шпионом*» [8. Т. 22. С. 208—209].

К числу других проявлений «отсутствующей» души горьковского героя отнесем полное равнодушие к природе. В восприятии Клима она похожа на раскрашенную картинку, независимо от того, наблюдает ли он привычный глазу среднерусский пейзаж или увиденный впервые швейцарский. Красоту внешнего мира герой если и воспринимает, то только посредством разума, т. е. не чувствует, а «знает». Например: «Вечером он сидел на песчаном холме у опушки сосновой рощи, прослоенной березами; в сотне шагов перед глазами его ласково струилась река, разноцветная в лучах солнца, горела парчовая крыша мельницы, спрятанной среди уродливых ветел, поля за рекою зелено ошетинились хлебами. Клима видел пейзаж похожим на раскрашенную

картинку из книги для детей, хотя *знал*, что это место славится своею красотой» [8. Т. 21. С. 311].

Не менее важную роль мотив пустоты играет и в создании художественной реальности «Жизни Клима Самгина», отличительными признаками которой являются беспредельная широта и подчеркнутая дробность. Это ощущение формирует множество топографических точек, детально описываемых или только упоминаемых автором в тексте: Москва, Петербург, Старая Русса, Нижний Новгород, Выборг, Берлин, Дрезден, Мюнхен, Париж и др.

Несмотря на свою обособленность, каждый из названных локусов несет в себе свойства целого мира — его хаотическую «пестроту». И прежде всего это отличает Петербург, который Марина Премирова называет «многоликим городом», и Москву, которую Самгин сравнивает с «чудовищным» «пестро раскрашенным пряником».

Грандиозность творимого автором мира подчеркивает его принципиальная открытость. Не случайно в пейзажных зарисовках «Жизни Клима Самгина» Горький настойчиво повторяет наречие «вдали», а в урбанистических описаниях явно отдает предпочтение улицам и площадям, чаще всего пустынным и безлюдным. Например: «Пустынная улица вывела Самгина на главную, — обе они выходили под прямым углом на площадь <...>» [8. Т. 23. С. 168]. Или: «День уже догорал, в небе расположились полосы красных облаков, точно гигантская лестница от горизонта к горизонту. Это напоминало безлюдную площадь <...>» [8. Т. 23. С. 58].

Так *бескрайняя широта художественного пространства романа оборачивается абсолютной пустотой*, которая ничуть не противоречит пестрому многообразию горьковского мира, наоборот, является естественным ее продолжением. Ведь пестрое множество стран, городов, квартир и домов, в которых существует огромное количество людей, при каждом удобном случае рассыпается на ряд отдельных предметов и явлений, обнаруживая *неспособность сложиться во внешне неоднородную, но внутренне согласованную и гармоничную целостность*. Отсюда — повышенная частотность в тексте глаголов с семантикой разъединения, а также активное использование «рваных» образов (облаков, туч и снежной пелены). Последние наглядно свидетельствуют о том, что *дробность и несвязность* присущи в «Жизни Клима Самгина» как пространству города, так и природному миру,

как земному бытию, так и небесным сферам. Например: «Ярким лунным вечером он поднимался по крутой улице между двумя рядами одноэтажных домиков, разъединенных длинными заборами; тесные группы деревьев еще больше разъединяли эти домики, как бы спрятанные в холмах снега» [8. Т. 23. С. 174]. И в то же время: «Огни фонарей освещали грязно-желтые клочья облаков»; «В темноте колебалась сероватая масса густейшего снега, создавая впечатление ткани, которая распадается на мелкие клочья» [8. Т. 22. С. 440, 477].

А самое главное, подобная реализация мотива пустоты в романе позволяет автору не только соединить различные грани романной формы и примирить, казалось бы, исключаящие друг друга моменты творческого замысла — «изобразить все классы, “течения”, “направления”, всю адову суматоху конца века и бури начала XX» [1. С. 29] и «историю пустой души». Она высвечивает принципиальную для Горького мысль о глубинной и неразрывной связи общественного бытия и индивидуального существования. Связи, которая объясняет «инверсию внутренней и внешней пустоты», выразившую обратную логику революционной эпохи, стремящейся «разрушить

все до основания», а затем «ничто» превратить во «все» [5. С. 18].

И весь исторический опыт России следующих десятилетий наглядно подтверждает страшную догадку художника о том, что опустошающая эпоха не может не порождать пустых душ. Те же в свою очередь оказываются причастны к сотворению такой же «пустой» истории и «пустого» мира. «Пустого» как в иносказательном смысле, т. е. чужого, холодного, равнодушного к участи человека, как равнодушен ко всему, что его окружает, Клим Иванович Самгин, так и в буквальном. Последнее отчетливо просматривается в размышлениях горьковского героя о пользе классовой теории, которая позволит ему «понять и — даже лучше того — совершенно устранить из жизни различных кошмарных людей, каковы дьякон, Лютов, Диомидов и подобные» [8. Т. 21. С. 452].

Так, мотив пустоты в романе «Жизнь Клима Самгина» открывает уникальный стилевой способ творения мира М. Горьким — способ создания сложнейших по своей внутренней противоречивости «узлов», выражающих невероятную сложность и неустойчивость жизни той революционной эпохи и личности художника, сумевшего ее запечатлеть.

Список литературы

1. Архив А. М. Горького. Т. X. Кн. 2. Горький и советская печать. — М., 1965. — 502 с.
2. Беглов, В. А. Жанровая природа «Жизни Клима Самгина» М. Горького / В. А. Беглов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. — 2005. — № 3. — С. 123–131.
3. Белова, Т. Д. Эволюция эстетических взглядов М. Горького (1890–1910-е гг.) в контексте культурологических исканий эпохи / Т. Д. Белова. — М., 2004. — 343 с.
4. Быстрова, О. В. Символы повести «Жизнь Клима Самгина» / О. В. Быстрова // Литератур. календарь: книги дня. — 2011. — № 1 (10). — С. 39–55.
5. Воронин, В. Художественное время и пространство в «Жизни Клима Самгина» М. Горького : автореф. дис. ... канд. филол. наук / В. Воронин. — Н. Новгород, 1993. — 21 с.
6. Гавриш, Т. Р. «Жизнь Клима Самгина» А. М. Горького в литературном процессе 1920 — начала 1930-х годов : дис. ... канд. филол. наук / Т. Р. Гавриш. — М., 1999. — 210 с.
7. Гей, Н. Проблемы содержательной формы литературы / Н. Гей // Проблемы художественной формы социалистического реализма. — М., 1971. — Т. 1. — С. 71–149.
8. Горький, М. Собр. соч. : в 25 т. / М. Горький. — М., 1968–1976.
9. Лейдерман, Н. Л. Непрочитанный Горький / Н. Л. Лейдерман // Урал. — 2008. — № 7.
10. Маркович, А. В. С кем спорил Клим Самгин? / А. В. Маркович. — Благовещенск, 2013. — 208 с.
11. Овчаренко, А. И. М. Горький и литературные искания XX столетия / А. И. Овчаренко // Избранные произведения : в 2 т. / А. И. Овчаренко. — М., 1986. — Т. 1. — 591 с.
12. Спиридонова, Л. А. «Жизнь Клима Самгина» — книга века / Л. А. Спиридонова // Литератур. календарь: книги дня. — 2011. — № 1 (10). — С. 5–21.
13. Спиридонова, Л. А. М. Горький: новый взгляд / Л. А. Спиридонова. — М., 2004. — 264 с.
14. Спиригина, О. А. Структурно-семантические особенности диалогизма в романах Ф. М. Достоевского «Бесы» и М. Горького «Жизнь Клима Самгина» : дис. ... канд. филол. наук / О. А. Спиригина. — Казань, 2013. — 251 с.

15. Сухих, С. И. Заблуждение и прозрение Максима Горького / С. И. Сухих. — Н. Новгород, 1992. — 222 с.

16. Тагер, Е. Б. О стиле Горького / Е. Б. Тагер // Тагер, Е. Б. Избранные работы о литературе / Е. Б. Тагер. — М., 1988. — С. 99–131.

Сведения об авторе

Белоусова Елена Германовна — доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русского языка и литературы, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. belouelena@gmail.com

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2017. No. 12 (408). *Philology Sciences. Iss. 110. Pp. 12–17.*

THE MOTIVE OF EMPTINESS IN THE NOVEL «THE LIFE OF KLIM SAMGIN» BY M. GORKY

E. G. Belousova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. belouelena@gmail.com

The article dwells on the emptiness motive that plays a leading part in the revealing of the main character and the imagined space structure in «The Life of Klim Samgin». Furthermore, the methods of style are analyzed; they contribute to the emptiness motive actualization in the text and reveal specific features of Gorky's vision and understanding of contemporary reality and a human being's place in it.

Keywords: *Russian literature, M. Gorky, «The Life of Klim Samgin», the emptiness motive.*

References

1. *Arkhiv A.M. Gor'kogo. T. X. Kn. 2. Gor'kiy i sovetskaya pechat'* [Archive A.M. Gorky. Gorky and the Soviet press. Vol. X, book 2]. Moscow, 1965. 502 p. (In Russ.).
2. Beglov V.A. Zhanrovaya priroda "Zhizni Klima Samgina" M. Gor'kogo [The genre nature of "The Life of Klim Samgin" by M. Gorky]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya* [Bulletin of Moscow University. Ser. 9. Philology], 2005, no. 3, pp 123–131. (In Russ.).
3. Belova T.D. *Evolutsiya esteticheskikh vzglyadov M. Gor'kogo (1890–1910-e gg.) v kontekste kul'turologicheskikh iskaniy epokhi* [Evolution of the aesthetic views of M. Gorky (1890–1910-ies.) in the context of cultural studies of the era]. Moscow, 2004. 343 p. (In Russ.).
4. Bystrova O.V. Simvol'y povesti "Zhizn' Klima Samgina" [Symbols of the story "The Life of Klim Samgin"]. *Literaturnyy kalendar': knigi dnya* [Literary Calendar: Books of the Day], 2011, no. 1(10), pp. 39–55. (In Russ.).
5. Voronin V. *Khudozhestvennoe vremya i prostranstvo v "Zhizni Klima Samgina" M. Gor'kogo* [Artistic time and space in the "Life of Klim Samgin" M. Gorky]. N. Novgorod, 1993. 21 p. (In Russ.).
6. Gavrish T.R. "Zhizn' Klima Samgina" A.M. Gor'kogo v literaturnom protsesse 1920 — nachala 1930-kh godov ["The Life of Klim Samgin" A.M. Gorky in the literary process of 1920 — early 1930's]. Moscow, 1999. 210 p. (In Russ.).
7. Gey N. Problemy soderzhatel'noy formy literatury [Problems in the substantive form of literature]. *Problemy khudozhestvennoy formy sotsialisticheskogo realizma. T. 1* [The problems of the artistic form of socialist realism. Vol. 1]. Moscow, 1971. Pp. 71–149. (In Russ.).
8. Gor'kiy M. *Sobranie sochinenij : v 25 t.* [Collected works in 25 volumes]. Moscow, 1968–1976. (In Russ.).
9. Leyderman N.L. Nepochitannyy Gor'kiy [Unread Gorky]. *Ural* [Ural], 2008, no. 7. (In Russ.).
10. Markovich A.V. *S kem sporil Klim Samgin?* [With whom did Samuel argue?]. Blagoveshchensk, 2013. 208 p. (In Russ.).
11. Ovcharenko A.I. M. Gor'kiy i literaturnye iskaniya XX stoletiya [M. Gorky and the literary quest of the twentieth century]. *Izbrannye proizvedeniya. T. 1.* [Selected works. Vol. 1]. Moscow, 1986. 591 p. (In Russ.).
12. Spiridonova L.A. «Zhizn' Klima Samgina» — kniga veka ["The Life of Klim Samgin" — the book of the century]. *Literaturnyy kalendar': knigi dnya* [Literary Calendar: Books of the Day], 2011, no. 1(10), pp. 5–21. (In Russ.).

13. Spiridonova L.A. *M. Gor'kiy: novyy vzglyad* [M. Gorky: a new look]. Moscow, 2004. 264 p. (In Russ.).
14. Spiryagina O.A. *Strukturno-semanticheskie osobennosti dialogizma v romanakh F.M. Dostoevskogo "Besy" i M. Gor'kogo "Zhizn' Klima Samgina"* [Structural and semantic features of dialogism in F.M. Dostoevsky's "Demons" and M. Gorky's "The Life of Klim Samgin"]. Kazan, 2013. 251 p. (In Russ.).
15. Sukhikh S.I. *Zabluzhdenie i prozrenie Maksima Gor'kogo* [The Misconception and Insight of Maxim Gorky]. N. Novgorod, 1992. 222 p. (In Russ.).
16. Tager E.B. O stile Gor'kogo [About Gorky's style]. *Izbrannye raboty o literature* [Selected works on literature]. Moscow, 1988. Pp. 99–131. (In Russ.).

УДК 811.161.1
ББК 81.2

ОСОБЕННОСТИ ИНТОНАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ РУССКОГО ЯЗЫКА: СОПОСТАВИТЕЛЬНО-ДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Я. Л. Березовская, О. И. Шарафутдинова, Д. М. Валеева

Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия

Исследование выполнено в рамках проекта «Разработка роботизированной диалоговой системы для изучения русского языка различными целевыми аудиториями с последующим использованием в действующей системе электронной поддержки изучения русского языка и дистанционного образования на русском» по Соглашению № 09.Y70.25.0165 от 07 декабря 2016 г.

Рассматриваются проблемы обучения арабов и китайцев интонационному аспекту русской речи. В качестве методического принципа предлагается учет особенностей родного языка, оказывающих интерферирующее влияние на изучаемый язык. Описывается специфика интонационной системы китайского языка, сопоставляются типы интонационных конструкций арабского и русского языков. На основе сопоставления интонационных систем и анализа русской речи китайцев и арабов выявляются типичные интонационные ошибки.

Ключевые слова: *интонационная конструкция, русский язык как иностранный, арабский язык, китайский язык, методика обучения РКИ.*

Обучение устной речи — обязательный компонент в курсе изучения любого иностранного языка. Сложности формирования навыков устной речи связаны с необходимостью уделять большое количество времени соответствующим заданиям на учебных занятиях, что далеко не всегда оказывается возможным в существующих условиях преподавания иностранного языка вообще и русского языка в частности. Возможным вариантом оптимизации обучения устной речи является разработка средств индивидуализации обучения, учитывающих не только личностные, но и национальные особенности обучающихся. В этой связи представляется целесообразным выявить возможное влияние родного языка на русскую речь инофонов. В современной лингвистике вопросы интерферирующего влияния родного языка на изучаемый являются весьма актуальными [4; 6; 10; 12; 13; 14]. В рамках данного исследования рассматривается интонационный аспект обучения устной речи. Необходимость обращения к интонационным особенностям китайского и арабского языков обусловлена стремлением выявить различительные характеристики с целью предотвращения возможных ошибок и поиска наиболее эффективных приемов овладения интонацией при обучении русскому языку иностранных учащихся.

Интонацию долгое время не изучали в методике преподавания русского языка как иностранного (РКИ), считая, что главным является овладе-

ние звуко-буквенным составом русского языка. Современный этап развития отечественной лингводидактики характеризуется пониманием того, что формирование грамотной устной речи невозможно без представления об интонационных особенностях русского языка, мелодике речи и без автоматизированного владения интонационными конструкциями.

Основные положения фонетической теории интонации и мелодики звучащей речи находим в работах многих исследователей [2; 3; 9]. Так, например, А. М. Пешковский под интонацией понимает ритм, мелодию речи в их неразрывной связи, тембр [5]. Е. А. Брызгунова считает, что интонация складывается из определенного сочетания движения тона, силы звука, тембра, длительности [2]. Эти акустические характеристики интонации зависят от частоты и амплитуды колебания голосовых связок [2]. В свою очередь, Н. Н. Рогозная понимает интонацию как функционально-семантическую макроединицу высказывания, которая включает частоту основного тона, интенсивность, длительность, тембр и так далее, описывается в терминах акустики и поддается объективному (инструментальному) анализу [6]. Отметим, что в указанном определении учитывается как семантический, так и синтаксический аспекты интонации, представлен метод анализа данной суперсегментной единицы. На наш взгляд, интонация представляет собой комплексную суперсегментную единицу, совокупность

просодических средств, предполагающую изменение высоты тона, тембра и ритма.

Одной из функций интонации в звучащей речи является реализация актуального членения высказывания и выделение определенных единиц фразы, выражение ее смысловых и стилистических оттенков, а также характеристика говорящего и ситуации общения.

В зависимости от изменения движения тона, напряженности и длительности звучания гласных в центре, предцентральной и постцентральной частях различаются типы интонационных конструкций (ИК). Традиционно в русском языке различают 7 ИК [2; 3; 9]. Однако обучение русскому языку как иностранному, опираясь на систему уровней владения языком, предполагает тщательный отбор ИК в зависимости от их коммуникативного и прагматического потенциала. Так, например, элементарный уровень РКИ (А 1) дает учащемуся представление об ИК-1 (повествовательная конструкция, модель: Я иду в университет); ИК-2 (специальный вопрос, модель: Куда ты идешь?); ИК-3 (общий вопрос, модель: Ты идешь в университет?); ИК-4 (неполное вопросительное предложение, модель: А Антон?); ИК-5 (восклицательное высказывание, модель: Какой красивый парк!).

Кроме того, необходимо помнить о соотношении типов интонационных конструкций с другими языковыми явлениями: особенностями синтаксических конструкций, коммуникативными типами предложений. Задача преподавателя состоит в том, чтобы научить иностранных учащихся соотносить указанные явления при выборе ИК для интонационного оформления высказывания при чтении или порождении речи.

Рассмотрим особенности интонационной системы китайского языка и их отражение в русской речи китайцев. Наблюдения, представленные в данном исследовании, сделаны во время учебных занятий с китайцами, изучающими русский язык на элементарном, а затем базовом уровнях РКИ (А 1–А 2). Устная речь фиксировалась с помощью аудиозаписывающей аппаратуры и анализировалась с точки зрения соответствия интонации нормам русского языка.

Несомненно, что при изучении интонации и проведении серии экспериментов необходимо учитывать просодические характеристики, в частности, этнокультурные характеристики личности говорящего. Одной из трудностей при обучении иностранных учащихся является про-

блема синхронизации центральной, предцентральной и постцентральной частей интонационных конструкций, определение и дифференциация просодической информации. Анализ изменений частоты тона, колебаний значений параметров позволит выявить ошибки в речи иностранцев, связанные с неправильной идентификацией центральной, пред- и постцентральной частей интонационной конструкции. Сложность анализа материала зависит от определения временных характеристик при записи, что, в свою очередь, связано с особенностями артикулирования русской речи иностранными учащимися, владеющими русским языком на элементарном уровне. К тому же в потоке речи не даются в явном виде границы между словами. Сегментно обусловленное членение, а также ошибочное членение фонетических слов иностранными учащимися приводит к тому, что автоматизированная система может интерпретировать эту ситуацию как интонационное значимое разграничение (*А в/ футбол? Ты играешь в/ баскетбол?*).

Размещение фразового акцента связано, в первую очередь, с маркировкой фокуса (ремы) высказывания. Например, во фразах *Вы играете в баскетбол?* — *Вы играете в баскетбол?* Фразовый акцент указывает, чего касается вопрос — осуществления события или вида спорта. При этом тип акцента сообщает о цели высказывания, в частности, позволяет отличить вопрос от сообщения: *Вы играете в баскетбол.* Трудность обучения русской интонации связана также со сложностью овладения длинной фразой студентами элементарного уровня. Чаще ударение ставится на первом слове, лексема *баскетбол* произносится без ударения как идентификация знакомого интернационализма.

В китайском языке место фразового ударения четко определено грамматической структурой предложения. Например, в конструкции «подлежащее + сказуемое» ударение падает на сказуемое как в повествовательном, так и вопросительном предложении; в конструкции «подлежащее + сказуемое + дополнение» ударение падает на дополнение. Особенности ударения определяются и частеречной принадлежностью лексем: например, личное местоимение в роли определения обычно бывает слабоударным, а следующее определяемое — сильноударным; определение, образуемое сочетанием числительного и счетного слова, читается без ударения. При этом большую роль играет высота звука, служащая для различения

лексем, в отличие от русского языка, где признак высоты звука практически не используется для дифференциации сегментных единиц.

Коммуникативные типы высказываний в китайском языке могут различаться при помощи лексико-грамматических средств, таких как порядок слов, частицы, вопросительные слова. Указанные элементы играют большую роль при формировании типов высказывания, чем в русском языке. Вопросительные частицы в китайском языке изначально задают говорящему и слушающему коммуникативную установку. Мелодический пик часто находится на вопросительной частице, стоящей в конце фразы в китайском языке.

Рассмотрим особенности интонационной системы арабского языка и их отражение в русской речи арабов. Интонация представляет собой малоизученный вопрос в современной арабистике, о чем свидетельствует небольшое количество работ по данной тематике. Такое положение отчасти объясняется ограниченным использованием литературного языка в бытовой сфере, наличием диалектов арабского языка. Однако большое количество носителей арабского языка, изучающих русский язык, ставит перед лингвистикой и лингводидактикой актуальные вопросы теоретического и практического характера.

В русском и арабском языках роль интонации проявляется по-разному. Функции интонации определяются наличием грамматических средств языка, служащих для различения коммуникативных типов высказывания, например: полифункциональность некоторых местоименных и наречных слов, средства смыслового выделения слова в предложении, средства выражения связей между словами в предложении и т. п. [1]. Сопоставим типы интонационных конструкций в русском и арабском языках (по [1]).

Отличие в звучании арабской ИК-1 заключается в следующем: в русской ИК-1 направление тона в центре варьируется от резко-нисходящего до ровно-нисходящего. В арабской ИК-1 на центре плавное понижение тона в пределах предцентра; направление тона варьируется от восходяще-нисходящего до ровного; уровень постцентра близок к уровню предцентра. В ИК-1 арабского языка длительность гласного наибольшая, а в русском ИК-1 она варьируется. Используется арабская ИК-1 при выражении завершенности высказывания в простых и сложных предложениях, а также в нейтральных ответах. Например:

متى سنذهب الى الجامعة؟
(Когда мы пойдем в университет?)
غداً.
(Завтра)

Своеобразие звучания русской и арабской ИК-2 заключается в следующем: в русской, арабской ИК-2 на гласном центра резкое понижение тона ниже уровня предцентра; в русской ИК-2 постцентр ниже центра и значительно ниже предцентра. В арабской же ИК-2 постцентр ниже центра, но ближе к уровню предцентра, по сравнению с русской ИК-2. Употребляется данная ИК при вопросах с вопросительным словом, а также при выражении волеизъявления или обращения. Например:

أين الكتاب؟ (Где книга?)
— ابراهيم! ابراهيم! أين انت؟
(Ибрагим! Ибрагим! Где ты?)

В русской ИК-3, в отличие от арабской, на гласном центра наблюдается резкое повышение тона выше уровня предцентра; гласный центра ИК-3 в арабском языке произносится с менее резким повышением тона; уровень тона постцентра в русской ИК-3 значительно ниже предцентра, а в арабской — ближе к предцентру. В русском языке интенсивность больше обычно в начале предложения, в том числе и на гласном центра, а длительность гласного центра не превышает длительности других ударных слогов. В арабском же языке интенсивность повышается в центре, а длительность уменьшается.

ИК-3 употребляется при выражении вопроса без вопросительного слова, где составная часть вопроса называет наиболее вероятное неизвестное, в вопросительных предложениях без местоименного слова, при повторе вопроса в ответе, при переспросе в предложениях с местоименными словами и без них, при выражении незавершенности, при усилении смысловой связи одной части сложноподчиненного предложения от другой:

أين زوجي؟ (Где мой муж?)
— سافر، هو سافر. (Он уехал, уехал он.)

Русская ИК-4 отличается большим сходством в звучании — на гласном центра допускается широкое варьирование направления тона (от ровного и восходящего с низкой точки до нисходяще-восходящего). В арабском же языке преобладает восходящее движение тона, начинающееся с низкой точки.

ИК-4 используется в вопросительных предложениях с сопоставительным союзом «а», при вы-

ражении удивления или заинтересованности в форме переспроса, при выражении возражения в ответных предложениях, при выражении незавершенности, внося оттенок официальности, например:

— وابت؟ و غدير؟ (А ты? А Гадир?)
 — أين لينا؟ (Где Лина?)
 — لينا؟ (Лина?)

С точки зрения звучания ИК-5 в русском и арабском языках сильно отличаются: в русской ИК-5 в первом центре резкое повышение тона, во втором — резкое понижение ниже уровня предцентра; уровень тона между центрами выше предцентра. В арабской же ИК-5 гласный первого центра произносится с восходяще-нисходящим направлением тона, в котором преобладает нисходящий участок; низкий уровень тона держится до второго центра; гласный второго центра произносится с восходяще-нисходящим направлением тона, в котором преобладает нисходящий участок; низкий уровень тона держится до второго центра; гласный второго центра произносится с восходяще-нисходящим направлением тона, в котором преобладает восходящий участок; после второго центра тон понижается.

ИК-5 в арабском языке употребляется при выражении высокой степени проявления признака, действия, состояния, может употребляться в предложениях, состоящих из одного многосложного слова с оценочным значением, в предложениях с вопросительными местоименными словами ИК-5 может служить средством выражения нетерпения, при волеизъявлении для выражения побуждения, недовольства и т. п. [1]:

— أية ذاكرة عنده! (Какая память у него!)

— ممتاز! (Прекрасно!)
 — أعطني الكلمة! (Дай мне сказать!)

В арабском языке смысловоразличительные возможности интонации по сравнению с русским языком снижены за счет усиления роли лексико-грамматических средств языка. Это проявляется, например, в ограничении свободы передвижения интонационного центра как средства смыслового выделения слова.

Арабские учащиеся, перенося на русский язык особенности родного языка, недостаточно выразительно произносят вопросительные конструкции, заменяют вопрос повествовательной конструкцией [3]. В арабском языке для выражения вопроса употребляются специальные частицы «ل» и «أ» [11]. Использование лексико-грамматических средств уменьшает роль интонации, имеющей большое значение для различения в русской речи повествовательных (ИК-1) и вопросительных конструкций (ИК-3).

Таким образом, русской речи арабских и китайских учащихся свойственны следующие ошибки: нарушение ритмического рисунка; изменение темпа речи (как правило, медленный темп речи); неправильное или недостаточное выделение центра интонационной конструкции; замена коннотативной окраски фразы; неправильное выделение фонетических слов; увеличение числа ударных слов; избыточная паузация; изменение локализации ударного слога; подмена вопроса повествовательной конструкцией. Систематизация интонационных нарушений и учет влияния интонационного рисунка родной речи должны быть основой создания не только учебных пособий, но и специализированных электронных систем обучения русской фонетике.

Список литературы

1. Белхамити, М. Э. Система интонационных средств и их различительные возможности в русском и арабском языках : дис. ... канд. филол. наук / М. Э. Белхамити. — М., 1985. — 166 с.
2. Брызгунова, Е. А. Практическая фонетика и интонация русского языка : пособие для преподавателей / Е. А. Брызгунова. — М., 1963. — 308 с.
3. Лебедева, Ю. Г. Звуки, ударение, интонация : учеб. пособие по фонетике рус. яз. для иностранцев / Ю. Г. Лебедева. — М., 1986. — 280 с.
4. Панова, Р. С. Фонетическая интерференция в русской речи китайцев / Р. С. Панова // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2009. — № 22. Филология. Искусствоведение. Вып. 33. — С. 231–233.
5. Пешковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. — М., 2001. — 510 с.
6. Рогозная, Н. Н. Билингвизм. Интерязык. Интерференция / Н. Н. Рогозная. — Иркутск, 2012. — 172 с.
7. Рогозная, Н. Н. Семантика интонации и синтаксическая структура предложения в русском и монгольском языках / Н. Н. Рогозная, Ж. Зоригт // Модификация типового учебного комплекса в целях использования его в мононациональной аудитории. — Иркутск, 1989. — С. 19–26.

8. Румянцев, М. К. Синтез китайских тонов / М. К. Румянцев // *Вопр. языкознания*. — 1988. — № 1. — С. 82–93.
9. Светозарова, Н. Д. Интонационная система русского языка / Н. Д. Светозарова. — Л., 1982. — 176 с.
10. Чжао Чжэ. Звуковая интерференция в русском языке под влиянием родного языка в условиях русско-китайских языковых контактов / Чжэ Чжао // *Филол. науки. Вопр. теории и практики*. — 2016. — № 12 (66), ч. 3. — С. 179–184.
11. Шутова, М. Н. Обучение русской речи иностранных студентов: интонационный анализ текста / М. Н. Шутова // *Слово. Предложение. Текст: анализ языковой культуры*. — 2016. — № 12. — С. 1–7.
12. Loveday, L. Y. Communicative Interference: a Framework for Contrastively Analysing L2 Communicative competence Exemplifies with the Linguistic Behavior of Japanese performing in English / L. Y. Loveday. — *IRAL XX/I*, 1982. — P. 24–36.
13. Shafiro, V. The role of native-language phonology in the auditory word identification and visual word recognition of Russian-English bilinguals / V. Shafiro, A. V. Kharkhurin // *Journal of Psycholinguistic Research*. — 2009. — № 2. — С. 93–110.
14. Wade-Woolley, L. First language influences on second language word reading: All roads lead to Rome / L. Wade-Woolley // *Language Learning*. — 1999. — № 49 (3). — С. 447–471.

Сведения об авторах

Березовская Ядвига Леонидовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного, Южно-Уральский государственный университет. Челябинск, Россия. berezovskaia@mail.susu.ru

Шарафутдинова Олеся Ильясовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного, Южно-Уральский государственный университет. Челябинск, Россия. gadkie_lebedi@mail.ru

Валеева Дина Маратовна — руководитель Центра социокультурной адаптации, Южно-Уральский государственный университет. Челябинск, Россия. valeevadm@susu.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2017. No. 12 (408). *Philology Sciences. Iss. 110. Pp. 18–23.*

FEATURES OF THE RUSSIAN INTONATIONAL SYSTEM: COMPARATIVE AND DIDACTIC ASPECTS

Ya. L. Berezovskaya

South-Ural State University, Chelyabinsk, Russia. berezovskaia@mail.susu.ru

O. I. Sharafutdinova

South-Ural State University, Chelyabinsk, Russia. sharafutdinovaoi@susu.ru

D. M. Valeeva

South-Ural State University, Chelyabinsk, Russia. valeevadm@susu.ru

The article is devoted to the problems of teaching Arabs and Chinese to the intonational aspect of Russian speech. During teaching and training speech we have to take into account the peculiarities of the native language because the native language affects to learning language. So there is interfering influence from one language to another. Authors describe the intonational system of Chinese language, compare intonational constructions of Arabic and Russian languages. Based on the comparison of intonational systems and analysis of Russian speech of Arabs and Chinese the typical intonational mistakes are identified. Typical mistakes include the following: rhythmic imbalance, change in the rate of speech (usually slow rate of speech), incorrect or insufficient allocation of the center of the intonation structure, replacing connotative meaning of a phrase, incorrect allocation of phonetic words, increase in the number of stressed words, increase in the number of pauses, change of localization of the stressed syllable, substitution of a question with narrative construction.

Keywords: *intonational construction, Russian as a foreign language, Arabic language, Chinese language, methods of teaching.*

References

1. Belhamiti M.Je. *Sistema intonacionnyh sredstv i ih razlichitel'nye vozmozhnosti v russkom i arabskom jazykah* [The system of intonation means and their distinctive capabilities in Russian and Arabic]. Moscow, 1985. (In Russ.).
2. Bryzgunova E.A. *Prakticheskaja fonetika i intonacija russkogo jazyka* [Practical phonetics and intonation of the Russian language]. Moscow, 1963. 308 p. (In Russ.).
3. Lebedeva Ju.G. *Zvuki, udarenie, intonacija* [Sounds, accent, intonation]. Moscow, 1986. 280 p. (In Russ.).
4. Panova R.S. Foneticheskaja interferencija v russkoj rechi kitajcev [Phonetic Interference in the Russian Speech of the Chinese]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija. Iskusstvovedenie* [Bulletin of Chelyabinsk State University, Philology. History of Art], 2009, no. 22, pp. 231–233. (In Russ.).
5. Peshkovskij A.M. *Russkij sintaksis v nauchnom osveshhenii* [Russian syntax in scientific coverage]. Moscow, 2001. 510 p. (In Russ.).
6. Rogoznaja N.N. *Bilingvizm. Interjazyk. Interferencija* [Bilingualism. Interlanguage. Interference]. Irkutsk, 2012. 172 p. (In Russ.).
7. Rogoznaja N.N., Zorigt Zh. Semantika intonacii i sintaksicheskaja struktura predlozhenija v russkom i mongol'skom jazykah [Semantics of intonation and syntactic structure of sentences in Russian and Mongolian languages]. *Modifikacija tipovogo uchebnogo kompleksa v celjah ispol'zovanija ego v mononacional'noj auditorii* [Modification of a typical educational complex for the purpose of using it in a mono-national audience]. Irkutsk, 1989. Pp. 19–26. (In Russ.).
8. Rumjancev M.K. Sintez kitajskih tonov [Synthesis of Chinese tones]. *Voprosy jazykoznanija* [The Issues of Linguistics], 1988, no. 1, pp. 82–93. (In Russ.).
9. Svetozarova N.D. *Intonacionnaja sistema russkogo jazyka* [The intonation system of the Russian language]. Leningrad, 1982. 176 p. (In Russ.).
10. Chzao Chze. Zvukovaja interferencija v russkom jazyke pod vlijaniem rodnogo jazyka v uslovijah rusko-kitajskih jazykovyh kontaktov [Sound interference in the Russian language under the influence of the native language in the context of Russian-Chinese language contacts]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of theory and practice], 2016, vol. 12, no. 3, pp. 179–184. (In Russ.).
11. Shutova M.N. Obuchenie russkoj rechi inostrannyh studentov: intonacionnyj analiz teksta [Training of the Russian speech of foreign students: intonational analysis of the text]. *Slovo. Predlozhenie. Tekst: analiz jazykovej kul'tury* [Word. Sentence. Text: analysis of language culture], 2016, no. 12, pp. 1–7. (In Russ.).
12. Loveday L.Y. Communicative Interference: a Framework for Contrastively Analysing L 2 *Communicative competence Exemplifies with the Linguistic Behavior of Japanese performing in English*. IRAL XX/I, 1982. Pp. 24–36.
13. Shafiro V. The role of native-language phonology in the auditory word identification and visual word recognition of Russian-English bilinguals. *Journal of Psycholinguistic Research*, 2009, no. 2, pp. 93–110.
14. Wade-Woolley L. First language influences on second language word reading: All roads lead to Rome. *Language Learning*, 1999, no. 49 (3), pp. 447–471.

УДК 81.112
ББК 81.411.2

СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КАТЕГОРИИ СВЯЗНОСТИ: НА МАТЕРИАЛЕ ТЮМЕНСКИХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЛ НАЧАЛА XIX В. (Часть 2. Контакттоустанавливающие, логические и грамматические параметры)

К. Р. Ваганова

ГК «Медэкспорт — Северная звезда», Омск, Россия

В настоящей статье продолжается предпринятое ранее исследование особенностей реализации текстовой категории «связность» в региональных памятниках деловой письменности Западной Сибири в пределах одной канцелярской школы начала XIX в. Рассматриваются контакттоустанавливающие, логические и грамматические средства внутритекстовой связи на данном историческом материале. Делаются выводы о доминировании определенных признаков репрезентации когезии.

Ключевые слова: региональная деловая письменность, следственные дела, розыск, функциональная стилистика, текстовые категории, связность.

В настоящей статье мы вновь обращаемся к лингвистическим средствам реализации текстовой категории *связность*, представленной в памятниках тюменской деловой письменности начала XIX в. Последние были выбраны нами из значительного массива архивных бумаг в качестве источников с ориентацией на три критерия: временной, территориальный и жанрово-стилистический. Комплекс данных параметров позволяет парадигматически проанализировать представленный материал и сделать выводы относительно общности текстового пространства тюменских следственных дел начала XIX в. Возможность подобной генерализации акцентирует внимание исследователя на детальном рассмотрении документов одной канцелярской школы, что иллюстрирует в дальнейшем процесс шаблонизации регионального документооборота в указанный временной период.

Отметим, что в предыдущей статье «Средства репрезентации категории связности: на материале тюменских следственных дел начала XIX в. (Часть 1. Общие вопросы. Лексические параметры)», опубликованной в «Вестнике Челябинского государственного университета», мы рассмотрели теоретико-методологическую базу исследования и сформулировали определение текстовой категории *связность*. Опираясь на комплекс общих и частных принципов анализа, мы проанализировали лексические средства внутритекстовой связи, которые зависят от предмета речи, содержания переписки и обеспечивают его понимание.

Рассматривая следственные дела начала XIX в. как важные источники по изучению ста-

новления системы документооборота в региональных канцеляриях, следует сказать о важных терминологических принципах настоящего исследования. Вслед за С. П. Кушнеруком, мы придерживаемся следующей точки зрения: в лингвистических координатах «неверно говорить о документе при рассмотрении каких-либо лингвистических параметров тех средств, которые предполагает документная коммуникация. При всей сложности и неоднозначности понятие *документ*, оставаясь сложным по сути и неоднозначным по определению, в чистом виде не может быть помещено в контексты лингвистического содержания. Понятие *документа* многоаспектно, его лингвистическая включенность обуславливается в основном тем, что обязательным, принципиальным и классифицирующим компонентом каждого документа является *документный текст*» [выделено нами курсивом. — К. В.] [2. С. 36].

В соответствии с этим документный текст осознается нами основным лингвистическим компонентом документа как сложного коммуникативного элемента специальной деловой коммуникации, которая шаблонизирована законами жанра и стиля. При этом системообразующими параметрами следственных дел начала XIX в. являются взаимное однозначное соответствие «между лингвотипологическими характеристиками текста и регламентированными и/или предметноситуативными обстоятельствами, имеющими правовую, управленческую, исследовательскую, экономическую или иную квалификацию» [2. С. 36].

Далее мы рассмотрим другие формы репрезентации когезии в архивных документных текстах начала XIX в. Итак, ко вторым (контактоустанавливающим) средствам внутритекстовой связи относятся следующие параметры.

– местоимения в качестве союзных слов: «неведома куды отлучившегося июля 11 числа прошила 1806 года изъ дому крестьянина Андрея Колотыгина жены Авдотьи Евдокимовой дочѣри **которыя** приметами» [выделено нами жирным. — К. В.] [ГАТО. Ф. ИЗ. Оп. 1. Д. 49. Л. 82]; «*партіи раздѣлили на двѣ части, изъ **коихъ** одну отправляли на Ишимь*» [выделено нами жирным. — К. В.] [ГАТО. Ф. ИЗ. Оп. 1. Д. 50. Л. 124].

Употребление подобных союзных слов свидетельствует о том, что система придаточных конструкций уже сформировалась в данный исторический период. Ведущей моделью присубстантивно-относительных конструкций в языке начала XIX в. были конструкции с семантически наиболее емким относительным местоимением *который*. Наряду с ним в качестве союзного слова в названных конструкциях продолжает употребляться местоимение *кой*. М. Н. Вьюкова пишет о том, что количественно модели с лексемой *кой* уступают моделям с лексемой *который*: по материалам XVIII в. в целом на 6770 слов с *который* приходится 980 случаев с *кой* [1].

Н. С. Пospelов в разделе «Развитие предложений “одночленной” структуры» коллективной монографии «Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века» отмечает, что в функции союзного слова местоимение *кой* употреблялось во всех формах, кроме формы именительного падежа единственного числа, но преимущественно в формах множественного числа. Различий в сферах употребления у местоимений *кой* и *который* в данный исторический период не наблюдалось: *кой* было стилистически нейтрально [4].

Также следует сказать и о локации данных частей речи в сложноподчиненном предложении. Союзное слово по традиции, установившейся еще в древнерусском языке, ставилось в препозиции придаточной части, следуя сразу же за определяемым словом: *дочѣри **которыя** приметами* [выделено нами жирным. — К. В.] [ГАТО. Ф. ИЗ. Оп. 1. Д. 49. Л. 82]; «*на двѣ части, изъ **коихъ***» [выделено нами жирным — К. В.] [ГАТО. Ф. ИЗ. Оп. 1. Д. 50. Л. 124].

– обращения к адресату, о которых говорилось выше: «Губернское правление по указу приказа-

ли вамъ **Г. правящему в Тюмени должность городничаго послать указъ**» [выделено нами жирным. — К. В.] [ГАТО. Ф. ИЗ. Оп. 1. Д. 72. Л. 404].

Данный пример репрезентирует типичный для тюменских следственных дел начала XIX в. формуляр, в рамках которого номинация адресата могла повторяться в резюмирующей части блока основного содержания. Мы вслед за С. А. Преферансовым придерживаемся той точки зрения, что «строгие правила официального общения обуславливали регламентацию речевого поведения участников коммуникативного процесса — различных по рангу органов власти или должностных лиц — в формулах речевого этикета» [5. С. 40].

Последнее получало лингвистическое выражение «в употреблении формул со значением

– волеизъявления: *тебе повелевается* и др.;

– доклада или сообщения: *в покорности извещаю* и др.;

– отчета: *покорнейше рапортую* и др.;

– уничижительной просьбы: *всеподданнейше прошу, прошу ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, прошу решение учинить милостивою резолюцією и др.*» [5. С. 84].

На наш взгляд, вторичная номинация адресата также относится к формам речевого этикета. Адресант в этом случае характеризуется как нижестоящее лицо (в сравнении с тем, к кому обращается), поэтому он резюмирует некоторое уважение, с одной стороны, и желание соблюсти тон официальной деловой переписки, с другой стороны.

К третьим (логическим) средствам внутритекстовой связи относятся:

– смысловое и/или лексическое единство элементов начального блока и отдельных высказываний в других частях текста следственных дел: «**На указъ** Губернскаго Правленія отъ 29 декабря 1827 г. <...> на исполнение **онаго указа**» [выделено нами жирным. — К. В.] [ГАТО. Ф. ИЗ. Оп. 1. Д. 120. Л. 47]; «Сообщениемъ Пензенское Губернское Правление <...> Губернское Правление *П р и к а з а л и*» [выделено нами жирным. — К. В.] [ГАТО. Ф. ИЗ. Оп. 1. Д. 1016. Л. 3].

Подобное использование лексем, на наш взгляд, является типичным для формуляра тюменских следственных дел начала XIX в. Составители документных текстов фиксировали главную информацию в блоке основного содержания, при этом все части текста были связаны интенциями адресанта/-ов (передать набор смыслов

от одного/-их участника/-ов акта деловой коммуникации до другого/-их). Последнее указывало на необходимость повторяемости содержания в том или ином функционально-стилистическом блоке.

– производные предлоги: *«въследствіи чего рекомендую»* [выделено нами жирным. — К. В.] [ГАТО. Ф. ИЗ. Оп. 1. Д. 120. Л. 26]; *«въслѣдствіе сего Предписать вамъ изъ числа состоящихъ въ Городу Тюмени дести башкирцевъ»* [выделено нами жирным. — К. В.] [ГАТО. Ф. ИЗ. Оп. 1. Д. 50. Л. 351].

В данном производном предлоге субстантивность именного компонента поддерживается наличием при нем того или иного согласованного определяющего слова: приведенные контексты репрезентируют появление относительного местоимения (*чего*) или указательного местоимения (*сего*) в форме родительного падежа единственного числа. Как отмечает Е. Т. Черкасова в коллективной монографии «Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Глагол, наречие, предлоги, союзы», «в XIX веке такие слова встречаются только в составе предложно-именных сочетаний *во время, в продолжение и в течение*, функционирующих в условиях двусторонних синтаксических связей» [3. С. 244].

Лексема *въследствіи/въслѣдствіе* семантизирует некоторую процессуальность действия. До момента речи актуальной оказывается та или иная ситуация, которая в дальнейшем обуславливает появление иного контекста. Семантико-синтаксической скрепой в этом случае оказывается отыменный предлог, столь частотный в текстах следственных дел Западной Сибири начала XIX в. Также обратим внимание на вариативность написания данной номинации: слитное или раздельное написания, корневые буквы *ѣ/е*, конечные гласные *е/и*.

К четвертым (грамматическим) средствам внутритекстовой связи относятся:

– представление информации по пунктам в самом тексте может быть реализовано двумя способами. При первом порядковые числительные пишутся цифрами, при втором — словами. Лингвистический анализ западносибирских следственных дел начала XIX в. позволил нам сделать следующий вывод о наличии некоторой зависимости: так, например, чаще всего розыскные указы *его императорского величества* вербализуют номинации подобного типа. В свою очередь, предписания фиксируют символизацию

данного процесса, при котором составители деловых бумаг прибегают именно к использованию числового обозначения.

Проиллюстрируем данное утверждение примерами из архивных документных текстов:

(1) *«1-е, Увѣдомить производимые по городу данные и ночные разъѣздысь Полицейскими Чиновниками Городовыхъ Козаковъ <...>; 2-е, Раздѣляя всѣхъ командируемыхъ для сего въ Управу козаковъ на четыре отряда, причислатъ къ онымъ по одному жандарму <...>; 3-е, Назначивъ каждому отряду часть города, поставитъ имѣвъ строгую обязанность»* [выделено нами жирным. — К. В.] [ГАТО. Ф. ИЗ. Оп. 1. Д. 120. Л. 26];

(2) *«<...> Первымъ бежавшихъ колодниковъ Тихона Гордѣева, и Василья Робовцова<...>, вторымъ колодниковъ Семиона Кисѣлѣва, Лариосмета Попова, Ивана Истомина, Ананья Куявина, Григорья Коновалова и Ивана Михайловскаго. Третьимъ Козака Лукіяна Димитриева сына Ермолаева <...>. Четвертымъ поселщика Григория Бубщикова, жены его Аграфены бывшаго отставного солдата Якова Иванова, и жены его Кристины <...> Шестымъ колодника Павла Орлова которой примѣтами <...>»* [выделено нами жирным. — К. В.] [ГАТО. Ф. ИЗ. Оп. 1. Д. 72. Л. 296–297].

Интересно, что в некоторых западносибирских розыскных указах начала XIX в. фиксируется представление информации с использованием цифр, что, на наш взгляд, нетипично для соответствующих текстов деловых бумаг:

(1) *«<...> «доносишь ему, что оный доставляемыхъ | къ нему бѣглыхъ ссыльныхъ 4 къ Сентября препрово-| ждали въ Губернское правление 1) два сужденія ихъ | за побѣгы. 2) чтобъ замѣтитъ производившихъ объ | нихъ слѣдствія о не достаткахъ въ тѣхъ дѣлахъ, въ | коихъ не было объ тѣхъ бѣглыхъ ни какихъ выправокъ, | несмотря на то, что оные были недалеки, чрезъ | что и дѣла объ нихъ могли бы объясниться 3) что | Стола нѣкоторые чиновники, производившие объ нихъ слѣ-| дствія, дѣлали сами и рѣшенія дѣламъ симъ | однимъ своимъ лицомъ вопреки законовъ 4, | что изъ числа тѣхъ бѣглыхъ были такіе, кои | бѣжали уже съ мѣстъ ихъ назначеній»* [ГАТО. Ф. ИЗ. Оп. 1. Д. 1016. Л. 33].

– видо-временная соотнесенность в использовании глагольных форм прослеживается, как правило, на протяжении одного блока основного содержания и всего текста документа. При этом

составителями следственных дел выдерживается определенный лексико-морфологический рисунок, каждый раз соответствующий жанрам.

Проиллюстрируем данное утверждение примерами из памятников западносибирской деловой письменности начала XIX в.: «*Господинъ Тайный Совѣтникъ Сенаторъ, Сибирскій Генераль-Губернаторъ и кавалеръ Иванъ Борисовичъ Пестель предложилъ мнѣ <...> ВъСлѣдствіе сего **Предписать** вамъ изъ числа состоящихъ въ Городу Тюмени десяти башкирцевъ, четырехъ **отослать** въ помощь находящимся въ Лучининой деревнѣ, а шесть **препроводить** въ тюменской нижній земской судъ, для размешенія. <...> О именахъ и прозваніяхъ коихъ **доставить** списокъ ко мнѣ*» [выделено нами жирным. — К. В.] [ГАТО. Ф. Из. Оп. 1. Д. 50. Л. 351].

Первое предложение фиксирует употребление глагольной номинации *предложилъ* в форме прошедшего времени, которая напрямую соотносится со сложным объектом *Господинъ Тайный Совѣтникъ Сенаторъ*. В тексте речь идет о последнем как об активизаторе определенных действий, обращенных в свою очередь к Тобольскому Гражданскому Губернатору. Последний участник такой антинормативной ситуации выступает в роли основного субъекта.

Указание на временные границы происходящего события позволяет сделать вывод о том, что возможность реализации данного процесса, описанного в представленном контексте, вполне очевидна и предполагает реализацию некоторого ответного действия. Последнее носит обязательный характер экспликации в силу императивной направленности текстов деловой письменности. Отсюда — употребление сложной формы будущего времени, выраженной с помощью составного глагольного сказуемого: *предписать отослать, предписать препроводить*.

Первичной лексемой в представленной видо-временной паре каждый раз оказывается номинация, эксплицирующая **прошедшее перфектное** время. Действие относится «к прошлому (в этом проявляется категориальное значение формы прошедшего времени), а его результат связан с перспективой настоящего» [6. С. 633]. *Будущее сложное* реализует свое категориальное значение в представленном предложении в прямом значении. Безусловно, контекст императивности также имеет место в контекстах *предписать отослать, предписать препроводить*. Это объясняется тем, что составители следственных дел реализовыва-

ли в текстах деловой письменности нацеленность на результат разрешения той или иной антинормативной ситуации.

Отметим, что иногда значение пролонгированности действия реализуется через простые формы будущего, которые обычно обозначают «конкретное единичное действие в будущем» [6. С. 632]. Предикат *доставить* в форме инфинитива напрямую реализует данный семантический потенциал. Подчеркнем, что жанрово-стилистические особенности анализируемых источников начала XIX в. предполагают своевременную экспликацию той или иной модальности императивности, которая была представлена в конечном блоке такого документного текста.

Отметим, что представленные примеры из текстов тюменских следственных дел начала XIX в. иллюстрируют явления *локальной* и *глобальной* связности. Л. М. Яхиббаева отмечает, что под первой понимают «связность линейных последовательностей (высказываний, межфразовых единств)», а «*глобальная связность* — это то, что обеспечивает единство текста как смыслового целого, его внутреннюю целостность» [выделено нами курсивом. — К. В.] [7. С. 213]. Локальная связность репрезентируется в письменных источниках различными межфразовыми синтаксическими связями (например, вводно-модальными и местоименными словами, видо-временными формами глаголов, лексическими повторами, порядком слов, союзами и др.). Так, те или иные повторы различных частей речи, наименований адресантов/адресатов есть в тюменских следственных делах начала XIX в.

В свою очередь, глобальная связность (а она приводит к содержательной целостности текста) реализуется через ключевые слова, тематически и концептуально объединяющие текст в целом или его фрагменты. Примерами данного типа связности оказываются видо-временная соотнесенность в использовании глагольных форм, повторы лексем/синонимичных конструкций в различных частях текстового пространства тюменских следственных дел начала XIX в.

Итак, явление повторной номинации, которое наблюдается в текстах тюменских следственных дел начала XIX в., широко распространено в официально-деловой речи. В подобных стандартизированных документных текстах его можно наблюдать как на уровне отдельных реквизитов, так и в основном тексте источника. Это говорит, с одной стороны, о желании составителей разрешить

положительным образом описываемую ситуацию, с другой – о наличии лексико-грамматического и жанрово-стилистического шаблона, характерного для конкретной исторической эпохи.

Подведем окончательные итоги. Текстовая категория *связность* репрезентируется в тюменских следственных делах начала XIX в. с помощью лексических, контактоустанавливающих, логических и грамматических форм. Все проанализированные варианты экспликации когезии в документных текстах начала XIX в., безусловно, связаны с жанрово-стилистической характеристикой исследуемых архивных бумаг. При этом наиболее полно представлены именно параметры лексического уровня в силу их доминирования в

общей структуре делового языка в данный исторический период.

Перспективность подобного анализа заключается в расширении материалов исследования и привлечении источников других регионов Западной и Восточной Сибири, чтобы сделать выводы об общих принципах репрезентации текстового пространства в рамках определенной функционально-стилистической парадигмы. Считаем важным обращение к документам разных временных срезов, например, 1780–1840-х гг. Такой подход позволяет сделать более масштабные выводы о формировании языка деловой письменности на территории Сибири и его связи с русским литературным языком.

Список литературы

1. Вьюкова, М. Н. Относительные предложения с союзными словами «кой», «какой» и др. в русском литературном языке XVIII века / М. Н. Вьюкова // Ученые зап. Томс. гос. пед. ун-та. — 1958. — Т. XVII. — С. 158–175.
2. Кушнерук, С. П. Содержание термина «документный текст» (к внутрилингвистической нейтрализации документных различий) / С. П. Кушнерук // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. — 2008. — № 3. — С. 36–42.
3. Определе́ние о сыску дочѣри Авдотьи Евдокимовой от генваря 7 дня 1808 года // Государственный архив Тюменской области (ГАТО). — Ф. ИЗ «Городская полиция, г. Тюмень». Оп. 1. Д. 49. Л. 82.
4. Ответъ Господину тюмѣнскому городничему о партияхъ колодниковъ апреля 1807 года // Государственный архив Тюменской области (ГАТО). — Ф. ИЗ «Городская полиция, г. Тюмень». Оп. 1. Д. 50. Л. 124.
5. Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в.: Глагол, наречие, предлоги, союзы / под. ред. В. В. Виноградова, Н. Ю. Шведовой. — М., 1964. — 320 с.
6. Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в.: Изменения в строе сложноподчиненного предложения / под. ред. В. В. Виноградова, Н. Ю. Шведовой. — М., 1964. — 264 с.
7. Письмо Тюменскому Господину Городничему объ отсылке башкирцевъ, в помощь находящейся над станцияхъ колодничьяго тракту от «2» Ноября 1807 года // Государственный архив Тюменской области (ГАТО). — Ф.ИЗ «Городская полиция, г. Тюмень». Оп. 1. Д. 50. Л. 351.
8. Преферансов, С. А. Отражение общерусских норм и местных особенностей составления документов в региональной письменности XVIII в. (на материале архивного фонда Царицынского городского магистрата) / С. А. Преферансов // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер. Рус. филология. — М., 2011. — № 4. — С. 82–87.
9. Русская грамматика / под ред. Н. Ю. Шведовой. — М., 1980. — Т. 1. — 792 с.
10. Списокъ с предписанія, данного Тобольским Гражданским Губернатором Тобольской Общей Полицейской Управѣ от 6 сентября 1827-го года Н 3884 // Государственный архив Тюменской области (ГАТО). — Ф. ИЗ «Городская полиция, г. Тюмень». Оп. 1. Д. 120. Л. 26.
11. Требованіе Тюменскому Городничему о разъяснении причин отсутствия исполнительнаго рапорта о сыску крестьян помещицы Лымошиной Янины Эвлева и Федора Кирьянова от Генваря 16 числа 1828 года // Государственный архив Тюменской области (ГАТО). — Ф. ИЗ «Городская полиция, г. Тюмень». Оп. 1. Д. 120. Л. 47.
12. Указъ его Императорскаго величества самодержца всероссийскаго из Тобольскаго губернскаго Правленія Тюменскому Г-ну городничему о осыску и поимкѣ разныхъ лицъ от мая 1814 года // Государственный архив Тюменской области (ГАТО). — Ф. ИЗ «Городская полиция, г. Тюмень». Оп. 1. Д. 72. Л. 296–297.

13. Указь его Императорскаго величества самодержца всероссийскаго из Тобольскаго губернскаго Правления о розыскании местопребывания жены бывшаго заседателя Фефилова от сентября «11» дня 1814 года // Государственный архив Тюменской области (ГАТО). — Ф. ИЗ «Городская полиция, г. Тюмень». Оп. 1. Д. 72. Л. 404.

14. Указь Его Императорскаго величества самодержца Всероссийскаго из Тобольскаго губернскаго правления от ноября 26 числа 1823 года №1028 // Государственный архив Тюменской области (ГАТО). — Ф. ИЗ «Городская полиция, г. Тюмень». Оп. 1. Д. 1016. Л. 33.

15. Указь его Императорскаго величества самодержца всероссийскаго из Тобольскаго губернскаго Правления об отыскании Канцелярши Ольги Бурцовой от Ноября 31 дня 1823 года // Государственный архив Тюменской области (ГАТО). Ф. ИЗ «Городская полиция, г. Тюмень». Оп. 1. Д. 1016. Л. 3.

16. Яхиббаева, Л. М. Категории цельности / целостности и связности как основные признаки текста / Л. М. Яхиббаева // Лингвокультурология : науч. журн. — 2008. — № 2. — С. 209–214.

Сведения об авторе

Ваганова Ксения Ринатовна — кандидат филологических наук, начальник административной службы, ГК «Медэкспорт — Северная звезда». Омск, Россия. ksenia.vaganowa@yandex.ru.

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2017. No. 12 (408). *Philology Sciences. Iss. 110. Pp. 24–30.*

THE MEANS OF REPRESENTATION CATEGORIES OF CONNECTIVITY: ON THE MATERIAL OF THE TYUMEN INVESTIGATION FILES IN THE BEGINNING OF THE XIX CENTURY (Part 2. Phatic, logical and grammatical characteristics)

K. R. Vaganova

Group of companies "Medexport - North Star", Omsk, Russia. ksenia.vaganowa@yandex.ru

This article continues an earlier study of peculiarities in the text category of «connectivity» in the regional business literary texts of Western Siberia within the same chancellery school in the beginning of the XIX-th century. Phatic, logical and grammatical means of intratextual connection are considered to this historical material. Conclusions are made about the dominance of certain signs of cohesion's representations. The phenomenon of re-nomination, which is observed in the texts of the Tyumen investigations of the early nineteenth century, is widely distributed in the official language. All the analyzed variants of the explication bond of cohesion in the texts of the early nineteenth century are certainly related to the genre and stylistic characteristics of the studied archival papers.

Keywords: *regional business texts, investigation cases, investigation, functional stylistics, textual categories, connectivity.*

References

1. V'jukova M.N. Otnositel'nye predlozhenija s sojuznymi slovami «koj», «kakoj» i dr. v russkom literaturnom jazyke XVIII veka [Relative sentences with the conjunction words «which», «what», etc. in the Russian literary language of the XVIII-th century]. *Uchjonye zapiski Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Proceedings of the Tomsk state pedagogical University]. Tomsk, 1958. Pp. 158–175. (In Russ.).
2. Kushneruk S.P. Soderzhanie termina «dokumentnyj tekst» (k vnutringvisticheskoj nejtralizacii dokumentnyh razlichij) [The term «document text» (to intralinguistic neutralization of document differences)]. *Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [News of the Volgograd state pedagogical University], 2008, vol. 3, pp. 36–42. (In Russ.).
3. Opredelenie o sysku docheri Avdot'i Evdokimovoj ot genvarja 7 dnja 1808 goda [Identification of the investigation of the daughter of Avdotya Evdokimova from the genealogy of the 7th day of 1808]. *Gosudarstvenny jarhiv Tjumenskoj oblasti (GATO)* [State Archives of the Tyumen Region], fond I3, reg. 1, file 49, sh. 82. (In Russ.).

4. Otvet Gospodinu tjuměnskomu gorodnichemu o partijah kolodnikov aprelja 1807 goda [Reply to Mr. Tyumen governor about the parties of the April 1807 pits]. *Gosudarstvennyj arhiv Tjumenskoj oblasti (GATO)* [State Archives of the Tyumen Region], fond I3, reg. 1, file 50, sh. 124. (In Russ.).
5. *Očerki po istoričeskoj grammatike russkogo literaturnogo jazyka XIX v.: Glagol, narečie, predlogi, sojuzy* [Essays on the historical grammar of the Russian literary language of the nineteenth century: Verb, adverb, prepositions, conjunctions]. Moscow, 1964. 320 p. (In Russ.).
6. *Očerki po istoričeskoj grammatike russkogo literaturnogo jazyka XIX v.: Izmenenija v stroe slozhnopodčinjonogo predložhenija* [Essays on the historical grammar of the Russian literary language of the nineteenth century: changes in the structure of complex sentences]. Moscow, 1964. 264 p. (In Russ.).
7. Pis'mo Tjumenskomu Gospodinu Gorodnichemu ob otsylke Bashkircov, v pomoshh' nahodjashhejsja nad stancijah kolodnich'jago traktu ot «2» Nojabrja 1807 goda [Reply to Mr. Tyumen governor about the parties of the April 1807 pits]. *Gosudarstvennyj arhiv Tjumenskoj oblasti (GATO)* [State Archives of the Tyumen Region], fond I3, reg. 1, file 50, sh. 351. (In Russ.).
8. Preferansov S.A. Otrazhenie obshherusskikh norm I mestnyh osobennostej sostavlenija dokumentov v regional'noj pis'mennosti XVIII v. (na material arhivnogo fonda Caricynskogo gorodovogo magistrata) [The reflection of the all-Russian standards and specific characteristics of local papers in regional literature of the eighteenth century (on the archival Fund of Tsaritsyn town Council)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija «Russkaja filologija»* [Bulletin of Moscow state regional University. Series of «Russian Philology»], 2011, vol. 4, pp. 82–87. (In Russ.).
9. *Russkaja grammatika v 2 t. T. 1* [The Russian grammar in 2 vol. Vol. 1]. Moscow, 1980. 792 p. (In Russ.).
10. Spisok s predpisanija, dannogo Tobol'skim Grazhdanskim Gubernatorom Tobol'skoj Obshej Policejskoj Upravľ ot 6 sentjabrja 1827-go goda № 3884 [List with the order given by the Tobolsk Civil Governor of the Tobolsk General Police Administration dated September 6, 1827, No. 3884]. *Gosudarstvennyj arhiv Tjumenskoj oblasti (GATO)* [State Archives of the Tyumen Region], fond I3, reg. 1, file 120, sh. 26. (In Russ.).
11. Trebovanie Tjumenskomu Gorodnichemu o razjasnenii prichin otsutstvija ispolnitel'nago raporta o sysku krest'jan pomeshhicy Lymoshinoj Janiny Jevlevai Fedora Kir'janova ot Genvarja 16 chisla 1828 goda [Demanding Tyumen Gorodnich to explain the reasons for the absence of an executive report to the peasants of the peasants Lymoshina Yanina Evlev and Fedor Kiryanov from Genvar on the 16th day of 1828]. *Gosudarstvennyj arhiv Tjumenskoj oblasti (GATO)* [State Archives of the Tyumen Region], fond I3, reg. 1, file 120, sh. 47. (In Russ.).
12. *Ukaz ego Imperatorskago veličestva samoderzhca vserossijskago iz Tobol'skago gubernskago Pravelenija Tjumenskomu G-nu gorodnichemu o osysku i poimkě raznyh lic ot majja 1814 goda* [The decree of his Imperial Majesty the autocrat of the All-Russian from the Tobolsk-Gubernia Board of Tyumen to Mr. Gubernator about the scam and capture of different faces of the 1814]. *Gosudarstvennyj arhiv Tjumenskoj oblasti (GATO)* [State Archives of the Tyumen Region], fond I3, Reg. 1, file 72, sh. 296–297. (In Russ.).
13. *Ukaz ego Imperatorskago veličestva samoderzhca vserossijskago iz Tobol'skago gubernskago Pravelenija o rozyskanii mestoprebyvanii zheny byvshago zasedatel'sja Fefilova ot sentjabrja “11” dnja 1814 goda* [The decree of his Imperial Majesty the autocrat of the All-Russian from the Tobolsk Gubernia Board about the search for the whereabouts of his wife, formerly sitting Fefilov from September “11” of 1814]. *Gosudarstvennyj arhiv Tjumenskoj oblasti (GATO)* [State Archives of the Tyumen Region], fond I3, reg. 1, file 72, sh. 404. (In Russ.).
14. *Ukaz Ego Imperatorskago veličestva samoderzhca Vserossijskago iz Tobol'skago gubernskago pravelenija ot nojabrja 26 chisla 1823 goda № 1028* [The decree of His Imperial Majesty the autocrat of the All-Russian from Tobolsk provincial government from November 26, 1823 No. 1028]. *Gosudarstvennyj arhiv Tjumenskoj oblasti (GATO)* [State Archives of the Tyumen Region], fond I3, reg. 1, file 1016, sh. 33. (In Russ.).
15. *Ukaz ego Imperatorskago veličestva samoderzhca vserossijskago iz Tobol'skago gubernskago Pravelenija ob otyskanii Kanceljarshi Ol'gi Burcovoju ot Nojabrja 31 dnja 1823 goda* [The decree of his Imperial Majesty the autocrat of the All-Russian from the Tobolsk provincial Board about the search of the Bureaucrat Olga Burtzova from November 31st, 1823]. *Gosudarstvennyj arhiv Tjumenskoj oblasti (GATO)* [State Archives of the Tyumen Region], fond I3, reg. 1, file 1016, sh. 3. (In Russ.).
16. Jahibbaeva L.M. Kategorii cel'nosti / celostnosti i svjaznosti kak osnovnye priznaki teksta [Category integrity / integrity and connectivity as the main features of the text]. *Lingvokul'turologija* [Cultural linguistics], 2008, vol. 2, pp. 209–214. (In Russ.).

УДК 81

О СТЕПЕНИ АРХАИЗАЦИИ ЯЗЫКА ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ (на примере языка романа А. К. Толстого «Князь Серебряный»)

Г. К. Валеев

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

В статье на основе анализа языка автора и героев исторического романа А. К. Толстого «Князь Серебряный» дана оценка степени архаизации языка произведения и соответствия языка романа состоянию русского разговорного и литературного языков в Московском государстве в XVI в.

Ключевые слова: язык романа А. К. Толстого «Князь Серебряный», диалектная речь, типы разговорного языка и литературного языков.

После вековой разобщенности языкознание и литературоведение на рубеже тысячелетий стали координировать объекты — методы — инструментарий своих исследований в русле современного общенаучного тренда междисциплинарных разысканий. На новом витке развития гуманитарных наук в филологии возродилась античная традиция обращения к триединству: автор — язык — текст, и среди базовых университетских дисциплин возродился курс «Основы филологии». Сложившаяся ситуация стала катализатором интердисциплинарных лингвокультурологических, коммуникативных, дискурсивных исследований.

В этих условиях язык художественного произведения оказался на острие филологических разысканий. Традиционно, как писал В. В. Виноградов, «в русских лингвистических работах начала XX века язык художественной литературы, язык литературного произведения, разбитый на грамматико-морфологические или на лексикологические осколки, распределялся по общим категориям и разрядам грамматики и лексики литературного языка или даже по рубрикам условной народно-диалектологической классификационной схемы» [3. С. 8]. Однако такое препарирование художественного текста, особенно характерное для лингвистов-структуралистов, вело к обесцениванию, деэстетизации поэтического слова. Говоря о стиле Ф. М. Достоевского, И. Бродский заметил: «Для того чтобы исследовать бесконечность, будь то бесконечность религиозная или бесконечность человеческой души, нет орудия более дальноточного, нежели его в высшей степени флективный, со спиральными витками синтаксиса, родной язык» [2].

В начале XX в. лингвисты, развивая мысль В. Гумбольдта, считавшего, что язык является вместительным духа нации, также пришли к сходным выводам. По строгой версии гипотезы относительной негативности Сепира-Уорфа, этот вывод звучит так: язык определяет мышление, следовательно, определяет и когнитивные категории. Сказано категорично, но суть явления передается обнаженно. Н. А. Бердяев в своей книге о философе К. Н. Леонтьеве передает его показательное суждение о языке: «Язык, или, общее сказать, по-старинному *стиль*, есть вещь внешняя, но эта внешняя вещь в литературе то же, что *лицо* и манеры в человеке: она — *самое видное*, наружное выражение *самой внутренней*, сокровенной жизни духа» [1].

Возросший в последнее время интерес к языку художественных произведений объясняется тем, что лингвиста, как и литературоведа, стал интересовать текст и особенно язык, из которого соткан этот текст. Язык исторического произведения интересен современному филологу тем, что в историческом тексте он выступает в тройкой ипостаси: в качестве живой речи героев (своими лексико-семантическими архаизмами), как литературная форма текста и как произведение искусства. Исследователи как бы заново открывают для себя язык исторических романов И. И. Лажечникова, В. Я. Шишкова «Емельян Пугачев», А. П. Чаплыгина «Разин Степан», С. П. Злобина «Степан Разин», Ю. Н. Тынянова и других авторов. Особый интерес в этом ряду вызывает язык романа «Петр Первый» А. Н. Толстого, о котором В. В. Виноградов высказался как о лучшем представлении русского языка XVIII в. в художественном тексте.

Вероятно, точно так же можно сказать о языке романа «Князь Серебряный» А. К. Толстого как о лучшей репрезентации русского языка XVI в. в литературном произведении. А. К. Толстой был весьма щепетилен в своем отношении к историческим фактам. В письме к поэтессе К. К. Павловой (12.01.1865) он признается: «Я придерживаюсь истории, как только могу», а в «Предисловии» к роману о своем разрешении дилеммы исторического факта и авторского вымысла в тексте художественного произведения говорит: «<...> чем вольнее обращался со второстепенными историческими происшествиями, тем строже старался соблюдать истину и точность в описании характеров и всего, что касается народного быта и до археологии». По мнению Г. О. Винокура, «исследуя язык писателя или отдельного его произведения с целью выяснить, что представляет собой этот язык в отношении к господствующему языковому идеалу, характер его совпадений и несовпадений с общими нормами языкового вкуса, мы тем самым вступаем уже на мост, ведущий от языка как чего-то внеличного, общего, надиндивидуального, к самой личности пишущего... Нам известен, положим, общий жизненный уклад Пушкина, внешние приметы его личности, история его личной жизни как известной совокупности переживаний и поступков. Одним из таких поступков Пушкина является и его язык» [5. С. 238]. Сказано метко: язык как поступок.

А. К. Толстой как автор исторического художественного произведения должен был совершить главный поступок — выбрать язык произведения.

Роман «Князь Серебряный», как древнерусская летопись, начинается точной датировкой: «Лета от сотворения мира 7073, или по нынешнему числению 1565 года, в жаркий день, 23 июня...».

XVI в. в русской истории характеризуется сложной языковой ситуацией.

Во-первых, основная народная масса Московской Руси, молодого государства, до конца еще не освободившегося от татарских набегов, конечно, говорила на разговорном языке с сочными диалектными особенностями. Бытовой язык социальной верхушки, составлявшей небольшой слой населения, надо думать, мало чем отличался от простонародного языка.

Во-вторых, культурный пласт древнерусского общества XVI в. был представлен духовенством, считавшим образцом церковнославянский язык, который был представлен в разговоре не только клира, богомольцев, калек переходящих, но и все-

го крестьянства и социальной верхушки библейскими сентенциями, сакральными устойчивыми сочетаниями, паремиями, целыми евангелическими, патристическими сюжетами, текстами молитв.

В-третьих, древнерусский литературный язык того времени, по известной теории В. В. Виноградова, был разобщен и состоял из двух разновидностей или типов. Книжно-славянский тип литературного языка тяготел к церковнославянской традиции, которую считал своей кодифицированной нормой.

В-четвертых, народно-разговорный тип литературного языка формировался посредством отталкивания от разговорного бытового языка и церковно-славянского языка. При этом, по Б. А. Успенскому, эти языки (а не разновидности) находились по отношению друг к другу в диглоссийной (несмешивающейся) оппозиции.

В-пятых, в формировании народно-разговорного типа литературного языка решающая роль принадлежит языку деловой письменности. Московский говор, легший в основу канцелярского языка государевых приказов, в силу своего срединного положения среди русских наречий, как отмечают диалектологи, не имел ярких лексикоморфологических особенностей, которые могли бы вызвать культурное отторжение царских указов в недавно присоединенных к Москве удельных княжествах. А. К. Толстой в романе четко отразил грамматические изменения, прошедшие в русском языке. В московских документах XVI в. уже исчезло двойственное число: *две коровы, три села*, вм. *две корове, две селе*; установились новые падежные флексии: *города, леса* вм. *городи, леси*; *к ноге, мухи* вм. *к нозе, муси*; *меня, тебя* вм. *мене, тебе*; исчезли, как и в языке романа, имперфект и аорист и так далее. Однако до конца XVIII в. в юридических документах Москвы сохраняются сложные формы: давнопрошедшее время, будущее сложное второе, конструкция *inf + именит.* падеж жен. рода, инфинитивные предложения. Это хорошо представлено в языке «Судебника» 1550 г. Ивана Грозного: «*а детей боярских судити наместником*», «*да имати пошла по списку*», «*да велети им подъячим, безсудные давати, и сроки отписывати*» [13], в посланиях и духовной грамоте самого Ивана Васильевича: «*а он был уже от того отошел*», «*кто учнет на люди глядя жити*».

В языке романа оставлены лишь терминологические и фразеологизированные сочетания: *на-*

чальные люди, думный дьяк государев, земские бояре, дети боярские, кусательные слова, на кого ты просишь, становись к ответу, выдано головою, кладу голову порукой, великий государь жа- лует, к нему теперь не мыслят, зачинать поле и другие. Они, особенно в контексте событий, сохраняют исторический колорит эпохи, но не препятствуют пониманию текста.

Единственный значительный фрагмент приказного языка в романе представлен в обвинительной речи думного дьяка государева бывшему боярину Дружине: *«Ты хвалился замутишь государство, призвать крымского хана и литовского короля Жигимонта и многие другие беды и тесноты на Руси учинить. Ты дерзнул злыми, кусательными словами поносить самого государя, царя и великого князя всея Руси, и добрых слуг его на непокорство подымать, Заслужил ты себе истязания паче смерти...»* [Гл. 35].

Как видим, автор убрал все сложные московские синтаксические конструкции, а императивные инфинитивные сочетания заменил на двусоставные предложения с составным глагольным сказуемым.

Применение архаичных средств языка в тексте художественного произведения имеет две стороны: первая — стилизация языка с целью приближения его к языку изображаемой эпохи (особенно в речи героев), вторая — сохранение понятности и доступности языка произведения читателю. В. В. Виноградов писал: «Язык литературно-художественного произведения рассчитан на восприятие, понимание и оценку его в аспекте общенародного, общенационального языка. Правда, в художественном произведении, особенно там, где это оправдано идейным замыслом писателя, жанром произведения (ср., например, прием стилизации языка эпохи в историческом романе) и его композицией, может быть мобилизован “архивный фонд” старинной речи, применен элемент классовых, социально-групповых жаргонов и народно-областных говоров, в качестве иллюстрации использован документальный стиль исторических и литературных памятников. Но язык подлинно художественного произведения не может далеко отступать от основ общенародного языка, иначе он перестанет быть общепонятным (относительно свободные отходы от общенациональной языковой нормы возможны для художественного произведения лишь в области лексики)» [4. С. 12].

Действительно, словарный состав художественного произведения оказывается наиболее

«уязвимым», легко доступным и показательным для изучения стилистической окрашенности языка исторического романа. В этом плане язык романа «Князь Серебряный» не является исключением. Надо заметить, что обычно исследуются лексические историзмы и архаизмы в составе знаменательных слов, чаще в именах, редко в глагольных словах и наречиях. Ввиду многочисленности и достаточной убедительности подобных работ устаревшую лексику романа мы не рассматриваем. В качестве показательного примера приведем лишь выводы по одной из последних подобных работ. О. Е. Вороничев и Н. А. Шестакова установили, что «историческая лексика в романе “Князь Серебряный” используется А. К. Толстым преимущественно в авторской речи — в эпизодах, связанных с описанием царского окружения... Архаичная лексика используется А. К. Толстым преимущественно при создании речевых портретов героев романа» [6. С. 43–44]. Архаичные фонетические и грамматические элементы изучены не столь подробно, но они также не являются объектом нашего исследования.

Памятуя известное изречение, «язык хранится в словаре, а реализуется в речи», обратимся к выделенным нами языковым пластам. Здесь, как при изучении языка любого произведения, необходимо четко отделять авторское повествование и язык персонажей и рассмотреть, насколько и как представлены выделенные нами языковые группы в языке исторического романа XVI в.

Первая диалектная группа представлена в языке богатыря-увальня Митьки «с-под Коломны». Только в его речи автор использует яркие фонетические приметы акающего говора: *«Нявесту взяли! — отвечал парень нехотя и протяжно», ня назовешь, тяерь, сядой, чаво, нябось не выроню, крепчае* и так далее. «Усиление аканья в разговорном языке Московского государства в XVI в., — пишет И. В. Устинов, — можно связать с политикой Ивана Грозного, который стягивал к Москве служилых людей из различных окраинных областей, в частности и из южнорусских, характерной чертой которых было аканье. Несомненно, что в это время приходят представители курско-орловских говоров» [14. С. 75]. Сильное яканье с протяжным проговариванием первого ударного слова характерно и для южных районов Московской области, куда входит и Коломна, что верно отмечено автором романа. Обращает на себя внимание форма сравнительной степени прилагательного на заднеязычный *к* — *крепчае*,

которую два века спустя М. В. Ломоносов предлагал в качестве нормы для всех прилагательных, напр.: *Пари сильняе стрел*. Но здесь интуиция подвела именитого ученого, эта форма в русском речи не прижилась. В языке «Переписки князя А. М. Курбского с царем Иоанном Грозным» И. В. Устинов отмечает элементы аканья: *апостали, горька*, хотя полагает, что его язык еще оставался окающим: *оброзы, Афонасію* [14]. В романе Иван Грозный в качестве нравственного антипода боярина Серебряного является вторым главным героем, его речь изобилует просторечием, переходящим при разговоре с мнимыми скоморохами в народно-поэтическую речь. Однако А. К. Толстой для характеристики языка Грозного не использует никаких ярких акающих или окающих элементов, ср.:

— *И вы дали себя перевязать и пересечь, как бабы! Что за оторопь на вас напала? Руки у вас отсохли аль душа ушла в пяты? Право, смеху достойно! И что это за боярин средь бела дня напал на опричников? Быть того не может. Пожалуй, и хотели б они извести опричнину, да жжется! И меня, пожалуй, съели б, да зуб неймет! Слушай, коли хочешь, чтоб я взял тебе веру, назови того боярина, не то повинися во лжи своей. А не назовешь и не повинишься, несдобровать тебе, детинушка!* [Гл. 9].

— *Здравствуйте, слепые, муромские калашники, вертячие бобы!* — *сказал царь* [Гл. 21].

Второй тип языка — славянизированный, близкий к церковнославянскому, представлен в речи мнимых скоморохов, Перстня и Коршуна:

— *Заступи, спаси и помилуй тя мати божия, что жалеешь ты нас, скудных, убогих людей, по земле ходящих, по воды бродящих, света божия не видящих!* [Гл. 21].

Следующие два типа, касающиеся разновидностей древнерусского литературного языка, мы рассмотрим на примере языка Ивана Грозного, речь которого представлена в романе больше других и в диалогической, и в монологической форме. Грозный, плодовитый писатель и, по словам хронистов, блестящий оратор великолепно владел книжно-славянским языком. Вот его обращение к опричникам с лицемерной речью:

— *Не для того поставил я на Руси опричнину, чтобы слуги мои побивали людей безвинных. Поставлены они, аки добрые псы, боронить от пыхающих волков овцы моя, дабы мог сказать я на Страшном суде божием по пророческому словеси: се аз и дети, яже дал ми бог! Другие...*

а не ведают того, что, проливая кровь, я заливаюсь слезами! ...слезы бесцветно падают мне на душу, но словно смола горячая проедают, прожигают ее насквозь по вся дни! (И царь при этих словах поднял взор свой кверху с видом глубокой горести.) Яко же древле Рахиль, — продолжал он (и глаза его закатились под самый лоб), — яко же древле Рахиль, плачуще о детях своих, так я, многогрешный, плачу о моих озорниках и злодеях [Гл. 9].

Два фрагмента речи царя, мастерски данные А. К. Толстым, весьма показательны с точки зрения формирования русского литературного языка XVI в. С расширением круга образованных в духе времени людей, вышедших из городского посада, с формированием после изгнания татар своей административной системы в лице приказного управления, начинается сближение двух (книжно-славянской и народно-разговорной) разновидностей литературного языка (по Б. А. Успенскому — разрушение диглоссийной ситуации). В романе это отлично показано на примере языка Ивана Грозного, когда царь легко переходит с одной разновидности языка на другую.

Более того, «Грозный стремился писать на самом великолепном, торжественном книжном языке... Но, стремясь писать на старославянском языке, он время от времени калькирует русскую речь. Иногда в порыве сильных чувств, чаще всего негодования и гнева, он сбивается со старославянского языка на самое обычное просторечие XVI в.». Б. А. Ларин приводит пример из «Переписки» Грозного с Андреем Курбским: *И еже воеводъ своихъ различными смертми расторгали еси, — а божию помощию имеемъ у себя множество и опричь васъ, изменниковъ. А жаловати есмя свихъ холопей вольны, а и казнити вольны же есмя*. Б. А. Ларин продолжает: «Глагол *расторгали* — “рвали на куски, четвертовали” в старославянской письменности не употребляется, автор его сочинил. Сюда же вторглись нестарославянские слова *опричь* и *холопей* (если бы он писал по-старославянски, то здесь было бы *рабовъ*)» [8. С. 252–253].

В. В. Колесов увидел, что «в XVI в. синтагмы [словосочетания в речи. — Г. В.] разного происхождения еще не совмещались в одном тексте путем взаимного проникновения... Они приводятся параллельно, как бы усиливая друг друга в стилистическом отношении». На примере «Послания Ивана Грозного в Кирилло-Белозерский мона-

стырь ученый показывает, как обнаруживается и усиливается иронический подтекст «Послания» путем «введения разговорных форм, которые, как эхо, повторяют то, что включено высоким слогом» [7. С. 173]: *Увы мне, грешному! Горе мне, окаянному! Ох мне, скверному! А я, пес смердящий, кого могу учить и чему наставлять и чем просветить? Сам вечно в пьянстве, блуде, прелюбодейнии, скверне, убийствах, грабежах, хищениях и ненависти, во всяком злодействе... Из-за злобесного пса Василия Собакина, который не только не знает правил иноческой жизни, но не понимает даже, что такое чернец, а тем более инок, что еще выше, чем чернец. Он даже в одежде монашеской не разбирается, не только в образе жительствова. Или из-за бесова сына Иоанна Шереметева? Или из-за дурака и упыря Хабарова?* [11].

Точно так же в первом фрагменте из романа А. К. Толстого речь царя выдержана полностью в народно-разговорной форме с густой примесью просторечия, а во втором — в книжно-славянской с обилием неточных цитат и аллюзий к библейскому тексту. Здесь Грозный не выдерживает стиль, было бы вернее сказать, не сдерживается, и включает в книжный текст русское слово *озорник* (ст.-сл. *озорный*, возможно, «громадный, чудовищный»), *боронить* — «защитить» с полногласием (ст.-сл. *обранить*), *другие* вм. *другья*, разговорное сочетание *заливаюсь слезами*.

М. Л. Ремнёва, анализируя язык «Духовной грамоты царя Ивана Васильевича...», составленной в 1572 г., делит ее на четыре части. Первая (листы 1–3) четверть, исполненная самоунижительно-описательным описанием душевного состояния автора и ссылками на библейские и евангельские образы, и четвертая (л. 9 об.-15) четверть, наполненная наставлениями сыновьям на основе Священного писания, написаны согласно задачам завещания на безупречном книжно-славянском языке. В 3-й и 4-й четвертях (л. 4–9) Грозный наставляет сыновей, как строить взаимоотношения между собой, с другими князьями, блюсти обязательства друг перед другом, как делить землю, говорит о событиях, побудивших написать завещание. В этой части «общий тон снижается, язык представляет собою смесь церковнославянского и русского с преобладанием последнего» [12. С. 260–261].

Эпоха Ивана Грозного знаменует самое начало сближения двух типов литературного языка в зависимости от целей повествования: например, зачин и заключительная часть духовной грамо-

ты, наставления монастырской братии, исторические отсылки к жизни отцов церкви, Священному писанию и т. п. в письмах Грозного пишутся безупречным книжно-славянским языком. В нарративной части грамот, посланий, духовных, повестей, слов и так далее используется народно-разговорный тип языка.

То есть эти два языка, имеющие каждый свой объект описания, закрепленные за ним жанры повествования, в течение пяти веков сосуществовавшие в русской письменности параллельно, в XVI в. встретились в одном тексте, но еще не смешались, а, как речная и морская воды, как каждая начинка в слоеном пироге, имея свой стилистический привкус, чередовались друг с другом. Начало этого процесса зафиксировано в «Повести о Псковском взятии, како взятъ его великий князь Василий Ивановичъ», написанной очевидцем события в 1510 г. В середину воинской повести, написанной выдержанным народно-разговорным языком, вставлен великолепный образец книжно-славянского языка, исполненный в духе «вития словес»:

...И взяли под стражу тех, кто был в гряднице, и под стражей пошли они в свои дворы, и в ту же ночь начали собираться с женами и детьми к отъезду в Москву... И еще поехали жены тех, кто был посажен в Новгороде. И всего было взято триста псковских семей.

И так прошла слава псковская!

О славнейший среди городов — великий Псков! О чем сетуешь, о чем плачешь? И отвечал град Псков: «Как мне не сетовать, как мне не плакать! Налетел на меня многокрылый орёл, а крылья полны когтей, и вырвал у меня кедры ливанские. Бог наказал нас за грехи наши — и вот землю нашу опустошили, и город наш разорили, и людей в плен взяли, и торги наши с землею сровняли, а иные навозом конским забросали, а отцов и братьев наших развезли...» [10].

Как мы уже показали выше, пятый языковой пласт — язык деловой письменности — вне московских приказов стал составной частью народно-разговорного типа литературного языка, легшего в дальнейшем в основу единого общенародного русского языка. Этот процесс замечательно схвачен в языке романа.

Грозный как самодержец, железной рукой перестраивая боярскую Русь на дворянскую Россию, сумел и за письменным столом сказать свое слово. Он плодовитый автор многочисленных посланий и писем иностранным государям,

князю Андрею Курбскому, князю Александру Полубенскому, боярину Василию Грязному, игумену Кириллова монастыря Козьме, духовной грамоты (завещания) и религиозных сочинений: стихиров на Сретение Владимирской иконы Божией Матери и на преставление Петра, митрополита Московского; канона Архангелу Михаилу.

До Грозного незыблемо действовавшие более 500 лет два диглоссийных типа русского литературного языка в XVI в. в тексте одного произведения могли робко перемежаться друг с другом, как два инородных тела, только цельными слоями. По словам Д. С. Лихачева, «никогда еще русская литература до Грозного не знала такой эмоциональной речи, такой блестящей импровизации и, вместе с тем, такого полного нарушения всех правил средневекового писательства: все грани между письменной речью и живой, устной, так старательно возводившиеся в средние века, стираются... Смелый новатор, изумительный мастер... “кусательного” стиля, всегда принципиальный, всегда “самодержец всея Руси”, пренебрегающий всякими литературными условностями ради единой цели — убедить своего читателя, воздействовать на него — таков Грозный в своих произведениях» [9].

Мы, всецело присоединяясь к словам корифея древнерусской культуры, можем лишь дополнить их. Ни одна внешняя авторитарная сила не может воздействовать на эволюцию языка, как не раз продемонстрировала история, всякое волюнтаристское вмешательство в язык всегда заканчивалось крахом. Смелое вторжение народно-разговорных элементов в ткань книжно-славянского языка и наоборот в языке Ивана Грозного, что так

мастерски показано в романе, стало действительно необходимым в связи с потребностями централизованного государства, выросшего экономически и политически, его административного управления и в связи с резко возросшим числом образованных людей, требовавших создания единого общепотребительного языка. Иван IV как самодержец первым уловил эту тенденцию, а как оратор и писатель первым среди книжников сумел воплотить его в своем творчестве.

Поэтому, вероятно, можно сказать, что Иван Грозный как писатель был предтечей Аввакума, Третьяковского, Кантемира, Ломоносова, Пушкина в формировании единого русского литературного языка.

Мы не рассматривали фактологические и поэтические достоинства и недостатки произведения. Известно, что, например, Л. Н. Толстой не любил романов И. И. Лажечникова и А. К. Толстого, считая их «вальтерскоттовскими» подражаниями. С точки зрения соответствия языка романа исторической действительности XVI в., нахождение точной грани стилизации языка героев произведения «Князь Серебряный», по нашему мнению, относится к числу наиболее удачных русских исторических романов. Язык произведения созвучен высказыванию Г. О. Винокура: «Всякое художественное произведение, к какому бы литературному роду оно ни принадлежало, может быть написано на языке своего времени» [5. С. 250]. Поэтому роман А. К. Толстого «Князь Серебряный» даже спустя 150 лет после написания является одним из самых читаемых русских исторических романов.

Список литературы

1. Бердяев, Н. А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли. Алексей Степанович Хомяков / Н. А. Бердяев. — М., 2007.
2. Бродский, И. Малое собрание сочинений / И. Бродский. — М., 2012.
3. Виноградов, В. В. Изучение языка художественной литературы в советскую эпоху (приемы, вопросы, итоги) / В. В. Виноградов // О языке художественной литературы. — М., 1959. — С. 5–84.
4. Виноградов, В. В. Язык художественного произведения / В. В. Виноградов // Вопр. языкознания. — 1954. — № 5. — С. 3–26.
5. Винокур, Г. О. Об изучении языка литературных произведений / Г. О. Винокур // Избранные работы по русскому языку. — М., 1959. — С. 229–259.
6. Вороничев, О. Е. Устаревшая лексика в романе А. К. Толстого «Князь Серебряный» / О. Е. Вороничев, Н. А. Шестакова // Рус. яз. в шк. — 2015. — № 10. — С. 41–45.
7. Колесов, В. В. Древнерусский литературный язык / В. В. Колесов. — Л., 1989. — 296 с.
8. Ларин, Б. А. Лекции по истории русского литературного языка (X–XVIII в.) : учеб. пособие / Б. А. Ларин. — М., 1975. — 327 с.

9. Лихачёв, Д. С. Иван Грозный — писатель / Д. С. Лихачёв. — URL: <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000112/st045.shtml>. — Дата обращения: 15.09.2017.

10. Повесть о Псковском взятии. — URL: <http://www.bibliotekar.ru/rus/61.htm>. — Дата обращения: 15.09.2017.

11. Послание царя и великого князя Иоанна Васильевича всея Руси в Кириллов монастырь игумену Козьме с братиею во Христе. — URL: http://voliaboga.narod.ru/biblioteka/texti/knigi/ts/ts_ioann5.htm. — Дата обращения: 15.09.2017.

12. Ремнёва, М. Л. Пути развития литературного языка XI–XVII вв. : учеб. пособие / М. Л. Ремнёва. — М., 2003. — 336 с.

13. Спринчак, Я. А. Синтаксические конструкции Судебника Ивана Грозного / Я. А. Спринчак // Ученые зап. Ленингр. пед. ин-та им. А. И. Герцена. — 1939. — Т. 20. — С. 107–147.

14. Устинов, И. В. Языковые особенности «Переписки» Ивана IV Грозного с князем Андреем Курбским / И. В. Устинов // Очерки по истории русского языка / под ред. Ф. М. Головенченко. — М., 1955. — Вып. 5. — С. 72–76.

Сведения об авторе

Валеев Гадель Камилевич — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и литературы, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. vgadel@gmail.com

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2017. No. 12 (408). *Philology Sciences. Iss. 110. Pp. 31–38.*

ABOUT THE DEGREE OF ARCHAIZATION OF THE LANGUAGE OF THE HISTORICAL NOVEL (on the example of the language of A. K. Tolstoy's novel “Knyaz Serebryany”)

G. K. Valeev

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. vgadel@gmail.com

In the article, based on the analysis of the language of the author and the heroes of the novel A. K. Tolstoy “Knyaz Serebryany” is given an assessment of the degree of archaization of the language of the work and its correspondence to the state of the spoken and literary Russian languages in the Moscow state of the XVI century.

Keywords: *language of the novel A. K. Tolstoy “Knyaz Serebryany”, dialect speech, types of spoken language, types of literary language.*

References

1. Berdyayev N.A. *Konstantin Leont'yev. Ocherk iz zhizni religioznoj mysli. Aleksej Stepanovich Khomyakov* [Konstantin Leont'yev. Essay from the history of Russian religious thought. Aleksej Stepanovich Khomyakov]. Moscow, 2007. (In Russ.).

2. Brodskij I. *Maloye sobraniye sochinenij* [Small collected works]. Moscow, 2012. (In Russ.).

3. Vinogradov V.V. *Izucheniye jazyka khudozhestvennoj literatury v sovetskuyu epokhu: (priyemy, voprosy, itogi)* [Studying of the language of fiction in the Soviet era: (techniques, questions, results)]. *O jazyke khudozhestvennoj literatury* [On the language of fiction]. Moscow, 1959. Pp. 5–84. (In Russ.).

4. Vinogradov V.V. *Jazyk khudozhestvennogo proizvedeniya* [Language of the fiction]. *Voprosy jazukoznaniya* [Questions of linguistics], 1954, no. 5, pp. 3–26. (In Russ.).

5. Vinokur G.O. *Ob izuchenii jazyka khudozhestvennykh proizvedenij* [On the study of the language of literary works]. *Izbrannyye raboty po russkomu jazyku* [Selected works on Russian language]. Moscow, 1959. (In Russ.).

6. Voronichev O.E., Shestakova N.A. *Ustarevshaja leksika v romane A.K. Tolstogo “Knyaz’ Serebryanyj”* [Obsolete vocabulary in the novel by A.K. Tolstoy “Prince Serebryany”]. *Russkij jazyk v shkole* [The Russian language at school], 2015, no. 10, pp. 41–45. (In Russ.).

7. Kolesov V.V. *Drevnerusskij literaturnyj jazyk* [Old Russian literary language]. Leningrad, 1989. 296 p. (In Russ.).
8. Larin B.A. *Lektsiyi po istoriyi russkogo literaturnogo jazyka (X–XVIII vv.)* [Lectures on the history of the Russian literary language]. Moscow, 1975. 327 p. (In Russ.).
9. Likhachev D.S. *Ivan Groznyj — pisatel'* [Ivan the Terrible — the writer]. Available at: <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000112/st045.shtml>. (In Russ.).
10. *Povest' o pskovskom vzyatiyi* [The Tale of the Pskov capture]. Available at: <http://www.bibliotekar.ru/rus/61.htm>. (In Russ.).
11. *Poslaniye tsarya i velikogo knyazya Ioanna Vasil'yevicha vseya Rusi v Kirillov monastyr' igumenu Koz'me s bratiyeyu vo Khriste* [The Epistle of the Tsar and Grand Knyaz Ioann Vasilyevich of All Russia to the Cyril Monastery Hegumen Kozma with the Brotherhood in Christ]. Available at: http://voliaboga.narod.ru/biblioteka/texti/knigi/ts/ts_ioann5.htm. (In Russ.).
12. Remneva M.L. *Puti razvitiya russkogo literaturnogo jazyka XI–XVII vv.* [The ways of development of the Russian literary language XI–XVII]. Moscow, 2003. 336 p. (In Russ.).
13. Sprinchak J.A. Sintaksicheskiye konstruktsiye Cudebnika Ivana Groznogo [Syntactic Constructions of the Code of Law of Ivan the Terrible]. Larin B.A. (ed.). *Uchenyye zapiski Leningradskogo pedagogicheskogo instituta im. A.I. Gertsena. T. 20* [Scientific notes of the Leningrad Pedagogical Institute A.I. Herzen. Vol. 20]. Leningrad, 1939. Pp. 107–147. (In Russ.).
14. Ustinov I.V. Jazykovyye osobennosti “Perepiski” Ivana IV Groznogo s knyazem Andreyem Kurbskim [Language features of “Correspondence” of Ivan IV the Terrible with Knyaz Andrey Kurbsky]. Golovenchenko F.M. (ed.). *Ocherki po istoriyi russkogo jazyka. Vyp. 5* [Essays on the history of the Russian language. Iss. 5]. Moscow, 1955. Pp. 72–76. (In Russ.).

УДК 81'1
ББК 80

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КОНЦЕПТОВ *НАЦИЯ* И *НАЦИОНАЛЬНОСТЬ* В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

Т. А. Воронцова

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Рассматривается процесс формирования концептов *нация* и *национальность* в русском языковом сознании. Формирование данных концептов проходило под влиянием как экстралингвистических, так и интерлингвистических факторов. Это привело к парадоксальной ситуации, когда слова *нация* и *национальность* в некоторых контекстах стали взаимозаменяемыми. Данный языковой парадокс свидетельствует об определенном противоречии, существующем в коллективном языковом сознании, где, с одной стороны, под влиянием экстралингвистических факторов актуализируется концепт «политическая общность», с другой — сохраняет свою значимость концепт «этническая общность», что не позволяет четко разграничить концепты *нация* и *национальность* в современном русском языковом сознании.

Ключевые слова: *нация, национальность, концепт, языковое сознание, этническая общность, политическая общность.*

Слова *нация* и *национальность* входят в терминологические системы самых разных областей гуманитарного знания: истории, политологии, философии, социологии и др. Однако понятийное содержание терминов «нация» и «национальность» является предметом научных споров, которые длятся уже не один десяток лет. «В предельной обобщенности можно сказать, что существуют два различных подхода к определению понятия нации. Первый трактует ее как исторически сложившуюся государственно-гражданскую общность. <...> Второй трактует нацию как форму развитой этнической общности, обусловленную единой биологической, кровнородственной основой. И тот, и другой подходы имеют свои серьезные резоны, и в продолжающихся уже едва ли не полтора столетия дискуссиях ни один из них не уступил аргументам другого. <...> Те же самые трудности возникают и при употреблении понятия *национальность*. В одних случаях и в теории, и в практике гражданско-юридических отношений оно употребляется в значении принадлежности к гражданскому сообществу, то есть к нации, и выражает самоидентификацию индивида с этим сообществом. В других случаях это понятие употребляется в значении генетической принадлежности индивида к определенной этнической группе, что служит основанием для требований этносов, ревниво относящихся к проблемам своего самосохранения, об официальных формах признания и фиксирования такой принадлежности» [12. С. 116].

В. А. Тишков, определяя в «Новой философской энциклопедии» понятие *нация*, отмечает,

что «в мировой науке не существует общепринятой дефиниции *нации*, особенно если речь идет об ее границах, о членстве в ней или о нации как статистической категории» [9]. Ю. Д. Гранин, также указывая на отсутствие общепринятого содержания у терминов *нация* и *этнос*, связывает этот факт «с культурно-исторической эволюцией обыденного и научного употребления этих терминов, отголоски чего можно найти во многих профессиональных и околонаучных текстах» [5. С. 5].

Действительно, в современном русском языке слова *нация* и *национальность* функционируют не только в качестве терминов. Они входят в общеупотребительную лексику и широко представлены в разных типах дискурса. По мнению А. Д. Васильева, отсутствие четкого определения данных понятий позволяет использовать их как средство манипуляции в современном политическом и медийном дискурсе. «Одной из ключевых манипулятивных новаций в дискурсе российских СМИ последних лет стала активная неупорядоченность (по всей вероятности, инспирированная и управляемая) употребления слов *нация*, *национальный* и этимологически и морфологически родственных им. Несомненная эффективность этой серии вербально-манипулятивных операций во многом предreshается издавна нестрогой очерченностью семантики ряда лексем с заимствованным корнем в русском языке» [2. С. 21]. С этим трудно не согласиться, если вспомнить, что за каждым словом стоит концепт — ментальная единица коллективного когнитивного

пространства. Как известно, самым высоким манипулятивным потенциалом обладают концепты с «размытым», неконкретным содержанием и нежесткой структурой (например, *демократия, реформа* и др.) [3]. *Нация и национальность* в современном русском языковом сознании относятся именно к таким концептам.

Вместе с тем формирование концепта происходит не только под воздействием факторов экстралингвистических, но и интерлингвистических. Иными словами, история концепта — это еще история жизни слова в языковой системе, поэтому анализ употребления слов *нация* и *национальность* в русском языке позволяет увидеть процессы, происходящие в коллективном языковом сознании.

Слова *нация* и *национальность* являются однородными и с точки зрения словообразования соотносятся как производящее и производное.

Слово *нация* появилось в русском языке в Петровскую эпоху как заимствованное из латинского через посредство одного из западноевропейских языков (предположительно из польского — *nacja*) [17]. Как свидетельствуют материалы Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ)¹, в текстах XVIII в. данная лексема в основном употреблялась в значении *совокупность людей, живущих в стране, в государстве*.

Ср.: *Они учредили общий сенат всей нации, который собирался два раза в год в Египоне, в начале весны и осени; и составлен был из равного числа депутатов от каждой республики. (А. Н. Радищев. Размышления о греческой истории или о причинах благоденствия и несчастия Греков [перевод книги Г. де Мабли с французского], 1773)*

Возможно ль же, чтоб нация добровольно постановила сама закон, разрешающий государя делать неправосудие безотчетно (Д. И. Фонвизин. Рассуждение о непременных государственных законах, 1778–1783) [НКРЯ].

Применительно к данному периоду можно говорить об определенном лексико-семантическом синкретизме [11] слова *нация*: в картине мира XVIII в. этническая общность не отделялась от общности политической. Вместе с тем данная лексема могла обозначать и этническую общность.

Ср.: *Однако ж имеет все потребное провиан-*

¹ Национальный корпус русского языка — информационно-справочная система, основанная на собрании русских текстов в электронной форме. Режим доступа — www.ruscorgpora.ru.

том, и фуражом е. ц. в. войскам до совершенного испражнения, как и прежде сего, на таком основании, как до сего числа было, безденежно давано; такоже и войскам под жестоким наказанием запрещено быть имеет при их выходе каких служителей из финской нации против их воли, а весьма никаких финских крестьян оттуда с собой вывозить иль им хотя малое какое насилие или обиду чинить. (Ништадтский мирный договор между Россией и Швецией, 1721) [НКРЯ].

На другой день франкфуртские жиуды прислали сказать директору комедии, что ни один из них не будет ходить в театр, если сия драма, в которой обругана их нация, будет представлена в другой раз. (Н. М. Карамзин. Письма русского путешественника, 1793) [НКРЯ].

В одном из первых толковых словарей русского языка — Словаре Академии Российской (1789–1794) — слово *нация* не зафиксировано [13].

В Словаре церковно-славянского и русского языка (1847) *нация* толкуется через понятие *народ* в значении «жители страны, государства, говорящие одним языком, племя» [15. С. 419]. Аналогичное толкование находим и в словаре В. И. Даля (1863): «**Нация** ж. франц. народ, в обширном знач., язык, племя, колено; однородцы, говорящие одним общим языком, все сословия» [6]. Как видим, в определениях толковых словарей XIX в. синкретизм сохраняется: *нация* — это этническая и политическая общность одновременно².

В толковых словарях русского языка XX — нач. XXI в. определение слова *нация* дается иначе. Словарь под ред. Д. Н. Ушакова (1935–1940) толкует данное слово следующим образом: *нации, ж. (латин. natio). 1. Исторически сложившаяся часть человечества, объединенная устойчивой общностью языка, территории, экономической жизни и культуры*. Иллюстративным материалом к данной словарной статье служат цитаты из работ И. В. Сталина и В. И. Ленина. Кроме того, с пометой *перен.* указано значение *государство (полит., дипл.)* [16].

Такое толкование с некоторыми вариациями и уточнениями представлено фактически во всех толковых словарях XX — нач. XXI в. Однако определение *нации* как исторически сложившейся устойчивой общности людей с единым языком, территорией и культурой не позволяет понять, какая общность имеется в виду: этническая или

² О функционировании данной лексемы в XVIII–XX вв. см. также [2. С. 21–23; 8. С. 105]

политическая. Еще более запутывает картину иллюстративный материал к данной словарной статье. Например, в МАС¹ данное толкование сопровождается следующими примерами: *Сближение наций* [этносов? — Т. В.]. *Социалистические нации* [государства? — Т. В.] [14]. Аналогичную картину наблюдаем и в Большом толковом словаре русского языка (1998). Ср.: *Право нации на самоопределение* [этносов? — Т. В.]. *Интересы нации* [государства? — Т. В.]. *Равноправие наций* [этносов? — Т. В.] [1]. Исключение составляет только словарь Т. Ф. Ефремовой, где данное определение четко соотносится именно с этнической общностью: *Исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни, а также на основе специфической только для данного этноса* [выделено нами. — Т. В.], *добровольно и естественно принимаемой всеми национальной культуры и формируемого на ее основе национального интереса* [7].

Второе значение — *государство, страна* — в словаре С. И. Ожегова имеет указание на контекстуальное ограничение: «*В некоторых сочетаниях: страна, государство*» [10]. В более поздних изданиях это значение дается уже без оговорок относительно контекста: *государство, страна*.

Однако тексты второй половины XIX — начала XXI в., представленные в НКРЯ, позволяют говорить, во-первых, об определенной самостоятельности значений *этническая общность* и *политическая общность*, во-вторых, о безоговорочном преобладании употребления слова *нация* в значении *политическая общность (граждане государства)* (45 % против 18 %. В остальных случаях контекст не позволяет точно определить значение слова).

Слово *национальность*, будучи производным от *нация* через посредство прилагательного *национальный*, в толковых словарях XIX в. отсутствует. В материалах НКРЯ самая ранняя фиксация слова *национальность* относится к концу XVIII в.:

Впрочем, ближнее соседство с французами сделало то, что в мангеймских немцах гораздо менее национальности, нежели в других. (Д. И. Фонвизин. Письма П. И. Панину, 1777–1778) [НКРЯ].

Это, конечно, не означает, что слово *национальность* ранее в языке не употреблялось². Однако

его отсутствие в словарях XIX в. и немногочисленные примеры в НКРЯ свидетельствуют о том, что в данный период оно функционировало не слишком активно.

До 60-х гг. XIX в. данная лексема чаще всего употребляется в значении *этническая специфика*.

Ср.: *Но при всем том нельзя отвергнуть, что национальность характера и климат имеет влияние как на искусства, так и на войну* (А. Пушкин. Взгляд на военное состояние Турецкой империи // «Сын отечества», 1826) [НКРЯ].

Долой с нее овчинные тулупы, и национальность показывается во всей красоте своей (И. И. Лажечников. Ледяной дом, 1835) [НКРЯ].

Значения *этническая общность* и *принадлежность к той или иной этнической общности* активизируются ближе к середине XIX в.

Ср.: 1. *Если бы Волжско-Камские Болгары были Финского происхождения, то они легко слились бы с местными угорскими племенами и образовали бы довольно плотную, однородную национальность* (Д. И. Иловайский. Начало Руси, 1876) [НКРЯ].

2. *Национальность того ученого или тех ученых, которые возвели свою науку на непосредственно высшую ступень развития, мы с намерением всегда отмечаем* (Н. Я. Данилевский. Россия и Европа, 1869) [НКРЯ].

Скорее всего, значение *этническая общность* (предметное) появилось в результате метонимии *признак* (сущ.) → *предмет, обладающий данным признаком*. Например, *бездарный* → *бездарность* (свойство) → *бездарность* (лицо) = *бездарный человек*. При этом у существительных со значением предметности меняются лексико-грамматические характеристики: они переходят в разряд конкретных существительных, приобретая категорию числа (*национальность* — *национальностей*), т. е. фактически приобретают статус самостоятельного слова. В русской словообразовательной системе эта модель является крайне непродуктивной [3]. При этом мы обнаружили, что только два существительных, образованных таким способом, обозначают совокупность лиц — *народность* и *национальность*. Столь же непродуктивной является словообразовательная модель *совокупность лиц* (общность) → *принадлежность к данной общности*³.

Таким образом, к концу XIX в. в русском языке употребляются три существительных,

¹ МАС — Малый академический словарь.

² См. А. Д. Васильев 2012, с. 22.

³ Едва ли не единственный пример такого рода: *партия* (общность) — *партийность* (принадлежность к общности).

образованных от прилагательного *национальный* и имеющих разное словообразовательное значение: качество (*национальность характера*), принадлежность (*национальность человека*) и совокупность лиц (*разные национальности*). Именно эти три значения фиксируются в толковых словарях русского языка XX — нач. XXI в. Например: *национальность* ж. 1) *То же, что: нация*; 2) *Принадлежность к какой-л. нации*; 3) *Совокупность национальных черт, свойственных какому-л. народу; национальная самобытность* [7].

Однако в материалах НКРЯ, относящихся к XX — нач. XXI в., данное слово встречается фактически только в двух значениях: 1) *принадлежность к этнической общности*; 2) *этническая общность*.

Таким образом, в русском языке во второй половине XIX в. сформировались однокоренные лексические дублеты *нация* и *национальность* в значении этническая общность. Дублетность как избыточность обычно устраняется языком либо путем выведения одного из слов в пассивный запас, либо за счет смыслового расхождения дублетных лексем. В данном случае такое расхождение становится возможным за счет того, что у слова *нация* изначально существует значение «совокупность граждан одного государства». Уже с середины XIX в., судя по материалам НКРЯ, слово *нация* употребляется в данном значении значительно чаще, чем в значении «этническая общность». В XX–XXI вв. этот процесс становится еще более активным под влиянием экстралингвистических причин. В современном мире политическая общность уже не ассоциируется с этнической: моноэтнических государств становится все меньше. К тому же в западноевропейских языках слово *нация* обозначает совокупность граждан страны, государства, независимо от этнической принадлежности. В этом же направлении движется данное слово и в русском языке. «В сегодняшнем российском публичном дискурсе (повидимому, под воздействием английских лексем *nation* и *national*) укрепляется тенденция недифференцированного контекстуально использования существительного *нация* и прилагательного *национальный*. Нарастает семантическая диффузность, причем заметно, что не бывшие ранее главными и основными для русского языка значения этих слов (соответственно «государство» и «государственный») довольно уверенно выдвигаются в качестве доминирующих, и настолько, что в от-

носительно недалеком будущем это вполне может послужить основанием для перераспределения в лексикографии позиций компонентов иерархической структуры рассматриваемых слов» [2. С. 31].

Следовательно, теоретически слова *нация* и *национальность* могли бы преодолеть дублетность, разойдясь в значениях: *национальность* — этническая общность, *нация* — политическая общность (граждане одного государства). Но у слова *национальность* есть еще одно значение — *принадлежность к этнической общности*. И если значение «этническая общность» «отходит» к слову *национальность*, то возникает своеобразный парадокс, когда субъект и объект принадлежности обозначаются одним и тем же словом: *национальность* — это *принадлежность к национальности*. Логика подсказывает, что в данной ситуации *национальность* в значении *принадлежность* должно соотноситься со словом *нация*. Однако в современном русском языке *нация* постепенно утрачивает значение этнической общности, приближаясь к «международным стандартам», где *нация* — это общность политическая (граждане одного государства). Ср.: *лидер нации, здоровье нации, цвет нации, совесть нации, единство нации, американская нация, кубинская нация* и др. В соответствии со словообразовательной соотнесенностью и слово *национальность* должно постепенно приобретать значение принадлежности к политической общности, т. е. *национальность* = гражданство. Получается, что при любом развитии событий в связке «нация — национальность (общность) — национальность (принадлежность)» один из элементов оказывается лишним. С точки зрения языковой системы третьим лишним оказывается слово «национальность» — этническая общность, следовательно, именно у него есть все шансы уйти в пассивный запас¹. Слово переходит в пассивный запас в двух случаях: во-первых, если концепт, стоящий за данным словом, утрачивает свою актуальность

¹ В этой связи обратим внимание на один из вопросов, заданных известному политологу С. Е. Кургиняну на встрече в Пятигорске: «В чем разница между нацией, национальностью и этносом. До каких пор политики будут жонглировать этими понятиями. **Может быть, термин “национальность” — это та третья сосна, между которыми заблудилось наше общественное сознание** [выделено нами. — Т. В.]. Правда ли что мировая наука, описывая народы, оперирует другими терминами, а поэтому в этом вопросе начало наших бед?». (<http://chju.livejournal.com/253901.html>).

(как, например, слово «класс» в значении «политическая общность»); во-вторых, если в лексической системе языка появляется другой, более удобный знак для обозначения данного концепта (синоним), например: *аэроплан — самолет*.

Однако слово «национальность» в значении «этническая общность» продолжает активно функционировать в русском языке, а слово «национальность» в значении «принадлежность» не двигается вслед за формальным производящим «нация», сохраняя «верность» этнической смысловой составляющей. Хотя на первый взгляд может показаться, что в современном российском дискурсе слово «национальность» в значении «гражданство» употребляется применительно к представителям других государств: *испанец по национальности, кубинец по национальности*. Однако для носителя любого языка при восприятии внешнего мира этнографическая карта, как правило, совпадает с политической. Достаточно вспомнить, что за границей всех граждан России называют русскими.

Ср.: *Тут следует оговориться, что русскими <во Франции> считаются все приехавшие из России. Мне, еврейке, с малолетства привыкшей, что я никакая не русская, было психологически трудно отвечать на вопрос о моей национальности, несмотря на то, что я прекрасно знала: национальностью здесь называется не этническая, а государственная принадлежность. Пришлось привыкать к тому, что я русская. Впрочем, другого ответа на вопрос французы и не понимают [18].*

Используя по отношению к иностранцам слово «национальность», носитель русского языкового сознания имеет в виду не гражданство, а принадлежность к этносу, но к этносу чужому, маркерами которого на внешнем уровне являются другая страна, язык, культура. Применительно к российским реалиям «национальность» употребляется исключительно в значении либо «этнос», либо «принадлежность к этносу».

Итак, постепенное закрепление за словом «нация» в качестве основного значения «политическая общность» приводит к разрушению лексико-словообразовательных связей с производным «национальность» и появлению вопреки языковой логике связки «национальность (этническая общность)» и «национальность (принадлежность к той же общности)». Парадоксальность языковых процессов — это, как правило, отражение парадоксов, существующих в коллективном языковом сознании. Данный языковой парадокс свидетельствует об определенном противоречии, существующем в коллективном языковом сознании, где, с одной стороны, под влиянием экстралингвистических факторов актуализируется концепт «политическая общность», с другой — сохраняет свою значимость концепт «этническая общность». Отражением данной языковой ситуации является, например, поиск специального названия для политической общности (*россияне*). Это позволяет говорить о том, что этнический компонент занимает важное место в русском языковом сознании.

Список литературы

1. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб., 1998.
2. Васильев, А. Д. Игры в слова: современные национальные загадки / А. Д. Васильев // Полит. лингвистика. — 2012. — № 1. — С. 19–35.
3. Виноградов, В. В. Русский язык / В. В. Виноградов. — М., 1972.
4. Воронцова, Т. А. Речевая агрессия как вторжение в когнитивное пространство / Т. А. Воронцова // Проблемы социо- и психолингвистики : сб. ст. — Пермь, 2010. — Вып. 14. — С. 91–99.
5. Гранин, Ю. Д. «Нация» и «этнос»: эволюция подходов и интерпретаций в философии и науке XVIII–XX столетий / Ю. Д. Гранин // Вопр. философии. — 2015. — № 7. — С. 5–16.
6. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. — СПб. ; М., 1881. — Т. 2.
7. Ефремова, Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка : в 3 т. / Т. Ф. Ефремова. — М., 2006.
8. Козловская, Н. В. Лексемы «нация» и «национальность» в философских терминосистемах Н. А. Бердяева и К. Н. Леонтьева / Н. В. Козлова // Полит. лингвистика. — 2015. — № 1 (51). — С. 104–109.
9. Новая философская энциклопедия : в 4 т. — М., 2010.
10. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. — М., 1949.
11. Пименова, М. В. Лексико-семантический синкретизм как явление формально-содержательной языковой асимметрии / М. В. Пименова // Вопр. языкознания. — 2011. — № 3. — С. 19–48.

12. Сараф, М. Я. Нация, национальность, национальное культурное пространство / М. Я. Сараф // Пространство и время. — 2016. — № 3–4 (25–26). — С. 114–118.
13. Словарь Академии Российской. — СПб., 1793. — Ч. 4.
14. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. — М., 1986. — Т. II.
15. Словарь церковно-славянского и русского языка составленный вторым отделением Императорской Академии Наук. — СПб., 1847. — Т. 2.
16. Толковый словарь русского языка : в 4 т. — М., 1938. — Т. 2.
17. Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь русского языка / П. Я. Черных. — М., 1993. — Т. 1.
18. Ярхо, А. Французы из Бордо // Знание — сила. — 1995. — № 6.

Сведения об авторе

Воронцова Татьяна Александровна — доктор филологических наук, профессор, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. voron500@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2017. No. 12 (408). *Philology Sciences. Iss. 110. Pp. 39–45.*

CONCEPTS *NATION* AND *NATIONALITY* FUNCTIONING IN RUSSIAN LINGUISTIC CONSCIOUSNESS

T. A. Vorontsova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. voron500@yandex.ru

The process of *nation* and nationality concepts formation in Russian linguistic consciousness is discussed in the paper. The formation of the analyzed concepts experienced both extralinguistic and linguistic influence. The study of the words *nation* and *nationality* usage in Russian makes it possible to see inconsistency and discrepancy of this process. In modern Russian each word denotes several actually interconnected concepts. It has lead to the paradoxical situation when the words *nation* and *nationality* have become interchangeable in certain contexts. Such linguistic paradox witnesses a definite contradiction existing in language collective consciousness in which the concept *political community* is actualized under the influence of extralinguistic factors, on the one hand, and the concept *ethnic community* preserves its importance, on the other hand. As a result it is impossible to clearly differentiate the concepts *nation* and *nationality* in modern Russian linguistic consciousness.

Keywords: *nation, nationality, concept, linguistic consciousness, ethnic community, political community.*

References

1. Kuznecov S.A. (ed.). *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka* [Great Dictionary of the Russian language]. St. Petersburg, 1998. (In Russ.).
2. Vasil'ev A.D. Iгры v slova: sovremennye nacional'nye zagadki [Games in words: modern national riddles]. *Politicheskaja lingvistika* [Political Linguistics], 2012, no. 1, pp. 19–35. (In Russ.).
3. Vinogradov V.V. *Russkij jazyk* [The Russian language]. Moscow, 1972. (In Russ.).
4. Voroncova T.A. Rechevaja agressija kak vtorzhenie v kognitivnoe prostranstvo [Speech aggression as an invasion of cognitive space]. *Problemy socio- i psiholingvistiki. Vyp. 14* [Problems of socio- and psycholinguistics. Iss. 14]. Perm, 2010. Pp. 91–99. (In Russ.).
5. Granin Ju.D. “Nacija” i “jetnos”: jevoljucija podhodoj i interpretacij v filosofii i nauke XVIII–XX stoletij [“The Nation” and “Ethnos”: the Evolution of Approaches and Interpretations in Philosophy and Science of the XVIII–XX Centuries]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 2015, no. 7, pp. 5–16. (In Russ.).
6. Dal' V.I. *Tolkovyj slovar' zhivago velikoruskago jazyka : v 4 t. T. 2* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language in 4 vol. Vol. 2]. St. Petersburg; Moscow, 1881. (In Russ.).
7. Efremova T.F. *Sovremennyj tolkovyj slovar' russkogo jazyka : v 3 t.* [The current explanatory dictionary of the Russian language in 3 volumes]. Moscow, 2006. (In Russ.).
8. Kozlovskaja N.V. Leksemy “nacija” i “nacional'nost” v filosofskih terminosistemah N.A. Berdjaeva i

K.N. Leont'eva [Lexems “nation” and “nationality” in the philosophical terminology of N.A. Berdyaev and K.N. Leontiev]. *Politicheskaja lingvistika* [Political Linguistics], 2015, no. 1 (51), pp. 104–109. (In Russ.).

9. *Novaja filosofskaja jenciklopedija : v 4 t.* [New philosophical encyclopedia in 4 volumes]. Moscow, 2010. (In Russ.).

10. Ozhegov S.I. *Slovar' russkogo jazyka* [Dictionary of the Russian language]. Moscow, 1949. (In Russ.).

11. Pimenova M.V. Leksiko-semanticheskij sinkretizm kak javlenie formal'no-soderzhatel'noj jazykovej asimmetrii [Lexico-semantic syncretism as a phenomenon of formal-content language asymmetry]. *Voprosy jazykoznanija* [Questions of linguistics], 2011, no. 3, pp. 19–48. (In Russ.).

12. Saraf M.Ja. Nacija, nacional'nost', nacional'noe kul'turnoe prostranstvo [Nation, nationality, national cultural space]. *Prostranstvo i vremja* [Space and time], 2016, no. 3–4 (25–26), pp. 114–118. (In Russ.).

13. *Slovar' Akademii Rossijskoj. Ch. 4* [Dictionary of the Russian Academy. Part 4]. St. Petersburg, 1793. (In Russ.).

14. Evgen'eva A.P. (ed.). *Slovar' russkogo jazyka : v 4 t. T. II.* [Dictionary of the Russian language in 4 vol. Vol. II]. Moscow, 1986. (In Russ.).

15. *Slovar' cerkovno-slavjanskago i russkago jazyka sostavlenyj vtorym otdeleniem Imperatorskoj Akademii Nauk. T. 2.* [Dictionary of Church Slavonic and Russian language compiled by the second department of the Imperial Academy of Sciences. Vol. 2]. St. Petersburg, 1847. (In Russ.).

16. *Tolkovyj slovar' russkogo jazyka : v 4 t. T. 2.* [Explanatory dictionary of the Russian language in 4 volumes. Vol. 2]. Moscow, 1938. (In Russ.).

17. Chernyh P.Ja. *Istoriko-jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka. T. 1* [Historical and etymological dictionary of the Russian language. Vol. 1]. Moscow, 1993. (In Russ.).

18. Jarho A. Francuzy iz Bordo [The French from Bordeaux]. *Znanie sila* [Knowledge is Power], 1995, no. 6. (In Russ.).

УДК 070:81.38
ББК 76

КРЕОЛИЗАЦИЯ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА КАК СПОСОБ ВЫРАЖЕНИЯ ПОЗИЦИИ АВТОРА

Е. В. Выровцева

Институт телевидения, бизнеса и дизайна, Санкт-Петербург, Россия

Авторские рубрики и колонки стали неотъемлемой частью современных СМИ. При этом журналисты вынуждены учитывать новые тенденции, в том числе одну из наиболее очевидных — визуализацию, которая обусловила популярность креолизованных медиатекстов. Фотограф-публицист Юрий Рост и сатирик-карикатурист Андрей Бильжо превратили креолизацию в эффективное средство выражения позиции автора.

Ключевые слова: *публицистика, креолизованный текст, автор, визуализация, образ.*

Феномен публицистики, обеспечивающей глобальный и универсальный диалог, сегодня обусловлен тем, что тексты, продуцируемые масс-медиа, представляют собой социально значимые сообщения, превалирующие в обществе над всеми другими видами текстов. Медиатексты как источник значимой для индивида информации об окружающем мире и проблемах социальной реальности приобретают особое значение в процессе принятия жизненно важных решений. Л. П. Марьина видит в СМИ «источник формирования культурных стереотипов» и называет их «мощным агентом социализации» [16. С. 30], реализующим самые разные функции и участвующим в процессе формирования норм поведения и ценностных представлений. Поэтому современные публицисты ищут наиболее эффективные способы воздействия на аудиторию и наиболее убедительные средства выражения собственной позиции. Это и приводит чаще всего к возникновению оригинальных жанровых образований, авторских видов текста.

Публицистика как особый вид деятельности, как тип творчества всегда рассчитана на процесс взаимодействия, по выражению Л. Е. Кройчика, на «диалог двоих: Автора и Читателя (Слушателя, Зрителя)» [11. С. 7]. Ученый обращает внимание на то, что публицист как создатель текста не просто фиксирует и «ретранслирует», распространяет информацию об окружающей действительности, а моделирует картину мира, опираясь на субъективные, сугубо личные представления, переживания, эмоции, на собственный жизненный — психологический, культурный, социальный — опыт. Обратим внимание на то, что ученый говорит о создании нового, личностного

представления. Для нового содержания необходимо найти адекватную форму, которая бы в полной мере соответствовала задачам автора, с одной стороны, и позволила бы реципиенту вступить в диалог и понять авторскую идею, с другой.

Отечественная публицистика создала для организации такого диалога арсенал приемов и средств: на протяжении своей богатой истории она вырабатывала эти приемы и средства прежде всего в печатных изданиях, что не могло не отразиться на качественных характеристиках инструментария, который есть в руках современного публициста. Е. Л. Вартанова указывает на еще одну особенность публицистического произведения, «более сложного и пространного типа журналистского текста», и публицистики в целом: «Всегда была необходимость авторской активной гражданской позиции, журналистской оценки событий, собственных выводов и авторских нравственных оценок» [4. С. 10]. Не случайно публицистику часто называют авторской журналистикой, подчеркивая доминирование авторского начала.

Сегодня под давлением таких средств коммуникации, как кинематограф, телевидение, интернет, журналисты газет и журналов вынуждены уделять особое внимание зрительной информации (идеографическим и другим изобразительным компонентам текста). Почти десять лет назад тенденцию визуализации определили как основную на традиционной научно-практической конференции в СПбГУ. А еще раньше Е. А. Сазонов назвал визуализацию «общей тенденцией всех мировых СМИ» [19]. К другим причинам усиления роли видеоряда в печатных СМИ можно отнести процессы глобализации и интеграции, ког-

да актуализируется потребность в едином и понятном, доступном для восприятия языке. Все это обусловило популярность смешанных, креолизованных текстов, построенных на соединении/взаимодействии вербальных средств, изображения, а также знаков иной природы.

С. И. Сметанина объясняет данную тенденцию: «Обращение прессы к новым для нее темам, к новым жанрам, доступ к новым источникам информации творчески подстегнули журналистов к созданию принципиально иных текстов, к поискам речевых эквивалентов, адекватно передающих новое содержание» [20. С. 50]. Здесь стоит обратить внимание на слово «творчески», которое подчеркивает роль авторского «Я» при подготовке журналистского материала. Признавая субъективность подхода к предмету исследования уже на уровне отбора фактов, приходится с этим соглашаться: уровень выражения и когнитивный аспект в тексте всегда индивидуальны, как бы создатель ни стремился к объективности содержания. Особенно это актуально при исследовании креолизованных текстов, где в формировании образа современной действительности участвуют разнокодовые системы, а значит, автор имеет больше возможностей выразить собственную точку зрения.

Текст является одним из сложнейших объектов изучения, многоаспектным и многоуровневым. Исследователи до сих пор полемируют по поводу понятий «текст» и «креолизованный текст» [15]. И. Р. Гальперин представляет текст как некое оформленное по определенным канонам — тема, идея, цель, заголовок, несколько абзацев — единство [7]. Сегодня практически обязательным компонентом газетной и журнальной публикации стал визуальный элемент: фотография, рисунок, коллаж.

Г. Я. Солганик предлагает толковать категорию «текст» как «сложную иерархически организованную многоплановую структуру, представляющую собой речевое произведение, характеризующееся целостностью, связностью и завершенностью» [21. С. 15]. Ученый делает упор на тот факт, что текст является некой замкнутой системой, поэтому не вызывает сомнения актуальность проблемы объединения разных знаковых систем в авторском произведении. Не менее важно в этом отношении замечание Б. Я. Мисонжникова: «Любой текст создается из множества сложных знаков, обладающих исключительно высокой потенциальной динамикой, и, таким образом, мож-

но говорить о комбинаторной энтропии, так как от порядка знаков зависит уровень осмысления повествования» [17. С. 75]. Значение и потенциальная динамика выстраивания знаков усиливается, если публицист формирует креолизованный текст, представляющий собой многоуровневую, логически и структурно завершенную систему фактов и образов.

С другой стороны, текст рассчитан на понимание, а значит, на извлечение и преобразование заключенной в нем информации. Е. С. Кубрякова учитывает это свойство и относит текст к образцам «сложной языковой формы» [12. С. 72]. Именно сложная семиотическая система обеспечивает включенность реципиента в творческое взаимодействие с автором через восприятие и понимание созданной им знаковой структуры. И тут уже принципы и особенности коммуникации, диалога, когнитивной деятельности зависят не только от опыта автора, но и от опыта второго участника — читателя, слушателя, зрителя, пользователя. Процесс осмысления текста предполагает, что информация, представленная с помощью разных знаковых систем, будет воспринята и осознана адресатом, то есть превратится из потенциальной в реальную.

Современные ученые вслед за М. М. Бахтиным делают акцент на знаковой закреплённости текстов. Традиционно в семиотике выделяется три типа знаков: иконический знак, индекс и символ. Невербальные средства коммуникации в условиях тенденции визуализации складываются в систему, превращаются в активного и необходимого участника текстообразования: «Уровень интегрированности всех изобразительных средств, равно как и других знаковых образований, в единое текстуальное пространство печатных и электронных изданий весьма высок» [2. С. 162]. Процесс интеграции текста и изображения, несомненно, наилучшим образом отвечает потребностям современного общества и современного автора. Поликодовость придает газетной и журнальной полосе особый динамизм, экспрессивность и фактологическую насыщенность. Сегодня креолизация превратилась в правило оформления текста, приобрела исключительные масштабы, благодаря техническим возможностям и мультимедийности информационной среды. При этом язык визуального компонента вырабатывает свои правила, которые обеспечивают «общение» изображения (рисунка, фотографии, коллажа, инфографики) и субъекта.

Стоит отметить принципиальную разницу в целевых установках авторов креолизованных текстов качественной прессы и таблоидов. В публицистических текстах качественных изданий иллюстрации становятся органичным элементом, который может играть роль фактического материала, аргумента, дизайнерской составляющей и т. п. Для так называемой бульварной прессы характерна экспансия чересчур ярких оформительских элементов: «Распространение явления визуализации и формата таблоида привело к подлаживанию к вкусам массового потребителя» [8. С. 170]. В изданиях такого типа иллюстрации отличаются большим объемом и нетрадиционной подачей, что объясняется их главной функцией — воздействие на эмоции, привлечение внимания читателя. В таблоидах изобразительный ряд чаще всего усиливает сенсационное содержание материала: «...формируется клиповое сознание, опирающееся не столько на интеллектуальное, рациональное, сколько на эмоциональное постижение смысла сообщения» [10. С. 12]. В качественных изданиях визуализация помимо воздействующей выполняет и другие функции: информационную, аналитическую, аргументирующую, критическую.

Г. Я. Солганик называет креолизованными тексты, включающие вербальную и невербальную составляющие — «негомогенные» [21. С. 180], сегодня к такому типу можно отнести практически любую публикацию с невербальным компонентом. По степени связности компонентов В. П. Макарова выделяет три основные группы текстов: с нулевой, частичной и с полной креолизацией [14. С. 27]. В литературных и медиатекстах чаще всего встречается частичная креолизация, при которой допустимо автономное существование вербального и иконического компонентов, а роль обобщающего фактора играют авторские идеи, эмоции, концепции. Но именно публицистический образ становится главным связующим звеном, объединяющим разные по структуре и принципам функционирования части в единый комплекс. Доминирование образа автора и абсолютное слияние компонентов характеризуют тексты с полной креолизацией, где изображение — обязательный элемент единой авторской системы.

К наиболее востребованным элементам креолизованного текста в прессе мы относим фотографию и рисунок/карикатуру. Если включение фотографии в публицистический текст обуслов-

лено потребностью аудитории в документальном и достоверном изложении фактов, то специально созданное изображение реализует демонстрирующую, иллюстративную и экспрессивную функции. Фотография позволяет читателю стать свидетелем события: «Можно легко обнаружить заведомое превосходство аппарата над всеми мыслимыми возможностями человеческого пера или кисти» [3. С. 50]. Фотография передает определенный момент действительности именно таким, каким его увидел фотограф, выразивший в композиции, в цвете, в постановке света свое отношение, свои эмоции.

Ярким примером текстов с полной креолизацией являются публикации журналиста «Новой газеты» Юрия Роста, автора рубрики «Свободное ПРОСТранство». При характеристике стиля этого публициста важно замечание Ю. А. Сорокина и Е. Ф. Тарасова о креолизованном тексте как источнике информации: такой текст является «некоторой переменной, варьирующейся в зависимости от личного — вербального и невербального — опыта реципиента, сложным образом взаимодействующего с личным опытом коммуникатора» [22. С. 181]. Юрий Рост рассчитывает на диалог с подготовленным читателем, знакомым с историческим и культурным контекстом, в котором живут его герои, способным воспринимать в единстве разные — вербальную и визуальную — знаковые системы. В фотозарисовках, которые точнее следует называть фотоэссе, доминируют философский и культурологический аспекты, на первом месте оказывается авторский взгляд на человека или ситуацию, а не фиксация и предъявление объектов современной действительности. Документальность фотоизображения вступает в диалог с образно-выразительными средствами текста, образуя объемный, эмоционально насыщенный образ.

Как мы уже отмечали в других статьях [5; 6], одной из особенностей авторских жанров современной журналистики является то, что опубликованные в СМИ материалы образуют отдельные книжные издания. Показательно с этой точки зрения, что серия Юрия Роста «Групповой портрет на фоне мира» в 2014 г. была издана как сборник, произведения в котором объединяет именно образ автора, его творческая индивидуальность. Принцип полной креолизации основан на том, что автор использует средства разных знаковых систем для выражения собственной позиции, для представления идеи и личных ощущений. Общее

настроение и единый публицистический образ складываются из зрительного восприятия фотографии и погружения в текст.

Например, автор объясняет необычность снимка, на котором развалины каменной крепости создают фон для людей и животных: «Темнота сходилась над Шатили. Еще были видны полтора десятка жителей, ослики, лошади и мэр деревни-крепости Ираклий Чинчараули, но обман масштаба исчезал, и это ощущалось как личная потеря» (Новая газета, 22.02.08). За счет креолизации текст превращается в развернутую авторскую метафору — разрушение крепости как личная потеря. Эмоциональный эффект достигается с помощью фотоснимка, а родившееся у читателя-зрителя ощущение усиливается и корректируется вербальным компонентом: имя мужчины и название крепости конкретизируют ситуацию, делают ее более личной.

Чаще всего на портретах Юрия Роста — герой нашего времени, личность, которая интересна автору и должна заинтересовать читателя. В материале «Мне очень жаль, что нет Баталова» (Новая газета, 15.06.2017) крупный фотопортрет актера и слова публициста объединяет личность человека, «ничем за свою жизнь не омрачившего образа, который мы, любя его, нарисовали себе». Подзаголовок «Карта памяти Юрия Роста» подчеркивает субъективность авторской позиции, но при этом публицист только предлагает, а не навязывает читателю свою оценку, объединяя в тексте факты и личные ощущения: «Но я ничего не знаю о Баталове, кроме того, что он считал нужным показать». Эта идея поддерживается визуальной составляющей: актер не скрывает, что курит — на фотографии он держит в руке сигарету, а профессионально зафиксированные автором пронзительный взгляд и полуулыбка подчеркивают масштаб и уникальность личности: «С его уходом в нашем кино, в нашей культуре, в нашей жизни поубавилось достоинства и благородства. Он как-то дистанцировался от привычной жизни, был в стороне, в своей стороне, а в каждом доме считали его своим». Рост создает с помощью фотоэссе философию жизни: изучает людей, историю, географию и формирует сложный вербально-визуальный образ окружающего мира. Публицист откровенно субъективен, и неоднородная система креолизованного текста держится на образе автора. С. С. Распопова характеризует это понятие: «Термин “опорная идея” текста, пожалуй, ближе всего подходит к понятию “образа автора” жур-

налистского текста <...> Журналистский текст на деле является слепком во многом субъектного представления журналиста о действительности, о том, что есть в ней главное, а что — второстепенное» [18. С. 155].

Ю. Рост нередко использует прием контраста — текста и фотографии. Таким образом автор в определенном смысле провоцирует читателя, заставляя его оценить ситуацию, сформировать личное отношение к герою или к событию. Образы современников в материалах Роста очень часто держатся на одной яркой детали, которая по воле автора связывает разные знаковые системы креолизованного текста. Например, концепция жизни выстраивается на основе «классификации» головных уборов (Новая газета, 21.03.08). Рост приглашает читателя поразмышлять над такой ситуацией: у прилично одетого человека ветром срывает шляпу. Автор предлагает варианты развития события, гиперболизируя роль шляпы в дискредитации человека. При этом на фотоснимках описанной ситуации нет, читатель видит улыбающегося мужчину в шляпе: «Нет, нет — порода нужна и независимость, чтобы выглядеть в шляпе так уместно и иронично, как, скажем, московский интеллигент Михаил Алексеевич Давыдов — историк и пречистенский антик. Впрочем, ему хоть феску дай, хоть чалму, все равно он проявится умом и образом, понуждающим собеседника к доброжелательности». На другом снимке мадагаскарский юноша, он «выглядит уместным и достойным островитянином», который без труда догонит свой головной убор, если его сдует ветром. На третьей фотографии красивая птица-фрегат с огромным красным зобом, который, по мнению автора, определяет положение среди пернатых на Галапагосе. Размышления о шляпе и зобе нужны автору для выражения главной идеи: важнее всего внутренний мир человека, его ум, талант, неординарность, за это и стоит его ценить, а внешняя атрибутика личности не нужна.

Вербальные и визуальные элементы в креолизованных текстах Ю. Роста взаимодействуют на разных уровнях: содержания, языка, композиции. На содержательном уровне особое значение приобретают семантические связи между различными способами передачи информации. Юрия Роста интересует человек в сложных отношениях с миром, однако не менее значимой для аудитории оказывается личность самого автора. Это позволяет говорить о совмещении в текстах

Роста способов выражения авторской позиции, характерных для таких жанров, как зарисовка, очерк, эссе. Особое значение приобретают когнитивные связи между разными знаковыми системами, и формирование публицистического образа в сознании читателя превращается в своеобразную игру.

Так, уже на уровне заголовочного комплекса автор озадачивает читателя вопросом, как связан заголовок «Конопаты» с подзаголовком: «Альтруист — порождение общественного сознания. Он друг всем, и поэтому свободно пренебрегает каждым» (Новая газета, 08.07.2016). Черно-белые фотографии трех конопатых детей — девочки с чупа-чупсом, деревенского чумазого мальчишки в огромных сапогах и улыбающегося подростка в обнимку с собакой — создают ощущение жизни, естественности бытия, что, по мнению автора, который очевидно любит своих героев, противостоят идеологически правильным представлениям об окружающем мире: «Любые отношения, построенные человеком с другими людьми без любви, порождают общество. Нет ничего враждебнее для живого, чем собрание людей по идеологическому или конфессиональному признаку». Случайный на первый взгляд набор фотографий, объединенный таким незначительным признаком, как веснушки, создает необходимое ощущение свободы при восприятии текста. Диалог с читателем трансформируется в разговор с героями публикации: «Слышь, конопаты, это я вам. Вам по этой красоте топать в своих кедах и сапогах. Они ведь на вырост куплены?». Изображения конопатых детей в концепции автора превращаются в метафору надежды, что «пока еще не все потеряно» — с этих слов начинается текст. Отношения между вербальным и визуальным рядами держатся на ассоциациях, тот же принцип лежит и в основе рассуждений публициста о любви и о жизни, об альтруистах и эгоистах. Без портретных снимков детей текст воспринимался бы иначе и на смысловом, и на эмоциональном уровне.

Выражение авторской позиции на языковом уровне в публикациях Роста характеризуется тем, что в вербальной и невербальной частях есть «маркеры» [1. С. 77], обеспечивающие семантическое единство разных знаковых систем. Так, в вербальной части фотоэссе «Конопаты» встречается прямая отсылка к изображению — конопатость и сапоги. На уровне композиции важен способ чередования вербальных и визуальных элементов. В публицистических текстах Ю. Роста

это все тот же ассоциативный принцип, позволяющий вызвать целый комплекс эмоций, ощущений, размышлений, воспоминаний. Например, в один из текстов серии «Групповой портрет на фоне мира» (Новая газета, 14.03.2008) автор включает три фотографии: черно-белый снимок чаепития в деревенском доме и цветные пейзажи. Объясняется этот, на первый взгляд, нелогичный ряд так: «Думал, какими цветными карточками украсить чаепитие в северной русской деревне. Пусть, решил, будет исландский лужок и мексиканская собака, тем более что своя, местная, брехала под окном». Слово «бессистемность» оказывается ключевым в понимании авторской идеи и публицистического образа, хотя автор пишет о «системе» — о правилах жизни русской деревни. Эмоциональный контраст основан на ассоциациях, на взаимодействии репортажной фактической точности и свободы в оценках, эмоциях.

В публицистике Юрия Роста сформировался уникальный, узнаваемый вид текста, основанный на полной креолизации, взаимопроникновении разных знаковых систем, и на совмещении разных жанровых приемов: репортажных фактологичности и эффекта присутствия, психологизма очерка, философского начала и ассоциативности композиции, свойственных эссе.

Другой яркий пример рождения нового вида текста на основе креолизации как способа выражения позиции автора — это рубрика Андрея Бильжо «Визит Бильжо» в журнале «Вокруг света», выходящая в 2012 г. и отразившая творческую индивидуальность известного сатирика-публициста и карикатуриста. М. Н. Ким указывает на то, что в текстах автора особое значение приобретает демонстрация его мироощущения и миропонимания. От этого зависит выбор способа выражения авторской позиции: размышляющего автора или образ лирического героя [9]. В анонсе редакция журнала сообщала, что в новой рубрике один раз в два месяца «замечательный художник, остроумный и наблюдательный человек» Андрей Бильжо будет представлять читателям «лаконичные и личные» отчеты о поездках в разные города нашей страны.

Рубрика «Визит Бильжо», с одной стороны, ограничивала автора в теме, с другой стороны, позволяла представить оригинальный взгляд на известные и неизвестные факты. Позиция публициста проявилась уже на уровне выбора жанра: репортаж гармонично объединяет факты, детали и образно-выразительные средства. Текст

А. Бильжо включает рисунки, стилизующие материал под записи из блокнота путешественника. Сам Андрей Бильжо сообщил на пресс-конференции: «Это не совсем карикатура, это зарисовки с подписями и комментариями, которые дополняют текст. Очень много впечатлений, вся записная книжка заполнена». Такой способ оформления текста использовался впервые, что позволяет говорить о своеобразном жанрово-стилевом эксперименте.

На наш взгляд, Андрей Бильжо в журнале «Вокруг света» создал авторский жанр на основе традиционной формы репортажа. Репортажные приемы соединяются с элементами: путевого очерка — описание увиденного во время путешествия, карикатуры — комическое изображение объектов, житейской истории — сюжетные зарисовки конкретных ситуаций. Важным оказывается и аналитическое начало: автор систематизирует большое количество фактов, сопоставляет их, акцентируя внимание на тех, которые укладываются в его концепцию образа города, устанавливает причинно-следственные связи, сопоставляя конкретную тему с общественно-значимой проблемой, с закономерностями развития современной действительности, что является жанровыми признаками корреспонденции.

Все материалы в рубрике «Визит Бильжо» написаны от первого лица, что определяется спецификой подачи информации в таких жанрах, как репортаж, колонка, путевой очерк: «А еще я ел эпочмак, треугольник из теста, внутри которого мелко нарубленное мясо с картошкой и луком. Ну и тутырму, конечно, ел: колбаски, в которых провернутые через мясорубку субпродукты вместе с картошкой или гречневой кашей. Вареные. А вот как готовят вяленого гуся, я не буду рассказывать, потому что это очень долго и сложно» (Вокруг света, 2012, № 10); «Так что в Бурятию я прилетел человеком подготовленным. Знал я еще и слово “позы”» (Вокруг света, 2012, № 10); «Утром следующего дня я отправляюсь в шахту... Я зашел с шахтерами в клеть и из ствола провалился на 900 мет ров под землю» (Вокруг света, 2012, № 6). Такая форма подачи информации создает эффект доверительного разговора с читателем, которому автор откровенно рассказывает о том, что увидел, услышал, попробовал. Личное начало, как и включение в текст огромного количества деталей, создает эффект присутствия, но это особый вид репортажа: цикл публикаций объединяет образ автора — лирического героя.

В качестве деталей выбираются самые разные реалии окружающей действительности, представленные с помощью вербальных и визуальных средств. Например, в тексте «Свердловский коктейль» (Вокруг света, 2012, № 5) большая иллюстрация представляет разные варианты лепки пельменей, и подробно описываются памятники города: «На Вознесенской горке памятник комсомольцам со знаменем. И смотрят эти комсомольцы аккуратно на Храм на Крови, что возведен вместо Ипатьевского дома. По правую руку от комсомольцев усадьба Расторгуевых-Харитоновых, где после революции был Дворец пионеров, а ныне Дворец детского и юношеского творчества. Усадьба-дворец, надо сказать, во много раз меньше, чем дворец полпреда президента на Урале, бесстыдно стоящий на берегу речки Исеть и похожий на гигантскую дачу нового русского с зачем-то выведенным балконом». Введение в текст подробностей и авторских характеристик создает оригинальный образ той части города, которая описывается. Точное указание месторасположения различных архитектурных сооружений сопровождается историческим экскурсом, сравнениями и экспрессивными оценками автора.

На сочетании точных деталей и субъективной оценки основано описание аэропорта в Якутске и музея в Казани (Вокруг света, 2012, № 2, 10). Наиболее интересные, с точки зрения автора, достопримечательности он представляет в виде рисунков с подробным объяснением:

Реальное путешествие А. Бильжо превращает в медиа-событие, формируя на основе личных воспоминаний, личного опыта, интертекстуальности и иконических символов запоминающийся образ города. Экскурсом в личную историю начинаются репортажи о Казани и Улан-Удэ: «Впервые в Казани я побывал школьником. Наш корабль, набитый красными следопытами, шел по Волге по маршруту агитпарохода, на котором плавала Надежда Константиновна Крупская. Казань я не

запомнил вовсе»; «Ира и Тамара научили меня даже пить водку по-бурятски: безымянный палец левой руки слегка макают в рюмку с водкой и потом, подняв палец вверх, разбрызгивают микро капли вокруг. Земле, небу и другим божествам. То есть делиться надо». Задачи такого лирического отступления — сообщить о городе, куда отправился автор, создать настроение, определенную эмоциональную атмосферу, которая затем развивается на лексическом и изобразительном уровнях.

На создание настроения работает и погружение в эпоху, которым открывается материал о Свердловске. Текст дополнен рисунком памятника Свердлову — маниакальному человеку, который «торопится изменить мир». Бильжо откровенно заявляет о своем негативном отношении к данной исторической личности, а слово «коктейль» определяет и стилистику текста, и главную особенность города в представлении лирического героя: «Я вышел из аэропорта “Кольцово” — очень современного и европейского, если не считать толпу мужчин со счетчиками в глазах, которые предлагают услуги такси — и прошел к официальной стойке. Гостиница “Чеховъ”, где я поселился на две ночи, один полный день и по полдня по краям, находится в самом центре Екатеринбурга, на улице 8 Марта. Снова странная смесь — Чехов Антон Павлович и международный женский праздник... В городе поразительным образом сохранились — еще одна смесь — почти все памятники советского периода. Что, несомненно, здорово. Ленин стоит в пальто на проспекте своего имени и правой рукой куда-то указывает. Вокруг вождя холодный ледовый кремль и ледовые главки церквей, ледовые башни и ледовые арки. Какой же коктейль безо льда?». Восприятие Свердловска как города контрастов передается и с помощью рисунков: рядом изображены современный бетонный памятник клавиатуре и портрет Бажова — представителя другой эпохи, в биографии которого тоже много чего «намешано»:

Рисунки Бильжо — это иллюстрации, выражающие отношение автора к увиденному во время путешествия. Оригинальность жанра проявляется и в том, что вместо привычных фотографий публицист предлагает шаржевые, схематичные зарисовки с комментарием. Например, знакомство с Якутском начинается с изображения памятника мамонту и сравнительной схемы воды и молока, таким способом автор объясняет читателю, как ему было холодно:

Интертекстуальность как средство создания образа города публицист использует как в вербальной, так и в визуальной части креолизованного текста. Например, в материал о Казани Бильжо включает карикатурные изображения исторических личностей с ироническими комментариями:

Использование различных образно-выразительных средств в сочетании с обилием фактов, терминов, логико-понятийного аппарата — жанровая особенность репортажных зарисовок Андрея Бильжо. Одна из функций трэвел-журналистики — формирование у читателя желания посетить описанные журналистом места. Андрей Бильжо успешно справляется с этой задачей, увлекательно и оригинально рассказывая о малоизвестных и растиражированных символах города. Обобщая огромное количество разных фактов, мнений, точек зрения, Бильжо не стремится к объективности и к беспристрастности, что отличает его тексты от традиционного репортажа. Такие средства выразительности, как метафора, сравнение, гипербола, ирония, перифраз объединяют вербальную часть и иллюстрации.

Да и сам процесс создания публицистического произведения Бильжо превращает в метафору: «Информация, как куски мяса, попадают в мою голову, как в мясорубку, потом это всё должно переработаться в фарш, потом в этот фарш я добавляю какие-то ингредиенты и леплю котлеты» (<https://www.baikal-daily.ru/news/16/53718/>). Для достижения цели публицисту потребовалась новая гибридная жанровая форма, основанная на креолизации и объединяющем образе лирического героя.

Г. В. Лазутина справедливо замечает, что «сегодня в поле зрения журналистов попадают все новые сферы действительности, все новые ее объекты, в том числе человек как субъект деятельности, субъект отношений» [13. С. 53]. Это обуславливает необходимость формирования новых видов текста, в которых жанрообразующим признаком становятся способы выражения позиции автора, а тенденция визуализации и технические возможности сделали востребованным и эффективным принцип креолизации.

Список литературы

1. Анисимова, Е. Е. О целостности и связности креолизованного текста (к постановке проблемы) / Е. Е. Антонова // Филол. науки. — 1996. — № 5. — С. 74–85.
2. Березин, В. М. Массовая коммуникация: сущность, каналы, действия / В. М. Березин. — М., 2003. — 174 с.
3. Вартанов, А. С. Фотография: документ и образ / А. С. Вартанов. — М., 1983. — 271 с.
4. Вартанова, Е. Л. О необходимости модернизации концепций журналистики и СМИ / Е. Л. Вартанова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. — 2012. — № 1. — С. 7–27.
5. Выровцева, Е. В. Авторский жанр в современных российских СМИ / Е. В. Выровцева // Жанры СМИ: история, теория, практика : сб. материалов VI и VII Всерос. науч.-практ. конф. — Самара, 2014. — С. 34–45.
6. Выровцева, Е. В. Трансформация традиционных публицистических жанров в современных медиа / Е. В. Выровцева // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2015. — № 5 (360). Филология. Искусствоведение. Вып. 94. — С. 207–213.
7. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. — М., 1981. — 144 с.
8. Геруля, М. Визуализация прессы — перемена восприятия СМИ или давление рынка? / М. Геруля // Средства массовой информации в современном мире. Петербургские чтения. — СПб., 2008. — С. 170–171.
9. Ким, М. Н. Методология журналистского творчества / М. Н. Ким. — СПб., 1993. — 204 с.
10. Корда, О. А. Креолизованный текст в современных печатных СМИ: структурно-функциональные характеристики / О. А. Корда. — Екатеринбург, 2013. — 20 с.
11. Кройчик, Л. Е. Автора! (Стратегические ресурсы воздействия на аудиторию) / Л. Е. Кройчик // Жанровая стратегия современных российских масс-медиа : тез. III Всерос. науч.-практ. конф. — Самара, 2009. — С. 6–8.
12. Кубрякова, Е. С. О тексте и критериях его определения / Е. С. Кубрякова // Текст. Структура и семантика. — М., 2001. — Т. 1. — С. 72–81.
13. Лазутина, Г. В. Термины — хранилище концепций / Г. В. Лазутина // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. — 2012. — № 1. — С. 41–59.
14. Макарова, В. П. Использование креолизованных текстов в учебнике для развития коммуникативной и социокультурной компетенции студентов / В. П. Макарова. — Астрахань, 2007.
15. Максименко, О. И. Поликодовый vs. креолизованный текст: проблема терминологии / О. И. Максименко // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2012. — № 2. — С. 93–103.
16. Марьина, Л. П. СМИ как агент социализации мегаполиса / Л. П. Марьина // Средства массовой информации в современном мире. Петербургские чтения. — СПб., 2008. — С. 30–31.
17. Мисонжников, Б. Я. Феноменология текста (соотношение содержательных и формальных структур печатного издания) / Б. Я. Мисонжников. — СПб., 2001. — 490 с.
18. Распопова, С. С. Автор как реальный человек и образ автора в медиатексте / С. С. Распопова // Вопр. теории и практики журналистики. — 2015. — Т. 4, № 2. — С. 149–158.

19. Сазонов, Е. А. Феномен «желтой прессы» / Е. А. Сазонов // *Relga*. — 2005. — № 7.
20. Сметанина, С. И. Медиа-текст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века) / С. И. Сметанина. — СПб., 2002. — 383 с.
21. Солганик, Г. Я. К определению понятий «текст» и «медiateкст» / Г. Я. Солганик // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. Журналистика*. — 2005. — № 2. — С. 7–15.
22. Сорокин, Ю. А. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция / Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов // *Оптимизация речевого воздействия*. — М., 1990. — С. 180–186.
23. Якобсон, Р. Избранные работы / Р. Якобсон. — М., 1985. — 455 с.

Сведения об авторе

Выровцева Екатерина Владимировна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры журналистики, Институт телевидения, бизнеса и дизайна. Санкт-Петербург, Россия. Doctor_Katrin@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2017. No. 12 (408). *Philology Sciences. Iss. 110. Pp. 46–55.*

CREOLIZATION OF THE PUBLICISTIC TEXT AS A WAY OF EXPRESSING THE AUTHOR'S POSITION

E. V. Vyrovtsseva

Institute of Television, Business and Design, St. Petersburg, Russia. Doctor_Katrin@mail.ru

Author's categories and columns have become an integral part of modern media. At the same time, journalists are forced to take into account new trends, including one of the most obvious ones — visualization, which caused the popularity of creolized media libraries. The photographer-publicist Yuri Rost and the satirist-cartoonist Andrei Bilzho turned creolization into an effective means of expressing the author's position.

Keywords: *journalism, creolized text, author, visualization, image.*

References

1. Anisimova E.E. O tselostnosti i svyaznosti kreolizovannogo teksta (k postanovke problemy) [On the integrity and coherence of the creolized text (to the formulation of the problem)]. *Filologicheskie nauki* [Philological Sciences], 1996, no. 5, pp. 74–85. (In Russ.).
2. Berezin V.M. *Massovaya kommunikatsiya: sushchnost', kanaly, deystviya* [Mass communication: essence, channels, actions]. Moscow, 2003. 174 p. (In Russ.).
3. Vartanov A.S. *Fotografiya: dokument i obraz* [Photo: document and image]. Moscow, 1983. 271 p. (In Russ.).
4. Vartanova E.L. O neobkhodimosti modernizatsii kontseptsii zhurnalistiki i SMI [On the need to modernize the concepts of journalism and the media]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 10. Zhurnalistika* [Bulletin of Moscow University. Ser. 10. Journalism], 2012, no. 1, pp. 7–27. (In Russ.).
5. Vyrovtsseva E.V. Avtorskiy zhanr v sovremennykh rossiyskikh SMI [Author's genre in contemporary Russian media]. *Zhanry SMI: istoriya, teoriya, praktika* [Genres of Media: History, Theory, Practice]. Samara, 2014. Pp. 34–45. (In Russ.).
6. Vyrovtsseva E.V. Transformatsiya traditsionnykh publitsisticheskikh zhanrov v sovremennykh massmedia [Transformation of traditional publicistic genres in the modern mass media]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskusstvovedenie* [Bulletin of the Chelyabinsk State University. Philology. History of Art], 2015, no. 5, pp. 207–213. (in Russ.).
7. Gal'perin I.R. *Tekst kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an object of linguistic research]. Moscow, 1981. 144 p. (In Russ.).
8. Gerulya M. Vizualizatsiya pressy — peremena vospriyatiya SMI ili davlenie rynka? [Visualization of the press — a change in the perception of the media or the pressure of the market?]. *Sredstva massovoy informatsii v sovremennom mire. Peterburgskie chteniya* [Mass media in the modern world. Petersburg readings]. St. Petersburg, 2008. Pp. 170–171. (In Russ.).

9. Kim M.N. *Metodologiya zhurnalistitskogo tvorchestva* [Methodology of journalistic creativity]. St. Petersburg, 1993. 204 p. (In Russ.).
10. Korda O.A. *Kreolizovannyi tekst v sovremennykh pechatnykh SMI: strukturno-funktional'nye kharakteristiki* [Creolized text in modern print media: structural and functional characteristics]. Ekaterinburg, 2013. 20 p. (In Russ.).
11. Kroychik L.E. Avtora! (Strategicheskie resursy vozdeystviya na auditoriyu) [Author! (Strategic resources of influence on the audience)]. *Zhanrovaya strategiya sovremennykh rossiyskikh mass-media* [Genre strategy of the modern Russian mass media]. Samara, 2009. Pp. 6–8. (In Russ.).
12. Kubryakova E.S. O tekste i kriteriyakh ego opredeleniya [About the text and the criteria for its definition]. *Tekst. Struktura i semantika. T. 1* [Text. Structure and semantics. Vol. 1]. Moscow, 2001. Pp. 72–81. (In Russ.).
13. Lazutina G.V. Terminy — khranilishche kontseptsiy [Terms — the repository of concepts]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 10. Zhurnalistika* [Bulletin of Moscow University. Ser. 10. Journalism], 2012, no. 1, pp. 41–59. (In Russ.).
14. Makarova V.P. *Ispol'zovanie kreolizovannykh tekstov v uchebnike dlya razvitiya kommunikativnoy i sotsiokul'turnoy kompetentsii studentov* [Use of creolized texts in the textbook for the development of communicative and sociocultural competence of students]. Astrakhan, 2007. Available at: <http://www.lingvomaster.ru/files/351.pdf>. (In Russ.).
15. Maksimenko O.I. Polikodovyy vs. kreolizovannyi tekst: problema terminologii [Policidal vs. creolized text: the problem of terminology]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Ser.: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Ser.: Theory of language. Semiotics. Semantics], 2012, no. 2, pp. 93–103. (In Russ.).
16. Mar'ina L.P. SMI kak agent sotsializatsii megapolisa [Mass media as the agent of the socialization of the megalopolis]. *Sredstva massovoy informatsii v sovremennom mire. Peterburgskie chteniya* [Mass media in the modern world. Petersburg readings]. St. Petersburg, 2008. Pp. 30–31. (In Russ.).
17. Misonzhnikov B.Ya. *Fenomenologiya teksta (sootnoshenie sodержatel'nykh i formal'nykh struktur pechatnogo izdaniya)* [Phenomenology of the text (the ratio of the content and formal structures of the printed publication)]. St. Petersburg, 2001. 490 p. (In Russ.).
18. Raspopova S.S. Avtor kak real'nyy chelovek i obraz avtora v mediatekste [The author as a real person and the image of the author in the media text]. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki* [Questions of theory and practice of journalism], 2015, no. 2, pp. 149–158. (In Russ.).
19. Sazonov E.A. Fenomen “zheltoy pressy” [The phenomenon of the “yellow press”]. *Relga* [Relga], 2005, no. 7. (In Russ.).
20. Smetanina S.I. *Media-tekst v sisteme kul'tury (dinamicheskie protsessy v yazyke i stile zhurnalistiki kontsa XX veka)* [Media text in the system of culture (dynamic processes in the language and style of journalism of the late XX century)]. St. Petersburg, 2002. 383 p. (In Russ.).
21. Solganik G.Ya. K opredeleniyu ponyatiy “tekst” i “mediatekst” [To the definition of the concepts “text” and “media text”]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 10. Zhurnalistika* [Bulletin of Moscow University. Ser. 10. Journalism], 2005, no. 2, pp. 7–15. (In Russ.).
22. Sorokin Yu.A., Tarasov E.F. *Kreolizovannyye teksty i ikh kommunikativnaya funktsiya* [Creolized texts and their communicative function]. *Optimizatsiya rechevogo vozdeystviya* [Optimization of speech influence]. Moscow, 1990. Pp. 180–186. (In Russ.).
23. Jakobson R. *Izbrannyye raboty* [Selected works]. Moscow, 1985. 455 p. (In Russ.).

УДК 811.161.1
ББК 81.411.2

ЗАКОН И ПОРЯДОК ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

С. Н. Глазкова

Миасский филиал Челябинского государственного университета, Миасс, Россия

В статье рассматривается динамика правовой картины мира россиян в современных условиях. Этот феномен осмысливается в лингвокультурном аспекте. Анализируется национальная специфика данного явления и констатируется правовой нигилизм россиян. Делается вывод о несущественной эволюции правовой языковой картины мира россиян.

Ключевые слова: языковая картина мира, законность, российская правовая картина мира.

Культурные и правовые универсалии «не укради», «не убий» и другие в каждом обществе существуют с национальными правовыми и политическими практиками и стереотипами. Сегодня много спорят о маршруте политического и правового пути России, размышляя о том, что должно стать приоритетным для страны: национальное или европейское. Целью данной статьи является установление и оценка динамики языкового правового сознания россиян в лингвокультурном ключе.

Многие исследования лингвокультурологов, философов, когнитологов сосредоточены на изучении ментальности россиян, однако работы, посвященные изучению концептосферы «Закон — Право», не столь многочисленны. Основные понятия концептосферы «Закон — Право» включают в русской правовой картине мира не только концепты *юстиция*, *юриспруденция* и др., но и *совесть*, *справедливость*, *милосердие*, *правда* и др., что обусловлено спецификой языковой правовой картины мира россиян.

Для характеристики концепта *закон* обратимся к словарю Ю. С. Степанова «Константы русской культуры», в котором концепт *закон* рассматривается в трех сферах: юридической, религиозной (божественной), научной. Характеризуя концепт, исследователь пишет, что во всех этих сферах «проявляется одна и та же способность русской культуры — всюду закон мыслится прежде всего как «предел», за которым лежит какая-то иная сфера жизни или духа, «закон», следовательно — не высшая «категория», которой подчинено все лежащее в данной сфере, а лишь некая граница внутри сферы более широкой. <...> Неподчинение пределу (не обязательно «преступное») — вот, пожалуй, основная черта этого русского культурного

концепта» [7. С. 592]. Начиная с первого сборника русских законов, с «Русской правды», по комментарию Ю. С. Степанова, закон и покон (обыкновенные, обычай) дифференцировались для русских, т. е. концепт *закон* был соединен с концептом *обычай* [7]. Лингвист отмечает «формальность, невыработанность, неопределенность» концепта *закон*. «В любой европейской культуре понятию “закон, законность” противостоит, конечно, беззаконие. Но в русском менталитете “закону” противопоставлено и еще нечто, не скверное (беззаконие), а хорошее, доброе, положительное. За сферой закона, по русским представлениям, лежит еще — более обширная — область добра, совести, справедливости, хотя и не “регламентированная” <...> Закону юридическому противостоит правда, внутренняя справедливость, ощущаемая и знаемая в душе, совесть» [7. С. 597].

Таким образом, Ю. С. Степанов подчеркивает амбивалентность концепта *закон*, специфику его в языковом сознании россиян. Действительно, правовая картина мира европейца рациональна и прагматична, включает такие понятия, как право, закон, порядок, суд, юстиция, юриспруденция. Паремнологический материал подтверждает, что для россиянина очень важна этическая оценка права, отсюда значимость таких понятий, как *правда* и *неправда*. Неправда для носителей русского языка часто персонифицируется в судьей, правителей, чиновников. Закон в России двойствен и позволяет исполнять и трактовать его не по букве, а весьма произвольно. Убежденность русского человека в несправедности суда, в нечестности судей, в отсутствии справедливости в целом, а тем более в возможности найти управу на виновного выражены в паремиях и кажутся непоколебимыми: *Неправдою суд стоит; Где*

суд, там и неправда; Где закон, там и обида. Вредность такого социального института, как суд, для россиянина, очевидна: *В суд ногой — в карман рукой*. Согласно пословицам, суд Божий, суд морали и нравственности главенствует над судом законным, а полезность последнего оспаривается: *Хоть бы все законы пропали, только бы люди правдой жили; Все бы законы потонули, да и судей бы перетопили*. То, что справедливое (читай правильное) и законное (читай неправильное) могут не совпадать, тоже не секрет для россиянина: *На деле прав, а на бумаге виноват*. Одним словом, в пословицах утверждается недостижимость правового идеала для гражданина России: *В суд пойдешь, правды не найдешь*. Что касается граждан, то здесь и сегодня властвуют правовой нигилизм и уклонение от предусмотренной законом защиты нарушенных прав и свобод.

История России содействовала закреплению двойственного понимания закона. Многовековое крепостничество, бесправие и беззаконие немало способствовали формированию чувства правовой незащищенности человека, которое закрепилось как устоявшаяся государственная норма. До начала XX в. в России сохранялось право на телесные наказания *de jure* и *de facto*. И беззаконие монархии, и революционный (как, впрочем, и послереволюционный) террор одинаково способствовали закреплению жестокости как нормы юридического поведения личности. Произвол крепостников и судебных приучили к репрессиям как основному способу управления подданными. По данным С. Г. Воркачева, в предреволюционное десятилетие было репрессировано более 1,5 миллионов человек, число смертных казней в России только 1908 г. в 21 раз превысило их количество во всех европейских странах, в тюрьмах начала прошлого столетия истязали осужденных и подследственных [2]. А ведь это события всего лишь столетней давности! Затем, как известно, последовали мировая война, кровавая революция, интервенция и гражданская война (8 миллионов россиян погибли, 2 миллиона эмигрировали) и репрессии против явных и мнимых врагов народа и советской власти, постперестроечные годы, когда человек был брошен на выживание своими силами, беспредел 90-х... Увы, государство многие сотни лет убеждало россиянина в безоружности человека перед законом. Поправление юстиции, игнорирование правовых гарантий в течение веков — вот почва, на которой сформировался правовой ни-

гилизм русского человека. Эмоциональные слова о правовом нигилизме читаем у В. В. Колесова: «Закон <...> не воспринимается русским как норма. Норма репрессивна, она над тобою, давит и гнетет. <...> Норма заставляет, норма — модальность принуждения и несвободы. <...> И только пренебрегающий таким законом человек — свободен, потому что и вообще “дуракам закон не писан”» [6. С. 126]. Научную дефиницию этого явления находим в учебнике «Теория государства и права», предназначенном для будущих юристов: «Правовой нигилизм — это <...> характеристика определенных негативных, деформированных сторон правосознания <...> Правовой нигилизм противостоит в правосознании требованиям законности, своему антиподу. Законность в правосознании как раз и реализуется в идеалах соблюдения и уважения права, в укреплении правопорядка, в понимании культурной и духовной ценности права» [1. С. 568]. «Противостоит правовому нигилизму, иным деформациям правосознания такой сложный социальный феномен, как правовая культура» [1. С. 570]. Любопытно, что автор учебника А. Б. Венгеров делает оговорку вполне в духе русского правового сознания: «Сочетание знания правовых принципов и разумных конформистских убеждений — мощный фактор стабильности, упорядоченности в правовой сфере» [1. С. 572].

Таким образом, налицо противоречие между правовой культурой, правовым сознанием, юридическими нормами понимания закона и теми ментальными чертами, которые определяют круг национальных ценностей россиянина в этой области. Диссонанс этот с необходимостью должен проявиться в языке. Мы попытались зафиксировать и описать современное состояние языкового правового сознания россиян и отследить его динамику в постсоветское время.

Самосознание любой нации отражено в языке, поэтому язык является отличным камертоном духа нации. Мысль В. Гумбольдта о языковом мировидении, о *sprachliches Weltbild* (языковой картине мира) перестала быть метафоричной [5]. Образ мира зависит от того, на каком языке мы говорим и думаем. Разное языковое мышление — разные нормы поведения. Язык является возможностью не только понять истоки, но и отследить динамику культурно-правового языкового сознания. Людей одной культуры объединяет менталитет — совокупность мыслей, верований, ценностей, навыков сознания, которые в свою

очередь складываются в общую для нации картину мира. Правовая языковая картина мира объективируется прежде всего в ключевых словах и мотивах. Важнейшими являются неперебиваемые на другие языки слова — безэквивалентная лексика. Ключевое слово русской культуры — душа. Ну и, конечно, (не)справедливость, (не)правда, истина, тоска, надрыв, удаль, воля, неприкаянный, совесть, судьба, счастье, разлука, обида, жалость, милосердие и др. (список включает в себя более 100 слов). Динамика употребительности ключевых слов, связанных с правом, — важный материал для размышления (показатели взяты из материалов Национального корпуса русского языка). Анализ показал следующее.

Снизилась употребительность в период с 1980 г. по 2010 г. такие слова: судьба (с 106 до 79); обида (с 17 до 8); душа (со 128 до 69); раздолье (с 1,8 до 1,4); воля (с 40 до 31); совесть (с 50 до 21); суждено (с 20 до 15); смирение (с 7,5 до 5); жребий (с 5 до 3); вера (с 249 до 73); любовь (с 266 до 186); тоска (с 42 до 13); грусть (с 10,7 до 8,3); печаль (с 19 до 8,3); труд (со 100 до 63); друг (с 564 до 450); простор (с 22 до 10); обидно (с 37 до 29); совестно (с 12 до 2,6); сочувствие (с 11,4 до 5); дружба (с 33 до 15); чувство (с 205 до 100); лад (с 15,4 до 7,2); удаль (с 1,5 до 0,9); добро (с 51 до 31); случай (со 165 до 130); жалость (с 23 до 8,5), добропорядочный (с 1,2 до 0,3), истина (с 32 до 19); обман (с 17 до 10); гражданин (с 42 до 23), надо (с 1686 до 1200), зло (с 7,2 до 3,6), искренний (с 4 до 2,3) и другие.

Среди этих слов много лексем, связанных с нравственной составляющей правового сознания русского человека. Так, идея справедливости была и остается одной из ключевых идей русской языковой картины мира, правда воспринимается как фундаментальная основа жизни. Только в русском языке лексема *правда* сочетает одновременно три значения: истина, искренность и справедливость. Именно такой сложный комплекс отражает нравственную составляющую русской правды. Стремление к справедливости составляет один из наиболее значимых стереотипов русской нации. По утверждению Ф. М. Достоевского, «высшая и самая характерная черта нашего народа — это чувство справедливости и жажда ее». Принцип справедливости по-русски должен быть одухотворен милосердием и любовью. Именно такая правда отождествляется с русской идеей.

Лексемы, снизившие сегодня свою употребительность, всегда были значимы для русской мен-

тальности. Право юридическое уступало таким моральным категориям, как душа, жалость, сострадание, сочувствие. Душа, но не закон осмысливается русскими как мерило оценки деятельности любого человека, его поступков и пр. Однако современные реалии позволяют констатировать тенденцию к снижению употребительности слов, сопряженных с русской идеей: *совесть, обида, дружба, грусть, честный, зло* снизили за 30 лет свою употребительность в два раза, *добро, истина, судьба* — в 1,5 раза, *пошлость, совестно, тоска* — в 3 раза, *добропорядочный, жалость* — в 4 раза [4]. Морально-этические категории, ранее столь важные для правового поля россиянина, снижают свою весомость. Морально-этическое редуцируется по отношению к юридическому.

Существенно не изменили индекса употребительности следующие слова правовой языковой картины мира русских: *должен, человек, неудобно, правда, участь, мир, работа, обязанность, терпеть, маяться, удаль, законный, законопослушный, право, надрыв, случай, судья, судебный, тюрьма, мошенник, справедливость, суд, судья, грабитель, вор, законность, милосердие, сутяга*. Это подтверждает стабильность многих ядерных правовых и человеческих ценностей русской культуры.

Необходимо отметить, что употребление лексемы *правда* — это употребление по большей части вводного слова *правда*, но не существительного, с которым связывают ментальный смысл. Существительное *правда* сильно снизило свою употребительность, т. е. эту лексему следовало бы отнести к группе слов с отрицательной динамикой употребления [4]. Отметим диссонанс: в российских правовых документах слова «справедливость» и «правда» как термин отсутствуют, они не зарегистрированы в юридических словарях. При этом они остаются ключевыми в правовой языковой картине мира русских.

Для обнаружения основной тенденции в эволюции правовой языковой картины мира россиян существенными стали те лексемы, которые повысили свою употребительность. Они составляют лишь 9 % из исследуемых. Среди них следующие: закон (с 82 до 110), русский (со 107 до 172), россиянин (с 0,3 до 4,5), деньги (с 306 до 490), отношение (с 98 до 140), благо (с 32 до 47), долг (с 42 до 55), юрист (с 4,4 до 8), можно (с 1284 до 1900), правосудие (с 1,3 до 2,2), юстиция (от 0,3 до 4), отсудить (в отличие от засудить и высудить), беспредел (от 0 до 6).

Противопоставление морального права и закона, права политического и этического, нравственность как главный критерий оценки всего происходящего называют среди важных черт русской ментальности. Рост употребительности слова *закон* свидетельствует о некоторых изменениях в этой области.

Положительная динамика употребительности лексемы *долг*, как показывает анализ выборки примеров, связана с увеличением употребительности слова в значении *долг денежный*, что, безусловно, отражает картину экономической жизни россиян. Но, увы, не свидетельствует об усилении гражданской ответственности по отношению к соблюдению социальных (в том числе и правовых) норм. *Законопослушность* практически не разработана в правовом лексиконе русских.

Рост употребительности лексемы *юрист* свидетельствует об укреплении в правовой практике статуса юристов, об увеличении их числа и, следовательно, о востребованности знатоков закона.

По типологии русскую культуру справедливо считают отношенческой. Изменение индекса частотности лексемы *отношение*, видимо, косвенно говорит об эскалации этой черты менталитета россиян. По-прежнему отношения между людьми (не закон и нормы!) считаются основополагающими при решении любых, даже правовых вопросов.

Изменения в употребительности правовой лексики, концептуальной для русского правового сознания, свидетельствуют о начавшихся изменениях в правовом менталитете русских. Речь идет об уменьшении весомости культурно разработанных слов и небольшом увеличении значимости ранее слабо культурно разработанных лексем. Это свидетельство начала трансформации русской правовой языковой картины мира. Мы являемся современниками, свидетелями и участниками этого процесса.

Вопреки начавшейся эволюции правового сознания россиян отрицательное отношение к закону и его чиновникам в России остается неизменным. Совесть и правосудие, мораль и право, правда и юстиция, справедливость и закон по-прежнему противопоставлены в языковом сознании россиянина. Производные от *justitia* (лат.) в европейских языках означают единство закона, правосудия, справедливости. В русском языке этическое и юридическое традиционно полярны.

Г. М. Гачев называет по отношению к ментальности «три точки для характеристики: древность (миф, фольклор), классика, современность»

[3. С. 28]. Мы дали анализ современного бытования лексики, включающей важные ментальные единицы правового поля россиянина. Далее приведем примеры из литературы и фольклора и смежных с ним явлений.

В классической литературе подчеркивается противоречивость языкового сознания русских: сочетание правового нигилизма («*Нет правды на земле*») и исторического оптимизма, веры в лучшее будущее, когда справедливость восторжествует («*Вот приедет барин — барин нас рассудит*»). Категории права в литературе двух последних веков часто подменяются категориями этики — добра и зла. Сохраняется конфронтация личности и закона: закон для россиянина «по умолчанию» несправедлив и является оппозицией морали — правды и совести. Закон иногда становится препятствием: мешает разгуляться на просторе и на воле (по свидетельствам А. Д. Шмелева, А. А. Зализняк и др., это ключевые концепты русской языковой картины мира). Приведем одну из многочисленных цитат. Герой романа Д. Мережковского «Александр I» горько замечает: «*Русский человек — самый вольный человек в мире <...> Я говорю: вольный, а не свободный <...>; тела в рабстве, а души вольные. <...> В Европе — закон и власть. Там любят власть и чтут закон; умеют приказывать и слушаться умеют. А мы не умеем, и хотели бы да не умеем. Не чтим закона, не любим власти — да и шабаш. <...> Все, что в России хорошо, — по благодати, а что по закону — скверно*».

Следующая фраза принадлежит русскому государю, освободителю крестьян от крепостного ига Александру II: «Все страны живут по законам, а Россия по пословицам и поговоркам». А пословицы, как было уже сказано выше, осмысливают закон весьма критически: законы святы, да судьи супостаты. Привычка фрондировать по отношению к официальным властям в правовом поведении россиян, судя по литературному материалу, сохраняет стабильность. Правовому сообществу предъявляют обвинения в мздоимстве, неправедности, безразличии к высшим ценностям на земле — справедливости и правде.

Пожалуй, еще об одном феномене, близком к фольклору, следует сказать отдельно. Это феномен популярности в современной России шансона. Понимать это явление можно максимально широко и, напротив, очень узко. При любом понимании, однако, из репертуара шансона невозможно удалить тюремные песни. Думается,

страна, в который исполнители шансона, в том числе тюремных песен, собирают огромные залы, действительно имеет особое, не юридическое понимание юстиции. Вероятно, в современном шансоне соединились три важнейших для русских чувства: обида, тоска, жалость; главные русские мифы: воля, любовь, правда, справедливость, судьба; три весомых для русского человека состояния: порыв, надрыв, безысходность. Размышляя об этом, по-иному слышишь широко тиражируемые песни:

Эх, воля! Законов нет и нет УК. Эх, воля! Без курмового и курка. Эх, воля! Заборов нет и нет зимы От КПЗ до Колымы (С. Наговицын). Тюрьма стоит, столица спит, земля вращается. Бутырская тюрьма — судьба ломается. Бутырская тюрьма — душа так мается. Бутырская тюрьма — жизнь не кончается (Группа «Бутырка»). Шел я в карцер босыми ногами, как Христос, и спокоен, и тих, десять суток кровавыми красил губами я концы самокруток моих (Ю. Алешковский).

Известные строчки, знаменитые имена... Мнения о шансоне глубоко различны: его обвиняют в низкопробности, говорят о падении русской культуры, о низменности блатных и тюремных песен. Как бы мы ни относились к явлению шансона, его популярность нельзя отрицать. Коль скоро тюремная песня имеет своих многочисленных слушателей, явление это значимо в России. Отметим одну особенность шансона. При сравнении с фольклорными тюремными песнями прошлого обнаруживается тематическое и эмоциональное сходство. Различие — лишь вопрос мастерства автора (причем литературная основа песен шансона может быть по-настоящему хорошей). Видимо, шансон — продолжение традиционной русской народной культуры. Песни о тюремной неволе, о наказании, о том, как герой поступил по справедливости, но не по закону, очень популярны и в репертуаре современного шансона, и в фольклорных песнях. Достаточно привести в пример тюремную песню из классического сборника фольклора прошлого века:

Голова-то моя ль удалая, Долго ль буду тебя я носить, А судьба ты моя роковая, Долго ль буду с тобою я жить? Через тебя я спознался с тюрьмою, Для чего родила меня мать? Для того чтоб сидеть в этой клетке И тюремную жизнь испытать. Много лет просидел в одиночке И родных не видал никого, Только злая тоска грудь сосала И тюремная дума всегда. Знать, помру на тюремной постели, Похоронят меня кое-как, Тут

не простятся со мною родные, Не поплачет родимая мать.

Налицо сходство мотивов, тональности, мироощущения. Видимо, критическое отношение к закону и сострадание в осужденным было и остается правовой константой русского менталитета. От Петра I и до сего дня попытки реформировать судебную-правовую систему России, а заодно правовое сознание граждан заканчивались провалом: традиционное мышление (его называют общинным, православным, морально-этическим, подданническим, коллективистским, уравнилельно-почвенническим и пр.), являясь основой русского менталитета, вступало в противоречие с западным мышлением (предпринимательским, прагматическим, активным, рационалистическим, индивидуалистическим). Возможно, поэтому реформы в России терпели поражение.

Россиянин всегда находится в оппозиции. И не только к власти и закону, но и к Западу. Это противостояние сдерживает движение к цивилизованной правовой системе в ее европейском понимании. Русский национализм возник как реакция на экспансию Запада. Многовековая логика диалога Россия-Запад парадоксальна: с петровских реформ Россия догоняет Европу, впрочем, безрезультатно, противостоит ей, отрицая ее ценности. Это тоже одна из констант российского менталитета.

Тем не менее изменения в сторону европеизации и некоторого размывания самоидентичности регистрируются языковой статистикой. Отношение россиян к закону становится более терпимым. По данным опроса С. Г. Воркачева, из русской правовой картины мира уходят религиозные представления о возмездии, Божьей каре [2]. Запущенная правовая машина понемногу начинает работать.

Однако национальные культуры развиваются одновременно в двух направлениях: центристском (тенденции к сохранению национального), и центробежном (тенденции толерантности к инокультуре). Двухголосие русского человека проявляется в поединке разума и чувства, причем в состязательном процессе победа всегда на стороне чувства, в первую очередь чувства справедливости. Моральная оценка остается базовой, основой морали по-прежнему является совесть. Она же остается основным рычагом регуляции поведения человека в социуме. Правовые и культурные реалии по-прежнему оппозиционны, а доверие к власти, по социологическим опросам, все так же невелико. Юридическая практика, увы,

сдерживает эволюцию правовой системы в нашей стране. Поворот к закону пока не является всеобщим, однако потепление к нему уже нельзя игнорировать. Зреет новое понимание: справедливость не нравственный закон, а феномен права. Тем не менее пока каждый десятый молодой и каждый второй немолодой россиянин испытывает скептицизм относительно торжества справед-

ливости [2]. Ментальные сущности, как известно, являются очень устойчивыми. Можно констатировать, что европеизация правового стандарта началась, но идет не слишком быстрыми темпами. Правовые константы россиян сохраняют стабильность, и правовая картина мира носителей русского языка подверглась лишь незначительным изменениям.

Список литературы

1. Венгеров, А. Б. Теория государства и права / А. Б. Венгеров. — М., 2014. — 528 с.
2. Воркачев, С. Г. Правды ищи: идея справедливости в русской лингвокультуре : монография / С. Г. Воркачев. — Волгоград, 2009. — 190 с.
3. Гачев, Г. Д. Ментальности народов мира / Г. Д. Гачев. — М., 2008. — 544 с.
4. Глазкова, С. Н. Русский менталитет сегодня: реалья или фантом? / С. Н. Глазкова // Русский язык и русская литература в поликультурном пространстве XXI века : материалы I Междунар. науч.-практ. конф. — Киров, 2016. — Т. 2–3, вып. 8. — С. 7–13.
5. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт. — М., 2000. — 400 с.
6. Колесов, В. В. Русская ментальность в языке и тексте / В. В. Колесов. — СПб., 2006. — 624 с.
7. Степанов, Ю. С. Константы: Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. — М., 2004. — 992 с.

Сведения об авторе

Глазкова Светлана Николаевна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры филологии, Миасский филиал Челябинского государственного университета. Миасс, Россия. snglaz@rambler.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2017. No. 12 (408). *Philology Sciences. Iss. 110. Pp. 56–61.*

THE LAW AND ORDER IN MODERN RUSSIAN

S. N. Glazkova

Miass branch, Chelyabinsk state university, Chelyabinsk, Russia. snglaz@rambler.ru

The dynamics of a legal picture of the world of Russians in modern conditions is considered. This phenomenon is comprehended in linguocultural aspect. National specifics of this phenomenon are analyzed and the legal nihilism of Russians is stated. The conclusion is irrelevant to the evolution of legal language picture of the world of Russians.

Keywords: *language picture of the world, legality, Russian legal world pictures.*

References

1. Vengerov A.D. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of state and law]. Moscow, 2014. 528 p. (In Russ.).
2. Vorkachev S.G. *Pravdi ishi: ideya spravedlivosti v russkoj lingvokulture* [Truth seek: the idea of justice in Russian linguistic culture]. Volgograd, 2009. 190 p. (In Russ.).
3. Gachev G.D. *Mentalnosti narodov mira* [Mentality of the peoples of the world]. Moscow, 2008. 544 p. (In Russ.).
4. Glazkova S.N. Russkij mentalitet: realija ili fantom [Russian mentality: a reality or a phantom]. *Russkij jazyk i russkaja literatura v polikul'turnom prostranstve XXI veka. T. 2–3, vyp. 8* [Russian language and Russian literature in the multicultural environment of the XXI century. Vol. 2–3, iss. 8]. Kirov, 2016. Pp. 7–13. (In Russ.).
5. Humboldt W. *Izbrannii trudi po lingvistike* [Selected works on linguistics]. Moscow, 2000. 400 p. (In Russ.).
6. Kolesov V.V. *Russkaya mentalnoct v yazike i tekste* [Russian mentality in language and text]. St. Petersburg, 2006. 624 p. (In Russ.).
7. Stepanov Y.S. *Konstanti: Slovar russkoj kulturi* [Constants: Dictionary of Russian culture]. Moscow, 2004. 992 p. (In Russ.).

УДК 811

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ РЕЧЕВОЙ АГРЕССИИ (на материале англоязычных печатных СМИ)

И. В. Глухова

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Рассматриваются лингвистический и психологический подходы к исследованию феномена речевой агрессии, ее содержание и функции. Выявляются лексико-семантические способы выражения речевой агрессии в англоязычных печатных СМИ. Представлен анализ использования иронии, метафоры, неологизмов, негативизмов и языковой демагогии с учетом экстралингвистических факторов, которые обуславливают появление и функционирование речевой агрессии в прессе.

Ключевые слова: *речевая агрессия, речевое воздействие, средства массовой информации, лексико-семантические средства.*

Происходящие в последние десятилетия политические, экономические и социальные изменения в нашей стране стали причиной тектонических сдвигов в языке и тренда на снижение речевой культуры. Так называемая «демократизация» языка, намеренное игнорирование литературной нормы привели к агрессивности и вульгаризации речи во всех сферах жизнедеятельности. Несмотря на принятый в 2005 г. Закон о сохранении русского литературного языка, процессы огрубления и дисфемизации языка продолжают развиваться и поддерживаться, особенно в медиасфере. Можно констатировать, что речевая агрессия становится неотъемлемой частью российской культуры и потому вызывает интерес исследователей различных научных направлений: социальной психологии, социологии, коммуникативной лингвистики, прагмалингвистики, эколингвистики и др.

Актуальность изучения данного феномена обусловлена необходимостью исследования деструктивной роли речевой агрессии в процессе общения для достижения взаимопонимания, эффективного взаимодействия и толерантного восприятия других коммуникантов.

В данной статье мы рассмотрим реализацию агрессии в СМИ посредством языковых средств, выбор которых определяется коммуникативными стратегиями и тактиками, составляющими основу речевого поведения.

Анализ исследований по данной теме показывает отсутствие единого подхода к изучению речевой агрессии и, соответственно, единой трактовки самого понятия: речевая агрессия в узком понимании — это речевой акт, замещающий агрессив-

ное физическое действие (оскорбление, насмешка, угроза, враждебное замечание, категоричное требование без использования общепринятых этикетных средств) [1]. В широком смысле под вербальной агрессией понимаются все виды наступательного, доминирующего речевого поведения, что дает возможность рассматривать феномен речевой агрессии как в поведенческом, так и речевом аспекте. Приведем определения «речевой агрессии» или «вербальной агрессии», которые отражают психологический подход, подразумевающий речевое поведение, в основе которого особое психологическое состояние участника коммуникации.

«Агрессия вербальная — форма поведения агрессивного, в которой используетсяотреагирование своих отрицательных эмоций как посредством следующих интонаций и других невербальных компонентов речи, так и посредством угрожающего содержания высказываний» [3. С. 12–15].

Речевая агрессия — это «индивидуальное или коллективное поведение, направленное на нанесение физического и психологического вреда, ущерба, либо на уничтожение другого человека или группы людей» [5. С. 211].

«Речевая агрессия — это форма речевого поведения, нацеленного на оскорбление или преднамеренное причинение вреда человеку, группе людей, организации или обществу в целом. Речевая агрессия мотивирована агрессивным состоянием говорящего и зачастую преследует цель вызвать или поддержать агрессивное состояние адресата» [12. С. 460].

«Агрессия (агрессивность) речевая — речевая грубость по отношению к собеседнику, проявля-

ющаяся в отборе резких, оскорбительных слов, в том числе нецензурных ругательств, насмешливых интонаций, в повышенной громкости голоса, в резко отрицательных оценках собеседника, неприятных для него намеках, грубой иронии и др. Некультурное речевое поведение» [6].

Лингвистический подход к изучению речевой агрессии предполагает исследование языковых способов ее выражения, соответственно, это понятие трактуется как «использование языковых средств для выражения неприязни, враждебности, манера речи, оскорбляющая чье-либо самолюбие, достоинство» [12. С. 340]. «Речевая агрессия — неаргументированное или вовсе или недостаточно аргументированное открытое или скрытое (латентное) вербальное воздействие на адресата, имеющее целью изменение его личностных установок (ментальных, идеологических, оценочных и так далее) или поражение в полемике» [8].

«Речевая агрессия — осуществляемое средствами языка воздействие на сознание адресата, а именно явное и настойчивое навязывание собеседнику (читателю) определенной точки зрения, лишаящее его выбора и возможности сделать собственный вывод, самостоятельно проанализировать факты» [3. С. 96].

В эколингвистике речевая агрессия — это «вербальное выражение негативных чувств, эмоций, намерений в такой форме, которая неприемлема в данной речевой ситуации» [11. С. 15].

В прагмалингвистике речевая агрессия рассматривается как способ речевого воздействия (или программирования, по терминологии Т. М. Дридзе), поскольку, с одной стороны, воздействие является основной функцией языка наряду с функциями общения и сообщения, а с другой стороны, это однонаправленное эмоциональное негативизирующее воздействие на адресата. «Установка адресанта на то, что его позиция должна быть принята адресатом безоговорочно», является главной характеристикой речевой агрессии [4. С. 18].

Поскольку проявление речевой агрессии возможно как в межличностном, групповом, так и в массовом общении, а также любом типе дискурса, то, по мнению Т. А. Воронцовой, ее можно рассматривать как коммуникативно-прагматическое явление. Реализация речевой агрессии связана с коммуникативными стратегиями и тактиками, которые обуславливают выбор определенных языковых средств.

Отметим исследование Р. Х. Хайруллиной, в котором автор предлагает дифференцировать

термины «речевая агрессия» и «языковая агрессия» по способу выражения агрессии. «Если в речи это прежде всего фонационные и невербальные средства, речевая ситуация в целом, то в языке это лексико-грамматические средства, получившие закрепление в лексическом фонде и грамматическом строе языка» [9. С. 334].

Большинство зарубежных исследователей (А. McCabe, J. Lipscomb, M. K. Underwood et al.) придерживаются лингвистического подхода для изучения речевой агрессии: «Any sentence or phrase standing alone and judged to be a reprimand, harsh, command, tattle, tease, insult, rejection, hostile assertion of ownership or priority, callous factual statement, accusation, criticism, obscenity or other expletives». В качестве базового определения используется определение, предложенное Д. Инфанте, автором «Современной теории коммуникации»: «Verbal aggressiveness is a predisposition to attack the self-concept of others and is associated with name-calling, the use of threats, and ultimatums, negativity, resentment, and suspicion. It is considered a negative, destructive form of communication».

Таким образом, вышеприведенные определения речевой агрессии подтверждают неоднозначность и многоаспектность данного феномена и позволяют рассматривать речевую агрессию как лингво-психологическое явление, то есть как намеренное коммуникативное действие, целью которого является создание негативного эмоционально-психологического состояния у объекта речевого воздействия [7]. Это воздействие реализуется через угрозу, оскорбление, обвинение, возмущение, упрек, насмешку, демонстрацию обиды, создание отрицательного образа, дискредитирующее утверждение и другие тактики.

В нашей статье мы рассмотрим лексико-семантические средства выражения речевой агрессии в англоязычных печатных СМИ. Выбор последних в качестве материала исследования обусловлен, во-первых, тем, что в настоящее время именно они создают основную коммуникативную среду для реализации речевой агрессии, поскольку «по количеству единовременных реципиентов определенного речевого воздействия она существенно опережает другие области функционирования информации». Во-вторых, агрессивность в печатных СМИ всегда является осознанной и намеренной, а не случайной и/или спонтанной [3].

Выбор печатных СМИ в качестве материала исследования обусловлен также трендом

на вытеснение информативной функции, обычно присущей печатным СМИ, и преобладанием функции информационного воздействия, которая реализуется посредством интерпретации событий, исходя из определенных критериев или установок и оценки их [9]. Таким образом, оказывается возможным в значительной мере влиять на формирование общественного сознания и контролировать общественное мнение. С другой стороны, «медиатизация» общества непосредственно связана с развитием телекоммуникационных технологий и их стремительным охватом всех сфер жизнедеятельности. Соответственно, можно говорить об огромном информационно-психологическом потенциале речевого воздействия, еще более актуализирующем важность исследования деструктивного воздействия СМИ на эмоциональное состояние общества.

В речи агрессия может проявляться на лексическом, грамматическом и текстовом уровне. В нашем исследовании мы ставим задачу показать, как лексико-семантические средства репрезентации речевой агрессии помогают выразить авторскую позицию, интерпретировать и оценить представляемое событие и эмоционально воздействовать на читателя. За основу мы берем типологию средств речевой агрессии К. Ф. Седова и Е. В. Власовой. Для контекстуального лексико-семантического анализа текстов печатных СМИ мы выбрали и перевели на русский язык примеры из статей в англоязычных изданиях “Foreign Policy”, “The Guardian”, “The Independent”, “Financial Times”, “The New York Times”, “The Times”: “Donald Trump’s Unpredictability is Destabilizing the World” by G. Rahman (Непредсказуемость Д. Трампа дестабилизирует мир), “UK Government in Discreet Move to Boost Relations with Russia” by K. Sengupt (Правительство Великобритании осторожно налаживает отношения с Россией), “These are Your People, President Trump” by C. I. King (Это Ваш народ, Президент Трамп), “Don’t Trust Trump’s Vows to Keep Sanctions on Russia” by T. Malinovsky (Не верьте клятвам Трампа сохранить санкции против России), “The Policies of White Resentment” by C. Anderson (Политика презрения), “German Election Mystery” by M. Schwirtz (Тайна выборов в Германии), “Rocket Man Knows Better” by B. Harden (Коротышке виднее). Тексты этих статей включают критические высказывания в адрес наиболее влиятельных и популярных политиков, которые находятся в центре внимания прессы и читательской аудитории. Лексико-семантический

анализ данных текстов выявил наличие следующих способов выражения речевой агрессии: негативизмы или негативные оценочные средства, метафору, иронию, неологизм и языковую демагогию. Далее мы рассмотрим отобранные примеры (контексты).

Наиболее распространенным средством речевой агрессии, нацеленной на активное воздействие на адресата, являются лексемы негативного экспрессивно-оценочного характера или негативизмы, то есть лексические единицы с однозначно отрицательной коннотацией, стилистически сниженные слова, воспринимаемые как грубые, но тем не менее долго сохраняющиеся в памяти и легко заменяющие информирование на воздействии на эмоциональное состояние читателя:

“North Korea is **gleefully** shooting missiles over Japan and splashing them into the Pacific ocean” (Северная Корея злорадствует, запуская ракеты в сторону Японии и топя их в Тихом океане).

“**Chillaxed** V. Putin cultivates strongman persona with holiday adventures” (В. Путин даже во время отдыха демонстрирует образ сильного лидера).

“It would legitimize great power spheres of influence, encourage further **aggression** by Russia and others, while recognizing Putin’s **false** claim to be a defender of Western civilization against terrorism” (Это бы узаконило сферы влияния великих держав, воодушевило бы Россию и другие страны на дальнейшие агрессивные действия, а также подтвердило бы лживые заверения Путина о защите западной цивилизации от терроризма).

“<...> keep repeating the central **tenet** of Moscow’s **propaganda** <...>” (<...> продолжать повторять главный догмат пропаганды Москвы <...>).

“White **resentment** put D. Trump in the White House” (Презрение к темнокожим привело Трампа в Белый дом).

“Donald Trump is very proud of his **unpredictability**. The US president likes **to boast** that — unlike Barack Obama — he has no intention of signalling his plans to the world” (Дональд Трамп очень гордится своей непредсказуемостью. Президент США любит похвастаться, и в отличие от Барака Обамы, не рассказывает всему миру о своих планах).

“President Trump’s **mealy-mouthed mutterings** on the terrorism let loose in Charlottesville on Saturday are worthy of the **hypocrite** and **instigator of hate** that he has proved himself to be” (Неискренние слова о терроризме, которые Президент Трамп выдал из себя в субботу в Шарлотсвилле, выстави-

ли его лицемером и подстрекателем к ненависти, и стали подтверждением того, что он таковым и является).

“President Trump called Kim Jong-un “Rocket Man” and **threatens** to “totally **destroy** North Korea.” Mr. Kim called Mr. Trump “a **mentally deranged** U.S. dotard” and threatens to “definitely **tame**” him with “fire.” (Президент Трамп назвал Ким Чен Ына “коротышкой с ракетой” и пригрозил уничтожить Северную Корею. Господин Ким Чен Ын обозвал Трампа слабоумным стариком и, в свою очередь, пригрозил “укротить его огнем”).

“But Trump took to **bragging** about the stock market’s new height” (Но Трамп принялся хвастаться небывало высокими показателями на фондовом рынке).

“On the policy level, Mr. Trump has already executed a number of **dizzying flip-flops**” (Господин Трамп уже совершил ряд головокружительных маневров в политике)

“They are making the intellectual case for a man who is the ultimate **anti-intellectual**” (Они доказывают наличие интеллекта у человека, который, по сути, является настоящим анти-интеллектуалом).

“It’s hard to imagine that an American president would actually want to **disrupt** decades of old American alliance with a democratic and united Europe, while making deals with an **anti-American dictator** in Russia” (Не верится, что президент США действительно хочет разрушить многолетний союз с единой демократической Европой, договариваясь с российским диктатором, проводящим антиамериканскую политику).

“He built his political career around a **tedious** catchphrase about his willingness to fire **losers**” (Он построил свою политическую карьеру на бесконечно повторяемой фразе о желании уволить всех лузеров).

“It seems that Mr. Trump informed his visitors that he had sacked the Federal Bureau of Investigation director because he was a **total nutjob**”. (Кажется, господин Трамп уже проинформировал своих собеседников об увольнении главы Федерального бюро расследований, которого он назвал полным психом).

“They decided to launch an event that would give people the freedom to discuss their failures, and in line with the no-holds-barred approach of the event they gave it the **profane** name of “**Fuck UP Nights**”. (Они решили организовать мероприятие, где люди могли бы свободно обсуждать свои промахи и неудачи без каких-либо ограничений, и дали

ему оскверняющее чувства верующих название «Вечер обломов»).

“White resentment is so **myopic** and **selfish** that it cannot see that when the larger nation is thriving, whites are, too” (Презрение белых настолько недальновидно и эгоистично, что они не могут понять, что, когда большинство населения процветает, они тоже процветают).

“Instead, it favors policies and politicians that make America white again, but also hobbled and weakened, a nation that has **squandered** its greatest assets — its people and its democracy” (Вместо этого они благосклонны к политике и политикам, которые превращают Америку в страну для белых, но одновременно отсталую и слабую, в народ, который разбазарил свои главные активы — людей и демократию).

“But while this grand picture suggests a deliberate plan devised in Beijing, it also reflects an **unbridled commercial frenzy**” (Эта потрясающая картина говорит не только о наличии у Пекина продуманного плана, но и неукротимом коммерческом безумии).

В приведенных примерах использованы лексемы (gleefully, hypocrite, instigator, mealy-mouthed, mentally-deranged, mutterings, selfish, tedious, total, ultimate, unbridled, unpredictability), оценочный компонент семантической структуры которых получает предметную соотнесенность в определенном контексте и выражает субъективное отношение автора; негативизмы (aggression, anti-American, anti-intellectual, dictator, false, frenzy, hate, loser, nutjob, propaganda, resentment), представляющие собой убедительные имплицитные суждения, и глаголы с осуждающей семантикой (boast, destroy, disrupt, destabilize). Эти языковые средства создают негативный эмоциональный тон и стилистику, соответствующую интеллектуальным и эмоциональным потребностям адресата, и разрушают нейтральный тон сообщения фактов. Использование религиозной лексики *tenet* в сочетании с *propaganda* оценивает позицию оппонента как крайне жесткую, неспособную на компромиссы, неадаптивную к современным реалиям. Просторечные слова (*chillaxed, squandered, whites*) и жаргонные выражения (*dizzying flip-flops, fuck-up*), а также религиозная лексема *profane* выполняют не только функцию экспрессивного средства выражения негативной оценки, но и способствуют установлению доверительного контакта с читателем и манипулированию его сознанием. Оценочная лексика, умело

вставленная в текст, является самым примитивным, прямым средством выражения агрессии. Создавая пренебрежительную тональность и навязывая подавленное настроение, она оказывается способной лишить информационный текст беспристрастности и объективности, одновременно выполняя функцию аргументации авторской позиции.

В следующих примерах метафора (военная лексика, слова книжного стиля, сравнения, полисемия) выступает как средство создания негативных образов, вызывающих насмешку или отвращение к объекту критики, и одновременно сводит к минимуму ответственность автора в случае буквальной интерпретации его слов.

“Mr. Mugabe mocked Mr. Trump as a “**giant gold Goliath**” and said other nations were “embarrassed if not frightened” by his statements about North Korea” (Господин Мугабэ назвал Трампа “гигантским золотым Голиафом” и сказал, что другие государства, если не напуганы, то смущены его заявлениями о Северной Корее).

“Under former President Barack Obama, U.S. — Russia relations only grew **rockier** — Russia’s 2014 annexation of the Crimean Peninsula from Ukraine **sparked** sanctions and a diplomatic **scuffle**” (При прежнем Президенте Б. Обама российско-американские отношения становились все более непростыми. Присоединение Крыма Россией в 2014 г. стало причиной введения санкций и дипломатической потасовки).

“Many of America’s **allies** are in a state of confusion and alarm. And America’s **adversaries**, in particular China and Russia, are taking advantage of the **disarray to advance** their own interests” (Многие союзники Америки встревожены и растеряны, а противники, особенно Китай и Россия, используют замешательство в своих интересах).

“A **semi-vanquished enemy** is rising **zombielike** from the **crypt** of America’s dimly remembered wars” (Почти сломленный враг поднимается, подобно зомби, из склепа смутно припоминаемых Америкой войн).

“Over the past week, Trump’s anger has **boiled over**” (Трампа кипел от гнева всю прошлую неделю).

“Trump’s speech went over well at least one country — Russia, whose **rocky** relationship with the United States <...>” (Речь Трампа имела успех по крайней мере в одной стране — России, с которой у США непростые отношения).

“Russia is taking a rapidly expanding role in Lybia. Sir Michael Fallon, the Defence Secretary, recently

warned Russia against interfering in Lybia, declaring: **We don’t need the bear sticking his paws in** <...>” (Россия очень быстро укрепляет свои позиции в Ливии. Сэр Майкл Фэллон, министр обороны, недавно предупредил Россию о недопустимости вмешательства в дела Ливии. Он заявил: «Нам не нужен медведь, запускающий свои лапы в <...>»).

“<...> back off our irritating campaign against corruption and **money laundering**” (<...> отказаться от нашей раздражающей всех борьбы с коррупцией и отмыванием денег).

“**We** see a lot of potential here with this particular administration. But we are not going to **live or die** by him” (Мы хорошо понимаем возможности этой администрации, но он [Трамп] для нас не есть вопрос жизни или смерти).

“Senator Dianne Feinstein described Trump’s speech as “**bombastic**” (Сенатор Д. Фейнштейн назвала речь Трампа напыщенной).

“The deputy attorney general R. Rosenstein — overseeing the Russia **saga** in lieu of Sessions <...>” (Помощник генерального прокурора Р. Розенштейн наблюдает за русской сагой вместо заседаний <...>).

“England fans have been warned that they are “100 %” guaranteed to be the **target** for Russian hooligans at the 2018 World Cup and that the tournament will be “**a festival** of violence” for some locals” (Английские фанаты предупреждены о «100-процентной гарантии» того, что они станут мишенями для российских хулиганов во время проведения Чемпионата мира по футболу в 2018 г., а также о том, что этот турнир станет «праздником насилия» для местных жителей).

“**We** have seen the UK **echo** the Trump administration on a number of matters” (Мы видели, как Соединенное Королевство следует за администрацией Трампа по целому ряду вопросов).

“In addition to his more **bellicose** words, Trump offered a note of thanks to Russia and China for supporting a recent round of stronger sanctions” (Помимо воинственных слов в адрес Северной Кореи, Трамп выразил признательность России и Китаю за поддержку недавних санкций).

“President Trump delivered a **harsh** message to world leaders on Tuesday, **bluntly** warning that the U.S. may have “totally destroy” North Korea if it continues on its current path. Trump also criticized China, mildly **rebuked** Russia, **condemned** Venezuela’s government and suggested he might **scrap** the Iran nuclear deal” (Президент Трамп отправил суровое послание мировым лидерам, от-

крыто предупреждая, что США возможно придется полностью разрушить Северную Корею, если она продолжит свою линию. Трамп также покритиковал Китай, мягко упрекнул Россию, обругал правительство Венесуэлы и предложил отказаться от договоренности с Ираном по ядерной программе).

“Trump’s **ignorant hate** speech belongs to **medieval** times — not the 21st century UN — unworthy of a reply” (Бездарная речь Трампа в духе Средневековья не соответствует реалиям XXI в. и потому недостойна ответа).

“Lavrov’s reception to Trump’s speech stood in **stark** contrast to other responses” (Реакция главы МИД России С. Лаврова на речь Трампа была полной противоположностью реакции других).

“At his dacha outside Moscow, Stalin didn’t completely **buy** what Kim was trying to **sell**. He warned his eager Korean **acolyte**, “If you should get kicked in the teeth, I shall not lift a finger” (На встрече в загородной резиденции Сталин отлично понимал замысел Ким Ир Сена. Он предупреждал своего зарвавшегося прислужника: “Если проиграешь, на меня не рассчитывай”).

Военная лексика (*adversaries*, *allies*, *annexation*, *disarray*, *enemy*, *advance*, *target*) создает у читателя впечатление бескомпромиссной, масштабной борьбы с продуманной стратегией и тактикой, которая ведется другими государствами в отношении США, и показывает, какому сильному и изворотливому врагу противостоит страна.

Использование так называемых инклюзивных местоимений *we*, *our* помогают объединить отправителя и получателя сообщения, создать иллюзию взаимопонимания и единства мнений автора и читателя.

Лексемы (*bluntly*, *boiled*, *bombastic*, *condemned*, *crypt*, *dimly*, *buy and sell*, *funerals*, *echo*, *festival*, *harsh*, *hate*, *get kicked*, *gleefully*, *ignorant*, *live or die*, *medieval*, *post mortems*, *saga*, *scrap*, *scuffle*, *sparked*, *unworthy*, *zombielike*), используемые в вышеприведенных примерах, служат эффективным средством выражения скрытого возмущения и однозначно негативной оценки происходящих событий.

Книжные слова (*acolyte*, *bellicose*, *rebuke*, *vanquished*) вносят негативную оценку в описание событий и характеризуют политиков как не совсем адекватных людей, оторванных от реалий современной жизни.

Достаточно распространенным средством выражения речевой агрессии в англоязычных печат-

ных СМИ выступает ирония или слова, контекстуальный смысл которых противоречит прямому значению:

“Each week Donald Trump seems to make more news than most presidents do in a lifetime” (Кажется, еженедельно Д. Трамп создает больше новостей, чем любой другой президент).

“Trump has long claimed to be the smartest guy in business” (Трамп давно претендует на звание самого находчивого бизнесмена)

“The costs of his unpredictability are becoming clear” (Издержки его непредсказуемости становятся очевидными).

“Each Trump rally is a slickly choreographed cavalcade of God, the military, patriotic politicians, baby boomer rock and this magic in which a New York billionaire sells himself as a working class hero” (Каждая встреча Трампа со своими сторонниками представляет собой великолепно срежиссированную сцену единения набожности, представителей армии, политиков-патриотов, рокеров эпохи беби-бума и того волшебного трюка, когда миллиардер из Нью-Йорка подает себя как представитель рабочего класса).

“Trump doesn’t seem to like being president. So why not quit?” (Похоже, Трампу не очень-то нравится быть Президентом. Почему бы тогда не уйти в отставку?)

“Meanwhile, Trump could do what Putin may want most of all” (Тем не менее Трамп мог бы сделать то, что Путину хочется больше всего).

“Let countries like Ukraine sink or swim on their own” (Позволить таким странам, как Украина, самим решать их собственные проблемы).

“... stop the maddening American habit of insisting that human rights are a universal norm” (отказаться от навязчивой идеи настаивать на том, что права человека — это всеобщая норма).

“After his rapturous welcome and a chorus “USA! USA!” the President boasted that the stock market was at an all-time high” (После восторженного приветствия и хора голосов “США! США!” Президент похвастался, что фондовый рынок находится на своем максимуме).

Известно, что удачная шутка или юмор способны разрядить сложную ситуацию и помочь преодолеть коммуникативный барьер, в отличие от иронии, которая своим язвительным тоном, насмешкой, неприязненностью и негативными ассоциациями усиливает эффективность высказывания и является идеальным способом реализации тактики колкости и оскорбления.

Нами выявлены также примеры использования языковой демагогии, то есть имплицитного воздействия, когда идеи, внушаемые адресату, высказываются опосредованно. По мнению Н. Е. Петровой и Л. В. Рацибурской, распространение языковой демагогии в современных СМИ отражает тенденцию «интеллектуализации или усложнения смысла текста». Автор намеренно подает информацию так, чтобы адресат испытывал умственное напряжение, стараясь понять смысл текста. При этом информация уже является субъективной, оценочной. Часто она не только представляет проблему, но и рассматривает возможности ее дальнейшего развития и пути решения.

“Higgin’s memo, full of academic jargon and numerous references to Marxism, concludes that the ‘defense of President Trump is the defense of America’ and compares him to Abraham Lincoln, although the hyper-suspicious Richard Nixon might be more accurate” (Доклад Хиггинса, полный академического жаргона и многочисленных ссылок на марксизм, сводится к выводу о том, что защита Президента Трампа — это защита Америки. Он сравнивает его с А. Линкольном, хотя было бы точнее сравнить его со суперподозрительным Р. Никсоном).

“Another school of thought, though not as widespread as the revenge story, holds that the bribery scandal was meant to hurt Rosneft, to show that it was a source of corruption <...>” (Другое мнение, хотя и не такое распространенное, как версия о мести, сводится к тому, что скандал о взятках имел целью навредить компании Роснефть, чтобы показать, что она и является источником коррупции).

“German elections are insulated from outside interference in ways those in the United States are not. The country’s politics are not as polarized as they are in the United States, where partisan enmity provided fertile ground for Russian efforts to sow confusion with distorted and falsified information amplified by Russian-controlled Twitter bots and Facebook accounts” (Выборы в Германии оказались вне

вмешательства в отличие от выборов в США. Немецкие политики не настолько поляризованы, как в США, где неприязнь однопартийцев стала благодатной почвой для попыток России посеять замешательство посредством искаженной и фальсифицированной информации, усиленной подконтрольными России группами ботов в Твиттере и аккаунтами в Фейсбуке).

“Germans also still largely trust their mainstream, traditional news media sources and, unlike Americans, tend to be wary of information disseminated on Facebook and Twitter” (Немцы все еще доверяют традиционным источникам информации и, в отличие от американцев, воспринимают с осторожностью информацию, распространяемую в Фейсбуке и Твиттере).

В качестве редко используемого, но очень эффективного средства выражения речевой агрессии отметим неологизм в следующем примере: “They are building a Trump-Centric Movement. But don’t call it **Trumpism**” (Они создают Движение, ориентированное на Трампа. Только не называйте его трампизмом). Здесь очевидна негативная экспрессивно-оценочная функция изобретенного автором слова и его психологическое воздействие на аудиторию. Причиной возникновения неологизма «трампизм» является потребность в номинации новой социально-политической реалии. Поскольку авторское отношение к этой реалии резко отрицательное, то и сам неологизм получает негативную окраску.

Таким образом, наиболее распространенными лексико-семантическими способами выражения речевой агрессии в англоязычных печатных СМИ являются рассмотренные нами негативизмы, метафора, ирония и языковая демагогия. Дальнейшие перспективы исследования мы видим в сопоставлении способов выражения агрессии в российских и англоязычных СМИ для выявления универсальных и национально-специфических особенностей их функционирования.

Список литературы

1. Басовская, Е. Н. Творцы черно-белой реальности: о вербальной агрессии в средствах массовой информации / Е. Н. Басовская // Критика и семиотика. — Новосибирск, 2004. — Вып. 7. — С. 257–263.
2. Быкова, О. Н. Речевая агрессия: материал к энциклопедическому словарю «Культура русской речи» / О. Н. Быкова. — Красноярск, 1996. — С. 99–103.
3. Власова, Е. В. Речевая агрессия в печатных СМИ (на материале немецко- и русскоязычных газет 30-х — 90-х гг. XX в.) : дис. ... канд. филол. наук / Е. В. Власова. — Саратов, 2005. — 215 с.
4. Воронцова, Т. А. Речевая агрессия : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Т. А. Воронцова. — Челябинск, 2006. — 43 с.

5. Леонов, Н. И. Конфликты и конфликтное поведение. Методы изучения / Н. И. Леонов. — СПб., 2005. — 240 с.
6. Романова, Н. Н. Словарь. Культура речевого общения: этика, прагматика, психология / Н. Н. Романова, А. В. Филиппов. — М., 2009.
7. Седов, К. Ф. Речевая агрессия в межличностном взаимодействии / К. Ф. Седов // Прямая и непрямая коммуникация. — Саратов, 2003. — С. 196–212.
8. Сковородников, А. П. Язык насилия в современной российской прессе / А. П. Сковородников // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. — Красноярск, 1997. — Вып. 2.
9. Чернышова, Т. В. Тексты СМИ в ментально-языковом пространстве современной России / Т. В. Чернышова. — М., 2013. — 300 с.
10. Хайруллина, Р. Х., Минигулова, Г. З. Речевая агрессия: универсальное и национально-своеобразное // Homo loquens в языке, культуре и познании : сб. науч. ст. к 75-летию проф. Р. З. Мурясова. Ч. 1. / отв. ред. З. З. Чанышева. — Уфа, 2010. — С. 334.
11. Щербинина, Ю. В. Вербальная агрессия / Ю. В. Щербинина. — М., 2008. — 360 с.
12. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. — М., 2006. — 696 с.
13. Энциклопедический словарь-справочник Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / под ред. А. П. Сковородникова. — М., 2005.

Сведения об авторе

Глухова Ирина Владимировна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры восточных и романогерманских языков, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. irenevl@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2017. No. 12 (408). *Philology Sciences. Iss. 110. Pp. 62—70.*

LEXICO-SEMANTIC FORMS EXPRESSING VERBAL AGGRESSION (on the basis of American and British print media)

I. V. Glukhova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. irenevl@mail.ru

The paper considers linguistic and psychological approaches to understanding the phenomenon of verbal aggression, its meaning and functions. Lexico-semantic means of verbal aggression are identified in American and British print media and an attempt is made to analyse their use in the light of extra-linguistic factors that determine the generation and functioning of verbal aggression in print media.

Keywords: *verbal aggression, verbal influence, mass media, lexico-semantic forms.*

References

1. Basovskaya E.N. Tvortsy cherno-beloj real`nosti: o verbal`noj agressii v credstvakh massovoj informatsii [Creators of black and white reality: verbal aggression in media]. *Kritika i semiotika. T. 7* [Criticism and semiotics. Vol. 7]. Novosibirsk, 2004. Pp. 257–263. (In Russ.).
2. Bykova O.N. *Reчевaya agressiya: material k entsiklopedicheskomu slovaru "Kul`tura russkoy rechi"* [Verbal aggression: collecting data for encyclopedic dictionary "Speech Culture"]. Krasnoyarsk, 1996. Pp. 99–103. (In Russ.).
3. Vlasova E.V. *Reчевaya agressiya v pechatnykh SMI (na materiale nemetsko- i russkoyazychnykh gazet 30–90 gg. XX v.)* [Verbal Aggression in Print Media (on the basis of German and Russian newspapers between 1930–1990s)]. Saratov, 2005. 215 p. (In Russ.).
4. Vorontsova T.A. *Reчевaya agressiya* [Verbal Aggression]. Chelyabinsk, 2006. 43 p. (In Russ.).
5. Leonov N.I. *Konflikty i konfliktnoye povedeniye. Metody izuchheniya* [Conflicts and Conflict Behavior. Study techniques]. St. Petersburg, 2005. 240 p. (In Russ.).

6. Romanova N.N., Filippov A.V. *Slovar'. Kul'tura rechevogo obshhenija: jetika, pragmatika, psihologija* [Dictionary. Culture of speech communication: ethics, pragmatics, psychology]. Moscow, 2009. (In Russ.).
7. Sedov K.F. *Rehevaya agressiya v mezhlichnostnom vzaimodejstvii* [Verbal Agression in Interpersonal Communication]. *Pryamaya i nepryamaya kommunikatsiya* [Direct and indirect communication]. Saratov, 2003. Pp. 196–212. (In Russ.).
8. Skovorodnikov A.P. *Yazyk nasiliya v sovremennoj rossijskoj presse* [Language of Violence in Modern Russian Press]. *Teoreticheskiye i prikladnye aspekty rechevogo obscheniya. Vyp. 2.* [Theoretical and Applied Aspects of Speech Communication. Iss. 2]. Krasnoyarsk, 1997. (In Russ.).
9. Chernysheva T.V. *Teksty SMI v mental'no-yazykovom prostranstve sovremennoj Rossii* [Media Texts in Mentality and Language of Modern Russia]. Moscow, 2013. 300 p. (In Russ.).
10. Khairullina R.H., Minigulova G.Z. *Rehevaya agressiya: universal'noye i national'no-svoeobraznoe* [Verbal Agression: universal and national identity]. Chanyшева Z.Z. (ed.). *Homo loquens v yazyke, kul'ture i poznanii. Ch. 1* [Homo loquens in language, culture and cognition. Part 2]. Ufa, 2010. P. 334. (In Russ.).
11. Scherbinina Yu.V. *Verbal'naya agressiya* [Verbal Agression]. Moscow, 2008. 360 p. (In Russ.).
12. Kozhina M.N. (ed.). *Stilisticheskij entsiklopedicheskij slovar russkogo yazyka* [Stylistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, 2006. 696 p. (In Russ.).
13. Skovorodnikov A.P. (ed.). *Entsiklopedicheskij slovar-spravochnik Vyrazitel'nye sredstva russkogo yazyka i rehevye oshibki i nedochety* [Encyclopedic Reference Book “Expressive Means in Russian and Slips of the Tongue]. Moscow, 2005. (In Russ.).

УДК 81.233
ББК Ш81

КОГНИТИВНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИХ ПРИЕМОВ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

И. Ю. Голованова

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

В статье рассматривается проблема когнитивно-речевого развития обучающихся, характеризуется роль текстовой деятельности в формировании когнитивно-мыслительных процессов и коммуникативно-речевой компетенции. Анализ текстологических приемов учебной деятельности позволяет определить их роль в формировании дискурсивного мышления, освоении коммуникативных регистров общения, расширении жанрового и тематического репертуара пишущего, развитии речемыслительных механизмов и операций, связанных с метаязыковой рефлексией, мотивацией, понятийным и ассоциативным мышлением, формированием навыков аналитико-синтетической деятельности и так далее.

Ключевые слова: *текстологические приемы, коммуникативный текст, коммуникативная компетенция, речемыслительная деятельность, когнитивно-речевое развитие.*

В условиях изменяющейся реальности, формирования нового информационно-цифрового пространства, требующего от индивида особого уровня развития интеллектуальных способностей, все более актуальным становится вопрос об изменении подходов к образованию, смене парадигмы образовательного процесса: от образования «знания» к образованию «навыков». Именно развитие таких адаптивных навыков, особого уровня способностей и умений позволит человеку адаптироваться в постоянно изменяющихся условиях внешней среды, функционировать в разнообразных жизненных ситуациях. Сформированность такого уровня умений и навыков принято называть функциональной грамотностью. В свою очередь, овладение языком непосредственно направлено на овладение коммуникативно ориентированной практической грамотностью. В Федеральных государственных образовательных стандартах (ФГОС 3+) цель реализации компетентного подхода к обучению сформулирована в определении компетенции студентов нефилологических профилей, изучающих дисциплину «Русский язык и культура речи»: «Способность к коммуникации в устной и письменной форме на русском и иностранном языках для решения задач межличностного и межкультурного взаимодействия». Следовательно, все более актуальной становится проблема формирования не только коммуникативной компетенции будущих специалистов, но и развития их

речемыслительной деятельности, необходимого уровня когнитивно-речевого развития обучающихся: когнитивной гибкости при восприятии и переработке информации, создании коммуникативно ориентированных текстов.

В данной статье мы ставим цель проанализировать когнитивно-психологические аспекты текстологических приемов учебной деятельности в процессе формирования коммуникативной компетенции студентов. Эффективность реализации коммуникативных потребностей будущих специалистов обеспечивается не только профессиональными и общекультурными компетенциями, но и достаточным уровнем когнитивно-коммуникативных компетенций, когнитивно-психологического развития, сформированностью дискурсивного мышления, навыков аналитико-синтетической деятельности и так далее.

Наиболее оптимальным для решения поставленных задач, на наш взгляд, является текстоцентрический подход к обучению языку, то есть включение в учебную деятельность работы с текстом, развитие общетекстовых умений. Языковые явления, как замечает Е. С. Кубрякова, необходимо изучать «прежде всего, по их роли для человека, по их назначению в его жизнедеятельности, по их функциям для развития человеческой личности» [5. С. 112]. В то же время путь развития дискурсивного мышления человека, по мнению К. Ф. Седова, можно обобщенно представить «как процесс, сопровождающий социально-

интеллектуальное становление личности, в котором в ходе интериоризации внешнеречевых форм во внутриречевые наблюдается все большее сближение текстовых способов моделирования действительности и глубинных когнитивно-мыслительных процессов» [8. С. 100]. При этом текст представляет собой, с одной стороны, средство обучения, с другой — его цель, поскольку позволяет формировать помимо коммуникативно-речевых, когнитивные, аналитические навыки.

Коммуникативный подход к организации учебной текстовой деятельности предполагает естественное включение учащихся в процесс продуцирования высказывания, при этом необходимо обращать внимание на обязательные компоненты коммуникации, представляющие собой в том числе и экстралингвистические факторы, определяющие ее эффективность: мотив-потребность, коммуникативная цель, адресат, структура и этапы деятельности, ее результат, анализ полученных текстов, рефлексия-оценка эффективности решения поставленной задачи.

Формированию коммуникативной компетенции, развитию коммуникативных тактик общения способствует создание коммуникативного текста (текст, порождаемый коммуникантами в пределах ситуации общения [3]), что стимулирует активизацию необходимых речевых навыков, мотивирует выбор средств выражения, речевых тактик взаимодействия с адресатом и так далее. Текстовая деятельность, связанная с созданием коммуникативного текста, предполагает ориентацию в ситуации общения, определение экстралингвистических факторов, обуславливающих выбор жанра, анализ исходного материала (исходного учебного текста), его переработку — интерпретацию и трансформацию исходной информации. Таким образом, развитие коммуникативной компетенции при создании коммуникативно значимых текстов связано с расширением жанрового и тематического репертуара пишущего, освоением новых речевых регистров, обучением основам критического чтения и академического письма.

Далее рассмотрим систему разработанных нами заданий и определим их роль в развитии когнитивно-мыслительных процессов и формировании коммуникативно-речевой компетенции.

Так, на занятиях по культуре речи мы предлагаем студентам разнообразные задания по созданию коммуникативных текстов. Например, на первом практическом занятии на основе прове-

денного с одноклассниками собеседования моделируется связный текст-презентация, представляющий аудитории партнера по коммуникации. При этом тематические и жанрово-стилистические особенности таких высказываний определяются самими авторами: деловая презентация партнера, рекомендация при устройстве на работу или найме жилья, пародия на известную телепередачу и так далее. Изучение норм литературного языка также сопровождается творческими заданиями по созданию текста. Навыки грамотной устной речи закрепляются благодаря написанию и произнесению профессионально ориентированного высказывания, включающего трудные, с точки зрения орфоэпических норм, слова. Эта работа позволяет формировать лексико-грамматический и понятийный аппарат, моделирует профессиональный дискурс. При освоении лексических норм предлагается создать стилизованные тексты различных жанров с включением определенных лексических единиц, в том числе ограниченной сферы употребления. В результате такого речевого творчества студенты получают представление о стилистической дифференциации русского языка, развивают языковое чувство. В то же время коммуникативно- и социально-адекватное «извлечение из памяти» необходимых средств выражения, адекватный выбор этих средств из числа многочисленных потенциальных вариантов связаны с развитием ассоциативного мышления, внутреннего лексикона человека. Творческий характер выполняемых заданий способствует формированию мотивации, установке на осознанное овладение языком, развивает лингвокреативное мышление. Следовательно, необходимым условием интеллектуального развития являются как критическое, так и творческое мышление.

Еще один вид деятельности — проектная работа, одной из коммуникативных задач которой становится развитие навыков переработки информации, ее интерпретации и трансформации при создании текстов разных стилей и жанров, представленных в устной и письменной форме: реферата, аннотации, публичного выступления, презентации, рецензии и др. В данном случае необходим достаточно высокий уровень текстового анализа, определяемый готовностью к объективной, особенно, субъектно-аналитическим способам передачи информации (например, в виде авторского аналитического комментария, рецензии); способностью к сложным перекодировкам ин-

формации, к компрессии, трансформации: формулируя высказывание, учащиеся прежде эксплицируют его ядерное содержание (предвосхищая будущую смысловую целостность текста), после чего разворачивают речевое произведение, создавая сложную систему иерархически связанных предикатов [7].

Одной из задач развития речемыслительной деятельности является формирование метаязыковой рефлексии. По словам Г. И. Богина, «рефлексия есть способность понимать свое понимание и, если нужно, объяснять причины именно такого, а не другого понимания» [2. С. 5]. Интерпретация как «высказанная рефлексия» позволяет составить представление о трех типах понимания текста: семантизирующего, когнитивного и распремечивающего. Первый тип, связанный с декодированием единиц текста, проявляется при нарушениях смыслового восприятия текста вследствие незнания значения языковых единиц, недостаточного словарного запаса. Второй тип возникает как результат преодоления трудностей в освоении содержания предикаций, которые лежат в основе составляющих текст пропозициональных структур. И, наконец, распремечивающее понимание связано с обращением рефлексии к частным смыслам, то есть восприятием контекстуально обусловленного коннотативного значения включенных в текст лексем, концептуальным содержанием высказывания. Студентам предлагается подборка небольших по объему текстов, различных с точки зрения жанрово-стилистических особенностей, например: фрагменты научных и художественных текстов; высказываний, включающих диалектную лексику; анекдота, рекламного текста без прямой номинации товара и др. Дается задание объяснить смысл высказываний. В случае затруднения попытаться проанализировать причины возникающих при восприятии содержания трудностей, например: не ясен смысл терминов или специальной лексики, сложны для восприятия объемные конструкции и так далее. Результатом работы становится обобщение-вывод о причинах коммуникативной неэффективности высказывания.

Итак, текстовая деятельность, помимо формирования коммуникативно-речевой компетенции, является средством развития речемыслительных операций связанных с когнитивно-речевой деятельностью: мыслительными операциями анализа, обобщения, классификации, дифференциации и др., развитием логического мышления.

Сам язык в таком случае, будучи одновременно средством коммуникации и мышления, осознается не как «система правил для порождения структур, а как система ресурсов для выражения смыслов в текстовой деятельности, управляемой конвенциональными правилами и стратегиями» [1. С. 5–6]. При этом психоречевая деятельность коммуникантов связана с операциями интерпретации и трансформации исходной информации о фрагменте действительности, соотношения исходного и продуцируемого текстов.

Наиболее сложным в учебной деятельности оказывается овладение жанрами и нормами научной речи. Как известно, текст, и научный текст в том числе, является способом и средством передачи и получения информации, выраженной как на глубинном уровне (смысл), так и с помощью поверхностных структур (код, средство передачи смысла). Наука, анализируя закономерности окружающей действительности, мыслит абстрактно, понятиями и категориями, и воплощает процесс мышления в логической последовательности суждений и умозаключений. Следовательно, понимание научного текста есть сложная познавательная деятельность, для эффективности которой необходим достаточно высокий уровень развития вербально-аналитического, понятийного мышления. Глубина понимания и осмысления научного текста зависит от сформированности психологического механизма переработки семантической информации, включающего операции анализа и синтеза, классификации, обобщения и абстрагирования, свертывания и развертывания смыслов текста и так далее. Информативная насыщенность и доказательность, иерархичность построения, обобщенно-отвлеченный характер изложения, ориентированность на единообразное понимание — особенности научного текста, рассчитанного не на эмоционально-чувственное, а на логическое восприятие. Коммуникативные затруднения, возникающие при работе с научным материалом, обосновывают необходимость поиска методов и приемов работы с научным текстом.

Принимая во внимание тезис о том, что мышление и язык неразрывны [4] и, следовательно, язык — это средство коммуникации и мышления, одной из главных методических задач работы с научным текстом является «интеллектуализация языка обучаемых» [7. С. 1275–1280]. С одной стороны, речь идет о формировании знаний о формах и законах правильного логического мышления (закон тождества, закон непротиворечия,

закон исключенного третьего, закон достаточно-го основания). С другой — формирование культуры научной речи: жанрово-стилистической специфики научных текстов и др.

Одним из приемов обучения восприятию и интерпретации научной информации является работа с научными определениями ключевых понятий дисциплины, понимание которых может вызывать затруднение у студентов. В этих небольших по объему научных текстах необходимо определить ключевые слова, выделить тезис и аргументы, составить логическую схему текста, а затем, интерпретировав смысл собственными примерами, развернуть аргументированное высказывание, ориентируя его на аудиторию, то есть осуществить «перевод» с языка автора текста на язык субъекта чтения, поскольку «понимание текста — это процесс перевода смысла этого текста в любую другую форму его закрепления» [б. С. 141]. Подобные задачи ставятся и при анализе других научных текстов. Таким образом, данный вид работы позволяет формировать навыки аналитико-синтетической деятельности, мыслительные операции свертывания и развертывания смыслов текста, кодирования и декодирования информации.

Следующим этапом развития необходимых речемыслительных навыков является создание текста реферата. Этот вид работы позволяет выявить те трудности, которые связаны с особенностями когнитивного развития авторов текстов, сформированность аналитических навыков, в том числе восприятия и переработки научной информации, создания научного текста. Анализ работ студентов позволил выявить следующие трудности: при отборе материала проявляется неумение определять проблему, обозначенную в названии, что приводит к сужению или расширению темы; отсутствие навыков со-

поставительного анализа (например, если в названии темы союзом *и* разделены два компонента смысла); неумение сформулировать задачи и обобщить результаты в выводах; необоснованность, недоказательность приводимых положений (отсутствие примеров и их анализа). Логика изложения нарушается вследствие неумения вычленять в содержательных блоках главную, дополнительную и избыточную информацию; находить в текстах необходимую информацию для иллюстрации своего высказывания, приведения аргументов, контраргументов и так далее. Кроме того, необходимо обучать отделять интеллектуальное суждение от эмоционального, разговорного высказывания. Недостаточная языковая рефлексия при анализе собственного научного высказывания проявляется в следующих стилистических недочетах: научная речь подменяется экспрессивной, разговорной манерой изложения (средства диалогизации, риторические вопросы и так далее), используется личное местоимение «я», в формулировках задач глаголы «хочется», «научиться» / «научить», «рассказать» и др.; присутствует речевая избыточность (тавтология и плеоназмы, синтаксические повторы) и недостаточность (ненамеренный эллипсис, логические и грамматические лакуны); отсутствуют значимые для смысла высказывания компоненты.

Итак, анализ текстологических приемов учебной деятельности с точки зрения когнитивно-психологической основы интеллектуального развития студентов позволил сделать вывод о том, что текстовая деятельность, помимо формирования коммуникативно-речевой компетенции, играет существенную роль в развитии необходимых речемыслительных механизмов и операций.

Список литературы

1. Баранов, А. Г. Когниотипичность текста (к проблеме уровней абстракции текстовой деятельности) / А. Г. Баранов // *Жанры речи*. — Саратов, 1997. — Вып. 1. — 212 с.
2. Богин, В. Г. Типология понимания текста / В. Г. Богин. — Калинин, 1986. — 86 с.
3. Буторина, Е. П. Русский язык и культура речи : учеб. пособие / Е. П. Буторина, С. М. Евграфова. — М., 2009. — 295 с.
4. Выготский, Л. С. Мышление и речь / Л. С. Выготский // *Выготский, Л. С. Собрание сочинений* : в 6 т. — М., 1982. — Т. 2. — 279 с.
5. Кубрякова, Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX в. / Е. С. Кубрякова // *Язык и наука конца XX в.* — М., 1995. — 432 с.
6. Леонтьев, А. А. Основы психолингвистики / А. А. Леонтьев. — М., 1999. — 227 с.

7. Мишати́на, Н. Л. Русский язык: «игра на понижение», или Какому языку мы учим / Н. Л. Мишати́на // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. — СПб., 2016. — Вып. 5. — С. 1275–1280.

8. Седов, К. Ф. Становление дискурсивного мышления языковой личности: психо- и социолингвистические аспекты / К. Ф. Седов. — Саратов, 1999. — 180 с.

Сведения об авторе

Голованова Ирина Юрьевна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка и литературы, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. goliri41@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2017. No. 12 (408). *Philology Sciences. Iss. 110. Pp. 71–75.*

COGNITIVE-PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF TEXTUAL TECHNIQUES EDUCATIONAL ACTIVITIES IN THE PROCESS OF FORMATION COMMUNICATIVE COMPETENCE

I. Yu. Golovanova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. goliri41@yandex.ru

The problem of cognitive and verbal development of students is considered in the article, the role of textual activity is characterized in the formation of cognitive and cogitative competence. Analysis of textual receptions of educational activity allows to determine their role in the formation of discursive thinking, in the familiarization of communicative communication registers, in the expansion of the genre and theme repertoire of the writer, in the development of verbal-cogitative mechanisms and operations., which are connected with meta-linguistic reflection, motivation, conceptual and associative thinking, formation of analytical and synthetic skills and etc.

Keywords: *textual techniques, a communicative text, a communicative competence, a verbal-cogitative activity, a verbal-cognitive development.*

References

1. Baranov A.G. Kogniotipichnost' teksta (k probleme urovney abstrakcii textovoy deyatel'nosti) [Cognitive-ness of text(to the problem of abstraction levels of text activity)]. *Zhanry rechi. T. 1* [Genres of speech. Vol. 1]. Saratov, 1997. 212 p. (In Russ.).
2. Bogin V.G. *Tipologiya ponimaniya teksta* [Typology of text comprehension]. Kalinin, 1986. 87 p. (In Russ.).
3. Butorina E.P., Evgrafova S.M. *Russkiy yazyk i kul'tura rechi* [Russian language and speech culture]. Moscow, 2009. 295 p. (In Russ.).
4. Vygotskiy L.S. Myshlenie i rech [Thinking and speaking]. *Pedagogika. T. 2* [Pedagogy. Vol. 2]. Moscow, 1982. 279 p. (In Russ.).
5. Kubryakova E.S. Evolutsiya lingvisticheskikh idej vo vtoroj polovine 20 veka [Evolution of linguistic ideas in the second half of the 20th century]. *Yazyk i nauka kontsa 20 veka* [Language and science in the end of 20th century]. Moscow, 1995. 432 p. (In Russ.).
6. Leont'ev A.A. Osnovy psiholingvistiki [The basics of psycholinguistics]. *Smysl* [Meaning]. Moscow, 1999. 227 p. (In Russ.).
7. Mishagina N.L. Russkij yazyk: “igra na ponizhenie”: ili Kakomu yazyku my uchim [Russian language: “downgrade game”: or What language do we learn]. *Dinamika yazykovyh i kul'turnyh processov v sovremennoj Rossii. T. 5* [Dynamics of linguistic and cultural processes in modern Russia. Vol. 5]. St. Petersburg, 2016. Pp. 1275–1280. (In Russ.).
8. Sedov K.F. *Stanovlenie diskursivnogo myshleniya yazykovoj lichnosti: psiho- i sociolingvisticheskij aspekty* [Formation of the discursive thinking of the language personality: psycho- and sociolinguistic aspects]. Saratov, 1999. 180 p. (In Russ.).

УДК 81.27
ББК 81.18

ЖИВОЙ И МЕРТВЫЙ В ЯЗЫКАХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Е. И. Голованова

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

И. А. Голованов

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, Челябинск, Россия

В статье рассматриваются особенности функционирования прилагательных «живой» и «мертвый» в языках профессиональной коммуникации. Выявляется состав используемых в профессиональной среде номинативных средств, которые включают названные лексемы, анализируется их семантика. Исследование проводится с учетом мифологических компонентов значения исходных единиц.

Ключевые слова: язык профессиональной коммуникации, термины, профессионализмы, профессиональные жаргонизмы, семантика, мифологический компонент значения.

Большой интерес для отечественной русистики представляет функционирование русского языка, его лексических средств в условиях профессиональной коммуникации. Чем отличается слово (или фразеологизм), используемое специалистами, от общеупотребительных единиц? Как меняется (и меняется ли) семантика слова, заимствованного в профессиональный обиход из литературного языка?

Отметим, что вопросы семантики лексики, употребляемой в специальной среде, в языках для специальных целей, относятся к числу традиционных проблем терминоведения [5]. С одной стороны, термин, являясь единицей языка, обладает лексическим значением и вступает в разнообразные парадигматические связи и отношения (антонимия, синонимия, паронимия, омонимия). С другой стороны, термин соотносится со специальным понятием в системе понятий определенной области знания или деятельности. Следовательно, его содержание конвенционально и обусловлено местом соответствующего понятия в системе. Между лексическим значением термина и его содержанием наблюдаются корреляции, систематический характер которых представляет большой научный интерес.

Семантика профессионализмов и профессиональных жаргонизмов в гораздо меньшей степени коррелирует с системой понятий: это вполне самостоятельные и более субъективированные совокупности обозначений, функционирующие в профессиональной среде. При этом если профессионализм (профессиональный коллоквиализм) нацелен на прояснение специального со-

держания, характеристик именуемого объекта, процесса, явления, то есть выполняет присущую ему и термину ориентирующую функцию, но при этом не стремится к системности, то профессиональный жаргонизм предназначен для выражения экспрессии, трансляции той или иной оценки, формирования определенного отношения к объекту, процессу, явлению в рамках социально-профессиональной группы. Объединяющим началом для всех разрядов специальной лексики (терминов, профессионализмов, профессиональных жаргонизмов) выступает их вторичный, производный характер: основой для образования профессиональной единицы любого типа выступает естественный язык, его лексическая система и комплекс словообразовательных средств.

Цель настоящего исследования — проследить закономерности семантического преобразования лексики в результате ее вхождения в профессиональный узус на примере прилагательных «живой» и «мертвый».

Выбор для анализа указанных лексических единиц обусловлен их особым статусом в русском языке: не только длительностью существования и исконным происхождением, но прежде всего связью с обыденным сознанием [4] и древнейшими мифологическими представлениями славян.

Как указывает Л. Н. Виноградова, семантическая оппозиция *жизнь — смерть* относится к числу базовых концептов, с помощью которых в народной культуре «описываются и оцениваются все важнейшие понятия и конкретные реалии окружающего мира» [1. С. 95]. Так, для понимания нашего материала весьма важны замечания

фольклориста о том, что в народной фразеологии и паремиологии с мертвым человеком связывается признак отсутствия движения (ср. выражения: *ноги протянул, ручки сложил, глазки встали*, поговорка «С руками, с ногами, а с лавки не слезет»). В фольклорных похоронных плачах, пишет исследователь, отсутствие движения выступает одним из наиболее заметных признаков смерти [1].

Примечательно, что материал языков профессиональной коммуникации подтверждает выводы Вяч. Вс. Иванова и В. Н. Топорова относительно культурной значимости компонентов оппозиции *жизнь — смерть* (в нашем случае *живой — мертвый*): «Происходит перенос центра тяжести на второй член противопоставления, что проявляется в большем разнообразии его воплощений и в большей актуализации их» [9. С. 75].

Прежде чем непосредственно обратиться к профессиональной лексике, включающей компонент «живой», приведем данные толкового словаря В. И. Даля, поскольку в нем содержится глубокая и всесторонняя характеристика интересующего нас понятия:

Живой — кто жив, кто живет, живущий, в ком или в чем есть жизнь <...> || о челов. и животн., дышащий, не умерший, не мертвый, сохраняющий признаки земной жизни; <...> о растениях: прозябающий, растущий, стоящий на корню, не завядший, не сухой. <...> *Он парень живой*, расторопный, проворный, бойкий. *Живой ребенок*, резвый, непоседа. **Живой разум**, живое воображение, острый, пронизательный; игривое, впечатлительное. **Живая вера**, искренняя, горячая, любящая, обнаруженная делами <...>. **Живые глаза**, черты лица, обличающие горячую душу, ум; острые и веселые глаза. **Живой цвет**, краска в лице, свежий, здоровый, цветущий. <...> **Живые краски**, яркие. **Живой язык**, которым говорит народ где-либо поныне, *мертвый*, оставшийся только в письменных памятниках. || О языке или слоге писателя: полный жизни, теплый, кипучий и естественный. <...> **Живая вода**, ключевая, проточная. Судно стоит на живой воде, не на мели, плавает <...>. **Живой огонь**, самородный <...> **Живое слово** дороже мертвой буквы [6. С. 537–538].

В приведенном фрагменте словарной статьи обращает на себя внимание использование трех специальных наименований: сочетаний, ставших лингвистическими терминами, *живой язык — мертвый язык* и профессионального обозначения в речи моряков *живая вода* (в значении 'текущая,

проточная'). Последнее словоупотребление весьма значимо, поскольку переключается с народным представлением о том, что само движение воды служит приметой жизни (в противоположность *мертвой*, стоячей воде).

Отметим основные семантические характеристики, выделенные В. И. Далем: 1) наличие жизни (витальность), 2) принадлежность к животному или растительному миру; 3) активность (в том числе двигательная как проявление жизненных сил); 4) пребывание в здоровом состоянии; 5) естественность.

С учетом этих характеристик рассмотрим ряд специальных наименований, включающих прилагательное «живой», уделяя внимание процессу их специализации.

В среде музыкантов используются обозначения *живой звук* и *живое пение*. Оба компонента данных фразеологизмов восходят к общеупотребительным единицам. Так, опорные компоненты *звук* и *пение* не выражают специальной информации. Звук — «то, что слышится, воспринимается на слух» (ср. сочетания: *звук голоса, звук выстрела, громкий звук; ни звука, без звука согласился* и др.). Специальное содержание данного слова (вернее, корня), связанное с его осмыслением с точки зрения физики, лингвистики, литературоведения, возникает лишь в сложных словах: *звукозапись, звукоизоляция, звукоизвлечение, звукооператор, звукооформитель, звукопись, звукоподражание, звукоряд, звукопроводимость, звукоснятитель* и так далее. Второе слово (*пение*) тесно связано с глаголом *петь*, который может быть употреблен как по отношению к человеку (исполнять вокальное произведение, оперную партию), так и по отношению к птицам (о соловье, жаворонке и др.). Специальное содержание связано с уточнением разновидности пения: *сольное/многоголосное пение, респонсорное пение* (поочередное пение солиста и хора), *демественное пение* (в праздничном богослужении), *партесное пение* (многоголосная хоровая музыка), *амвросианское/григорианское пение* (в римско-католической церковной музыке), *кондакарное пение, крюковое (знаменное) пение* и т. п. Во всех приведенных примерах в качестве атрибутивного терминологического элемента использованы относительные прилагательные.

В анализируемых сочетаниях атрибутивная характеристика выражена качественным прилагательным «живой». Словари современного русского языка отмечают ряд значений этого прилагательного: 1) обладающий жизнью; 2) подлинный,

настоящий; 3) деятельный, полный жизненной энергии, подвижный; 4) легкий, занимательный, выразительный; 5) отвечающий реальным потребностям, жизненный; 6) остро переживаемый. Прилагательное широко используется в составе общеупотребительных фразеологизмов: *живая очередь* (естественная, без предварительной записи), *за живое задеть* (взволновать), *на живую нитку* (без подготовки, наскоро), *живые деньги* (реальные, свободные) и др.

Думается, что на основе сразу нескольких значений этого слова, репрезентирующих результаты обыденного познания (**живой** — естественный, настоящий, полный жизни, энергии, выразительный, остро переживаемый), сформировалось его специальное употребление в музыкальной среде: *живой звук*, *живое пение* — в отличие от *деланный*, *синтезированный*, *искусственный звук*, *электронное звучание* и так далее. Вербализация специального знания в данном случае обусловлена потребностью в дифференциации звучания музыки в связи с появлением синтезатора как устройства, способного моделировать и воспроизводить естественные звуки. Профессиональная информация при этом «накладывается» на уже известное, являющееся результатом обыденного познания, и закрепляется в специальных единицах, функционирующих в профессиональной среде.

Наименование *живой звук* употребляется также в речи телевизионщиков наряду с термином *живая трансляция* для выражения специального понятия «осуществляемый или транслируемый без предварительной записи».

В профессиональном общении специалистов по IT-технологиям прилагательное *живой* в сочетании с термином *контроллер домена* выражает значение «работоспособный» [12].

В устной профессиональной речи риелторов употребляется наименование *живая квартира*, которым обозначается «реальный объект, находящийся в продаже» [13].

В профессиональном жаргоне медиков используется фразеологизм *живая вода*, служащий ироничным обозначением нашатырного спирта (с помощью которого приводят в чувство больных, потерявших сознание). Данное наименование прямо соотносится с мифопоэтическим представлением, зафиксированным словарями: «**Живая вода** — в сказках: вода, обладающая чудодейственной способностью возвращать жизнь мертвому» [14. С. 482].

Интересно наименование *живой мертвый*, используемое в языке специалистов в области рискованного финансирования в качестве обозначения новой компании, которая близка к достижению стадии прибыльности, готова работать без убытков [16].

Целый ряд других сочетаний со словом *живой* также может рассматриваться как принадлежность соответствующих языков для специальных целей, например: *живой вес* (полный вес животного в живом состоянии в противоположность убойному, чистому весу мяса), *живой груз* (о животных при транспортировке), *живая сила* (люди и животные при противопоставлении механической силе, технике). Каждое из этих наименований предполагает, помимо общекультурного знания об оппозиции живого и мертвого, специальное знание, связанное с определенной сферой деятельности (торговля, транспорт, производство).

По данным словарей, прилагательное «мертвый» имеет в современном русском языке множество значений, среди которых следует выделить наиболее актуальные для профессиональной коммуникации. Перечислим их, снабдив примерами (для полноты картины включены сочетания с синонимом *убитый*):

1) **лишенный жизни (активности, движения, изменения):**

мертвый сезон — период затишья в делах, в торговле;

мертвый угол — район безветрия на подветренных склонах гор;

мертвый язык — не используемый в устной коммуникации, а потому не меняющийся, не пополняемый новыми единицами, находящийся в статике;

мертвый зуб — в языке стоматологов: зуб, в котором удален нерв (в результате он не только является нечувствительным, но и нежизнеспособным);

мертвые нормы — в речи юристов: нормы, применение которых логически невозможно;

мертвая картинка — в речи тележурналистов: план в видеосъемке без фонового звука, интершума;

мертвый (о спортсмене) — 1. Медлительный, невнимательный, физически слабый. 2. Играющий вяло, безвольно, не проявляющий активных усилий [7. С. 79];

2) **бесплодный, непродуктивный:**

мертвый ход — холостое (не передаваемое на ведомое звено) движение ведущего звена меха-

низма, возникающее в момент реверсирования;
мертвый капитал — капитал, не находящийся в обороте и не приносящий дохода;

мертвая зона — не простреливаемая, не наблюдаемая зона;

мертвый сезон — неудачный спортивный сезон [7. С. 130];

убитый шрифт — в речи полиграфистов: нечитаемый, трудноразличимый шрифт;

3) неподвижный, зафиксированный (высшая степень проявления признака):

мертвая точка — в технике: состояние мгновенного равновесия движущихся частей механизма [15. С. 446];

мертвый узел — рыболовный узел для связывания двух лес из мононити;

мертвая хватка — в языке кинологов: блокировка челюсти собаки; в боевых искусствах: особая разновидность захвата противника;

мертвый край — контурный рисунок, нанесенный черной краской для предотвращения расплывчатости в процессе росписи керамических изделий глазурью [8];

мертвый якорь — металлическая или железобетонная конструкция, форма и вес которой обеспечивает неподвижность на грунте судна, буя и т. п. при любом состоянии моря в данном районе [11];

4) связанный со смертью, опасный для жизни:

мертвый воздух — в языке шахтеров: часть рудничной атмосферы в неиспользуемых и плохо проветриваемых горных выработках, представляющая собой смесь газов (встречается также в колодцах, коллекторах, трюмах судов); парализует дыхательные функции человека, в результате чего он теряет сознание;

мертвая петля — в языке военных летчиков: фигура высшего пилотажа (полет по замкнутой кривой в вертикальной плоскости) [15. С. 446];

5) лишенный каких-либо значимых свойств:
мертвые души — в речи юристов: люди, числящиеся где-либо, но по факту не работающие;

мертвый мяч — в игровых видах спорта: мяч, посланный таким образом, что у вратаря/игрока нет никаких шансов его поймать/отбить [7. С. 85];

убитый поезд — выпавший из графика, движущийся с нарушением графика;

убитая квартира — в речи риелторов: квартира, лишенная условий для проживания (требует капитального ремонта).

Следует отметить, что для профессионального языка очень важна взаимная обусловленность всех предметов — участников рабочих процессов и явлений. Ситуации, когда эта взаимосвязь нарушена, имеют особое обозначение. Так, например, моряки самым тесным образом связаны с движением воды, ветра: от силы и направления ветра зависит движение воды и соответственно требуется постоянная корректировка движения судна. Эта связь воспринимается ими как нечто привычное, необходимое. Нарушение связи получает специальное обозначение в языке: *мертвый штиль* [10], *мертвая зыбь* [15. С. 446].

Таким образом, проведенный анализ позволяет судить о том, что особенности и закономерности восприятия и языковой интерпретации специальных объектов во многом оказываются обусловлены традиционными в рамках данной национальной культуры обыденными знаниями, в том числе связанными с глубинными мифологическими представлениями людей.

Список литературы

1. Виноградова, Л. Н. Оппозиция «живой — мертвый» в фольклоре и народной культуре славян / Л. Н. Виноградова // Славянская традиционная культура и современный мир : сб материалов науч. конф. — М., 2005. — Вып. 8. — С. 95–106.
2. Голованов, И. А. Константы фольклорного сознания в устной народной прозе Урала (XX–XXI вв.) / И. А. Голованов. — М., 2014. — 296 с.
3. Голованова, Е. И. Место и функции антиконцепта в сферах специального знания / Е. И. Голованова // Когнитив. исслед. языка. — 2013. — № 13. — С. 152–162.
4. Голованова, Е. И. Обыденное профессиональное сознание в лингвистическом аспекте / Е. И. Голованова // Вестн. Пятигор. гос. ун-та. — 2016. — № 2. — С. 144–148.
5. Голованова, Е. И. Семантика слова в профессиональном языке / Е. И. Голованова // Новая Россия: традиции и инновации в языке и науке о языке : материалы докл. и сообщ. междунар. науч. конф., посв. юбилею проф. Л. Г. Бабенко. — Екатеринбург, 2016. — С. 43–55.
6. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. — М., 1989. — Т. 1. — 689 с.

7. Елистратов, А. А. Толковый словарь русского спортивного жаргона / А. А. Елистратов. — Челябинск, 2011. — 217 с.
8. Животкова, И. А. Профессионализмы керамического производства / И. А. Животкова, Н. М. Локтионова // *Соврем. проблемы науки и образования*. — 2012. — № 6.
9. Иванов, Вяч. Вс. Славянские языковые моделирующие семиотические системы (древний период) / Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров. — М., 1965. — 247 с.
10. Каланов, Н. А. Словарь морского жаргона / Н. А. Каланов. — М., 2011. — 440 с.
11. Мертвые якоря. — URL: <http://flot.com/publications/books/shelf/maritimehandbook/60.htm>. — Дата обращения: 19.08.2017.
12. Сколько нужно живых контроллеров домена для Exchange Server 2013? — URL: <https://blog.it-kb.ru/2016/02/25/microsoft-exchange-directory-topologyservice-exe-config-minpercentageofhealthydc-exchange-server-2013/>.
13. Словарик риелтора: хвост, дрова и бабушкин ремонт. — URL: https://realty.mail.ru/articles/18470/slovarik_rieltora_hvost_drova_i_babushkin_remont/. — Дата обращения: 19.08.2017.
14. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. — М., 1981. — Т. 1. — 698 с.
15. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. — М., 2008. — 1175 с.
16. Экономика и право : слов.-справ. / сост. Л. П. Кураков, В. Л. Кураков, А. Л. Кураков. — М., 2004. — 1072 с.

Сведения об авторах

Голованова Елена Иосифовна — доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. ligol@csu.ru

Голованов Игорь Анатольевич — доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и методики обучения литературе, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет. Челябинск, Россия. golovanovia2015@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2017. No. 12 (408). *Philology Sciences. Iss. 110. Pp. 76—81.*

ALIVE AND DEAD IN THE LANGUAGE OF PROFESSIONAL COMMUNICATION

E. I. Golovanova

Chelyabinsk State University. Chelyabinsk, Russia. ligol@csu.ru

I. A. Golovanov

South Ural State Humanitarian and Pedagogical University. Chelyabinsk, Russia. golovanovia2015@yandex.ru

The article discusses the features of functioning of the adjective “alive” and “dead” languages of professional communication. Revealed the composition used in the professional environment nominative methods that include named token or derive them, analyzes their semantics. The study takes into account the mythological components of the original meaning units.

Keywords: *language of professional communication, terms, professionalisms, professional jargon, semantics, mythological component values.*

References

1. Vinogradova L.N. Opozitsiya “zhivoy — mertvyi” v fol’klоре i narodnoy kul’ture slavyan [Opposition to the “living — dead” in the folklore and folk culture of the Slavs]. *Slavyanskaya traditsionnaya kul’tura i sovremennyy mir. Vyp. 15* [Slavic traditional culture and the modern world. Iss. 8]. Moscow, 2005. Pp. 95–106. (In Russ.).
2. Golovanov I.A. *Konstanty fol’klornogo soznaniya v ustnoy narodnoy proze Urala (XX–XXI vv.)* [Constants of folk consciousness in the folk prose of the Urals (XX–XXI centuries)]. Moscow, 2014. 296 p. (In Russ.).

3. Golovanova E.I. Mesto i funktsii antikontsepta v sferakh spetsial'nogo znaniya [The place and function of anticoncept in the areas of special knowledge]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive studies of language], 2013, no. 13, pp. 152–162. (In Russ.).
4. Golovanova E.I. Obydennoe professional'noe soznanie v lingvisticheskom aspekte [Everyday professional consciousness in the linguistic aspect]. *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Pyatigorsk state University], 2016, no. 2, pp. 144–148. (In Russ.).
5. Golovanova E.I. Semantika slova v professional'nom yazyke [The semantics of the word in professional language]. *Novaya Rossiya: traditsii i innovatsii v yazyke i nauke o yazyke* [The new Russia: traditions and innovations in language and the science of language]. Ekaterinburg, 2016. Pp. 43–55. (In Russ.).
6. Dal' V.I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka. T. 1* [Explanatory dictionary of the living great Russian language. Vol. 1]. Moscow, 1989. 689 p. (In Russ.).
7. Elistratov A.A. *Tolkovyy slovar' russkogo sportivnogo zhargona* [Dictionary of Russian sports slang]. Chelyabinsk, 2011. 217 p. (In Russ.).
8. Zhivotkova I.A., Loktionova N.M. Professionalizmy keramicheskogo proizvodstva [The excellences of ceramic production]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education], 2012, no. 6. (In Russ.).
9. Ivanov Vyach.Vs., Toporov V.N. *Slavyanskije yazykovye modeliruyushchie semioticheskie sistemy (drevnij period)* [Slavic language modeling semiotic systems (ancient period)]. Moscow, 1965. 247 p. (In Russ.).
10. Kalanov N.A. *Slovar' morskogo zhargona* [Vocabulary Maritime jargon]. Moscow, 2011. 440 p. (In Russ.).
11. *Mertvye yakorya* [Dead anchors]. Available at: <http://flot.com/publications/books/shelf/maritimehandbook/60.htm>, accessed 19.08.2017. (In Russ.).
12. *Skol'ko nuzhno zhivykh kontrollerov domena dlya Exchange Server 2013?* [How much you need to live domain controllers for Exchange Server 2013?]. Available at: <https://blog.it-kb.ru/2016/02/25/microsoft-exchange-directory-topologyservice-exe-config-minpercentageofhealthydc-exchange-server-2013/>. (In Russ.).
13. *Slovarik rieltora: khvost, drova i babushkin remont* [Glossary realtor: tail, firewood and Babushkin repair]. Available at: https://realty.mail.ru/articles/18470/slovarik_rieltora_hvost_drova_i_babushkin_remont/, accessed 19.08.2017. (In Russ.).
14. *Slovar' russkogo yazyka. T. 1* [Dictionary of the Russian language. Vol. 1]. Moscow, 1981. 698 p. (In Russ.).
15. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka s vklyucheniem svedeniy o proiskhozhdenii slov* [Explanatory dictionary of the Russian language, including information about the origin of words]. Moscow, 2008. 1175 p. (In Russ.).
16. Kurakov L.P., Kurakov V.L., Kurakov A.L. *Ekonomika i pravo: slovar'-spravochnik* [Law and Economics: a dictionary]. Moscow, 2004. 1072 p. (In Russ.).

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2)6

СВОЕОБРАЗИЕ ЮМОРА В ПОВЕСТИ В. С. МАКАНИНА «АНТИЛИДЕР»

Гун Цинцин

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

Специфика юмора в прозе В. С. Маканина проявляется в сложном соотношении трагического и комического начал, способствующих передаче состояния экзистенциального кризиса, неконтролируемого проявления иррационального начала в сознании «серединного» человека (термин Л. Аннинского). Такая особенность сближает юмор Маканина с «черным» юмором, который оказал большое влияние на мировую культуру, начиная с 1960-х гг. Подобная близость особенно четко прослеживается в повести «Антилидер», которая при внешне анекдотичном развитии событий имеет глубокое трагическое содержание. Феномен «антилидерства» осмысливается автором в его физиологическом, психологическом и метафизическом проявлениях, а юмор способствует выявлению абсурда и жестокости «самотечности» жизни, с которой сталкивается человек.

Ключевые слова: *дискурс, дидактическая коммуникация, тип текста, речевой жанр.*

Выдающийся представитель прозы «сорокалетних» В. С. Маканин вошел в литературу в середине 1960-х гг., но ядро его поэтики сформировалось к рубежу 1970–1980-х гг. Как отмечает М. Липовецкий, «именно с произведений, написанных на рубеже 1970–1980-х гг., с рассказов “Ключарев и Алимускин”, “Река с быстрым течением”, “Антилидер”, “Человек свиты”, “Гражданин убегающий”, повестей “Отдушина” и “Предтеча”, романа “Голоса” — проза Маканина приобретает отчетливое философское, а именно экзистенциалистское звучание» [5. С. 627]. Попытка найти истоки экзистенциального кризиса, который переживают его современники, приводит Маканина к мысли о «самотечности жизни» и «сумасшествии буден», «когда человек уже не контролирует свою жизнь, а превращается в щепку в безличном потоке бытовых сцеплений, зависимостей, обязанностей, ритуалов, автоматических действий» [5. С. 627]. При этом писателя интересует именно типичный представитель 1970–1980-х гг., своего рода «серединный человек» [1. С. 221], которого можно поставить в один ряд с гоголевским «маленьким человеком» и чеховским «средним человеком». И поскольку, как показывает в своих произведениях писатель, такой типаж является порождением определенной социальной обстановки, внимание автора сосредоточено не столько на личности как таковой, сколько на личности в ее взаимодействии с социумом.

Примечательно, что Маканин при осмыслении столь серьезной проблемы часто прибегает к использованию юмора, за которым скрываются

глубокие размышления о трагизме жизни, ее абсурдности, жестокости, «самотечности», то есть состоянии «тотального социального разочарования и “примирения” с уродливой действительностью “застоя”» [5. С. 629]. Подобный юмор сродни «черному юмору», который в мировой культуре второй половины XX в. становится особым способом выражения духовных поисков, помогая выявлению темной стороны общества и социальных противоречий. Черный юмор является реакцией человека на бессмысленную жестокость мира. В 1980-е гг. упреки, которые бросала критика Маканину в 1980-е гг., были связаны с использованием приемов, которые похожи на «черный юмор». Итоги критиков совпадают «в некоторых наблюдениях, принципиально расходятся в конечных выводах и оценках: прямо-таки “голубое” и “красное”» [8. С. 40]. Они спорят об общих принципах прозы Маканина, даже расходятся в оценке образа Куренкова. И. Роднянская видит в Куренкове идеальные положительные черты, Л. Аннинский, наоборот, воспринимает его как символ отрицательной активности. Использование возможностей «черного юмора» помогает автору найти формы выражения своей позиции, а также и сознания (в плане отражения эстетической компоненты авторского сознания). В словаре английского языка издательства «Рэндом Хаус» черный юмор трактуется как «форма юмора, которая рассматривает человеческое страдание как бессмысленное и потому не вызывающее сочувствия, а человеческое существование как бесцельное и потому комичное» [14. С. 146–148]. Например, произ-

ведения некоторых современных постмодернистов: Ю. Мамлеева, В. Сорокина, В. Пелевина, Л. Перушевой, Н. Садур и др. Предметом высмеивания черного юмора, как правило, является человеческий страх утраты своего социального и материального положения, здоровья, разума. При этом происходит разоблачение тех или иных представлений о мире, переосмысление моральных и общественных ценностей. Американский критик Р. Шиндлер в статье «Юмор со смертоносным жалом» отмечает суть творчества черных юмористов: «За неимением ничего лучшего, черные юмористы стали хранителями нашей совести. В резкой, взрывоопасной форме они бросают вызов гипнотизерам и истеричкам. Они обрушивают на нас необходимость делать выбор. Среди банальности, опустошенности и избытка, они предлагают нам ужасы и возможности самопознания» [13. С. 305].

Ту же роль в прозе Маканина выполняют комические элементы, которые призваны изначально представить тот или иной социальный феномен в карикатурном свете, в итоге создают почву для философского парадокса. Рассматривая специфику юмора в творчестве Маканина, можно наблюдать за тем, как автор обращается к комическому не ради высмеивания пороков советского общества или заигрывания с читателем, а ради осмысления глубинного трагизма, который стоит за смехом его героев — «серединных» людей, то есть «человека обстановки» [1. С. 221]. Оттого юмор писателя зачастую окрашен в мрачные тона, а персонажи и ситуации, кажущиеся поначалу смешными, парадоксальным образом обнаруживают философскую и психологическую глубину. Его произведения рубежа 1970–80-х гг. являются ярким примером того, как контаминация комического и трагического позволяет обнаружить абсурд и экзистенциальную пустоту того обывательского образа жизни, который ведет «серединный» советский человек. Многие парадоксы маканинской прозы строятся вокруг несоответствия материального достатка, «внешнего» благополучия и внутренней удовлетворенности индивида. Писатель исследует иррациональное поведение своих героев, описывая его с разных углов зрения. Поэтому то, что окружающие воспринимают как комическое, сам герой воспринимает глубоко трагически и наоборот. Такой юмор амбивалентен, и его главной функцией является обнаружение в изначально абсурдности жизни истоков взаимонепонимания, возникающего

между людьми, и непонимания человеком самого себя.

Подобная двойственность присуща «черному юмору». Не случайно художественный контекст, в котором реализуется юмор Маканина, пробуждает ассоциации с творчеством сюрреалистов, которые и ввели термин «черный юмор» в литературный оборот в 1930-е гг.: это не злая насмешка над смертью и человеческой жестокостью, а скорее меланхоличный, грустный юмор. По мнению С. Дубина, черный юмор сюрреалистов представляет собой «не банальный хохот и не вежливую улыбку — черный юмор вообще бежит смеха, являясь феноменом выстрадавшим, “нутряным”, если угодно» [3. С. 15]. Он сравнивает черный юмор с кровавой гримасой Мальдорора, не умевшего улыбаться, а потому «распорвшего рот кинжалом» [3. С. 16]. Как сюрреалисты стремились с помощью черного юмора разрушить закостеневшие представления о жизни и искусстве, так и Маканин пытается заставить читателя по-новому взглянуть на некоторые феномены жизни общества. В 1996 г. газета «Нью-Йорк таймс» так охарактеризовала персонажей писателя: «Это послечеховские герои, которые поселяются в художественном пространстве Сальвадора Дали» [7. С. 7].

Страшное и смешное являются двумя взаимопроницаемыми элементами черного юмора, хотя в каждом сюжете доли страха и юмора неодинаковы. По мнению Т. Геллера, когда страх и юмор пересекаются, людям становится трудно различать эти два противоположных чувства [13]. В конце 1970-х гг. в исследованиях комической литературы в США более четко определяются черты, отличающие «черный юмор» от близких ему явлений. В предисловии к сборнику статей о современной юмористической литературе его редактор указывает, что «черным юмористам» свойственна склонность к утверждению своего воображения как абсолютной ценности. По ее мнению, для того чтобы противопоставить и отдалить себя от реального мира, «черные юмористы» сознательно преувеличивают его безумие и абсурдность, и он перестает быть смешным» [10. С. 4–5].

Подобное можно наблюдать в повести «Антилидер», которая начинается «как анекдот, заканчивается как высокая трагедия» [5]. Именно скрытый жанровый потенциал позволяет определять это произведение не как рассказ, а как повесть. Автор сосредоточивает свое внимание

на сознании антигероя, а потому показывает все происходящее читателям в несколько искривленном виде. В рассказе такие пугающие явления, как смерть, болезнь, насилие и так далее рассматриваются в бытовом контексте, таким образом, становясь чем-то обычным, заурядным, нелепым, а потому смешным. Юмор поначалу способствует формированию чувства симпатии и снисхождения к главному герою, но поскольку Куренков является антигероем, юмор приобретает знак «минус». Один из персонажей рассказа, режиссер Панов, характеризует главного героя как «психопата» [6]. Понятие «психопат» в повести использовано не в профессиональном значении, а в бытовой интерпретации. Писатель таким образом подчеркивает, что феномен «антилидерства» не рассматривается окружающими как модель социального поведения, как форма реакции на окружающую действительность. Автор намеренно подчеркивает глубину натуры Куренкова, контрастирующую как с кажущейся поверхностностью личности героя, так и с его внешней непривлекательностью. Маканинский «антилидер» осознает свое одиночество и внутреннюю деграцию, но ничего не может с этим поделать и не находит сочувствия у окружающих. В результате этого происходит потеря ценностных ориентиров и погружение в мир иррациональной логики. Но это не очевидно для социума, и ненормальное поведение героя вызывает у общества реакцию нездорового, жестокого смеха. Абсурдная ситуация насмешки над человеческими страданиями является основой как маканинского, так и «черного» юмора, характеризующегося наличием абсурдистской иронии над трагическими явлениями, такими как смерть, болезнь, физический недостаток и пр. Оттого зачастую носителем сознания, которое обращается к черному юмору, является сам антигерой.

Согласно Маканину, «антилидер» — это человек, который не завидует превосходству других, а хочет всех уравнивать в общении в одной компании. Посредством драки Куренков бросает вызов социальной условности, что роднит его с героями «донкихотского» типа. «“Донкихотовская ситуация” возникает из навязчивого, маниакального следования героя своей “идее”» [8. С. 65]. Куренков хочет защищать дружбу детства и справедливость, но его неадекватное поведение приводит его к смерти, поэтому его фигура носит трагикомический характер. С одной стороны, он находится на периферии социального

конвейера, и его мир ограничен бытовыми рамками. С другой стороны, его поведение обладает парадоксальными чертами, которые создают комический эффект. Например, Куренков радуется собственной болезни, чтобы не идти на день рождения к другу. Столь же комичными и нелогичными предстают его отношения с Шурочкой. Жена относится к Куренкову как к ребенку, поэтому не видит противоречия в том, что она любит мужа и в то же время изменяет ему.

Куренков видит мир иначе, чем другие персонажи: через призму его мировидения проявляется вся абсурдность и пошлость новогоднего застолья в квартире Тюрина: «В огоньковской программе появилась на экране телевизора Алла Пугачева — в легкой косынке, улыбаясь чарующими редковатыми зубами, она запела. Все смотрели: всех как бы заморозило» [6. С. 9]. Появление Аллы Пугачевой воспринимается присутствующими как нечто удивительное, чарующее. Несоответствие события и реакции на него подчеркивается автором. Вместе с тем в данном эпизоде Маканин использует возможности смеховой культуры, предстающей в ее «неофициальной праздничности, всенародности, демократизма, антидогматизма и универсальности» [2. С. 395]. Согласно М. М. Бахтину, карнавальная смеховая культура носит амбивалентный характер, в нем сливаются «хвалы и хулы, взаимное отрицание и утверждение, созидательное разрушение, извержение в социальную могилу ради нового зачатия» [2. С. 395]. Такие же амбивалентные чувства одолевают Куренкова, когда друзья зовут его выпить: «Они бы, веселые, и слону закричали, давай, мол, слон, чокнемся <...> Все захохотали, а Василий, смеющийся, стоял и поправлял галстук над чуточку торчащим ранним животиком» [6. С. 8].

Куренков чувствует себя неуютно в собравшейся компании, он видит всю карикатурность подобного «веселья», хочет уехать, но, лишенный такой возможности, дает бой хозяину квартиры. Это проявление трагического бунта главного героя, однако в рамках «карнавальной» ситуации драка воспринимается окружающими в комическом ключе, как проявление его слабости: «Все взорвались хохотом с новой силой: Куренкова, бледного и уже умудрившегося выпить, умоляли сесть, выпить крепкой заварки, а еще лучше — поесть жирного» [6. С. 9]. Заметное неравенство противников вызывает смех окружающих, однако Тюрин, будучи физически сильнее Куренкова, проигрывает ему битву за лидерство в компании.

Черты «черного юмора» проявляется на уровне не только проблематики (в частности философской), но и поэтики. Маканин, окружая главного героя персонажами, воспринимающими его болезнь иронично и снисходительно, показывает, насколько губительно подобное отношение. Бездействие его друзей и жены, которые считают поглощающее и физически меняющее его чувство обычной причудой, в итоге доводит Куренкова до тюрьмы и гибели. Тюрьма выступает не только в качестве сюжетного элемента, но и в качестве символа: все люди заключены в тюрьму социальных условностей и не могут от нее избавиться. Описывая тонкую психологическую ситуацию, в которой оказывается антилидер Куренков, автор подводит читателя к мысли о том, что таким героя делают обстоятельства и люди, не способные ему помочь. В этом заключается трагизм произведения. «Черный юмор» становится отражением не только сознания антигероя, смотрящего на мир, но и мира, смотрящего на героя с ироническим и в то же время губительным равнодушием. Обществу проще игнорировать состояние страха, тревоги, в котором находится Куренков, и ощущение им несвободы, чем помочь ему разговором и делом: «Вчетвером они выпили водки, посидели, посумерничали <...> Надвигающаяся беда забылась» [6. С. 21].

Б. Фелдман в статье «Анатомия черного юмора» отмечает, что «черный юмор эксплуатирует стиль экзистенциализма, но не его содержание» [11. С. 228]. Действительно, герои в прозе Маканина переживают экзистенциальный кризис, но не осознают его и тем более не могут ему противостоять. Для снижения напряженности, сохранения целостности своего душевного мира они используют три особые формы защиты от чувства экзистенциального ужаса: катарсис, эскапизм, агрессию.

Физическое и психологическое переживание лишает жизненной силы Куренкова, а «катарсис действует иначе — он доводит аффект до максимального размаха и приводит к благотворному кризису, очищая и исцеляя человека» [4. С. 63]. Прося свою жену помыть его, как ребенка, герой снимает напряжение, и этот факт омовения можно трактовать как ритуал очищения души. Так как автор помещает героя в мир бездуховный, исключительно бытовой, катарсис вызывается не приобщением к чему-то высокому, а соблюдением бытового ритуала купания. Желание убежать посещает Куренкова во время праздничного засто-

лья: «Куренков все хотел от них уйти, но они звали его и тянулись стопками и горланили» [6. С. 8]. Также он рад возможности избежать встречи с другом, ссылаясь на болезнь. Агрессивное поведение Куренкова, связанное с самоутверждением, является одновременно формой социального протеста и выброса накопленной негативной энергии. Согласно точке зрения З. Фрейда, «невроз — это защита против неуверенности и страха, порожденных подавленными влечениями» [9. С. 401]. Маканин показывает, что агрессивные импульсы рождаются внутри человека постоянно, накапливаются и требуют разрядки. И в этом можно обнаружить отголоски мысли Фрейда об истоках желания человека психологически защитить себя. Это же состояние характеризует и Р. Грановская, говоря о функции такой психологической защиты: «Эта адаптивная форма защиты не только снимает чувство тревоги, но и приводит к социально одобряемому результату» [4. С. 62]. Драки с Тюриным и Большаковым становятся такой разрядкой. Таким образом, внешне юмористические зарисовки из жизни «антилидера», приобретая все более и более трагичное звучание, наполняются «черным», мрачным содержанием, отражающим одиночество, беспомощность и отчаяние Куренкова. Он не способен контролировать себя, и в таком отчаянном пессимизме его бунт является насмешкой над социальной пассивностью окружающих и сознательным его отчуждением от общества. Поведение Куренкова является иррациональным и парадоксальным. Хотя его порыв возник из-за благородного чувства справедливости, он никому не принес добра, а наоборот, привел к разрушению социального порядка.

Но в этом есть своя художественная логика. Разрушение привычной конфигурации мира нередко становится одним из результатов деятельности героя, увиденного автором сквозь призму «черного юмора», который как одну из форм воссоздания реальности использует прием деконструкции. В «Антилидере» отражается оппозиция «элита» — «антилидер», при этом представление об «элите» деконструируется. Те, которые относят себя к таковой, представляют собой фальшивую, самопровозглашенную элиту. Тюрин выделялся в компании как владелец автомобиля, квартиры на юго-западе и крепкого здоровья. В тюрьме «главенствовал и куражился некто Большаков <...> здоровенный мужик, с крупными волосатыми руками и мохнатой грудью» [6. С. 27]. И тот, и другой проигрывают

Куренкову в драке — самом простом и прямом противостоянии. Он отвергает любые формы ложного лидерства, провозглашая антилидерство как норму поведения, борьбу одиночки как социальный протест, что ставит его в ряд литературных «донкихотов». В своей борьбе против ветряных мельниц социальных условностей Куренков смешон для окружающих. Интуитивный алогизм поведения героя, делающего драку единственной формой экзистенциального бунта, вызывает иронию автора. Однако Маканин предлагает читателю взглянуть на антилидера с позиций не социальных, но человеческих, представляя его как тип благородного борца. Куренков всегда восстает против абсурдности окружающего его мира, и в этом заключается символическое значение его образа.

В отличие от Толика, Шурочка легко адаптируется к реалиям общества и старается помочь адаптации мужа. Символическим представляется изменение ее имени из полной формы «Александра», что означает «защитница людей» в уменьшительную форму «Шурочка». Как в рамках бытового абсурдного мирка невозможно достижение настоящего катарсиса для Куренкова, так и Шурочка не способна по-настоящему защитить мужа, не нарушая социального благообращения. В данном случае супруги являются одновременно двойниками (они оба не властны над своей участью) и антиподами (автор заостряет внимание читателя на их физическом различии и противоположных позициях, которые они избирают по отношению к обществу). Автор предлагает уникальную художественную концепцию, показывая читателю два пути: путь бессмысленной борьбы и путь адаптации. Он пытается создать такой эффект, что читатель, как и Шурочка, переживает за Куренкова. Хотя автор оставляет финал открытым, он с помощью предсказания Туковского сообщает читателю, что Куренков не вышел из тюрьмы.

Трагический потенциал сюжетной ситуации раскрывается с помощью почти анекдотичной формы повествования. Этому способствует и использованный автором прием повтора, часто являющийся отличительной чертой юмористического текста, например, «— Ты, Куренков, смотри у меня!» [б. С. 3] и «— Ты, Куренкова, не бойся!» [б. С. 3] При этом повторяющиеся языковые формулы несут в себе семантику страха

и мучения героя. Так, автор применяет однокоренные слова для отражения физического уродства Куренкова: «темнел», «потемнело», «потемневший», «темен», «темное», «темные», «худеет», «худой», «худое», «худющий», «похудел», «смуглел», «смуглым», «смуглота», «жжение», «жжет», «надвигающуюся», «надвигалось», «озлётности», «злил», «злобы», «озлобил», «злобу», «ревнует», «ревновал», «завидовал», «завидую», «завистник». Слова с коннотациями темного цвета, худобы, жжения, злобы, ревности и зависти применяются в описании признаков заболевания Куренкова, создавая эффект переживаемых им физических и душевных страданий. Противоречивая характеристика Куренкова тоже имеет ироничный характер: автор описывает его как «покладистого», «смирного», «сдержанного», «деликатного» и «грубого». С помощью приемов гиперболы, повторения и сравнения автор описывает образ Куренкова в мрачных тонах, чтобы показать распад личности героя, усилить художественный эффект «черного юмора» и вызвать сочувствие читателей, не выражая сочувствия к герою напрямую. В. В. Набоков отмечает, что «читая книгу, мы должны держаться слегка отрешенно, не сокращая дистанции. И тогда с наслаждением, одновременно и чувственным и интеллектуальным, мы будем смотреть, как художник строит карточный домик, и этот карточный домик превращается в прекрасное здание из стекла и стали» [б. С. 29].

Итак, амбивалентный по своей природе юмор помогает Маканину подчеркнуть абсурдность жизни и подавление человека обществом, отразить разлад между средой и личностью и распад самой личности, оттого комическое в его произведении органически перерастает в трагическое. Антилидер — это «срединный» человек, который, с одной стороны, является носителем анти-социального сознания, с другой стороны, глубоко зависим от социальной обстановки. Подобное положение обуславливает нелепость и даже комичность его поведения, в конечном счете приводя героя к гибели. Маканин изображает жестокость общества, а также деградацию человеческого сознания, переживающего экзистенциальный кризис в рамках установленных социальных норм. Таким образом, маканинский юмор сближается с «черным юмором», усиливая у читателя ощущение неразрешимого трагизма бытия.

Список литературы

1. Аннинский, Л. А. Структура лабиринта. Владимир Маканин и литература «серединого» человека / Л. А. Аннинский // Звезда. — 1986. — № 8. — С. 218–226.
2. Бахтин, М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М. Бахтин. — М., 1990.
3. Бретон, А. Антология черного юмора [1940] / А. Бретон. — М., 1999.
4. Грановская, Р. Защита личности: психологические механизмы / Р. Грановская, И. Никольская. — М., 1999.
5. Лейдерман, Н. Л. Современная русская литература: 1950–1990-е годы : в 2 т. / Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий. — Т. 2. — М., 2003.
6. Маканин, В. С. Антилидер. Человек свиты. Повести и рассказы / В. С. Маканин. — М., 1988.
7. Маканин, В. С. Человек свиты / В. С. Маканин. — СПб., 2015.
8. Пискунова, С. Все прочее — литература / С. Пискунова, В. Пискунов // Вопр. литературы. — 1988. — № 2. — С. 38–77.
9. Фрейд, З. Тотем и табу / З. Фрейд. — М., 1998.
10. Cohen, S. B. Comic Relief: Humor in Contemporary American Literature / S. B. Cohen. — Urbana, 1979. — P. 1–13.
11. Feldman, B. Anatomy of black humor / B. Feldman // The American Novel since World War II. — Greenwich, 1969. — P. 224–228.
12. Heller, T. Notes on Technique in Black Humor. In Black Humor / T. Heller. — N. Y., 1993.
13. Schindler, R. Grundprinzipien der Psychodynamik in der Gruppe / R. Schindler // Psyche. — 1958. — № (11). — P. 308–314.
14. The Random House Dictionary of the English Language / ed. S. B. Flexner. — N. Y., 1987.

Сведения об авторе

Гун Цинцин — аспирант кафедры истории новейшей русской литературы и современного процесса филологического факультета, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. Москва, Россия. qingqinggong@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2017. No. 12 (408). *Philology Sciences. Iss. 110. Pp. 82–88.*

THE SPECIFICITY OF HUMOR IN MAKANIN'S NOVEL "ANTILEADER"

Q. Q. Gong

Lomonosov Moscow University, Moscow, Russia. qingqinggong@mail.ru

The specificity of Makanin's humor lies in the complex relationship of the tragic and comic principles that facilitate convey the state of existential crisis, the uncontrolled irrational beginning of the "middle man's" (term of Anninsky) consciousness. This feature contributes Makanin's humor with black humor, which has a great influence on the world's culture since the 1960's. Such similarity is particularly evident in the novel "Antileader", which has a deep tragic content with anecdotal form. The phenomenon of "anti-leadership" is comprehended by the author in his physiological, psychological and metaphysical manifestations. Humor contributes to revealing the absurdity and cruelty of the "self-sufficiency" of life, that individual encounters.

Keywords: *Makanin, humour, antileader, "self-sufficiency", middle man, absurdity.*

References

1. Anninsky L.A. Struktura labirinta. Vladimir Makanin i literatura "seredinnogo" cheloveka [Structure of the labyrinth. Vladimir Makanin and the literature of the "middle man"]. *Zvezda* [The Stars], 1986, no. 8, pp. 218–226. (In Russ.).
2. Bakhtin M.M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaja kul'tura srednevekov'ja i Renessansa* [Creativity Francois Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and the Renaissance]. Moscow, 1990. (In Russ.).

3. Breton A. *Antologija chernogo jumora (1940)* [The anthology of black humor (1940)]. Moscow, 1999. (In Russ.).
4. Granovskaya R., Nikolskaya I. *Zashhita lichnosti: psihologicheskie mehanizmy* [The protection of personality: psychological mechanisms]. St. Petersburg, 1999. (In Russ.).
5. Leiderman N.L., Lipovetsky M.N. *Sovremennaja russkaja literatura: 1950–1990-e gody : v 2 t. T. 2* [Modern Russian Literature: 1950–1990 in 2 vol. Vol. 2]. Moscow, 2003. (In Russ.).
6. Makanin V.S. *Antilider. Chelovek svity. Povesti i rasskazy* [Anti-lider. Straggler. Novels and stories]. Moscow, 1988. (In Russ.).
7. Makanin V.S. *Chelovek svity* [The man of the retinue]. St. Petersburg, 2015. (In Russ.).
8. Piskunova S., Piskunov V. Vse prochee — literatura [Everything else is literature]. *Voprosy literatury* [Literature questions], 1988, no. 2, pp. 38–77. (In Russ.).
9. Freud Z. *Totem i tabu* [Totem and taboo]. Moscow, 1998. (In Russ.).
10. Cohen S. B. *Comic Relief: Humor in Contemporary American Literature*. Urbana, 1979. Pp. 1–13.
11. Feldman B. Anatomy of black humor. *The American Novel since World War II*. Greenwich, 1969. Pp. 224–228.
12. Heller T. *Notes on Technique in Black Humor. In Black Humor*. N. Y., 1993.
13. Schindler R. Grundprinzipien der Psychodynamik in der Gruppe. *Psyche*, 1958, no. (11), pp. 308–314.
14. Flexner S.B. (ed.). *The Random House Dictionary of the English Language*. N. Y., 1987.

УДК 81

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ РЕАЛИЗАЦИИ ПОТЕНЦИАЛА ИНВЕКТИВНОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЗООМЕТАФОРЫ «СОБАКА/КОБЕЛЬ»

Т. В. Звездина

Научно-учебный центр «Контроль и диагностика», Челябинск, Россия

Н. А. Новоселова

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Статья посвящена актуальной проблеме — социокультурному аспекту реализации потенциала инвективного функционирования зоометафор. Рассматривается соотношение исконных черт, которые закладываются носителями русского языкового сознания в образы животных, и дискредитирующих характеристик, приписываемых адресату инвективы, функционирующей на образе соответствующего животного. В качестве примера демонстрируется экспликация черт исконного образа «собака/кобель» и соотношение данных характеристик с современным инвективным вербальным «портретом», функционирующим на основе рассмотренного традиционного образа.

Ключевые слова: *вербальная инвектива, зоометафора, социокультурное представление, характеристика образа, инвективная формула, вербальная агрессия.*

Социокультурные представления ярко отражены в произведениях малых жанров русскоязычного фольклора: качества животных, отраженные в них, прочно закреплены в сознании носителя языка, ведь с раннего детства каждый из нас воспринимает высказывания, которые соотносят объект и его свойство (в нашем случае это будет пара «животное — качество»).

Чтобы говорить об инвективном потенциале зоометафор, мы рассмотрели несколько трактовок понятия *инвектива*. Понятие вербальной инвективы появилось в терминологическом аппарате отечественной лингвистики относительно недавно, и потому границы понимания этого термина до сих пор нельзя назвать безапелляционно четкими.

Из всех изученных нами определений инвективы наиболее подходящими нам показались два определения — предложенные М. А. Можейко и Г. В. Дмитриенко.

М. А. Можейко предлагает следующую трактовку рассматриваемого термина: вербальная инвектива — «культурный феномен социальной дискредитации субъекта посредством адресованного ему текста, а также устойчивый языковой оборот, воспринимающийся в той или иной культурной традиции в качестве оскорбительного для адресата». В качестве рабочего определения мы выбрали термин, предложенный Г. В. Дмитриенко, но учитывая обращение М. А. Можейко к культурной традиции, что пере-

секается со спецификой нашей работы, мы считаем необходимым объяснить, почему данное определение не стало для нас основным.

Под словом «текст» в данном определении мы понимаем информацию, зашифрованную посредством знаковой системы — языка — и предназначенную для последующего декодирования. Разумеется, мы не спорим с верностью такого подхода, но с учетом специфики инвективных высказываний нельзя рассматривать это явление только со стороны языка, игнорируя дискурс, в котором оно существует в конкретном случае.

В данном определении также затронут аспект культурной традиции носителей определенной национальной картины мира, но по умолчанию воспринимать устойчивый языковой оборот в качестве инвективы мы не считаем правильным, потому что не всегда известно, выполнено ли условие адресованности высказывания, в котором этот оборот функционирует.

Обобщая анализ определения М. А. Можейко, отметим, что адресность — это один из важнейших аспектов реализации инвективы, и потому рассматривать определение, в котором не фигурирует данный аспект, мы не можем.

Далее рассмотрим предложенный Г. В. Дмитриенко термин, на который мы опирались в своем исследовании. Г. В. Дмитриенко трактует вербальную инвективу как «определенный культурно обусловленный и национально-специфичный векторно-направленный кон-

тинуум вербальной агрессии по отношению к участнику коммуникации, к ситуации, предмету и процессу социально-речевого общения» [3]. В рассматриваемом определении нам импонирует понимание инвективы не как отдельно взятой лексемы, а как инвективной формулы, состав которой может значительно варьироваться. Под инвективной формулой можно понимать информацию самого разного объема: она может состоять из одной лексемы, а может быть реализована посредством объемного текста. Вербализация инвективной формулы, по мнению Г. В. Дмитриенко, может осуществляться посредством литературной лексики, однако в большинстве случаев реализация инвективного потенциала происходит при помощи просторечной лексики и фразеологии. В случае употребления в качестве инвективы лексем, не содержащих в своей семантике инвективного компонента и зачастую не имеющих даже экспрессивной окраски, инвективное функционирование осуществляется только за счет погружения лексической единицы в соответствующий контекст [3]. Именно такую реализацию мы рассматривали, анализируя инвективный потенциал нормативных лексем. Все номинации животных, употребленные с целью дискредитации адресата такой метафоры, реализуют собственный инвективный потенциал в наибольшей степени за счет соответствующего контекста, и потому определение Г. В. Дмитриенко оказалось для нас самым подходящим из всех рассмотренных.

Традиционное представление о животных в русской языковой картине мира редко имеет исключительно «светлую» или «темную» направленность: образ животного можно признать однозначно негативным лишь в том случае, если данное животное приносит человеку исключительно вред. Ярким примером такого образа можно считать «портрет» волка: сложно найти положительные его отражения в произведениях малых жанров фольклора. В остальных же случаях животные описаны с двух сторон, одна из которых отражает положительные черты образа, а другая — отрицательные.

Мы решили посвятить данную статью зоометафоре, функционирующей на образе «кобель/собака», чтобы показать, как именно негативные черты в целом положительного образа могут стать средством дискредитации субъекта-адресата соответствующей зоометафоры. В социокультурном аспекте *собака* воспринимается в первую

очередь как охранник человеческого жилища и верный спутник человека на охоте. Это животное оценивается как друг и помощник, и потому негативные черты данного образа представлены не слишком объемно.

В произведениях, посвященных *собаке*, наиболее полно отражены три характеристики. Оговоримся, что характеристика *злость* не эксплицируется в произведениях, отражающих негативные черты *собаки*, отдельно от других качеств: безотносительно негативных черт злость собаки не осмысливается как отрицательная черта, так как она необходима псу как защитнику жилища человека.

1. Глупость.

Данное качество наглядно иллюстрируется произведением «*Лошадь сдохла — собаке праздник*». Глупость *собаки* демонстрируется иносказательно: традиционно лошадь считается одной из кормилиц семьи наравне с коровой, только если первая обеспечивает семью молоком и мясом, то лошадь — это главный работник на поле и средство передвижения. Смерть лошади означала для семьи снижение производительности труда, так как на лошади пахать получалось на порядок быстрее, и значительные и неминуемые материальные затраты на новую лошадь, если она была единственной. Собачий «праздник» — это прямая отсылка к тому, что рассматриваемое животное воспринимается как неспособное понять, чем грозит потеря лошади для семьи, и, следовательно — глупое.

2. Низкое общественное положение.

У положительного восприятия собаки как верного охранника есть и обратная сторона. Собака — это последнее существо в доме: ее кормят после всех остальных животных, но в случае опасности для жилища первой погибает или страдает именно собака. Исходя из этого обстоятельства, русское социокультурное сознание отражает восприятие собаки как наименее ценного животного.

Данная черта восприятия образа собаки проиллюстрирована в произведениях «*Собаке — собачья смерть*», «*Собаке — собачья честь*», «*Черного кобеля не отмоешь добела*». Данные пословицы можно трактовать исчерпывающе: собачье место находится на нижних ступенях иерархии «общества» — двора, и повысить ее положение в русской картине мира не представляется возможным (этот момент наглядно проиллюстрирован последним произведением).

3. Жадность.

Третье отрицательное качество, которое приписывается собаке в произведениях малых жанров фольклора, — это жадность. Оно продемонстрировано в следующих пословицах: «Собака на сене: сама — не ам, и другим — не дам!» и «Собачья дружба до первой кости».

В данных произведениях жадность показана на фоне злости. Как и в случае с иллюстрацией глупости, в имеющемся контексте собачья злость усиливает негативизм, с которым воспринимается ее жадность.

Жадность *собаки* не всегда обоснована: в первом произведении показано собачье нежелание отдать что-либо или поделиться даже тем, что ей не нужно: сено не пригодно в пищу, но *собака* не хочет уступить его тем, кому оно может быть полезно.

Вторая пословица иллюстрирует взаимоотношение двух собак, которые не смогут сохранить мир, если на кону будет какой-либо объект обладания (в данном случае — пригодный в пищу). Жадность здесь проявляется больше в чувстве превосходства, нежели непосредственно желания иметь что-то, чего не будет иметь оппонент [5].

Чтобы проследить взаимосвязь традиционно негативного образа *собаки* и современного инвективного потенциала зооморфных номинаций, мы рассматривали те материалы СМИ, в которых субъект сравнивается с животным посредством зоометафоры, осуществляющей инвективную функцию в высказывании. Говоря об осуществлении инвективной функции, мы подразумеваем наличие адресности и намерения дискредитировать субъект, к которому относится рассматриваемая вербальная инвектива, выраженная зоометафорой.

Анализ современного употребления зоометафоры *собака* был проведен нами на материале Ольги Селиверстовой «Коломойский предложил усыпить “кусающуюся собаку” Саакашвили» [9]. Мы проанализировали следующий отрывок данной публикации [здесь и далее сохранены авторские орфография и пунктуация. — Т. З., Н. Н.]:

«Ответил и Коломойский. Как пишет ТСН, олигарх заявил, что “когда собака без намордника кого-то кусает, нужно наказывать и собаку, и, что важно, ее хозяина”. При этом, он отметил, что кто тут хозяин, понятно, а собак в таком случае “усыпляют”. “В нашем случае можно отправить налоговым платежом в Грузию, чтобы она ответила за покусанных там людей”,

— заявил экс-губернатор Днепропетровской области.

Коломойский также отметил, что хочет наказать Саакашвили деньгами и будет отстаивать свою честь и достоинство в судах <...>».

Зоометафора *собака* в данном материале является вербальной инвективой, так как выполнены условия ее функционирования. Рассмотрим каждую из них последовательно.

1. Инвектива имеет четкую адресацию: «...Ответил и Коломойский». В контексте данного информационного сообщения ответ подразумевает вступление в опосредованный средствами массовой коммуникации диалог, следовательно, Игорь Коломойский обращается к конкретному человеку — Михаилу Саакашвили.

2. Инвектор приписывает Михаилу Саакашвили черту, дискредитирующую последнего: «Коломойский также отметил, что хочет наказать Саакашвили деньгами и будет отстаивать свою честь и достоинство в судах». В ходе экспликации затекстовой информации мы выявили ряд смысловых связей, указывающих на эту черту.

Игорь Коломойский будет *отстаивать свою честь и достоинство в судах*, следовательно, его честь и достоинство унижены посредством ложной информации, которую распространяет Михаил Саакашвили. Если информация, которую распространяет Саакашвили, является ложной, значит, он клеветает на Коломойского. Человек, распространяющий клевету, воспринимается в социуме отрицательно, следовательно, данное качество — распространению лжи, клеветы — является дискредитирующим.

Наличие данных условий позволяет трактовать данное употребление зоометафоры *собака* как вербальную инвективу.

Анализируя данный вариант современного употребления зоометафоры *собака* как средства дискредитации субъекта, мы выявили несколько слов маркеров, функционирующих как метафоры и раскрывающих черты, которые мы соотносим с исконным представлением о собаке.

Первая характеристика, которая прослеживается на всех уровнях содержания текста, — это *низкое общественное положение*. Данная характеристика маркируется словами *намордник, хозяин, наказывать* (как дополнение к наказанию — усыплять).

Самым ярким маркером низкого общественного положения адресата инвективной зоометафоры является слово *хозяин*. Хозяин — это владелец

животного, который может распоряжаться его жизнью по собственному усмотрению. У собаки нет права принимать решения, так как вместо нее это делает ее хозяин.

Слово *намордник* ярко маркирует не только низкое общественное положение собаки, но и ее злость. Намордник — это средство ограничения свободы, призванное обезопасить окружающих от злой собаки, которая может *укусить*, приняв за реальную угрозу то, что ею не является, ввиду собственной глупости.

Особенный интерес представляет слово-маркер *наказание* и его уточнение — *усыпление*. Наказание — это прерогатива хозяина собаки, но в рассматриваемом отрывке текста мы видим несколько иную трактовку данного слова. Автор высказывания предлагает *наказать* не только *собаку*, но и ее *хозяина*, связывая это с тем, что *укусы* собаки заделали сторонних людей, которые могут наказать даже хозяина собаки. Это указывает на более низкое по сравнению с автором высказывания положение хозяина в социуме, а также еще больше снижает положение самой собаки, в связи с чем ее предлагает *усыпить* — снять с должности.

Слово-маркер глупости собаки — *укусы*. Они расцениваются и как проявление злости собаки. *Кусающаяся собака* — это негативный образ, который в данном контексте указывает на неспособность адресата метафоры разобраться в ситуации, что приравнивается к глупости. Информация, которую субъект преподносит в фактуальной форме, недостоверна, в связи с чем автор высказывания считает, что *собаку* необходимо *наказать* за неподобающее поведение — *укусы*. Под укусами автор высказывания понимает унижение чести и достоинства, в случае самого Игоря Коломойского — посредством клеветы и несправедливых обвинений. Автор предлагает «*отправить* [собаку = Саакашвили. — Т. З., Н. Н.] *наложенным платежом в Грузию, чтобы она ответила за покусанных там людей*».

Через упоминание о *покусанных* людях автор высказывания усиливает дискредитацию субъекта: наличие людей, которых Михаил Саакашвили оскорбил или унизил, говорит о том, что такой его поступок не является единичным. Как явления, осуждаемые социумом, ложь и клевета в стратегии поведения субъекта создают негативный его образ у третьей стороны коммуникации — наблюдателей, которые и представляют собой общество.

Рассмотрев вышеописанные черты, мы соотнесли исконные качества негативного образа со-

баки и современные характеристики, которыми наделяет инвектор адресата соответствующей вербальной инвективы [5].

1. Характеристика *низкое общественное положение* соотносится с характеристикой традиционного портрета собаки, отраженного в пословицах и поговорках. На положение в социуме указывают наличие хозяина — владельца животного, возможность ограничить свободу субъекта на свое усмотрение (надеть намордник), наказать вплоть до усыпления — снятия с должности — и даже *отправить наложенным платежом*, как вещь.

2. Характеристика *глупость* соотносится с соответствующим качеством, которое представлено в традиционном образе собаки. Субъект представлен «пустолайкой», его агрессия не подкреплена фактами, что соотносится с традиционным образом *собаки*, которая не отличает реальной опасности от мнимой угрозы и лает по собственной глупости.

Как и в исконном представлении о рассматриваемом образе, современное употребление зоометафоры *собака* в качестве вербальной инвективы показывает, что глупость сочетается со злостью. Данное утверждение подкрепляется наличием слова-маркера *намордник*: он применяется для ограничения действий и свободы злой, агрессивной собаки.

3. Характеристика *жадность* в современном употреблении зоометафоры *собака* не представлена [5].

Из трех характеристик, которые присутствуют в традиционном негативном портрете *собаки*, отраженном в произведениях малых жанров фольклора, в современном инвективном употреблении соответствующей зоометафоры представлены две. Это говорит о наличии прямой взаимосвязи социокультурных представлений об образах животных и современного инвективного потенциала зоометафор.

Обобщая вышеизложенное, отметим, что совпадение трех из четырех характеристик, представленных в исконном «портрете» образа «собака/кобель» и в современном примере инвективного употребления соответствующей зоометафоры, дает основание полагать, что связь между традиционным представлением о негативных чертах животных и современными дискредитирующими чертами, которыми наделяет такая метафора адресата, действительно существует и может стать объектом для дальнейших исследований.

Список литературы

1. Баранов, А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика : учеб. пособие / А. Н. Баранов. — М., 2007. — 592 с.
2. Дмитриенко, Г. В. Вербальная инвектива в англоязычном лексическом субстандарте : дис. ... канд. филол. наук. — Пятигорск, 2007. — 166 с.
3. Дмитриенко, Г. В. Оскорбление как форма реализации вербальной агрессии / Г. В. Дмитриенко // Университетские чтения 2007 : материалы науч.-метод. чтений ПГЛУ. — Пятигорск, 2007. — Ч. III. — С. 52–56.
4. Звездина, Т. В. К вопросу о взаимосвязи инвективного употребления зоометафор и традиционного образа соответствующих животных в произведениях малых жанров фольклора / Т. В. Звездина // Челябин. гуманитарий. — 2016. — С. 31–36.
5. Звездина, Т. В. Социокультурный аспект реализации потенциала инвективного функционирования зоометафор : дипл. работа (диссертация магистра филологии). — Челябинск, 2017. — 101 с.
6. Костяев, А. П. Дискурсивные маркеры вербальной агрессии в профессиональной коммуникации. — URL: http://tverlingua.ru/archive/019/9_19.pdf.
7. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. — М., 2008. — 256 с.
8. Можейко, М. А. Инвектива как социокультурный феномен / М. А. Можейко // Культура. Наука. Творчество : сб. науч. ст. — Минск, 2014. — Вып. 8. — С. 244–248.
9. Селиверстова, О. Коломойский предложил усыпить «кусающуюся собаку» Саакашвили / О. Селиверстова // Моск. комсомолец. — 06.09.2015.
10. Степко, М. И. Определение объема и границ понятия «инвектива» в отечественной лингвистике / М. И. Степко // Язык и межкультурная коммуникация : сб. ст. I Междунар. конф. — Астрахань, 2007.

Сведения об авторах

Звездина Татьяна Викторовна — магистр филологии, менеджер Научно-учебного центра «Контроль и диагностика». Челябинск, Россия. nas_1945@yahoo.com

Новоселова Наталья Алексеевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы историко-филологического факультета, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. nas_1945@yahoo.com

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2017. No. 12 (408). *Philology Sciences. Iss. 110. Pp. 89–94.*

SOCIOCULTURAL ASPECT REALIZATION OF INVECTIVE POTENTIAL OF ANIMAL METAPHORS “DOG”

T. V. Zvezdina

Scientific and educational center “Control and diagnostics”, Chelyabinsk, Russia. nas_1945@yahoo.com

N. A. Novosyolova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. nas_1945@yahoo.com

This article is dedicated to the problems of the interconnections between the modern use of metaphors related to animals as invectives and the image of the corresponding animal in the national view of the world. The author hypothesizes that the properties of the animal metaphors' semantics used to express verbal aggression are directly related to the characteristics that traditionally occur in the images of the animals used to create these metaphors. The author refers to scholarly writings of M.L. Stepko, M.A. Mojeiko, N.D. Golev, G.V. Dmitrienko and some other scientists, who research this problem. The results of comparing the image of “dog” from the point of the Russian world view to the corresponding animal metaphor in its modern invective meaning show the direct interconnection between the sociocultural representation of this image and the features put into the semantics of the verbal invective embodied in the “dog” animal metaphor. The traditional representations have been analysed using the materials of the minor genres of folklore (proverbs and sayings), the examples of the models invective use of the “dog” metaphor are demonstrated by the analysis of modern publications in mass media.

Keywords: *verbal invective, animal metaphor, sociocultural representation, image characteristics.*

References

1. Baranov A.N. *Lingvisticheskaya expertiza teksta: teoriya i praktika* [A linguistic analysis of the text: theory and practice]. Moscow, 2007. 592 p. (In Russ.).
2. Dmitrienko G.V. *Verbnaya invertiva v angloyazichnom leksicheskom substandarte* [Verbal libel in the english lexical substandart]. Pyatigorsk, 2007. 166 p. (In Russ.).
3. Dmitrienko G.V. Oskorblyeniye kak forma realizatsii verbalno agressii [An insult as a form of verbal abuse]. *Universitetskie chtenija 2007 : materialy nauch.-metod. chtenij PGLU. Ch. III* [University reading 2007. Materials of scientific and methodological reading of PGLU. P. III]. Pyatigorsk, 2007. Pp. 52–56. (In Russ.).
4. Zvezdina T.V. K voprosu o vzaimosvyazi invektivnogo upotrebleniya zoometafor i traditsionnogo obraza sootvetstvuyushih dshivotnih v proizvedeniyah malih dshanrov folklore [To the question of the relationship of the invective use of zoological metaphor and of the traditional image of animals in the small genres of folklore]. *Cheljabinskij gumanitarij* [Chelyabinsk humanitarian scholar]. Chelyabinsk, 2016. Pp. 31–36. (In Russ.).
5. Zvezdina T.V. *Sociokul'turnyj aspekt realizacii potenciala invektivnogo funkcionirovaniya zoometafor* [Sociocultural aspect of realization of the potential of the invasive performance of zoomometra]. Chelyabinsk, 2017. 101 p.
6. Kostyaev A.P. *Diskursivniye markeri verbalnoi agressii v professionalnoi kommunikacii* [Discourse markers of verbal aggression in the professional communication]. Available at: http://tverlingua.ru/archive/019/9_19.pdf. (In Russ.).
7. Lakoff J., Johnson M. *Metafori kotorimi mi gjivyom* [The metaphors that we live]. Moscow, 2008. 256 p. (In Russ.).
8. Mogjeiko M.A. *Invektiva kak sotciokulturnii fenomen* [Libel as sociocultural phenomenon]. *Kul'tura. Nauka. Tvorchestvo* [Culture. science. creativity], 2014, iss. 8, pp. 244–248. (In Russ.).
9. Seliverstova O. Kolomojskij predlogjil usipit “kusajushujucja cobaku” Caakashvili [Kolomojskij offered to get to sleep “the biting dog” Caakashvili]. *Moskovskij komsomolets* [Moscow's comsomolets]. 06.09.2015. (In Russ.).
10. Stepko M.L. *Opredelenije objoma i granits ponjatija “invektiva” v otechestvennoj lingvistike* [The definition of the volume and boundaries of the notion of “libel” in russian linguistics]. *Jazyk i mezhkul'turnaja kommunikacija* [Language and intercultural communication]. Astrakhan, 2007. (In Russ.).

УДК 398.22(=512.157)(=512.31)

САМОЗАПИСЬ И ФОНОЗАПИСЬ ОЛОНХО К. Н. НИКИФОРОВА «ХАБЫТТА БЭРГЭН»: ТРАДИЦИЯ И ИМПРОВИЗАЦИЯ

А. Ф. Корякина, Е. Е. Жиркова

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, Якутск, Россия

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №15-04-00496 (а)

В данной статье ведется изучение феномена современного олонхосута. Материалом исследования послужили два варианта олонхо «Хабыр Киирсиилээх Хабытта Бэргэн» К. Н. Никифорова: письменный текст, записанный самим автором в 1980 г., и фонозапись живого исполнения автора 2013 г., записанная спустя 30 с лишним лет.

Ключевые слова: олонхо, сюжет, композиция, традиции, каноны, современный олонхосут, расширение текста, опущение, преемственность традиций.

Якутский героический эпос олонхо, возникший в далекой древности, передавался в устном виде из поколения в поколение. В каждом наследии были олонхосуты, которые переняли от старших поколений традиции сказывания, каноны сюжета, «устойчивые конструкции, представляющие собой основные структурообразующие элементы эпического текста», каковыми являются «эпические периоды (тирады), типические общие места» [4. С. 53]. Олонхосуты были востребованными в обществе, имели благодарную аудиторию, что способствовало их творческому развитию. На основе услышанных олонхо олонхосуты начинали слагать свои тексты и сказывать их. При повторном исполнении олонхо сказитель обретал опыт, росла исполнительская манера. С повышением уровня исполнения они могли варьировать, оттачивать свой текст от исполнения к исполнению, и в конечном счете становились профессионалами, хранившими в своей памяти до тридцати текстов разных олонхо.

С появлением письменной культуры начали параллельно развиваться устная и письменная формы бытования якутского эпоса. В советский период живое исполнение олонхо постепенно начало угасать, исчезла традиционная эпическая среда. Живая нить не порвалась благодаря беспрестанному, самоотверженному труду энтузиастов: олонхосутов, исполнителей, исследователей, собирателей. Провозглашение ЮНЕСКО в 2005 г. якутского героического эпоса «Шедевром устного и нематериального наследия человечества» открыло новые горизонты для дальнейшего сохранения, возрождения, популяризации олонхо. Развитие якутского эпоса получило государственную поддержку. Появились новые сказите-

ли, исполнители; повысился научный интерес к феномену олонхо.

Сегодня искусство сказительства развивается нетрадиционным путем. Современное поколение исполнителей не застало настоящих носителей сказительских традиций, «непревзойденных знатоков глубинных нюансов родного языка» [8. С. 37]. В условиях исчезновения традиционной устной передачи сказительского искусства сегодняшней грамотный олонхосут учится по имеющимся аудиозаписям и публикациям текстов. Некоторые из них создают свой текст сперва в письменном виде, а потом начинают сказывать его. За неимением вдохновляющей аудитории, готовой слушать олонхосута часами, сутками, в устном сказывании современного олонхосута теряется большая часть из арсенала безмерно богатого языка олонхо. Вследствие всего сказанного сегодня олонхо не может продолжать существовать в своем первоначальном виде.

В якутском эпосоведении проблема современного сказителя и сказительства до сих пор не занимает центрального места. На сегодняшнем этапе изучения устного народного творчества требуются исследования по проблемам развития олонхо в современном мире: в каком направлении развивается эпическая традиция — сохраняется ли она в неизменном виде; насколько сохранились в современном олонхо каноны, традиции классического олонхо; расширяется ли оно, обновляется или искажается; какие изменения претерпевает. Исследования в этом направлении привели бы к выявлению вопроса: кто он — современный олонхосут, в творчестве которого много отличий от своих предшественников — легендарных носителей эпического творчества. Прав ли

профессор В. Н. Иванов в своем мнении: «Я лично склоняюсь к мысли, что классическое устное авторское исполнение олонхо приходит к полному исчезновению, тогда как “письменная” форма является лишь письменной фиксацией текста олонхо. Потому последнее еще не олонхо в традиционном понимании и представляет собой текст, не дающий представления об олонхо, как памятнике устного и нематериального наследия» [8. С. 39].

В изучении феномена современного сказительства полезно сравнительное изучение вариантов эпических текстов одного и того же олонхосута при их повторных исполнениях. В данной статье проводится сравнительный анализ олонхо «Хабыр киирсиилээх Хабытта Бэргэн» в вариантах самозаписи олонхосута-автора К. Н. Никифорова (1982 г., текст олонхо опубликован в 2012 г.) [19] и фонозаписи в его же исполнении (2013 г.) [23].

При проведении исследования теоретическую основу составили труды и наблюдения исследователей о феномене создания вариантов эпических текстов одними и теми же сказителями, изменениях текстов при повторных исполнениях одного и того же эпоса. Рассматривались положения А. Ф. Гильфердинга о местах типических и переходных [5]; А. М. Астаховой о «трех основных категориях — по тому, как они воспринимают, а затем воссоздают былины» [2. С. 71]; В. М. Жирмунского о «творческой импровизации и варьировании в рамках традиции» [7. С. 89]; М. Пэрри и А. Лорда о способе создания устного эпоса, заключенном «в построении метрических стихов и полустушии посредством формул и формульных выражений и в построении песен с помощью тем» [17. С. 4]; Карла Райхля о существовании творческих и воспроизводящих певцов [14]; Е. Исмаилова о певцах, которые «не только используют готовое, но иногда творчески перерабатывают канонические эпические тексты, воспринятые от предшественников» [13. С. 11]; В. Е. Майногашевой о типах «импровизатора» и «только исполнителя» [18. С. 493–494]; Р. З. Кыдырбаевой о рождении нового сказания («Каждое новое сказание эпоса — это и новое рождение его, в каждом случае он заново осмысливается, заново программируется, заново восстанавливается, не выходя за рамки общей эпической традиционности») [16. С. 101, 105–106]; Б. Н. Путилова о формулировке импровизации («Если сказитель не просто повторяет заученное,

но воспроизводит усвоенное им сказание в границах эпической традиции и при этом как бы заново создает текст, — это считается импровизацией») [21. С. 115]; а также труды якутских исследователей — В. Н. Иванова [8], В. В. Илларионова [9, 10, 11], Т. В. Илларионовой [12], Р. Н. Анисимова [1], Ю. П. Борисова [3, 4].

Исследователи в исполнении эпических сказаний подчеркивают приверженность сказителей к устойчивости. Вместе с тем они отмечают в творчестве некоторых сказителей наряду с соблюдением эпических канонов обязательных структурных элементов присутствие творческого начала. У таких сказителей каждое исполнение эпоса отличается от предыдущего его исполнения.

Современный олонхосут К. Н. Никифоров

Кирилл Никонович Никифоров родился в 1938 г. в деревне Лекечеев Вилюйского улуса. Кирилл Никонович застал сказительское искусство известных олонхосутов Т. П. Гоголева, А. Д. Ксенофонтова — Аманааскы Өлөксөй и др. Кроме этого территориально близко существовал очаг устной сказительской традиции Кобяйского улуса. Следовательно, будущий олонхосут рос тогда еще в живой традиционной эпической среде.

В старину во многих улусах Якутии были известны потомственные роды кузнецов, шаманов, мастеров по дереву, сказителей и так далее. Кирилл Никонович — из известного в Вилюйском улусе рода «Айах ууһа» (дословно, добывает на жизнь, работая ртом); то есть это был род потомственных сказочников, певцов, носителей обрядов, олонхосутов. Как вспоминает сам Кирилл Никонович, из его рода олонхо сказывали бабушка Оппуруоһа, родственники Петр Кириллович Иванов, Марк Гаврильевич Иванов — Табаһыт [1]. Маленький Кирилл рано лишился родителей, и ему, научившемуся кое-как писать, пришлось оставить школу. Красочный, безмерно искусный язык, прекрасный музыкальный дар, красивый голос, богатое воображение даны ему от талантливых предков. В молодые годы Кирилл Никонович не занимался сказыванием олонхо, а профессионально увлекался легкой атлетикой. Он многократный чемпион, рекордсмен республики в беге на длинные дистанции. И только уже в зрелом возрасте — в 80-е гг. — в нем проснулся природный дар сказительства: в 1982 г. стал сказывать свое первое олонхо «Хабыр Киирсиилээх Хабытта Бэргэн». В те годы он сделал самозапись своего олонхо. В 2012 г. олонхо опубликовано

Научно-исследовательским институтом Олонхо Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова по подготовке зав. сектором института Р. Н. Анисимова. Впоследствии в репертуаре К. Н. Никифорова появилось еще 3 олонхо.

Спустя 30 с лишним лет после самозаписи, в 2013 г., Р. Н. Анисимов произвел фонозапись олонхо «Хабыр киирсиилээх Хабытта Бэргэн» в живом исполнении олонхосута. Кирилл Никонович исполнил свое олонхо перед камерой 3 с половиной часа безостановочно. А письменная самозапись состоит из 11872 стихотворных строк. Как нам известно, олонхо с таким названием нигде не фиксировано.

Тематическое содержание сюжета олонхо и в самозаписи и фонозаписи классическое: описывается защита племени Айыы богатырем айыы от чудовищ-абаасы. Защитником своего племени становится богатырь Хабытта Бэргэн, родившийся у старых родителей — жителей Среднего мира Кыыс Кылаарытта и Моруот Боотур с высокой миссией защищать своих соплеменников от нашествий рода абаасы. Таким образом, данное олонхо относится по типу сюжетов к якутским олонхо о защитниках людей айыы [6].

Образная система

В образной системе олонхо К. Н. Никифорова главное место занимает образ богатыря айыы Хабытта Бэргэна. Олонхо К. Н. Никифорова названо именем главного героя, что является неизменной традицией якутского олонхо. В сложном имени героя содержится информация о самом богатыре: Хабыр Киирсиилээх — «жестокий в сражении», Хабытта — по звучанию от слова «хабыллар тыастаах», говорится, обычно, о громе, например, «этин тыаһа хабылла түстэ». Бэргэн — меткий, имя которое «очень часто дается положи-

тельным богатырям и героям как якутских олонхо, так и героического эпоса других тюрко-монгольских народов» [22]. Получается, герой олонхо и жесток в бою, и грозный ездок, и меткий стрелок.

«Судьба богатыря айыы Хабытта Бэргэна не отличается от судеб героев других олонхо. Чудесно рожденный в семье престарелых родителей, мужественный, храбрый, бесстрашный Хабытта Бэргэн обладает еще и волшебной силой, например, может магически превратиться в могучего кобчика» [15. С. 133]. Он со славой выполняет свою миссию быть защитником племени айыы.

В обоих вариантах олонхо присутствуют образы родителей Кыыс Кылаарытта, Моруот Боотура, сестры богатыря Кылаан Куо, шаманок-покровительниц Хабытта Бэргэна (Иэхэлимэ Куо), шамана Дабдака, доброго коня. Врагами Хабытта Бэргэна являются братья-чудовища Адалга Буурай, Будулга Буурай, Арсан Буурай, которым помогают шаманки племени абаасы (Кыыс Ытылба, Ерюкюйэ Хобуохчай). И в самозаписи, и в фонозаписи присутствуют образы Айыысыт, Стерха, старухи Симэхсин.

Самозапись отличается богатством образов, в ней присутствуют образы, которые опущены в фонозаписи: шаманок айыы (Нуоралдын Куо, Дьургулаан Куо, Арчылаан Куо), шаманок абаасы (Иэн Кэдэрик, Джирикинэй Куо, Кыыс Кысый, Чупчураан, Ерюкюйэ Хобуохчай), Хозяина дороги Ап Салбаныкы, птички клеста.

В фонозаписи присутствует отсутствующий в самозаписи образ ворона, которого богатырь айыы угощает мясом богатыря айыы, в благодарность за что ворон помогает богатырю Хабытта Бэргэн. Таким образом олонхосут украшает разные варианты различными образами.

Композиция олонхо

	Самозапись	Фонозапись
Вставное песнопение — тойук «Уос аһар» (букв.: «рот открывает») или «Кутурук салайар» (букв.: «хвост направить»)	Олонхосут обращается к соплеменникам — людям айыы аймага	Олонхосут обращается к соплеменникам — людям айыы аймага

Окончание табл. «Композиция олонхо»

	Самозапись	Фонозапись
Вступительная песня	Описывается мир, в котором живет айыы аймага — людей, живущих в Среднем мире (родина, жилище, богатство), портреты героев. Рождение главного героя, богатыря Хабытта Бэргэна, и его сестры Кыыс Кылаан Куо	Описывается мир, в котором живет айыы аймага — людей, живущих в Среднем мире (родина, жилище, богатство), портреты героев. Рождение главного героя, богатыря Хабытта Бэргэна, и его сестры Кыыс Кылаан Куо
Завязка сюжета	Причиной конфликта становится кража родной сестры героя Кылаан Куо женщиной абаасы Кыыс Ытылба с целью выдать замуж за своего брата, богатыря абаасы Адалба Буурай	Причиной конфликта становится кража родной сестры героя Кылаан Куо женщиной абаасы Кыыс Ытылба с целью выдать замуж за своего брата, богатыря абаасы Адалба Буурай
Развитие сюжета	Описываются бои богатыря Хабытта Бэргэна, которые он предпринимает против племен абаасы во имя спасения сестры	Описываются бои богатыря Хабытта Бэргэна, которые он предпринимает против племен абаасы во имя спасения сестры
Кульминация	Битва Хабытта Бэргэна с богатырем абаасы Арсан Бурайем и победа над ним	Битва Хабытта Бэргэна с богатырем абаасы Арсан Бурайем и победа над ним
Развязка	Возвращение Хабытта Бэргэна со спасенной им сестрой Кылаан Куо	Возвращение Хабытта Бэргэна со спасенной им сестрой Кылаан Куо

Из сравнения композиций видно, что, хотя прошло 30 с лишним лет с тех пор, как произведена самозапись олонхо, в живом исполнении олонхосут неизменно придерживается сюжета своего текста, основанного на традиционном олонхо.

Сюжет

Сюжетная линия обоих вариантов текста олонхо «Хабытта Бэргэн» одна: развивается по следам героического похода главного героя-богатыря айыы.

Самозапись	Фонозапись
Вставное песнопение-тойук «Уос аһар» (букв.: «рот открывает») или «Кутурук салайар» (букв.: «хвост направить»). В олонхо Кирилла Никифорова это обращение автора к своим соплеменникам — людям айыы аймага	Описывается жизнь людей айыы аймага старика Урэллэ, племени Дабдака
Эпическое время	Эпическое время
Жизнь людей айаа аймага старика Урэллэ, племени Дабдака	Жизнь людей айыы аймага старика Урэллэ, племени Дабдака
Подробное, красочное описание благодатной местности Хахаарытта Эбэ Хотун	Описание земли Хахаарытта Эбэ хотун
Подробное описание жилища начинается с описания огромного сэргэ-коновязи, которое является в якутских семьях символом благополучия хозяев и их гостеприимства: красочное перечисление подворной обстановки	
Описание несметных богатств семьи	Богатая, счастливая жизнь супругов Моруот Боотура и Кыыс Кылаарытта
Не имевшая ранее детей Кыыс Кылаарытта в свои 80 лет забеременела	Супруги не имели детей. К своим 80 годам Кыыс Кылаарытта забеременела
Наступил день родов. Для принятия родов приглашается Айыысыт кётөгөччю — повивальная старуха, которая проводит обряд родов: благословляет и просит у Айыысыт — богиню плодородия легких родов и детей	Наступил день родов. Приглашают повитуху Айыысыт. Она, сидя перед очагом, благословляет, просит мальчика и девочку

Продолжение табл. «Сюжет»

Самозапись	Фонозапись
Скоро на свет появляется красивый, здоровый мальчик	Родился красивый кудрявый мальчик
Моруот Боотур говорит, что сын будет защитником племени и нарекает его Богатырем Хабытта Бэргэн	Моруот Боотур говорит, что сын будет защитником племени айыы и нарекает богатырем Хабытта Бэргэн
Вслед за ним рождается девочка-красавица.	Родилась красивая девочка
Новорожденную Кылаан Куо отбирает дочь абаасы Кыыс Ытылба, чтоб впоследствии выдать ее замуж за своего брата	Ее крадет дочь абаасы Кыыс Ытылба
Кылаан Куо, плача, просит брата найти и спасти ее	Кылаан Куо, плача, просит брата найти ее и освободить от ига абаасы
С благословления родителей Хабытта Бэргэн отправляется в боевой поход для спасения сестры	Хабытта Бэргэн растет не по дням, а по часам. Становится богатырем. Отправляется в поход, чтобы освободить свою сестру
Нагрянула буря. Появился богатырь абаасы Адалга Буурай. Он представляется Хабытта Бэргэну как зять, велит скорее организовать свадьбу, требует часть богатства	Хабытта Бэргэн спит после охоты. Нагрянула буря. Появился богатырь абаасы Адалга Буурай. Он представляется Хабытта Бэргэну как зять, велит скорее организовать свадьбу, требует часть богатства. Рассерженный Хабытта Бэргэн оделся в свою богатырскую одежду, поймал своего коня. Берет у родителей благословление
	Описание богатырской езды
Появляется шаманка Иэхэлимэ Куо. Она просит богатырей вести бой на каменной горе Халгана	Дочь абаасы пристает к Хабытта Бэргэну
Адалга Буурай превращается в черного ворона и улетает. Хабытта Бэргэн оделся в свою богатырскую одежду. Получает благословление родителей	Хабытта Бэргэн наткнулся на спящего богатыря Адалга Буурай. Разбудил его. Тот обернулся вороном и улетел
	Прилетевший Стерх предупреждает Хабытта Бэргэн о предстоящей опасности и бросает ему золотое кольцо
Шаманка Иэхэлимэ Куо благословляет Хабытта Бэргэна	
Описание богатырской езды	
Аартык иччитэ Ап Салбаныкы (Хозяин дороги) проклинает богатыря Хабытта Бэргэн. Хабытта Бэргэн убивает Ап Салбаныкы, тот превращается в насекомых	
Прилетает Стерх. Говорит, что скоро Адалга Буурай богатырь сотрет с лица земли айыы хаан аймага. Просит торопиться. Бросает богатырю золотое яйцо с живой водой	
Хабытта Бэргэну встречается шаман Дабдака. Богатырь просит предсказать его будущее. Дабдака предсказывает, что ему в пути встретятся женщины абаасы. Дает советы, благословляет его	
	Хабытта Бэргэн едет по земле абаасы. Вошел в юрту. Сидит женщина с ребенком. Ребенок внезапно превращается в огромное чудовище. Начинается сражение,

Продолжение табл. «Сюжет»

Самозапись	Фонозапись
	которое заканчивается победой Хабытта Бэргэна. Хабытта Бэргэн угощает мясом ворона, ворон благодарит, обещает оказать помощь, если понадобится
	Садится на коня, едет к Дабдака ойууну просить предсказать его будущее
	Дабдака предсказывает, что встретит красивую женщину, предостерегает, что это сестра абаасы Кыыс Ытылба
Шаманка абаасы Кыыс Ытылба пристаёт к Хабытта Бэргэну	Встречается Кыыс Ытылба. Говорит о своем намерении выйти за Хабытта Бэргэн замуж. Хабытта Бэргэн убивает ее
Богатырю айы навязываются в жены похотливые представительницы абаасы — шаманки Иэн Кэдэрик, Дьрикикинэй Куо, Кыыс Кысыйа, стараясь отвлекать Хабытта Бэргэна от предстоящих боев с богатырями абаасы	
Стерх передает вечную оживляющую воду	
Шаман Дабдака ойуун, который предсказывает будущее богатырю Хабытта Бэргэн, дает советы и благословляет его	
Кыыс Ытылба предлагает себя в жены. Хабытта Бэргэн убивает ее	
Конь по указу хозяина превращается в скалу, чтоб создать преграду врагу хозяина	
Богатырь абаасы Будулга Буурай в облике ворона извещает о том, что его брат Адалга Буурай должен жениться на девушке айы. Предлагает Хабытта Бэргэну быть слугой Адалга Буурая	Встретившись с чудовищем, Орлом Будулга Буураем, богатырь айы убивает, выстрелив стрелой
Хабытта Бэргэн выстрелом из лука убивает Будулга Буурая. Тот перед смертью проклинает богатыря айы	
	Дочь абаасы шаманка Ерюкюйэ Хобуохчай проклинает Хабытта Бэргэна
	Шаманка айы Иэхэлимэ Куо благословляет Хабытта Бэргэна
Встречается Богатырь абаасы, брат Адалга Буурая, Арсан Буурай. Конь Хабытта Бэргэна превращается в камень, а сам Хабытта Бэргэн превращается в орла. При принятии своего облика Хабытта Бэргэн стал огромнее, сильнее прежнего	
Конь предупреждает о скорой битве с богатырем абаасы и дает совет	
Шаманка абаасы Иэн Кэдэлик бросает веревку смерти. Но предупрежденный конем Хабытта Бэргэн не попадает на уловки шаманки абаасы	
Шаманки племени айы Нуоралдын Куо, Дьругулаан Куо выполняют обряд благословления	
Борьба шаманки нижнего мира Ерюкюйэ Хобуохчай и шаманок племени айы Арчылан Куо, Иэхэлимэ Куо, которые защищают богатыря	Битва шаманки айы Иэхэлимэ Куо и девушки абаасы. Иэхэлимэ Куо побеждает

Продолжение табл. «Сюжет»

Самозапись	Фонозапись
Сражение Хабытта Бэргэна с богатырем Арсан Буурай. Оба, обессилев, падают	Сражение Хабытта Бэргэна с богатырем Арсан Буурай. Оба, обессилев, падают
	Помощь Белого Ворона, который вынимает печень чудовища
Хабытта Бэргэн чудом спасается от нападений орла. Он обтирается живой водой. Становится сильнее прежнего	
Хабытта Бэргэн едет спасти сестру Кылаан Куо	
Женщины абаасы просят помощи у сестры — шаманки Чупчургаан спасти от богатыря айыы Хабытта Бэргэн. Шаманка абаасы Чупчургаан говорит, что в скором времени Кылаан Куо исполнится 10, и ее должны превратить в девушку-абаасы	
Шаманки айыы Иэхэлимэ Куо, Нуоралдын Куо, Дьургулаан Куо благословляют Хабытта Бэргэна. Отдают живую воду. Хабытта Бэргэн едет по следам сестры	Хабытта Бэргэн обтирается живой водой, которую дал ему стерх. Становится сильнее прежнего
	Едет дальше спасать свою сестру Кылаан Куо
Птички клесты предупреждают о предстоящей встрече с женщиной абаасы Куонньалыкы Куо	
Описывается страна абаасы	Описывается страна абаасы
Увидел золотой дом. С удивлением увидел девушку-красавицу неопишуемой красоты. Как только богатырь айыы обнял женщину, та превратилась в двухголового змея. В сражении обезглавил ее	Входит в золотую юрту. Сидит красивейшая девушка. Хабытта Бэргэн обнимает ее. Оказалось, что это женщина абаасы. В сражении Хабытта Бэргэн побеждает
У печки увидел дыру. Опустился в Нижний мир. Услышал плач женщины	Хабытта Бэргэн по дыре около печи спускается в нижний мир. Услышал плач женщины
Вошел в юрту и освободил привязанную железными цепями сестру Кылаан Куо. Она благодарит брата. Уменьшает ее до размера ягоды и кладет в ухо коня. Едет домой	Вошел в юрту. А там его сестра Кылаан Куо привязанная лежит. Хабытта Бэргэн спасает ее. Уменьшает ее до размера ягоды и кладет в ухо коня. Едет домой
Тем временем в алаасе Хахаарытта шаманка Иэхэлимэ Куо камлает	
Старуха Симэхсин извещает о приближении богатыря-спасителя	Старуха Симэхсин извещает о приближении богатыря-спасителя
Хабытта вынимает из уха коня Кылаан Куо	Хабытта вынимает из уха коня Кылаан Куо
Родители, весь народ айыы встречают Кылаан Куо с радостью	Родители, весь народ айыы встречают Кылаан Куо с радостью
Кылаан Куо три дня и ночи смывала грязь племени абаасы	Кылаан Куо три дня и ночи смывала с себя грязь племени абаасы
Начинается праздник в честь богатыря Хабытта Бэргэна, спасшего сестру от гибели	Начинается праздник в честь богатыря Хабытта Бэргэна, спасшего сестру от гибели
Во время праздника богатырь айыы Элэс Бэргэн сватается к Кылаан Куо. Девушке понравился богатырь, она дает свое согласие стать его женой	Во время праздника богатырь айыы Элэс Боотур сватается на Кылаан Куо. Девушка дает свое согласие

Окончание табл. «Сюжет»

Самозапись	Фонозапись
Проводится обряд благословления. Шаман Дабдака все-народно объявляет о том, что здесь находится суженая Хабытта Бэргэна, всевышними предназначена стать женой его красавица Айыы Куо, и он должен взять ее в жены	Великий заклинатель добрых сил — алгысчыт проводит церемонию благословления
Хабытта Бэргэн увидел среди гостей красавицу Айыы Куо. Девушка понравилась	
	Собирается народ. Благословляет молодоженов Элэс Боотура и Кылаан Куо
Праздник постепенно превращается в уруу-свадьбу Хабытта Бэргэна и Айыы Куо, Элэс Бэргэна и Кылаан Куо	Начинается уруу-свадьба Элэс Бэргэна и Кылаан Куо

Заключение

Сравнивая сюжетные части олонхо К. Н. Никифорова, мы обнаружили *неизменяемые части, которых олонхосут при обоих исполнениях повторяет в точности* (Красота земли Хахаарытта Эбэ Хотуна; Счастливая жизнь хозяев этого аласа Моруот Боотура и Кыыс Кылаарытта Хотуна; Ожидание рождения детей; Подготовка к родам; Обряд благословления; Рождение близнецов; Кража Кыыс Кылаарытты женщиной абаасы; Обращение Кыыс Кылаарытты к своему брату Хабытта Бэргэну спасти ее; Отправление в героический поход Хабытта Бэргэна, ставшего богатырем; Благословление родителей; Оказание помощи шаманки Иэхилимэ Куо, Арчылан Куо, стерха, шамана Дабдака ойууна; Стремительная езда коня богатыря. Победа Хабытта Бэргэна в битвах с богатырями абаасы Арсан Буурай, Будулга Буурай, Адалга Буурай; Создание препятствия шаманок абаасы Кыыс Ытылба, Ерюкюйэ Хобуохчай; Освобождение Хабытта Бэргэном Кылаан Куо; Возвращение брата и сестры домой; Праздник в честь победителя-богатыря; Сватовство богатыря айыы Элэс Бэргэн на Кылаан Куо. Обряд благословления).

В фонозаписи замечено изменение текста в плане сокращения: опущены некоторые части:

- описание огромного сэргэ-коновязи, которое является в якутских семьях символом благополучия хозяев и их гостеприимства; описание несметных богатств семьи; красочное описание убранства жилища Моруот Боотура и Кыыс Кылаарытта.

- просьба Хабытта Бэргэна у Дабдака ойууна предсказать его будущее, предсказание последнего, его благословление;

- описание борьбы шаманки нижнего мира Өрүкүйэ Хобуохчай и шаманок племени айыы

Арчылан Куо, Иэхэлимэ Куо, которые защищают богатыря;

- камлание шаманки Иэхэлимэ Куо в аласе Хахаарытта;

- приставание к богатырю айыы похотливых представительниц абаасы — шаманки Кыыс Ытылба, Иэн Кэдэрик, Дырикинэй Куо, Кыыс Кыскыйа;

- предупреждение птички клест о предстоящей встрече с женщиной абаасы Куонньалыкы Куо;

- превращение коня Хабытта Бэргэна в камень, превращение Хабытта Бэргэна в орла. При принятии своего облика Хабытта Бэргэн стал огромнее, сильнее прежнего.

- объявление Шамана Дабдака о том, что красавица Айыы Куо предназначена всевышними стать женой Хабытта Бэргэна;

- уруу-свадьба Хабытта Бэргэна и Айыы Куо, Элэс Бэргэна и Кылаан Куо.

В фонозаписи прибавились отсутствующие в самозаписи части:

- внезапное превращение ребенка в огромное чудовище, в сражении с которым Хабытта Бэргэн выходит победителем;

- угощение Хабытта Бэргэном ворона мясом богатыря абаасы, благодарность ворона, его обещание помочь в трудную минуту;

- помощь ворона в сражении Хабытта Бэргэна с богатырем Арсан Буурай;

- проклятие шаманки абаасы Ерюкюйэ Хобуохчай;

- проклятие Будулга Буурая перед смертью;

- превращение коня Хабытта Бэргэна в камень;

- в письменном варианте богатырь абаасы Будулга Буурай появляется в облике ворона, а в фонозаписи он появляется в облике орла.

Кроме этого существуют перемены мест отдельных отрывков:

– описание страны абаасы;
– приставление женщин абаасы к Хабытта Бэргэну.

Есть моменты приписывания одних и тех же действий разным персонажам (птички клесты — стерх).

Сравнительный анализ самозаписи и фонозаписи олонхо К. Н. Никифорова «Хабыр Киирсиилээх Хабытта Бэргэн» показал, что в живом исполнении некоторые части передаются более кратко и сжато, чем в письменной записи: наблюдается опущение ряда подробностей и эпизодов. И, наоборот, некоторые описания олонхосут, пользуясь устоявшимися формулами, расширяет, дополняет, меняет. Олонхосут, помня формулу, зная ее

смысловую и поэтическую модель, в новом исполнении воспроизводит ее с некоторыми вариациями. «Сказитель при каждом исполнении эпоса не только воспроизводит воспринятый им текст с некоторыми неизбежными изменениями, но и создает его по-новому, опираясь на традицию, на константную основу формул» [20. С. 23]. Он не передает выученный наизусть текст своего олонхо, а сказывает его, творчески перерабатывая.

Таким образом, на примере текста олонхо «Хабыр Киирсиилээх Хабытта Бэргэн», мы можем сделать вывод: в современном олонхо продолжается преемственность традиций, не нарушаются каноны устных традиций, не происходят заметные трансформации.

Список литературы

1. Анисимов, Р. Н. Олонхосут К. Н. Никифоров-Лөкөчөөн и его олонхо «Хабыр киирсиилээх Хабытта Бэргэн» / Р. Н. Анисимов // Кирилл Никифоров — Лөкөчөөн «Хабытта Бэргэн». — Якутск, 2012. — С. 4–6.
2. Астахова, А. М. Былины Севера / А. М. Астахова. — М.; Л., 1938. — Т. 1. — 656 с.
3. Борисов, Ю. П. Параллелизм в вариантных эпосах олонхо // Филол. науки. Вопр. теории и практики. — 2013. — № 12 (30). — С. 29–33.
4. Борисов, Ю. П. Устойчивые конструкции в олонхо «Эрис халлаан уола Эр Соготох» // Вестн. Сев.-Вост. федер. ун-та им. М. К. Аммосова. Сер. Эпосоведение. — 2016. — № 4. — С. 52–62.
5. Гильфердинг, А. Ф. Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г. / А. Ф. Гильфердинг. — М.; Л., 1949. — Т. 1. — 736 с.
6. Емельянов, Н. В. Сюжеты якутских олонхо / Н. В. Емельянов. — М., 1980. — 376 с.
7. Жирмунский, В. М. Тюркский героический эпос. Избр. Труды / В. М. Жирмунский. — Л., 1974. — 727 с.
8. Иванов, В. Н. Олонхо — уникальное явление в мировой эпической культуре : монография / В. Н. Иванов. — Якутск, 2014. — 175 с.
9. Илларионов, В. В. Искусство якутских олонхосутов / В. В. Илларионов. — Якутск, 1982. — 128 с.
10. Илларионов, В. В. Эпическое наследие народа саха / В. В. Илларионов. — Новосибирск, 2016. — 344 с.
11. Илларионов, В. В. Якутское сказительство и проблемы возрождения олонхо / В. В. Илларионов. — Новосибирск, 2006. — 189 с.
12. Илларионова, Т. В. Текстология олонхо «Могучий Эр Соготох»: сравнительный анализ разновременных записей / Т. В. Илларионова. — Новосибирск, 2008. — 96 с.
13. Исмаилов Е. Акыны: Монография о творчестве Джамбула и других народных акынов / Е. Исмаилов. — Алма-Аты, 1957. — 338 с.
14. Райхл, К. Тюркский эпос: традиции, формы, поэтическая структура / К. Райхл. — М., 2008. — 383 с.
15. Корякина, А. Ф. Эпические традиции и особенности в сюжете олонхо К. Н. Никифорова «Хабыр киирсиилээх Хабытта Бэргэн» / А. Ф. Корякина, Л. Н. Герасимова // В мире науки и искусства: вопр. филологии, искусствоведения и культурологии. — 2016. — № 6 (61). — С. 127–136.
16. Кыдырбаева, Р. З. Сказительское мастерство манасчи / Р. З. Кыдырбаева. — Фрунзе, 1984. — 117 с.
17. Лорд, А. Б. Сказитель / А. Б. Лорд. — М., 1994. — 368 с.
18. Майногашева, В. Е. О традиционном бытовании хакасского героического эпоса — алытын ныхах // Ученые зап. Хакас. науч.-исслед. ин-та яз., лит. и истории. Сер. Филология. — 1970. — Вып. 14. — С. 95–113.
19. Никифоров, К. Н. Хабытта Бэргэн / К. Н. Никифоров. — Якутск, 2012. — 388 с.

20. Николаева, Н. Н. Сказительская импровизация и вариативность в бурятском эпическом тексте (на примере разновременных записей эпоса “Гэсэр” сказителя П. Петрова) // Вестн. Сев.-Вост. федер. ун-та им. М. К. Аммосова. Сер. Эпосоведение. — 2016. — № 3. — С. 15–23.
21. Путилов, Б. Н. Эпическое сказительство: Типология и этническая специфика / Б. Н. Путилов. — М., 1997. — 295 с.
22. Пухов, И. В. Якутский героический эпос олонхо. Основные образы / И. В. Пухов. — М., 1962. — 256 с.
23. Kirill Nikiphorov — Lirkirchirn. Gifted by nature / К. Nikiphorov. — Yakutsk, 2013.

Сведения об авторах

Корякина Антонина Федоровна — кандидат педагогических наук, ученый секретарь Научно-исследовательского института Олонхо, Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова. Якутск, Россия. aitalilen@mail.ru

Жиркова Евгения Егоровна — заведующая сектором «Издание памятников эпического наследия», Научно-исследовательский институт Олонхо, Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова. Якутск, Россия. jenyasyr@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2017. No. 12 (408). *Philology Sciences. Iss. 110. Pp. 95–105.*

SELF-RECORD AND PHONORECORD OF THE OLOKHOSUT BY K. N. NIKIFOROV “HABYTTA BERGEN”: TRADITION AND IMPROVISATION

A. F. Koryakina

North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia. aitalilen@mail.ru

E. E. Zhirkova

North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia. jenyasyr@mail.ru

The article studies the phenomenon of modern olonkhosut. The material of the study was 2 variants of the Olonkho “Khabir Kirsilekh Habytta Bergen” by K. N. Nikiforov. A writing text written by the author himself in the 1980s and a phonorecord of the author’s live performance of 2013, recorded more than 30 years later. Comparisons of the figurative system, the plot and compositional system led to the conclusion that the olonkhosut strictly adheres to the traditional canons of images, the plot and compositional system. However, in a live performance, some parts are transmitted more briefly and concisely than in a written record: a number of details and episodes are omitted. And, on the contrary, some descriptions of olonkhosut, using the established formulas, expands, supplements, changes. Remembering the formula, knowing its semantic and poetic model, in a new performance he reproduces it with some improvisation, which shown in variation by formulas. It is proved that K. N. Nikiforov firmly mastered the art of traditional narrative, adhering to the stable canons of olonkho, improvising, creating a new version of olonkho.

Keywords: *olonkho, plot, composition, traditions, canons, modern olonkhosut, text extension, omission, continuity of traditions.*

References

1. Anisimov R.N. Olonhosut K.N. Nikiforov-Løkøchøen i ego olonho «Habyr kiirsiiljeje Habytta Bjergjen» [Olonkhosut K.N. Nikiforov — Lekecheen and his olonkho “Khabyr kirsilekh Habytta Bergen”]. *Kirill Nikiforov — Løkøchøen «Habytta Bjergjen»*. Yakutsk, 2012. Pp. 4–6. (In Russ.).
2. Astahova A.M. *Byliny Severa. T. 1* [Bylinas of the North. Vol. 1]. Moscow; Leningrad, 1938. 656 p. (In Russ.).
3. Borisov Ju.P. Parallelizm v variantnyh jeposah olonho [Parallelism in variant olonkho epics]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Theory and practice issues], 2013, no. 12 (30), pp. 29–33. (In Russ.).
4. Borisov Ju.P. Ustojchivye konstrukcii v olonho “Jeris hallaan uola Jer Sogotoh” [Stable constructions

in olonkho “Eris khallaan uola Er Sogotokh”]. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta imeni M.K. Ammosova: Ser. Jeposovedenie* [Bulletin of the North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov. Ser. Epic studies], 2016, no. 4, pp. 5–62. (In Russ.).

5. Gil'ferding A.F. *Onezhskie byliny, zapisannye A.F. Gil'ferdingom letom 1871 g. T. I* [Onega bylinas written by A.F. Gilferding in summer of 1871. Vol. 1]. Moscow, Leningrad, 1949. 736 p. (In Russ.).

6. Emel'janov N.V. *Sjuzhety jakutskih olonho* [Plots of Yakut olonkho]. Moscow, 1980. 376 p. (In Russ.).

7. Zhirmunskij V.M. *Tjurkskij geroicheskij jepos. Izbr. Trudy* [Turkic heroic epic. Selected works]. Leningrad, 1974. 727 p. (In Russ.).

8. Ivanov V.N. *Olonho — unikal'noe javlenie v mirovoj jepicheskoj kul'ture* [The olonkho unique phenomenon in the world epic culture]. Yakutsk, 2014. 175 p. (In Russ.).

9. Illarionov V.V. *Iskusstvo jakutskih olonhosutov* [The art of Yakut olonkhosuts]. Yakutsk, 1982. 128 p. (In Russ.).

10. Illarionov V.V. *Jepicheskoe nasledie naroda saha* [Epic heritage of Sakha people]. Novosibirsk, 2016. 344 p. (In Russ.).

11. Illarionov V.V. *Jakutskoe skazitel'stvo i problemy vozrozhdenija olonho* [Yakut narration and problems of olonkho renaissance]. Novosibirsk, 2006. 189 p. (In Russ.).

12. Illarionova T.V. *Tekstologija olonho «Moguchij Jer Sogotokh»: sravnitel'nyj analiz raznovremennyh zapisej* [Textology of olonkho “Mighty Er Sogotokh: comparative analysis of asynchronic records”]. Novosibirsk, 2008. 96 p. (In Russ.).

13. Ismailov E. *Akyny: Monografija o tvorcestve Dzhambula i drugih narodnyh akynov* [Akyns: Monograph about creation of Djambula and other national akyns]. Alma-Aty, 1957. 338 p. (In Russ.).

14. Karl Rajhl. *Tjurkskij jepos: tradicii, formy, pojeticheskaja struktura* [Turkic epic: traditions, forms, poetic structure]. Moscow, 2008. 383 p. (In Russ.).

15. Korjakina A.F., Gerasimova L.N. *Jepicheskie tradicii i osobennosti v sjuzhete olonho K.N. Nikiforova «Habyr kiirsiiljeje Habytta Bjergjen»* [Epic traditions and features in plot of olonkho by K.N. Nikiforov “Habyr kirsilekh Khabytta Bergen”]. *V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedenija i kul'turologii* [In the world of science and art: issues of philology, study of art and culturology], 2016, no. 6 (61), pp. 127–136. (In Russ.).

16. Kydyrbaeva R.Z. *Skazitel'skoe masterstvo manaschi* [Narration mastery of manaschy]. Frunze, 1984. 117 p. (In Russ.).

17. Lord A.B. *Skazitel'* [Narrator]. Moscow, 1994. 368 p. (In Russ.).

18. Majnogasheva V.E. *O tradicionnom bytovanii hakasskogo geroicheskogo jeposa — al'tyn nymakh* [About traditional existence of Khakas heroic epic altyn nymakh]. *Uchenye zapiski Hakasskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta jazyka, literatury i istorii. Ser. filologiya* [Scientific notes of the Khakassian Research Institute of Language, Literature and History. Series Philology], 1970, iss. 14, pp. 95–113. (In Russ.).

19. Nikiforov K.N. *Habytta Bjergjen* [Khabytta Bergen]. Yakutsk, 2012. 388 p. (In Russ.).

20. Nikolaeva N.N. *Skazitel'skaja improvizacija i variativnost' v burjatskom jepicheskom tekste (na primere raznovremennyh zapisej jeposa “Gjesjer” skazitelja P. Petrova)* [Narrative improvisation and variability in the Buryat epic text (by the example of asynchronical recording of the “Geser” epic by P. Petrov)]. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta imeni M.K. Ammosova: Ser. Jeposovedenie* [Bulletin of the North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov. Ser. Epic studies], 2016, no. 3, pp. 15–23. (In Russ.).

21. Putilov B.N. *Jepicheskoe skazitel'stvo: Tipologija i jetnicheskaja specifika* [Epic narration: typology and ethnic specificity]. Moscow, 1997. 295 p. (In Russ.).

22. Puhov I.V. *Jakutskij geroicheskij jepos olonho. Osnovnye obrazy* [Yakut heroic epic olonkho. Main images]. Moscow, 1962. 256 p. (In Russ.).

23. *Kirill Nikiforov — Lirkirchirn. Gifted by nature*. Yakutsk, 2013. (In Russ.).

УДК 81'27, 81'25
ББК Ш1.81

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛЬЗОВАТЕЛЬСКОГО ПЕРЕВОДА В НОВЫХ МЕДИА НА ПРИМЕРЕ ПЛАТФОРМЫ YOUTUBE

Е. С. Краснопева

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №16-18-02032)

В статье рассматриваются вопросы трансформации исследований перевода в цифровую эпоху, освещается явление новых видов перевода, в частности, характеризуется понятие пользовательского перевода в условиях Веб 2.0. Описываются свойства платформы YouTube как поля онлайн-производства, которое обуславливает возникновение практики пользовательского перевода и непосредственно формирует свойства переводного дискурса. Иллюстрируется методика поискового исследования на примере «переводных» YouTube-каналов, позволяющая смоделировать мотивацию пользователей-переводчиков, а также описать публикацию переводного контента как позицию в онлайн-поле платформы. Обсуждается также роль метаперевода в рамках исследований переводческой практики на YouTube и возможности его изучения в контексте новых медиа.

Ключевые слова: *перевод, пользовательский контент, социология перевода, новые медиа, мета-перевод, переводной дискурс.*

1. Перевод в цифровую эпоху

В последние два десятилетия информационные технологии полностью изменили наше представление о переводе как профессиональной деятельности. Автоматизированный перевод сегодня — это не просто использование отдельных цифровых инструментов, а работа в комплексных мультимедийных средах (translator environment toolkits, TEnTs) [18], объединяющих возможности текстового редактора, системы машинного перевода, приложений для создания и редактирования памяти переводов, коллективного перевода, конвертации файловых форматов, управления терминологией, автоматического контроля качества, конкордансного поиска и др. На современном этапе развития теории и практики перевода положение о необратимости влияния технических средств мы принимаем за аксиому: по сравнению с парадигмой PRAT (pencil and rubber assisted translation), парадигма CAT (computer-assisted translation¹) не только кардинально изме-

нила характеристики перевода-процесса, но и обусловила особые лингвистические свойства перевода-результата. Однако ряд указанных выше функций знаком переводческому сообществу уже десятки лет, а многие новые тенденции, ежегодно представляемые производителями программных продуктов, носят инкрементальный характер. За годы развития индустрии процесс компьютеризации перевода получил достаточное освещение и в научной литературе, как отмечает М. О'Хэган [21]. Сегодня же, по ее словам, пришло время говорить о новом повороте в науке о переводе: на первый план в качестве объекта исследований должны выйти не способы автоматизации перевода, а до сих пор не получившие должного освещения последствия всеобщего перехода в цифровую эпоху — те новые задачи и новая социальная среда, которые появились благодаря технологиям [2]. Таким образом, можно сказать, что в качестве одного из основных направлений исследований перевода сегодня обозначен поиск способов изучения трансформации переводческой деятельности в условиях взаимодействия социальных и технологических контекстов.

Так, уже более двух лет в рубрике Forum журнала-флагмана Translation Studies (URL: <http://www.tandfonline.com/toc/rtrs20/current>) обсуждается медиа-поворот (medial turn) в мировом переводеведении — новый сдвиг парадигмы, призван-

¹ Понятие PRAT (англ. pencil and rubber assisted translation — карандаш и ластик как инструменты переводчика), предложенное Д. Гуаде в 2007 г. [11], позволяет проиллюстрировать трансформацию перевода, выполняемого человеком (human translation), в цифровую эпоху. Практика PRAT системно противопоставлена CAT (computer assisted translation) — практике применения средств автоматизации переводческого процесса.

ный пролить свет на влияние материальной культуры на феномен перевода. Подобная постановка проблемы говорит о необходимости обращения к медиа (средствам хранения и передачи информации) как исходной точке исследований перевода: «Антропоцен не может существовать без материальной инфраструктуры: человечество нельзя рассматривать вне его среды обитания, как естественной, так и “искусственной” (as natural as it is technological)», — отмечает К. Литтау [16. С. 84], автор программной статьи “Translation and the materialities of communication”. К. Литтау призывает посмотреть на перевод с акцентом на «материальность коммуникации» Х. У. Гумбрехта и К. Л. Пфайффера, сквозь призму медиа-теории М. Маклюэна, философии медиа Ф. Китлера, исследований в области техники и технологии — того, что Л. Манович именуется «культурным софтом» [17].

Одним из ключевых механизмов трансформации повседневной реальности в последние десятилетия стали технологии Веб 2.0. Новые возможности виртуального пространства дали ход развитию «культуры участия» (participatory culture) [14] и продолжают активно размывать границы между понятиями труда и отдыха [22]. Доступность цифровых инструментов в совокупности с рядом других факторов приводит к возникновению в переводческой системе координат новых явлений, переворачивающих наше представление о переводчике как о «вечном слуге» (quintessential servant) [24].

В последние годы появляется все больше исследований, не ограничивающихся трактовкой перевода как профессии¹ и направленных на его всестороннее изучение в условиях повсеместного распространения онлайн-среды. И. Гамбье

¹ Стоит сделать оговорку, что, с точки зрения индустрии перевода, подобные исследования негативным образом могут сказываться на процессе профессионализации переводческой деятельности: как отмечает С. В. Тюленев, вряд ли мы найдем публикации о шаманских практиках врачевания в отраслевых медицинских журналах [26]. Подобные темы остаются прерогативой антропологии. Интересы дисциплины и индустрии в данном случае не совпадают: непрофессиональный (non-professional, non-expert), любительский (amateur) и другие виды волонтерского перевода уже довольно давно рассматриваются как закономерный предмет исследования в рамках культурологического и социологического подходов в теории перевода — дисциплины, постоянно заимствующей методы и приемы родственных направлений, в том числе подходы этнографии и антропологии.

говорит о категории интернет-пользователей, которые активно осуществляют переводческую деятельность, но зачастую не имеют никакого отношения к индустрии перевода [2]. Благодаря возможностям онлайн-платформ новый пользовательский контент появляется в сети ежедневно, при этом часть этого контента представляют собой переводы [21]. Поскольку свойства виртуальной среды позволяют авторам публикуемых произведений оставаться инкогнито, довольно сложно отнести все пользовательские переводы к категории любительских. Бесспорно, «любители, зачастую изображаемые карикатурно и оставляемые без внимания, сейчас расширяют границы отдельных профессий», а существование целых сообществ любителей «олицетворяют глубокие преобразования, вызванные развитием ИКТ» [информационно-коммуникационных технологий. — Е. К.] [2. С. 64]. На наш взгляд, наиболее удачными для обозначения переводов, выполненных онлайн вне профессионального контекста, представляются понятия пользователь-переводчик (user-translator) и пользовательский перевод (user-generated translation, UGT) предложенные М. О’Хэган [20] (по аналогии с вошедшим в общее употребление термином «пользовательский контент» (user-generated content, UGC)).

Перенос текста из одного национального поля в другое включает целый ряд операций: от выбора оригинального текста (какого автора стоит переводить, с какого языка, ср. предварительные нормы Г. Тури [25]), до создания «бренда» (кто будет переводить, в каком издательстве выйдет произведение — в случае с печатной продукцией, и пр.) [1]. Таким образом, в широком понимании процесс перевода подразумевает целую цепочку операций от поставленной задачи до вхождения текста в поле рецепции. При этом традиционно переводчик принимает участие в данном процессе лишь на одном из этапов, оставаясь в тени. Его доля ответственности ограничивается задачами, обозначенными в переводческом задании, которое, так или иначе, формулируется на начальных этапах процесса [19].

С появлением пользовательского перевода исчезает традиционная дихотомия «переводчик — заказчик». Например, создатель фанатского перевода кинофильма — это и заказчик, и переводчик, и потенциальный реципиент в одном лице [10]. Пользователь-переводчик самостоятельно, зачастую в одиночку, принимает решение

транслировать иноязычное произведение в новое лингвокультурное пространство, руководствуясь рядом причин, целостно зафиксировать которые представляется довольно сложным. Его мотивация может варьироваться и зависеть от личных предпочтений и возможностей, определяться отношением к автору оригинала, переводимой тематике, диктоваться его идеологическими взглядами и настроением, или же формироваться в условиях различных видов социального заказа. Единственное, что объединяет все разновидности перевода в киберпространстве, и может стать основой для их научного осмысления — это опосредованность медиа, технологические характеристики которых, в свою очередь, во многом определяют ход процесса перевода.

Текст перевода (или на более высоком уровне абстракции — переводной дискурс [3]) — факт принимающей культуры, который неизбежно оказывает на нее влияние [25. С. 27]. Разворачиваясь в условиях новой технологической реальности, перевод еще более явно проявляет свою природу как «важный социальный фактор, несущий на себе печать места, времени, условий своего создания и влияющий на эти место, время и условия; иными словами, <...> [как. — Е. К.] социальный акт» [5. С. 106]. Труд, игра, активизм, благотворительность, эксплуатация — все эти понятия используют для характеристики новых видов пользовательского перевода, порождаемых онлайн-средой [22]. В попытке осмыслить такие явления, как краудсорсинг (и его геймификацию); любительский, фанатский, волонтерский перевод (и их этические аспекты) [22]; совместное редактирование машинного перевода, массовый открытый онлайн-перевод [21] и др., переводоведы расширяют границы дисциплины и обращаются к новым количественным и качественным методам исследования.

В настоящей статье мы охарактеризуем теоретико-методологическую базу, использованную при изучении практики перевода в онлайн-среде на примере «переводных» каналов платформы YouTube. Поставив цель выявить способы оценки влияния пользовательских переводов на принимающее лингвокультурное пространство, мы обратились к релятивистскому подходу на основе концептуального аппарата П. Бурдьё, разрабатываемого социологией перевода и социологией цифровых пространств (digital sociology). Применение принципов генетической социологии позволяет комбинировать методики микро-

и макроанализа перевода-процесса и перевода-результата, что особенно актуально при их исследовании в контексте цифровой среды. Понятия поля, габитуса и капитала, задуманные П. Бурдьё как аналитические инструменты для интерпретации свойств социального пространства [9], используются нами для структурирования эмпирического материала, полученного в ходе поискового исследования.

На наш взгляд, обозначенная цель диктует необходимость описания свойств наиболее популярных переводных материалов, то есть произведений, обладающих высоким статусом в поле онлайн-производства. Данные произведения отражают и одновременно обуславливают предварительные (preliminary norms) переводческие нормы [25], то есть выбор материала для трансляции в новое принимающее пространство.

Поскольку в качестве отправной точки исследования выбраны медиа, при построении теоретической базы использовались существующие трактовки механизмов статусообразования в онлайн-поле YouTube. Описав социотехнические условия, формируемые платформой, мы предположили, какое место пользователь-переводчик занимает в структуре данного онлайн-поля. В качестве эмпирического материала при этом выступили элементы переводного и метапереводческого дискурса [4] в совокупности с результатами лонгитюдного наблюдения на основе методов цифровой этнографии [6].

2. Ориентация на медиа: YouTube как поле онлайн-производства

Глобальную онлайн-платформу YouTube (URL: <https://www.youtube.com/>) часто приводят в качестве классического примера новых цифровых медиа. Ресурс объединяет функции традиционных медиа, то есть телевидения, с функциональностью социальной сети: пользователи сайта имеют возможность размещать в открытом доступе видео, причем контент определенного пользователя объединяется в «канал» благодаря механизму подписок. Свойства платформы позволяют зрителям общаться пользователями-создателями видео, а также друг с другом и в поле комментариев. Таким образом, реализуется функция ресурса как социальной сети, где взаимодействие строится по модели «пользователь — контент — пользователь», в отличие от таких ресурсов, как Facebook и Twitter, в основе которых — модель «пользователь — пользова-

YouTube, как и любой сервис, транслирующий пользовательский контент, можно рассматривать в свете концепции поля производства культуры П. Бурдьё [8] как онлайн-поле [15], где действует собственный механизм статусообразования и определенным образом формируется иерархия власти (сил), основанная на распределении специфического для поля капитала. В онлайн-поле основным является капитал внимания (*attention capital*) [15. С. 479], который пользователь приобретает по мере привлечения подписчиков и увеличения количества просмотров канала (что эксплицитно отражено на странице видео или канала в форме счетчика, именно поэтому ключевые агенты поля — не только создатели видео, но зрители). Капитал внимания агент может быть конвертирован в символический (признание в сообществе, которое выходит за рамки платформы) и экономический капитал (прибыль от участия в партнерской программе YouTube, позволяющей зарабатывать на рекламе; поддержка сторонних спонсоров; краудфандинг). Признание определенного агента и его произведений также может осуществляться за счет конвертации «внешнего»/оффлайн капитала (знаний, умений, навыков, материальных вложений, позволяющих привлечь внимание к контенту), а также «внутреннего» социального капитала («дружбы» с другими пользователями-создателями видео) в капитал внимания.

Пользователь — создатель видео одновременно является и зрителем, чьи индивидуальные предпочтения (*габитус*) формируются в субполе рецепции видео: знания способов популяризации контента, а также других «правил игры» в глобальном поле YouTube представляет собой одну из составляющих «внутреннего» культурного капитала, накапливаемого в процессе взаимодействия с платформой. Продвижение и закрепление в иерархии власти подразумевает постоянную «подстройку» свойств генерируемого контента под требования платформы, предпочтения зрителей, и другие специфические требования поля [15].

По статистике, всего 40 % зрителей каждого видео на YouTube — жители той страны, в которой проживает автор ролика [7]. Этот факт обуславливает необходимость практики перевода в рамках платформы. Владельцы сервиса YouTube, преследуя цель увеличить охват международной аудитории, в 2015 г. институционализировали уже существовавшую на платформе

практику перевода, создав тем самым отдельное субполе с собственными позициями. На сегодняшний день структура YouTube как ресурса дает пользователям — создателям видео — возможность расширить свою аудиторию [7], воспользовавшись переводом субтитров и описания видео, генерируемым пользователями-волонтерами, которые принимают участие в краудсорсинговых инициативах *Community Contribution* и *Heroes programme* (URL: <https://support.google.com/youtube/answer/7159025>). Перевод субтитров, а с 2017 г. — и описаний к видео (URL: <https://youtube-creators.googleblog.com/2017/03/hello-world-how-to-translate-your.html>) — это один из видов «активного участия в развитии платформы». Это также субполе, в котором существуют позиции, подразумевающие модерирование контента, тестирование новых инструментов, а также другие пользовательские функции. Данное субполе имеет свой собственный механизм признания, воплощенный в системе бонусов для пользователей-волонтеров. Поскольку «заказ» на перевод в системе формирует создатель оригинала, права на переводные версии субтитров в рамках данных инициатив остаются у него. Имена пользователей, проявивших активное участие в процессе коллективного перевода субтитров или описания, указываются также на странице оригинального видео.

Участие в краудсорсинговых кампаниях, однако, не первая и не единственная позиция, доступная агентам, желающим осуществлять перевод в рамках платформы. Среди других возможностей — использование *Translation Marketplace* — функции, призванной объединить на одной площадке создателей видео и поставщиков лингвистических услуг. Следует сказать, что с развитием *Community contribution* популярность *Translation Marketplace* сошла на нет, таким образом, функция просуществовала с 2015 по 2017 г. (URL: <https://support.google.com/youtube/answer/7379101>). Однако в качестве первой появившейся на платформе позиции, связанной с переводом, необходимо рассматривать, собственно, возможность загрузки переработанных видео и создания отдельных каналов для их размещения.

Популярность YouTube в России не оставляет сомнения: ресурс входит в пятерку самых посещаемых после социальной сети Вконтакте и ресурсов Mail.ru, Avito и Одноклассники (URL: https://yandex.ru/company/researches/2016/ya_internet_regions_2016).

Ключевые каналы, которые мы выявили в ходе исследования, по широте охвата аудитории можно сравнивать с крупными оригинальными ресурсами платформы: количество подписчиков каждого из «топ 10» русскоязычных переводных каналов находится в диапазоне 100–700 тыс. пользователей.

Наблюдая за развитием ряда каналов, на которых публикуются переводы, мы отобрали список распространенных тегов, присваиваемых пользователями к наиболее популярным видео («перевод», «озвучка», «русская озвучка», «русские субтитры», «на русском», «RUS SUB», «translation»). На основе данных ключевых слов с использованием механизмов YouTube Data API explorer (URL: <https://developers.google.com/apis-explorer/#p/youtube/v3/>) мы выявили «топ 10» наиболее просматриваемых каналов, транслирующих переводные видео. Статистика показывает, что основная масса контента на YouTube носит развлекательный характер — ресурс является крупным игроком в индустрии «свободного времени». Это позволяет нам предположить, что большая часть переводов — также видео рекреационного характера. Действительно, каналы «топ 10» транслируют переводы с английского языка следующих категорий, характерных для YouTube: юмористических зарисовок, скетчей, и специфических жанров из разряда «люди и блоги» — влогов, румтуров, геймплейев, тэгов, тьюториалов и пр.

Качественный этап поискового исследования заключался в лонгитюдном наблюдении за поведением пользователей-переводчиков, формирующих контент указанных YouTube-каналов¹, на основе методов дискурсно-ориентированной цифровой этнографии [6]. В результате данного этапа был выявлен ключевой источник материала для исследования рассматриваемой практики, а именно — видео от первого лица («влоги», «стримы») и подкасты, в которых пользователи

¹ В настоящей статье для придания ясности рассуждениям о месте переводных материалов в структуре YouTube как платформы мы намеренно рассматриваем лица, задействованные в создании и администрировании каналов, в качестве единого агента — пользователя-переводчика. Однако стоит отметить, что за тремя наиболее популярными переводными каналами стоят коллективы, включающие переводчиков, актеров дубляжа, администраторов и других лиц, участвующих в публикации переводов. Существуют также популярные каналы, администрируемые одним человеком, выполняющим все перечисленные функции.

рассуждают о своей практике и общаются с потенциальными реципиентами — второй тип контента, публикуемого на каналах с переводами. Данные материалы можно охарактеризовать как метапереводческий дискурс [4].

3. Пользовательский перевод и «переводные» каналы на YouTube

Существуют разные позиции относительно того, можно ли рассматривать переводческую практику как отдельное поле в понимании П. Бурдьё. Д. Симеони, одним из первых применивший понятия поля и габитуса для концептуализации перевода, отметил, что «промежуточный» статус переводчика, его «подчиненность» (submissiveness) и «роль слуги» (quintessential servant) не позволяют говорить об отдельном поле перевода, поскольку габитус переводчика формируется исключительно в специфическом поле производства [24]. Например, габитусы военного переводчика и переводчика художественной литературы подчинены нормам и правилам соответствующих полей в большей степени, чем они подчинены гипотетическому полю перевода. Как позже отметили критики данного подхода [13], подобная интерпретация основана на традиционном представлении о работе переводчика. Однако социокультурное исследование перевода не должно применять объяснительную силу понятийного аппарата генетической социологии к стереотипам, зафиксированным в общественном сознании [13]. Напротив, трактовка места переводчика в социальном пространстве должна строиться на основании эмпирических данных, которые позволят «картографировать» широкий контекст (политический, экономический и др.), специфическую среду, в условиях которой проходит перевод (специализация, отрасль, направление), а также смогут пролить свет на то, как практику перевода формируют общественные институты, в том числе научное сообщество (какие аспекты переводческой деятельности чаще становятся объектом исследований) [13]. Так, С. Ханна в работе “Bourdieu in Translation Studies: The Socio-cultural Dynamics of Shakespeare Translation in Egypt” [12] представляет методику анализа в диахроническом аспекте поля драматургического перевода в Египте. В качестве эмпирической базы автор использует как переводы, так и метапереводческий дискурс, и на основе полученных данных моделирует структуру возможных позиций; описывает позиции, занимаемые агентами; исследует

виды капитала и их распределение, а также прослеживает отношения гомологии поля перевода с другими полями.

В рамках нашего исследования создание переводного канала мы предпочли рассматривать как возможную позицию в общем онлайн-поле YouTube, связанную с дихотомией «оригинальный — вторичный контент». Пользователь-переводчик, размещающий переводы (видео с закадровыми переводом (dubbed) или встроенными субтитрами (hardsubbed, hardcoded)) на отдельном канале, играет по правилам онлайн-поля производства видеоконтента на YouTube, предпочитая его субполю волонтерского перевода в рамках краудсорсинговых инициатив. Знания иностранного языка, навыки перевода и редактирования видео — это культурный «оффлайн» капитал, благодаря которому пользователь занимает позицию в структуре поля. «Внутренний» культурный капитал, который позволяет пользователю-переводчику существовать в поле, — это еще и знание правил платформы: публикация перевода какого-либо оригинального видео, уже загруженного на YouTube, нарушает авторские права его владельца, и поэтому в любой момент канал с переводами может быть заблокирован администрацией сайта по запросу правообладателя. Именно поэтому выбор источников для трансляции в принимающее пространство, как отмечают пользователи в метапереводческих комментариях, во многом определен политикой авторов оригинальных видео. Помимо этого, при выборе видео для перевода немаловажную роль играет популярность создателя в глобальном поле YouTube. По словам П. Бурдьё, перенос произведения из оригинального поля производства в новое приводит к ряду последствий: агент, осуществляющий перенос, получает часть культурного капитала оригинального произведения; а произведение теряет связи с полем, в условиях которого оно создавалось, что может привести к недопониманию в поле рецепции [1] (иными словами, разрыв интердискурсивных связей и «коллапс контекста»). В условиях онлайн-производства, на наш взгляд, благодаря прозрачности и мультимодальному характеру среды при переводе произведение остается в том же поле, в котором оно создавалось: за счет метаданных, а также алгоритмов платформы зритель неизбежно сталкивается с оригинальным контентом в условиях того же мультимедийного окна. Таким образом, подчеркивая, что чаще для перевода они выбирают наиболее популярные и

короткие видео, пользователи-переводчики в очередной раз подтверждают наше предположение о необходимости концептуализации каналов с переводами как позиции в общем поле YouTube.

Размещая на канале метапереводы, видео от первого лица, пользователи также руководствуются одним из правил игры на поле. Ключевая характеристика контента на высоких позициях в иерархии поля — его разговорный характер (conversational videos) [23], акцентирующий внимание на возможности общения с аудиторией (в том числе благодаря функционалу платформы). Закадровый перевод (в некоторых случаях — со свободным комментарием) — наиболее популярный вид аудиовизуального перевода (АВП), используемый на каналах «топ 10». Практика субтитрования постепенно становится менее актуальной для пользователей-переводчиков, играющих роль создателя контента. С точки зрения формы, видео, «озвученные даббером», обнаруживают сходства с непереводаемыми популярными видео, в которых на видеодорожку (порой заимствованную в других уже опубликованных видео) накладывается фонограмма, например, рецензия, обзор, пародия, и прочие вторичные произведения. Таким образом, публикуя на своем канале видео с закадровым переводом, а также метапереводы, пользователь-переводчик «выходит из тени» и начинает взаимодействие с сообществом. При этом для сохранения доминирующего положения он прототипизирует контент, копируя¹ стратегии успешных игроков поля, создающих оригинальный контент [15]. В ходе второй части исследования мы отметили, что зачастую следующим этапом продвижения в иерархии поля является отказ от публикации вторичного контента и переход на оригинальный контент как доминантный, легитимный способ производства.

Итак, играя по правилам онлайн-поля, пользователь-переводчик стремится к получению признания аудитории и последующей его «конвертации» как в символическую прибыль (популярность, предложения участвовать в проектах крупных игроков индустрии), так и в материальную (возможности размещения рекламы на канале и др.). По итогам рассуждений мы можем сделать

¹ Как отмечает П. Бурдьё, действия и стратегии агентов в социальном пространстве не носят сознательный характер. Скорее, они строятся исходя из постоянного анализа прошлого опыта и нынешней ситуации — взаимодействия габитуса и поля.

вывод о том, что в основе модели потенциального влияния переводного дискурса YouTube на принимающее лингвокультурное пространство, о которой мы говорили ранее, будет лежать следующий тезис: переводной дискурс — отражение популярного англоязычного контента платформы. В качестве еще одного направления исследования можно обозначить анализ трансляции смыслов, заложенных в популярных произведениях, выбранных для перевода. В качестве объекта анализа при этом вступит мультимодальный би-текст, и шире — дискурс русскоязычного сегмента YouTube, в который оказывается вписано любое переводное произведение. Однако изучению подобного многослойного дискурсивного образования всегда, на наш взгляд, должна предшествовать его контекстуализация в определенном социальном поле, где данная дискурсивная практика порождается.

Возвращаясь к еще одному потенциальному объекту изучения, а именно метапереводам на YouTube, отметим, что топология цифрового пространства дает нам возможность по-новому взглянуть на классическое определение метапереводческой деятельности В. Б. Кашкина («взгляд на перевод “со стороны” или “в зеркало”») [4. С. 314]. Выбирая в качестве единицы анализа мультимодальный текст на платформе YouTube (как, например, в [7]), исследователь имеет возможность наблюдать и «отражение» переводчика, и то, как пользователь-реципиент со стороны смотрит в зеркало на отражение пользователя-переводчика. Так, открывая страницу с подкастом или видео, повествующими о процессе перевода, исследователь может одновременно получить доступ и к комментариям реципиентов, реагирующих на метадискурсивную практику.

В ходе количественной части поискового исследования нам посчастливилось обнаружить канал, не обладающий высоким статусом, но чрезвычайно интересный с позиций анализа метапереводческого дискурса, поскольку создатель канала разместил на своей странице семичасовой ролик — запись стрима, иллюстрирующего как процесс перевода и создания субтитров к видео, так и общение переводчика с аудиторией канала в этом же окне. Как ни странно, получивший наибольшее количество «лайков» комментарий к этому видео звучит так: «Колоссальная работа!». Сопоставляя этот случай с другими активными дискуссиями в поле комментариев к популяр-

ными переводным видео, можно предположить, что косвенным результатом «игры по правилам поля» является также создание положительного образа перевода как тяжелого труда.

4. Выводы и перспективы исследования

В рамках данной статьи мы описали теоретико-методологические основания, а также способы интерпретации эмпирических данных, полученных в результате исследования пользовательского перевода на платформе YouTube. Предложенная база позволяет взглянуть на практику перевода в динамике. Она также дает возможность раскрыть ряд экстралингвистических факторов формирования переводного дискурса и его функционирования в принимающем лингвокультурном пространстве. Социологическое направление представляет, на наш взгляд, связующее звено между цифровой этнографией и медиа-исследованиями, необходимое для всестороннего описания трансформации практики перевода в онлайн-среде. В заключение мы хотели бы привести несколько тем, которые пользователи затрагивают в метапереводах, чтобы вновь подчеркнуть масштабность перевода в новых медиа как объекта исследования. Среди них — постнациональная идентичность пользователей онлайн-платформ; формирование лингвокультурного типажа «переводчик» в обыденном сознании (ср. актер дубляжа как «переводчик»); отношения гомологии полей онлайн-перевода, аудиовизуального перевода и видеопиратства; борьба за перевод и другие виды вторичного (деривативного) контента как легитимный способ культурного производства на YouTube; дихотомия «мы» и «они»: переводчики как члены сообщества создателей контента YouTube против зрителей (пассивной аудитории); возможность сосуществования переводных каналов и институционализированной практики коллективного создания субтитров к видео; восприятие переводов как непереводного контента зрителем, привыкшим к «культуре ремиксов»; перевод как процесс, требующий знаний, время- и трудозатрат; роль индивидуальных предпочтений переводчика-пользователя и зрительского «фидбека» в формировании содержания переводного канала. Все перечисленные темы, так или иначе, заставляют исследователей-переводоведов выходить за рамки общепринятых методологических канонов, вновь иллюстрируя междисциплинарную природу переводоведения.

Список литературы

1. Бурдьё, П. Социальные условия международной циркуляции идей / П. Бурдьё // Социальное пространство: поля и практики. — М., 2005. — С. 539–553.
2. Гамбье, И. Перевод и переводоведение на перекрестке цифровых технологий / И. Гамбье // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. — 2016. — Вып. 4. — С. 56–74.
3. Гарбовский, Н. К. Перевод и «переводной дискурс» / Н. К. Гарбовский // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. — 2011. — № 4. — С. 3–19.
4. Кашкин, В. Б. Парадоксы границы в языке и коммуникации : монография / В. Б. Кашкин. — Воронеж, 2010. — 382 с.
5. Тюленев, С. В. Что перевод системе? Что ему она? / С. В. Тюленев // Логос. — 2012. — № 3 (87). — С. 106–130.
6. Androutsopoulos, J. Potentials and limitations of discourse-centred online ethnography / J. Androutsopoulos // *Language@Internet*. — 2008. — № 5, article 8. — URL: <http://www.languageatinternet.org/articles/2008/1610>.
7. Benson, P. The discourse of YouTube: multimodal text in a global context / P. Benson. — London, 2017. — 140 p.
8. Bourdieu, P. The field of cultural production, or: The economic world reversed / P. Bourdieu // *The field of cultural production. Essays on art and literature*. — Columbia University Press, 1993. — P. 29–73.
9. Bourdieu, P. The genesis of the concepts of habitus and field / P. Bourdieu // *Sociocriticism*. — 1985. — № 2. — P. 11–24.
10. Díaz Cintas, J., Muñoz Sánchez, P. Fansubs: audiovisual translation in an amateur environment / J. Díaz Cintas, P. Muñoz Sánchez // *The Journal of Specialised Translation* 6. — 2006. — № 6. — URL: http://www.jostrans.org/issue06/art_diaz_munoz.php.
11. Gouadec, D. Translation as a profession / D. Gouadec. — Amsterdam, New York, 1995. — 396 p.
12. Hanna, S. Bourdieu in translation studies. The Socio-cultural Dynamics of Shakespeare Translation in Egypt / S. Hanna. — New York, 2016. — 220 p.
13. Inghilleri, M. The sociology of Bourdieu and the construction of the “object” in translation and interpreting studies / M. Inghilleri // *The Translator*. — 2005. — № 11 (2). — P. 125–145.
14. Jenkins, H. Participatory culture in a networked era: a conversation on youth, learning, commerce, and politics // H. Jenkins, M. Ito, D. Boyd. — Wiley, 2015. — 160 p.
15. Levina, N., Arriaga, M. Distinction and status production on user-generated content platforms: using Bourdieu’s theory of cultural production to understand social dynamics in online fields / N. Levina, M. Arriaga // *Information Systems Research*. — 2014. — Vol. 25, iss. 3. — P. 468–488.
16. Littau, K. Translation and the materialities of communication / K. Littau // *Translation Studies*. — № 9 (1). — P. 82–96.
17. Manovich, L. Software takes command / L. Manovich. — 2008. — 245 p.
18. Melby, A. K. Translation memory / A. K. Melby, S. E. Wright // *Routledge Encyclopedia of Translation Technology*. — Routledge, 2014. — P. 662–677.
19. Nord, C. Skopos and (un)certainly: how functional translators deal with doubt / C. Nord // *Meta: Translators’ Journal*. — № 61 (1). — P. 29–41.
20. O’Hagan, M. Evolution of user-generated translation: Fansubs, translation hacking and crowdsourcing / M. O’Hagan // *The Journal of Internationalisation and Localisation*. — 2009. — № 1 (1). — P. 94–121.
21. O’Hagan, M. Massively open translation: unpacking the relationship between technology and translation in the 21st century / M. O’Hagan // *International Journal of Communication*. — 2016. — № 10. — P. 929–946.
22. Rogl, R. No work and all play — between labour, fun and exploitation in online translation communities / R. Rogl // *European Journal of Applied Linguistics*. — 2016. — № 4 (1). — P. 117–138.
23. Scolari, C. A., Fraticelli, D. The case of the top Spanish YouTubers: Emerging media subjects and discourse practices in the new media ecology / C. A. Scolari, D. Fraticelli // *Convergence: The International Journal of Research into New Media Technologies*. — 2017. — № XX (X). — P. 1–20.
24. Simeoni, D. The pivotal status of the translator’s habitus / D. Simeoni // *Target*. — 1998. — № 10 (1). — P. 1–39.
25. Toury, G. Descriptive translation studies — and beyond / G. Toury. — Amsterdam, New York, 1995. — 311 p.

26. Tyulenev, S. Towards theorising translation as an occupation / S. Tyulenev // *Asia Pacific translation and intercultural studies*. — 2015. — № 2 (1). — P. 15–29.

27. Wattenhofer, M. The YouTube Social Network / M. Wattenhofer, R. Wattenhofer, Z. Zhu // *Proceedings of the Sixth International AAAI Conference on Weblogs and Social Media (ICWSM 2012)*. — 2012. — URL: <https://research.google.com/pubs/pub37738.html>.

Сведения об авторе

Краснопева Екатерина Сергеевна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры теории и практики перевода факультета лингвистики и перевода, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. ye.kr121csu@gmail.com

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2017. No. 12 (408). *Philology Sciences. Iss. 110. Pp. 106–115.*

ON THE THEORETICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF RESEARCH INTO TRANSLATION IN NEW MEDIA ENVIRONMENTS. THE CASE OF YOUTUBE

E. S. Krasnopeyeva

Chelyabinsk State University. Chelyabinsk, Russia. ye.kr121csu@gmail.com

This paper discusses the transformation of translation studies in the digital age, namely the emergence of new types of translation in online social networks associated with the rise of Web 2.0 technologies. It dwells on the notion of user-generated translation in the new media environments and concentrates on the specifics of YouTube as a platform, as well as peculiarities of metadiscourse of user-generated translation. The methodology described in this article is based on combination of insights from digital sociology and sociology of translation. Both of the approaches applied in the article are grounded in Pierre Bourdieu's conceptual apparatus. The study uses the explanatory power of the notions of field, habitus and capital to interpret the empirical data obtained in the course of longitudinal observation based on the approach developed in the framework of discourse-oriented online ethnography, as well as applies it to the analysis of translated discourse combined with metatranslation analysis. The study maps user-generated translation practices on the platform-wide online field of YouTube and reconstructs the motivation of translators as the agents in this field.

Keywords: *translation, user-generated content, sociology of translation, new media, metatranslation, translated discourse.*

References

1. Bourdieu P. Social'nye uslovija mezhdunarodnoj cirkuljicii idej [The Social Conditions of the International Circulation of Ideas]. Shmatko N.A. (ed.). *Social'noe prostranstvo: polja i praktiki* [Social environment: fields and practices]. Moscow, 2005. Pp. 539–553. (In Russ.).
2. Gambier Y. Perevod i perevodovedenie na perekrestke cifrovyh tehnologij [Translation and translation studies at the crossroads of digital communications]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta* [St. Petersburg State University Herald], 2016, no. 4, pp. 56–74. (In Russ.).
3. Garbovskij N.K. Perevod i "perevodnoj diskurs" [Translation and "translated discourse"]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Bulletin of Moscow University], 2011, no. 4, ser. 22, pp. 3–19. (In Russ.).
4. Kashkin V.B. *Paradoksy granicy v jazyke i kommunikacii* [Paradoxes of boundaries in language and communication]. Voronezh, 2010. 382 p. (In Russ.).
5. Tyulenev S.V. Chto perevod sisteme? Chto emu ona? [What is translation to the system? What is the system to translation?]. *Zhurnal «LOGOS»* [Logos Magazine], 2012, no. 3 (87), pp. 106–130. (In Russ.).
6. Androutsopoulos J. Potentials and limitations of discourse-centred online ethnography. *Language@Internet*, 2008, no. 5, article 8. Available at: <http://www.languageatinternet.org/articles/2008/1610>, accessed 10.10.2017.
7. Benson P. *The discourse of YouTube: multimodal text in a global context*. London, 2017. 140 p.

8. Bourdieu P. The field of cultural production, or: The economic world reversed. *The field of cultural production. Essays on art and literature*. Columbia University Press, 1993. Pp. 29–73.
9. Bourdieu P. The genesis of the concepts of habitus and field. *Sociocriticism*, 1985, no. 2, pp. 11–24.
10. Díaz Cintas J., Muñoz Sánchez P. Fansubs: audiovisual translation in an amateur environment. *The Journal of Specialised Translation* 6, 2006, no. 6. Available at: http://www.jostrans.org/issue06/art_diaz_munoz.php, accessed 10.10.2017.
11. Gouadec D. *Translation as a profession*. Amsterdam; New York, 1995. 396 p.
12. Hanna S. *Bourdieu in translation studies. The Socio-cultural Dynamics of Shakespeare Translation in Egypt*. New York, 2016. 220 p.
13. Inghilleri M. The sociology of Bourdieu and the construction of the “object” in translation and interpreting studies. *The Translator*, 2005, no. 11 (2), pp. 125–145.
14. Jenkins H., Ito M., Boyd D. *Participatory culture in a networked era: a conversation on youth, learning, commerce, and politics*. Wiley, 2015. 160 p.
15. Levina N., Arriaga M. Distinction and status production on user-generated content platforms: using Bourdieu’s theory of cultural production to understand social dynamics in online fields. *Information Systems Research*, 2014, vol. 25, iss. 3, pp. 468–488.
16. Littau K. Translation and the materialities of communication. *Translation Studies*, no. 9 (1), pp. 82–96.
17. Manovich L. *Software takes command*. 2008, 245 p. Available at: http://softwarystudies.com/softbook/manovich_softbook_11_20_2008.pdf, accessed 10.10.2017.
18. Melby A. K., Wright S. E. Translation memory. *Routledge Encyclopedia of Translation Technology*. Routledge, 2014. Pp. 662–677.
19. Nord C. Skopos and (un)certainly: how functional translators deal with doubt. *Meta: Translators’ Journal*, no. 61(1), pp. 29–41.
20. O’Hagan M. Evolution of user-generated translation: Fansubs, translation hacking and crowdsourcing. *The Journal of Internationalisation and Localisation*, 2009, no. 1 (1), pp. 94–121.
21. O’Hagan M. Massively open translation: unpacking the relationship between technology and translation in the 21st century. *International Journal of Communication*, 2016, no. 10, pp. 929–946.
22. Rogl R. No work and all play — between labour, fun and exploitation in online translation communities. *European Journal of Applied Linguistics*, 2016, no. 4 (1), pp. 117–138.
23. Scolari C.A., Fraticelli D. The case of the top Spanish YouTubers: Emerging media subjects and discourse practices in the new media ecology. *Convergence: The International Journal of Research into New Media Technologies*, 2017, no. XX (X), pp. 1–20.
24. Simeoni D. The pivotal status of the translator’s habitus. *Target*, 1998, no. 10 (1), pp. 1–39.
25. Toury G. *Descriptive translation studies — and beyond*. Amsterdam; New York, 1995. 311 p.
26. Tyulenev S. Towards theorising translation as an occupation. *Asia Pacific translation and intercultural studies*, 2015, no. 2 (1), pp. 15–29.
27. Wattenhofer M., Wattenhofer R., Zhu Z. The YouTube Social Network. *Proceedings of the Sixth International AAAI Conference on Weblogs and Social Media (ICWSM 2012)*, 2012. Available at: <https://research.google.com/pubs/pub37738.html>, accessed 10.10.2017.

УДК 81

СРАВНЕНИЕ СТЕРЕОТИПОВ РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В КИТАЙСКОМ И РОССИЙСКОМ НАРОДАХ (на основе анализа 400 анкет студентов Чжэцзянского океанического университета и студентов Южно-Уральского государственного университета)

Лю Чаоцзе

Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия

Рассматриваются стереотипы российской национальной культуры, способствующие пониманию существующих культурных явлений, национального поведения и модели мышления, оказывающие поддержку межкультурной коммуникации в китайском и российском народах. Сравнение социальных и культурных стереотипов в китайском и российском народах проводится посредством ассоциативного эксперимента.

Ключевые слова: *межкультурная коммуникация, стереотипы национальной культуры, анкета, ассоциации, респондент.*

На протяжении долгих лет ученые ведут спор об определении понятия «стереотип», делают попытки выявить пути формирования и распространения национальных стереотипов в обществе, обсуждают вопрос о влиянии их на отношения между народами.

Исследование культурных стереотипов, их устойчивости и отбора связано с потребностями современной жизни, с осознанием того факта, что формируемый разными обстоятельствами, в том числе случайностями, ограниченными знаниями, образ «другого», «другой культуры» в целом, часто далекий от реальности, имеет такое же историко-культурное значение, как и сама действительность. Искусственно созданные образы-представления играют активную роль в формировании ментальности современников и, возможно, последующих поколений [3].

При всей устойчивости стереотипов и, на первый взгляд, достаточной изученности их исследование в каждую новую историческую эпоху является важной научной проблемой, так как происходят постоянные изменения между традиционной установкой и ее размыванием, между обогащением новыми историческими фактами и переосмыслением уже известных. Несмотря на достаточное внимание со стороны исследователей к данному феномену, объяснение природы, возникновения и функционирования стереотипов, понимание самого термина «стереотип» все еще является проблемой [3].

Культурный стереотип — определенный ход мыслей и восприятия, форм поведения. С одной

стороны, культурный стереотип помогает индивиду ориентироваться в ситуациях, с другой стороны, закрепившаяся форма предубеждения играет негативную роль, так как мешает объективно оценить противоречия, возникающие в ходе развития общественных отношений, неоднозначность поступков людей.

В широком смысле культурный стереотип как часть мировоззрения может рассматриваться как носитель коллективных представлений, проявление имплицитных знаний, составляющая мотивации к социальной практике [3].

Эффективность межкультурной коммуникации повышают знания культурных различий между людьми, странами, этническими и профессиональными группами, а также умелое использование этих знаний.

В связи с изучением процессов в обществе стереотипы целенаправленно исследуются в сфере социологии и социальной психологии. У. Липпман, О. Клайнберг, Г. Мерфи, Г. Боденхаузен, М. Лихтенштейн, Дж. Форгас, М. Снайдер в своих работах рассматривают способы порождения стереотипов и факторы, влияющие на их принятие социальным обществом. Р. Нисбет, Л. Росс, К. Андерсон, К. Макколи, К. Стит, М. Сегал изучают механизмы, способствующие устойчивости стереотипов.

Проблемой стереотипов занимались такие российские ученые, как В. А. Ядов, П. Н. Шихирев, В. С. Агеев, Р. М. Грановская, Е. В. Конева, Т. Е. Васильева, С. А. Мурадян, Е. В. Орлова. В области межкультурной коммуникации и лингвостра-

поведения большое значение имеют работы, посвященные культурным стереотипам: М. Беннет, Э. Мэнерт, Р. Водак, А. Вежбицкая, В. В. Красных, О. А. Леонтович, К. Ситарам, Г. Когделл.

Исследование культурных стереотипов в настоящей работе опирается на теоретические и эмпирические источники. К первым относятся работы отечественных и зарубежных авторов, посвященные изучаемой проблематике; ко вторым — результаты ассоциативного эксперимента, личные наблюдения, материалы публикаций по данной теме.

По определению С. А. Нечаевой, культурный стереотип — это представление, отражающее обыденный уровень концептуализации культурной специфики и оказывающее при первичном контакте сильное влияние на взаимные ожидания партнеров межкультурной коммуникации [6]. В процессе стереотипизации субъект в значительной мере деиндивидуализирован и бессознательно становится проводником массовых представлений и привычек.

С увеличением количества сравниваемых языков возникла необходимость в разработке такого метода исследования, который, выходя за рамки прямой культурно-исторической преемственности языков и этносов, позволил бы учитывать все разнообразие языкового строя безотносительно к этнической истории народов. Обоснование новому методу дал В. фон Гумбольдт вместе с зарождением в компаративистике новой дисциплины — лингвистической типологии. Именуют его по-разному: сопоставительный, сравнительно-сопоставительный, или типологический метод. Изначально он предназначался для исследования грамматического строя неродственных языков (Фридрих и Август Шлегель, В. фон Гумбольдт, А. Шлейхер и др.), позже сфера его применения расширяется: возникают типологическая фонология, лексикология, дериватология. Применительно к разным областям языка данный метод подвергается, естественно, некоторым модификациям [1].

Каждый метод имеет сферу своего применения и предназначен для раскрытия определенных семантических свойств языковых единиц, а также понимания сути семантических явлений.

Использование каждого метода при исследовании семантики предполагает получение определенных результатов, поэтому в процессе проведения ассоциативного эксперимента возможно открытие новых, неизвестных ранее явлений и свойств изучаемого предмета.

Ассоциативный эксперимент является методом многих наук: психологии, психолингвистики, этнолингвистики, социолингвистики.

Впервые об ассоциациях *между словами* заговорили представители Казанской лингвистической школы. В частности, Н. В. Крушевский в своей работе «Очерки науки о языке» рассмотрел слово как «единицу психическую», подчиняющуюся психическим законам, в том числе законам ассоциаций. Он рассматривал ассоциации по сходству и по смежности как парадигматические и синтагматические, тем самым привнес в теорию ассоциаций лингвистический аспект [5]. Н. В. Крушевский также выделял ассоциации лингвистические и экстралингвистические.

В данной работе речь идет о вербальных ассоциациях, то есть о тех, где ассоциативная связь присутствует между двумя словами или словосочетаниями. Одним из методов исследования вербальных ассоциаций является ассоциативный эксперимент.

Ассоциативный эксперимент широко применялся в самых различных сферах, от теоретической психологии до прикладного психоанализа. Этот метод использовал знаменитый психоаналитик Карл Юнг. В развитие этого метода внесли свой вклад и лингвисты. Например, совместное исследование лингвиста А. Тумбе и психолога К. Марбе показало, что испытуемые чаще всего реагируют на стимул словом, относящимся к той же части речи. Также в разные годы занимались этим вопросом такие известные ученые, как Р. М. Фрумкина, А. А. Залевская, В. П. Белянин, С. Л. Рубинштейн, Е. И. Горощко, Д. Юм, Д. Гартли.

В настоящее время ассоциативный эксперимент также широко используется в силу простоты проведения и достаточно широких возможностей. Изучив научные труды Чэнь Лу (2011) «Сравнение стереотипов национальной культуры России и Китая» [4. С. 8], Ли Сяндун, Ян Сюэцзе, Чэнь Гэ (2012) «Исследования современного русского языка и культуры» [2. С. 38], мы пришли к выводу, что для сравнения стереотипов российской национальной культуры в китайском и российском народах уместно использование ассоциативного эксперимента, подхода со сравнительным анализом.

Предметом данного исследования являются стереотипы российской национальной культуры в китайском и российском народах.

Понятие «стереотип» ввел в общественно-политический западный дискурс Уолтер Липпман. Данное понятие он применил в описании своей оригинальной концепции общественного мнения в 1922 г. Согласно Липпману, стереотип — это принятый в исторической общности образец восприятия, фильтрации, интерпретации информации при распознавании и узнавании окружающего мира, основанный на предшествующем социальном опыте. Система стереотипов представляет собой социальную реальность [7].

В данном исследовании под стереотипом мы понимаем устоявшееся отношение к происходящим событиям, выработанное на основе сравнения их с внутренними идеалами; определенное сложившееся мнение, представление о чем-то.

Целью исследования является выявление сходства и различия стереотипов российской национальной культуры в китайском и российском народах.

К данной работе привлечены 50 преподавателей, которые преподают русский язык, занимаются исследованиями на русском языке или проводят исследования в китайско-российских отношениях в университете в Китае. Ими предложены 150 слов с русскими культурными особенностями на китайском языке. На втором этапе выбраны 10 наиболее часто используемых слов с русскими культурными особенностями на китайском языке и проанализированы их ассоциации посредством анкетирования 200 студентов Чжэцзянского океанического университета, а затем определены китайские культурные стереотипы о России. Также выбраны 10 слов с русскими культурными особенностями на русском языке, имеющие эквивалентные значения с выбранными десятью словами на китайском языке; проанализированы их ассоциации посредством анкетирования 200 студентов Южно-Уральского государственного университета, а затем определены русские культурные стереотипы о России. На заключительном этапе выявлены сходства и различия китайских культурных стереотипов о России с соответствующими российскими культурными стереотипами, которые могут способствовать дальнейшей межкультурной коммуникации.

Респондентами данного эксперимента являются студенты университета, которые родились и выросли в Китае, знают китайскую культуру и находятся под ее влиянием. Это молодые люди (200 человек), половина из которых мужчины и половина — женщины, их возраст составляет

от 18 до 27 лет, они имеют различные специальности (гуманитарные, технические, естественно-научные и другие). Студенты, обучающиеся на факультете лингвистики или ранее учившиеся в России, были исключены, так как в какой-то степени те знания, которые они получили, влияют на оценку респондентов.

Также респондентами эксперимента являются студенты университета, которые родились и выросли в России, знают российскую культуру и находятся под ее влиянием. Это молодые люди (200 человек), половина из которых мужчины и половина — женщины, их возраст составляет от 18 до 27 лет, они имеют различные специальности (гуманитарные, технические, естественно-научные и другие). Студенты, обучающиеся на факультете лингвистики или ранее учившиеся в Китае, были исключены, так как в какой-то степени те знания, которые они получили, влияют на оценку респондентов.

Однако необходимо учитывать, что стереотипы имеют большое значение в восприятии, осмыслении и оценке окружающей реальности, прогнозировании событий и реакции на них. Средства массовой информации оказывают влияние на формирование представления о том или ином предмете, событии, явлении, транслируя готовые упрощенные схемы и шаблоны, которые преувеличивают черты сходства и игнорируют различия представителей других культур. В связи с этим при восприятии явлений, связанных с иностранной культурой, человек обладает набором уже имеющихся стереотипов благодаря распространенности подобных источников, поэтому нет людей, полностью свободных от таких клише. Разница заключается лишь в степени стереотипизации сознания, которая находится в зависимости от индивидуальных особенностей психики коммуникантов и от наличия опыта межкультурной коммуникации.

В ходе эксперимента выбраны 10 слов с культурными особенностями России на китайском языке, которые эквивалентны словам на русском языке, задан 200 студентам Чжэцзянского океанического университета вопрос: Какие ассоциации вызывают следующие слова: 伏特加 (водка), 套娃 (матрешка), 白桦树 (береза), 贝加尔湖 (озеро Байкал), 普京 (В. В. Путин), 熊 (медведь), 普希金 (А. С. Пушкин), 天鹅湖 («Лебединое озеро»), 森林 (лес), 大雪 (снег)? (табл. 1). Условие: записать не менее 3 ассоциативных слов. 200 студентам Южно-Уральского государственного университе-

та задан этот же вопрос: Какие ассоциации вызывают следующие слова: водка, матрешка, береза, озеро Байкал, В. В. Путин, медведь, А. С. Пушкин, «Лебединое озеро», лес, снег? (табл. 2). Условие:

записать не менее 3 ассоциативных слов. По окончании эксперимента проанализированы 400 анкет и получены результаты исследования, представленные в табл. 3 и на рисунке.

Таблица 1

Слова и их ассоциации на китайском языке			
Какие ассоциации вызывают следующие слова?			
Слово	Ассоциации		
普希金 А. С. Пушкин	поэт	стихи	легендарный
伏特加 Водка	Россия	градус	алкоголик
套娃 Матрешка	Россия	рукоделие	сувенир
白桦树 Береза	дерево	высокий	песня
贝加尔湖 Озеро Байкал	чистый	открытый	благородный
普京 В. В. Путин	Россия	герой	сильный
熊 Медведь	Арктика	лед	громоздкий
天鹅湖 Лебединое озеро	любовь	балет	музыка
森林 Лес	свободный	звери	ресурсы
大雪 Снег	зима	белый	лед

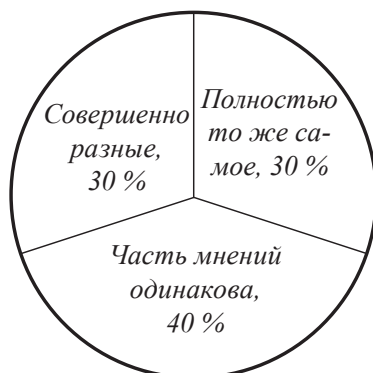
Таблица 2

Слова и их ассоциации на русском языке			
Какие ассоциации вызывают следующие слова?			
Слово	Ассоциации		
А. С. Пушкин	дуэль	стихи	поэт
Водка	пить	спит	стакан
Матрешка	игрушка	кукла	сувенир
Береза	весна	девушка	молодая
Озеро Байкал	озеро	глубокое	Россия
В. В. Путин	президент	Россия	политика
Медведь	лес	мед	берлога
Лебединое озеро	любовь	заговор	ведьма
Лес	деревья	грибы	шашлык
Снег	белый	год	мороз

Таблица 3

Результаты ассоциативного эксперимента

Слово	Ассоциации					
	Китайские участники			Российские участники		
普希金 А. С. Пушкин	поэт	стихи	легендарный	дуэль	стихи	поэт
伏特加 Водка	Россия	градус	алкоголик	пить	спит	стакан
套娃 Матрёшка	Россия	рукоделие	сувенир	игрушка	кукла	сувенир
白桦树 Берёза	дерево	высокий	песня	весна	девушка	молодая
贝加尔湖 Озеро Байкал	чистый	открытый	благословенный	озеро	глубокая	Россия
普京 В. В. Путин	Россия	герой	сильный	президент	Россия	политика
熊 Медведь	Арктика	лед	громоздкий	лес	мед	берлога
天鹅湖 Лебединое озеро	любовь	балет	музыка	любовь	заговор	ведьма
森林 Лес	свободный	зверь	ресурсы	деревья	грибы	шашлык
大雪 Снег	зима	белый	лед	белый	год	мороз

Результаты эксперимента
«Слова и их ассоциации» в Китае и в России

Результаты эксперимента показывают, что ассоциативная связь между словами раскрывает уникальный способ мышления, оценки языка и сознание двух народов, социальные и культурные сходства и различия между Китаем и Россией. В соответствии с различной степенью схожести стереотипов, национально-культурные стереотипы делятся следующим образом: *эквивалентный тип, подобный тип, совершенно другой тип* [2].

Согласно *эквивалентному типу*, в различных языках и культуре членов общества есть связь между одинаковыми вещами и явлениями. В данном типе фиксированная связь согласуется [2].

В результате эксперимента обнаружены 3 одинаковых группы: 1) 普希金 / А. С. Пушкин → поэт, стихи; 2) 普京 / В. В. Путин → Россия; 3) 套娃 / матрешка → игрушка, сувенир.

Ассоциации первой группы отражают то, что люди в Китае и России имеют общие интересы и любят читать произведения А. С. Пушкина. Стихи Пушкина были переведены на китайский язык, и его произведения повлияли на большое количество китайцев. Ассоциации второй группы отражают тот факт, что люди в Китае и России понимают, что президент В. В. Путин является символом современной России. Ассоциации третьей группы отражают то, что матрешка считается традиционно русским сувениром, самым популярным среди россиян и иностранных гостей.

Помимо групп со схожими ассоциациями, обнаружены группы с небольшими отличиями.

Согласно *подобному типу* в различных языках и культуре членов общества наблюдается фиксированная связь с долей соответствия между схожими вещами и явлениями, например: 1) 贝加尔湖 / озеро Байкал → глубокое; 2) 森林 / лес → грибы; 3) 大雪 / снег → белый; 4) 天鹅湖 / «Лебединое озеро» → любовь.

Также обнаружены абсолютно разные группы. В ходе эксперименты выявлен *совершенно другой тип*, согласно которому установлены различия между языками и культурой членов общества в одних и тех же вещах и явлениях. Имеются существенные отличия, например: 1) 熊 / медведь → лес, мед, берлога (российские участники), медведь → Арктика, лед, громоздкий (китайские участники); 2) 白桦树 / береза → весна, девушка, молодая (российские участники), береза → дерево, высокий, песня (китайские участники); 3) 伏特加 / водка → пить, спит, стакан (российские участники), водка → Россия, градус, алкоголик (китайские участники).

Таким образом, наблюдаются сходства и различия в стереотипах российской национальной культуры в китайском и российском народах.

Несомненно, каждый язык является коллективной частью разума народа и отражает уникальную сущность культуры нации. За время своего долгого развития и трансформации мировоззрение формируется, язык становится постепенно устойчивым. Между тем модель мышления, когнитивные модели и модель поведения — «стабильные». Однако с влиянием культурных стереотипов в рамках межкультурных отношений люди не всегда рационально оценивают явления культуры, стиля жизни, стандартов поведения и норм. Такое явление, как правило, не приводит к успешной межкультурной коммуникации и человек чувствует себя изолированным. Сходства культурных стереотипов людей разных народов и умелое использование их особенностей повышают эффективность межкультурной коммуникации более осведомленной стороны. Как показало данное исследование, межкультурная коммуникация участников эксперимента может быть успешной, так как из 10 слов, предложенных респондентам, только в трех группах слов наблюдаются абсолютные различия.

Список литературы

1. Алефиренко, Н. Ф. Современные проблемы науки о языке / Н. Ф. Алефиренко. — М., 2005.
2. Ли Сяндун. Исследования современного русского языка и культуры / Ли Сяндун, Ян Сюэце, Чэнь Гэ. — Пекин, 2012.
3. Ольшанский, Д. В. Психология массы / Д. В. Ольшанский. — СПб., 2001.
4. Чэнь Лу. Сравнение стереотипов национальной культуры России и Китая / Чэнь Лу. — Пекин, 2011.
5. Крушевский, Н. В. Очерк науки о языке / Н. В. Крушевский. — М., 2011.
6. Нечаевой, С. А. Роль культурных стереотипов в ситуации межличностного конфликта / С. А. Нечаевой. — Волгоград, 2004.
7. Липпман, У. Общественное мнение / У. Липпман. — М., 2004.

Сведения об авторе

Лю Чаоце — аспирант, Южно-Уральский государственный университет, секретарь международного отдела, Чжэцзянский океанический университет. Челябинск, Россия. liuwillam666888@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2017. No. 12 (408). *Philology Sciences. Iss. 110. Pp. 116—122.*

THE COMPARISON OF RUSSIA'S NATIONAL CULTURAL STEREOTYPES BETWEEN CHINESE PEOPLE AND RUSSIA PEOPLE (based on the data analysis of 400 questionnaires in Zhejiang Ocean University China and South Ural State University Russia)

Liu Chaojie

South Ural State University, Chelyabinsk, Russia. liuwillam666888@mail.ru

In the Sino-Russian intercultural communication, knowing cultural stereotypes well helps to understand the existing cultural phenomena, strictly follow the national behavior standards and norms, and seek common in-

terests in different ideologies, which contributes to the development of intercultural communication. If people from different countries communicate with each other, without considering the stereotypes of national culture, their cross cultural communication is inappropriate and ineffective. Based on the analysis of 200 questionnaires of students in Zhejiang Ocean University (China) and 200 questionnaires of students in South Ural state University, the article aims to make comparisons on the Russia national cultural stereotypes between Chinese people and Russian people to promote the Sino-Russian intercultural communication.

Keywords: *Intercultural communication, stereotypes of national culture, questionnaire, association, respondent.*

References

1. Alefirenko N.F. *Sovremennye problemy nauki o jazyke* [The Contemporary Scientific Research Problems on Linguistic]. Moscow, 2005. (In Russ.).
2. Li Xiangdong, Yang Xiujie, Chen Ge. *Issledovanija sovremennogo russkogo jazyka i kul'tury* [Studies on Contemporary Russian Language and Culture]. Beijing, 2012. (In Russ.).
3. Olshanskij D.V. *Psihologija massy* [Psychology of mass]. St. Petersburg, 2001. (In Russ.).
4. Chen Lu. *Sravnenie stereotipov nacional'noj kul'tury Rossii i Kitaja* [Research on Comparisons between Russia Cultural Stereotypes and Chinese Cultural Stereotypes]. Beijing, 2011. (In Russ.).
5. Krushevsky N.V. *Ocherk nauki o jazyke* [Essay on the science of language]. Moscow, 2011. (In Russ.).
6. Nechaeva S.A. *Rol' kul'turnyh stereotipov v situacii mezhlichnostnogo konflikta* [The role of cultural stereotypes in the situation of interpersonal conflict]. Volgograd, 2004. (In Russ.).
7. Lippman W. *Obshhestvennoe mnenie* [Public opinion]. Moscow, 2004. (In Russ.).

УДК 81

ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ ИМПЕРАТИВНОЙ СЕМАНТИКИ В ТЕКСТОВЫХ ЖАНРАХ РУССКОГО ДИДАКТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Л. А. Месеняшина, О. Ю. Редькина

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Статья подготовлена при поддержке «Фонда поддержки молодых ученых»
ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет»

В статье рассматривается проблема ограничений, накладываемых типом дискурса, речевыми жанрами и жанровыми формантами, на выражение в речи определенных прагматических значений. Исследуется своеобразие выражения императивной семантики в русском дидактическом дискурсе. Работа выполнена на материале учебных изданий различной жанровой принадлежности, используемых в обучении русскому языку как иностранному на довузовском этапе. Установлены различия в способах выражения императивной семантики в зависимости от жанров и жанровых формантов учебных текстов.

Ключевые слова: *дидактический дискурс, речевой жанр, жанровый формант, речевое воздействие, императив.*

Задача настоящей статьи — рассмотреть ограничения, которые накладывает дидактический дискурс на выражение функции побуждения. Актуальность такой задачи обусловлена «методологическим порядком изучения языка», согласно которому на первом шаге следует обратить внимание на «формы и типы речевого взаимодействия в связи с конкретными условиями его», на втором — на «формы отдельных высказываний, отдельных речевых выступлений в тесной связи со взаимодействием, элементами которого они являются, то есть определяемые речевым взаимодействием, жанры речевых выступлений в жизни и в идеологическом творчестве»; и, наконец, на третьем шаге «пересмотр форм языка в их обычной лингвистической трактовке» [4. С. 105].

Признаками, позволяющими выделить дидактический дискурс среди остальных типов дискурса, являются коммуникативные роли учителя и ученика, реализуемые в пределах учебного заведения, и использование научных текстов в качестве прецедентных феноменов. Речевое взаимодействие в рамках дидактического дискурса может происходить как непосредственно, так и опосредованно, при помощи специфических текстов, которые расширяют материал, объясняемый учителем, актуализируют информацию на конкретных примерах и так далее. Дидактический дискурс, как известно, может быть реализован и дистантно. В таком случае устанавливается одностороннее речевое взаимодействие между учебным изданием и учеником. Следовательно, тексты, которые выступают посредниками между учителем

и учеником или заменяют учителя и решают некоторые задачи дидактической коммуникативной ситуации, входят в число компонентов дидактического речевого взаимодействия наравне с его основными участниками [9]. Под текстами же, вслед за В. Г. Адмони, мы понимаем высказывания, рассчитанные на воспроизведение [1].

Напомним, что дидактический дискурс представляет собой сложную систему, структурообразующим элементом которой является образовательный стандарт, «задающий» правила общения между базовыми участниками коммуникации — учителем и учеником, — а также формирующий содержательный минимум программ и методическую основу для их успешного освоения. Таким образом, стандарт подчиняет себе весь процесс обучения и является отправной точкой для формирования комплекса текстовых жанров, необходимых для успешного обучения и изучения дисциплины: методических текстов, предназначенных для учителя, и учебных текстов, предназначенных для ученика. Первые представлены жанром учебно-методического пособия и его разновидностями; вторые — жанрами учебника, учебного пособия, рабочей тетради и другими. Стоит отметить, что приведенная классификация жанров дидактического дискурса носит достаточно условный характер, поскольку разграничение учебных и методических текстов может быть проведено и на уровне внутренней структуры жанра [9].

Анализ структуры дидактического дискурса, проведенный с учетом текстового комплекса,

используемого для обучения, показал, что в зависимости от того, в контактной или дистантной форме осуществляется дидактический дискурс, меняется состав участников коммуникации и их роли. Контактная форма реализации дидактического дискурса (рис. 1) предполагает осуществление коммуникации учителя и ученика при помощи учебного комплекта, включающего тексты, адресованные ученику, и тексты, адресованные учителю. Каждый из участников дидактической коммуникации выполняет свою функцию.

В случае же дистантной формы осуществления дидактического дискурса, элиминирующей учителя из коммуникативного взаимодействия, такие функции, как организация и структурирование учебного процесса, передача знаний уче-

нику, осуществление контроля и оценивания, переходят к другим компонентам дидактического РВ, а именно к методическим и учебным текстам (рис. 2). При этом степень значимости отдельных жанров методического текста (таких как дидактические материалы, поурочные разработки, методические рекомендации и других) снижается, поскольку метадидактическая функция текста и функции учителя по организации учебного процесса, контроля и оценивания частично реализуются в пределах жанров учебного текста. Реализация может быть осуществлена 1) эксплицитно, в виде специализированных композиционных элементов, например, текстов-инструкций, предисловия, методической записки, раздела «От автора» и т. п., 2) имплицитно, на уровне

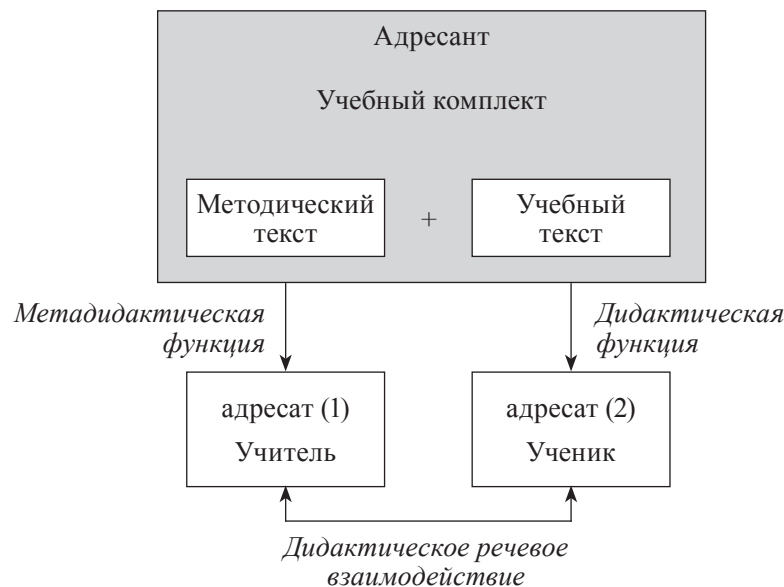

Рис. 1. Дидактический тип речевого взаимодействия, реализуемого в контактной форме

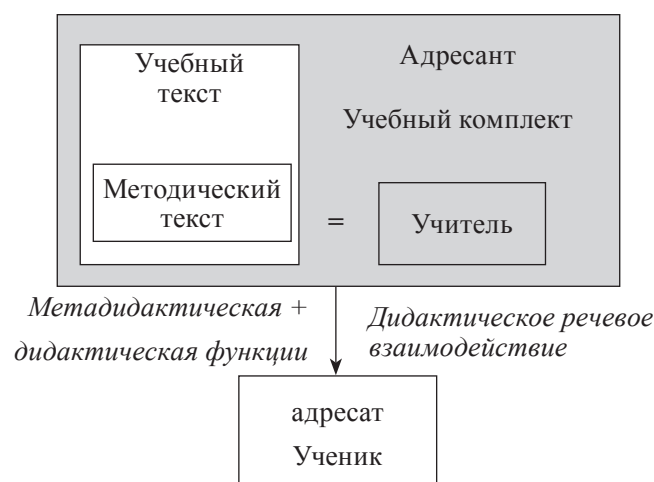

Рис. 2. Дидактический тип речевого взаимодействия, реализуемого в дистантной форме

композиции, а также в виде обращений к читателю, ссылок на другие разделы или источники из учебно-методического комплекса (рабочую тетрадь, словарь и пр.). Дидактическое речевое взаимодействие приобретает однонаправленный характер [10].

Таким образом, привычная схема «адресат-ученик, адресант-учитель» дополняется новым участником коммуникации — учебным комплектом, представленным методическими и учебными текстами. Методические тексты адресованы учителю и предназначены для изложения рекомендаций по организации учебного процесса и формирования комплекса контрольных и оценочных средств. Основной функцией учебных текстов является передача ученику общепринятых положений дисциплины. При этом учебный комплект становится адресантом, а учитель и ученик — адресатами. Это допущение носит условный характер. У учебного комплекта имеется автор, а чаще — целый авторский коллектив. Но в рамках дидактического дискурса персональный образ адресанта совершенно нерелевантен, «стремится к нулю», настолько, что его можно «слить» с «сообщением», таким образом, учебный комплект как компонент коммуникации в дидактическом дискурсе соединяет в себе функции и сообщения, и адресанта.

Исходя из описанных выше задач, поставленных перед учебным комплектом, можно предположить, что одной из его основных функций является воздействие на адресатов: конативная функция в терминологии Р. О. Якобсона [16]. Е. В. Шелестюк выделяет «три способа речевого воздействия: убеждение, внушение и побуждение (волеизъявление), которым соответствует ряд типов и приемов речевого воздействия» [15. С. 55]. В рамках задач настоящей работы наибольший интерес для нас представляет последний способ — побуждение. Речевые акты, выражающие этот способ речевого воздействия, описаны достаточно подробно. В широко известном труде В. С. Храковского и А. П. Володина «Семантика и типология императива. Русский императив» указывается: «Императив (как и вокатив в сфере имени) является формой речевого акта, характеризующей факт сообщения, тогда как формы остальных наклонений характеризуют сообщаемый факт» [14. С. 87]. Е. А. Филатова, со ссылкой на Д. А. Штелинга, определяет императив «как системно организованные апеллятивные средства языка» и отмечает его связь с побуди-

тельными, или директивными речевыми актами [13. С. 186]. Л. Л. Федорова, выделяя тип волеизъявления среди разнообразных типов речевого воздействия, различает акции и реакции волеизъявления. К акциям (по мере убывания интенсивности воздействия) отнесены приказ, повеление, призыв, агитация, указание, убеждение, совет, предложение, просьба (просьба о разрешении и просьба о сообщении информации), пожелание. К реакциям — согласие, несогласие, возражение, отказ, разрешение, запрет [12]. К предмету настоящего исследования реакции отношения не имеют. Рассмотрим, какие из перечисленных акций реализуются в учебных и методических текстах, предназначенных для обучения русскому языку как иностранному, и какие формы для этого используются.

Как правило, значение побуждения выражается в блоке текстов-инструкций. Наиболее частотными формами выражения побуждения, характеризующими учебный текст, являются акции предложения, выраженные глаголом в форме императива или инфинитива с императивной семантикой (побуждение к действию), и вопрос (побуждение к речи), чаще всего представленные в жанровом форманте «формулировка задания». Например:

Пример 1. *Прочитайте* отрывок из стихотворения С. Михалкова «А что у вас?». *Напишете*, кем работают мамы детей [8. С. 8] [здесь и далее выделено нами. — Л. М., О. Р.].

Пример 2. Какие вопросы вы зададите экскурсоводу во время экскурсии по Кремлю? Используйте слова: находится, формируется, называется, расположен [11. С. 10].

Кроме того, речевое взаимодействие, реализуемое между отправителем текста и учеником, подразумевает необходимость минимизировать дистанцию с адресатом, создать «эффект присутствия». Поэтому используются формы «инклюзивного множественного», предназначенные «для привлечения адресата к осмыслению фактов и выполнению совместных процедур анализа, подключения адресата к совместному поиску решения задач науки» [7]: формы 1 л. мн. ч., 2 л. мн. ч., а также модальные слова со значением необходимости, неизбежности, возможности действия.

Пример 3. УРОК 5 (пятый урок). *Учимся* произносить и называть.

Учимся спрашивать и отвечать: Когда? Как? (наречие) [3. С. 66].

Пример 4. *Вы хотите* разместить информацию о себе в Интернете. Что вы напишете? [8. С. 12].

Пример 5. Игра «Телефон». Сообщите вашему партнёру на ухо номер телефона, он говорит этот номер своему партнеру и так далее. Последний в цепочке *должен* сказать этот номер вслух. Проверьте, правильный ли он [6. С. 18].

Другими жанровыми формантами, в которых побуждение представлено перечисленными формами, являются предисловие к учебному изданию, изложение теории, названия разделов. Попытка включить адресата в совместный процесс познания наравне с использованием эмоционально окрашенной лексики, восклицательных конструкций формирует образ отправителя текста — «учителя».

В отличие от учебных, методические тексты характеризуются иерархичностью адресата: содержание методических текстов предназначено для учителя, который обрабатывает его в зависимости от задач дидактического речевого взаимодействия и передает ученику. Следовательно, первым адресатом является учитель, вторым — ученик. Речевое взаимодействие между отправителем текста и учителем подразумевает общение равных коммуникантов, поэтому методические тексты обладают подчеркнуто нейтральной тональностью. В методических текстах преобладают безличные и неопределенно-личные конструкции, изъявительное наклонение, формы настоящего времени; адресат и адресант упоминаются только в третьем лице. Использование этих форм обуславливает изменения в способах реализации конативной функции: если в учебных текстах преобладает императивная модальность, то методические тексты обладают потенциальной, оптативной модальностью. Потенциальная модальность в строгом смысле побуждением не является. Однако с модальностью побуждения

ее объединяет значение ирреальности. На глубокую внутреннюю связь императива с ирреальной модальностью указывает и Е. А. Филатова [13. С. 187].

Пример 6. Пособие *может быть* использовано как при работе под руководством преподавателя, так и при самостоятельном изучении языка [2. С. 4].

Пример 7. Пособие состоит из 13 уроков, включающих основные разговорные темы, которые представлены в виде диалогов, максимально (насколько позволяют цели обучения) приближенных к речи современных носителей языка. Вокруг диалогов группируются системы коммуникативных и лексико-грамматических заданий, которые подразумевают многократное обращение учащегося к тексту диалога [5. С. 3].

Второй адресат (ученик) предполагает наличие формулировок, обращенных непосредственно к нему: вопросов и заданий, в основу которых положены императивные формы. Таким образом, конативная функция реализуется на двух уровнях: на уровне текста и на уровне дискурса. На уровне текста адресата-учителя побуждают структурировать содержание урока; на уровне дискурса адресата-ученика побуждают к поиску ответа, что способствует формированию навыка самоконтроля.

Таким образом, можно говорить о многообразии грамматических форм выражения побуждения; их использование решает основные задачи дидактической коммуникации в процессе обучения русскому языку как иностранному. Вместе с тем из множества форм выражения конативной функции в языке текстовые жанры дидактического дискурса выбирают «умеренные» формы побуждения: предложение, просьбу, пожелание или просто потенциальную модальность.

Список литературы

1. Адмони, В. Г. Грамматика и текст / В. Г. Адмони // *Вопр. языкознания*. — 1985. — № 1. — С. 63–69.
2. Барыкина, А. Н. Как образуются прилагательные : учеб. пособие / А. Н. Барыкина, В. В. Добровольская. — СПб., 2002. — 136 с.
3. Вардзелашвили, Ж. Это я! Элементарный уровень : учебник / Ж. Вардзелашвили. — Тбилиси, 2010. — 164 с.
4. Волошинов, В. Н. (М. М. Бахтин). Марксизм и философия языка / В. Н. Волошинов. — М., 1993. — 189 с.
5. *Говорим по-русски без переводчика : интенсивный курс по развитию навыков устной речи* / под ред. Л. С. Крючкова, Л. А. Дунаева. — 8-е изд. — М., 2010. — 176 с.
6. Ермаченкова, В. С. Слово: пособие по лексике и разговорной практике / В. С. Ермаченкова. — СПб., 2006. — 208 с.

7. Ковалев, Н. С. О соотношении коммуникативных установок автора и адресата в учебном тексте / Н. С. Ковалев, З. А. Коровина // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер. 2: Языкознание. — 2010. — № 2 (12). — С. 19–26.
8. Миллер, Л. В. Жили-были... 28 уроков русского языка для начинающих : рабочая тетрадь. — СПб., 2012. — 116 с.
9. Редькина, О. Ю. Функциональный подход к типологии жанров дидактического дискурса : дис. ... канд. филол. наук / О. Ю. Редькина. — Челябинск, 2017. — 223 с.
10. Редькина, О. Ю. Характер соотношения языковых функций в рамках дидактического дискурса / О. Ю. Редькина, В. С. Захаров // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2016. — № 7 (389). Филол. науки. Вып. 101. — С. 60–64.
11. Семь прогулок по Москве : учеб. видеофильм для изучающих рус. яз. Тексты и упражнения / Ю. Е. Прохоров, А. В. Голубева. — СПб., 2008. — 64 с.
12. Федорова, Л. Л. Типология речевого воздействия и его место в структуре общения / Л. Л. Федорова // Вопр. языкознания. — 1991. — № 6. — С. 46–50.
13. Филатова, Е. А. Секреты русского императива. К вопросу о профессиональной компетенции преподавателя РКИ / Е. А. Филатова // Актуальные проблемы обучения русскому языку как иностранному и русскому языку как неродному : сб. ст. / под ред. Л. С. Крючковой. — М., 2017. — С. 184–188.
14. Храковский, В. С. Семантика и типология императива. Русский императив / В. С. Храковский, А. П. Володин. — Л., 1986. — 270 с.
15. Шелестюк, Е. В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования / Е. В. Шелестюк. — М., 2014.
16. Якобсон, Р. О. Лингвистика и поэтика / Р. О. Якобсон // Структурализм: за и против. — М., 1975. — С. 193–230.

Сведения об авторах

Месеняшина Людмила Александровна — кандидат филологических наук, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и литературы, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. mesenyashing@mail.ru

Редькина Ольга Юрьевна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка и литературы, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. filolchen@gmail.com

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2017. No. 12 (408). Philology Sciences. Iss. 110. Pp. 123–128.

PECULIARITIES OF EXPRESSING IMPERATIVE SEMANTICS IN THE TEXT GENRES OF RUSSIAN DIDACTIC DISCOURSE

L. A. Mesenyashiha

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. mesenyashing@mail.ru

O. Yu. Redkina

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. filolchen@gmail.com

The article focuses upon the problem of restrictions of discourse type, speech genres and genre formants upon the expression of some pragmatic meanings in speech. Peculiarities of the expressing imperative semantics in Russian didactic discourse are studied. The basis of study is educational publications of different genres used for teaching Russian as a foreign language before high school. Distinctions in the ways of expressing imperative semantics depending on genres and genre formants of educational texts are found.

Keywords: *didactic discourse, speech genres, genre formants, speech interaction, imperative semantics.*

References

1. Admoni V.G. Grammatika i tekst [Grammar and text]. *Voprosy jazykoznanija* [Questions of Linguistics], 1985, no. 1, pp. 63–69. (In Russ.).

2. Barykina A.N., Dobrovol'skaja V.V. *Kak obrazujutsja prilagatel'nye* [How adjectives are formed]. St. Petersburg, 2002. 136 p. (In Russ.).
3. Vardzelashvili Zh. *Jeto ja!* [It's me]. Tbilisi, 2010. 164 p. (In Russ.).
4. Voloshinov V.N. (*M.M. Bahtin*) *Marksizm i filosofija jazyka* [M.M. Bakhtin) Marxism and the Philosophy of Language]. Moscow, 1993. 189 p. (In Russ.).
5. Krjuchkova L.S., Dunaeva L.A. (eds.). *Govorim po-russki bez perevodchika* [We speak Russian without an interpreter]. Moscow, 2010. 176 p. (In Russ.).
6. Ermachenkova V.S. *Slovo* [Word]. St. Petersburg, 2006. 208 p. (In Russ.).
7. Kovalev N.S., Korovina Z.A. O sootnoshenii kommunikativnyh ustanovok avtora i adresata v uchebnom tekste [On the relationship between the communicative attitudes of the author and the addressee in the text of the text]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Volgograd State University], 2010, no. 2 (12), pp. 19–26. (In Russ.).
8. Miller L.V. *Zhili-byli... 28 urokov russkogo jazyka dlja nachinajushhih* [Once upon a time... 28 lessons of Russian for beginners]. St. Petersburg, 2012. 116 p. (In Russ.).
9. Red'kina O.Ju. *Funkcional'nyj podhod k tipologii zhanrov didakticheskogo diskursa* [Functional approach to typology of genres of didactic discourse]. Chelyabinsk, 2017. 223 p. (In Russ.).
10. Red'kina O.Ju., Zaharov V.S. Harakter sootnoshenija jazykovykh funkcij v ramkah didakticheskogo diskursa [The character of the correlation of language functions in the framework of didactic discourse]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2016, no. 7 (389), iss. 101, pp. 60–64. (In Russ.).
11. Prohorov Ju.E., Golubeva A.V. *Sem' progulok po Moskve* [Seven walks in Moscow]. St. Petersburg, 2008. 64 p. (In Russ.).
12. Fedorova L.L. Tipologija rechevogo vozdejstvija i ego mesto v strukture obshhenija [Typology of speech influence and its place in the structure of communication]. *Voprosy jazykoznanija* [Questions of Linguistics], 1991, no. 6, pp. 46–50. (In Russ.).
13. Filatova E.A. Sekrety russkogo imperativa. K voprosu o professional'noj kompetencii prepodavatelja RKI [Secrets of the Russian imperative. On the issue of the professional competence of the teacher of Russian as a foreign language]. Krjuchkova L.S. (ed.). *Aktual'nye problemy obuchenija russkomu jazyku kak inostrannomu i russkomu jazyku kak nerodnomu* [Actual problems of teaching the Russian language as a foreign language and the Russian language as a non-native]. Moscow, 2017. Pp. 184–188. (In Russ.).
14. Hrakovskij V.S., Volodin A.P. *Semantika i tipologija imperativa. Russkij imperativ* [Semantics and Typology of the Imperative. The Russian Imperative]. Leningrad, 1986. 270 p. (In Russ.).
15. Shelestjuk E.V. *Rechevoe vozdejstvie: ontologija i metodologija issledovanija* [Speech influence: ontology and methodology of the study]. Moscow, 2014. (In Russ.).
16. Jakobson R.O. Lingvistika i pojetika [Linguistics and Poetics]. *Strukturalizm: za i protiv* [Structuralism: Pros and Cons]. Moscow, 1975. Pp. 193–230. (In Russ.).

УДК 009

АНАЛИЗ КОММУНИКАТИВНОЙ АКТИВНОСТИ ПРОТЕСТНЫХ ГРУПП В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ МЕТОДАМИ МАТЕМАТИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ

А. А. Морозова, К. Н. Кальярова

Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия

Исследование проведено за счет гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых МК 7210.2016.6

В статье рассматривается проблема изучения социальных сетей как площадки для координации протестных движений. Анализируется возможность применения на практике методов математического моделирования, реализованных в современном программном обеспечении для исследования онлайн-сообществ. На примере построения и изучения графа группы в социальной сети «ВКонтакте» «СТОП ГОК/Группа по проблеме Томинского ГОКа» демонстрируется эффективность выбранной методики.

Ключевые слова: математическое моделирование, протестные движения, социальные медиа, социальные сети, теория графов.

Термин «социальные сети» значим не только для специалистов, связанных с цифровой коммуникацией, но и для обширного круга исследователей, в фокусе внимания которых оказывается общение людей в самом широком смысле, так как оно стало играть заметную роль в политической, культурной сферах, влиять на общественное мнение. Как пишет Д. В. Руденок, «социальная сеть на данный момент представляет собой не просто глобальную виртуальную площадку для общения, но еще и платформу для внедрения интерактивных медиатехнологий, которая играет огромную роль в формировании общественного мнения и современного информационного пространства в целом» [7. С. 86–87]. Возникает потребность исследовать коммуникативное поведение пользователей социальных сетей, объяснить его риски и эффекты. Однако обнаруживается проблема выработки методологии исследований и использования конкретных методов для изучения поведения пользователей.

Сегодня появляются новые методы изучения социальной деятельности различных субъектов, позволяющие обрабатывать большие данные: корпусная лингвистика, математическое моделирование. Разновидностью последнего является сетевое моделирование. В основе сетевого моделирования социальных процессов лежит отдельная философия анализа данных, которая позволяет для решения социологических задач комбинировать различные математические подходы: статистические, кибернетические, си-

стемные, имитационные. Сетевой анализ помогает моделировать структурные взаимодействия между социальными единицами: людьми, коллективами, организациями. Анализ социальных сетей сегодня широко применяется в экономике и управлении, в социологии, в медицине (например, при изучении путей распространения инфекционных заболеваний), в криминалистике (террористические сети, сети распространения наркотиков и т. п.) [3].

Обратившись к российскому опыту и вспомнив электоральный цикл 2011–2012 гг., сможем проанализировать, какую роль социальные медиа сыграли в продвижении протестных настроений.

Из-за отсутствия полноценных конкурентных выборов и при фактическом запрете на создание новых партий значительная часть российских идеологически ориентированных политиков была лишена возможности строить стандартную политическую карьеру, превратившись в партийных активистов. Оппозиционеры, лишившись возможности осуществлять коммуникацию с электоратом посредством традиционных СМИ, были вынуждены искать другие формы взаимодействия. Вместо подготовки к следующим выборам и работы с избирателями активисты занялись формированием протестного электората посредством социальных медиа и сетей, которые в меньшей степени подвергаются жесткой цензуре со стороны официальных властей. В социальных сетях стали появляться организации, состоящие из одних активистов без общепризнанных

лидеров. В них бурлила жизнь, стала складываться сложная система напряженных межличностных взаимоотношений, возникали и разрешались конфликты, по итогам горячих дебатов принимались принципиальные резолюции, проходили конкурентные выборы. Иначе говоря, здесь присутствовали почти все атрибуты той же политической игры, что и в традиционном пространстве, с той разницей, что деятельность в социальных сетях не требовала серьезных денежных вложений и организационных мероприятий, а внешний мир не проявлял к этим событиям особого интереса.

На первых этапах широкого внедрения протестных настроений в сознание пользователей российского Интернета активисты заручились поддержкой довольно значительного числа сторонников. Аккумулируя общественный протест в сетевых сообществах, постоянно поддерживая высокий градус социального негодования участников, оппозиционерам удалось расширить аудиторию своих сторонников. В эти группы стали вступать не столько политически ангажированные, сколько социально активные люди, склонные к критичному отношению.

Одновременно в «не-цифровой» реальности для привлечения внимания онлайн и оффлайн-СМИ, значит, и наибольшего числа сторонников, активисты стремились к созданию как можно большего числа информационных поводов. Эту задачу они выполняли с помощью классических PR-методов: устраивали пресс-конференции, дискуссии, опросы, расследования и так далее. Одним из самых эффективных способов создания информационного повода является проведение специального события (event), который впоследствии перерос в целую информационно-организационную индустрию. Митинги, шествия, «гуляния» стали очень эффективным способом попасть в новостную повестку дня.

В то же время пространство российского политического Интернета изобилует резкими оппозиционными высказываниями различного толка. Политические аналитики нередко метафорически описывают противостояние между «партиями Интернета» и «партиями телевизора». Очевидно, что доступ к сети Интернет в России первоначально получили относительно молодые и преуспевающие жители мегаполисов. Именно эта часть российских граждан предъявляла спрос на политическую свободу. Благодаря тому, что культура протеста превратилась в социальный мар-

кер, в нее рванули сотни и тысячи «околополитических» граждан. Однако до недавнего времени у «партии Интернета» не было подходящего формата для организации коллективных действий.

Первым и наиболее успешным протестным интернет-движением можно считать проект «РосПил» Алексея Навального. В поддержку проекта, помимо основной интернет-платформы на сайте <http://rospil.info>, были созданы сообщества в самых популярных социальных сетях России. Сторонникам А. Навального удалось охватить все основные каналы распространения информации в социальных сетях, рассчитанные на разные целевые аудитории. Тем самым Алексей Навальный убедительно продемонстрировал, что оставшиеся неподконтрольными государственной власти сегменты коммуникационного пространства предоставляют достаточный простор для формирования эффективных сетевых политических проектов [6].

Таким образом, одной из целей мониторинга социальных сетей является анализ процессов, происходящих в обществе и получающих отражение в виртуальном пространстве. Иногда онлайн-активность, напротив, предшествует событиям, которые случаются в реальной жизни. Так происходит, например, с организацией протестных акций. Социальные сети служат платформой для мобилизации людей и координации их совместных действий. Как ведется эта работа? Какие приемы используют активисты для привлечения внимания широкого круга пользователей? Каким образом выстраивается разветвленная сеть протестующих, по каким показателям ее можно оценить? Эти вопросы являются актуальными для исследования. Мы остановимся на последней озвученной проблеме — создании модели социальных связей между участниками социальной виртуальной группы и выявлении качественных и количественных характеристик сети.

Поставленная нами задача может быть решена благодаря применению теории графов, которая сформировалась на стыке дискретной математики и социологии. Ее принцип лежит в основе социальных сетей. Социальный граф представляет собой множество вершин-участников сети и социальные связи между ними. С помощью различных алгоритмов можно определить количественные и качественные метрики, позволяющие провести всеобъемлющий анализ социальной сети [4].

Процесс моделирования состоит из двух этапов. Первый этап — сбор необходимой инфор-

мации с помощью специальных программ или интернет-сервисов. Для решения этой задачи мы воспользовались программой VK Miner, которую разработали специалисты Санкт-Петербургского филиала Высшей школы экономики.

Программа работает по принципу поискового робота. Сначала она сохраняет список уникальных номеров страниц пользователей, находящихся в группе. Затем анализирует перечень «друзей» каждого человека и выясняет, кто из членов сообщества связан «дружескими» отношениями. Впоследствии выстраивается разветвленная сеть, состоящая из узлов-пользователей и ребер-связей между ними.

В качестве площадки для ведения активной деятельности многие протестные движения и активисты выбирают социальную сеть «ВКонтакте». Это объясняется несколькими причинами. Самый главный фактор, согласно данным, указанным на странице администрации сайта: «ВКонтакте — самый посещаемый ресурс русскоязычного сегмента сети Интернет. Каждый день на сайт заходят более 95 миллионов человек, всего зарегистрировано более 340 миллионов пользователей» [1]. По информации другого источника: «При этом в России «ВКонтакте» находится на первом месте среди всех посещаемых сайтов» [2]. Таким образом, для инициаторов протестных движений открыт безграничный доступ к электоральному ресурсу в виде пользователей популярнейшей социальной сети в России.

С другой стороны, сами пользователи ведут активную коммуникативную деятельность, так как социальная сеть «ВКонтакте» предоставляет им следующие возможности для формирования социальных связей:

- декларированное членство (вступление в группу или подписка на страницу);
- разнообразные виды коммуникации через контент (посты, комментарии, лайки);
- взаимное признание через добавление в друзья или одностороннее через добавление в подписчики [5].

Мы можем говорить, что внутри сообщества возникает особая социальная структура, происходит ее институционализация: «Массовые социальные сети наподобие ВКонтакте образовали собственную медиасреду: по мере роста аудитории и ее массовизации институционально оформились средства массовой информации — сообщества (группы и паблики)» [8].

Социальная структура сообществ может быть представлена в виде карты сетей виртуальной

«дружбы» участников сообщества с обозначением различных видов и уровней их контентной активности. Анализ таких карт, в частности, соответствия центральности в сети и активности участников, а также связи структур групп с их целями, позволят лучше понять природу этих сообществ и те формы социальности, которые эти группы порождают и поддерживают.

С помощью программы VK Miner мы получили большой корпус данных об отношениях между членами протестной группы «СТОП ГОК/Группа по проблеме Томинского ГОКа». На момент сбора информации (28.08.2017) в сообществе состояло 26 тыс. 788 человек. Данные были загружены в программы Gephi и Pajek, которые могут анализировать и визуализировать полученную информацию. У нас получилась сеть с 26788 узлами и 472996 ребрами — «дружескими» связями между пользователями. Первая количественная характеристика говорит о достаточно высокой степени популярности движения «СТОП ГОК». Однако можно согласиться с мыслью американского исследователя Роберта Меткалфа о том, что для коммуникационной сети ценность пропорциональна количеству связей, а не количеству участников [10].

Как правило, первый шаг в сетевом анализе — визуализация. Визуализированные графы — это наиболее приемлемые модели для быстрого распознавания образов. Они могут рассказать смотрящему человеку, какие узлы являются ближайшими, по какой причине и где можно найти плотные кластеры активности. Социальный граф изучаемого сообщества, построенный с помощью программы Gephi, можно увидеть на рис. 1.

На рисунке видно, что социальная сеть неоднородна. Она состоит из кластеров разного размера

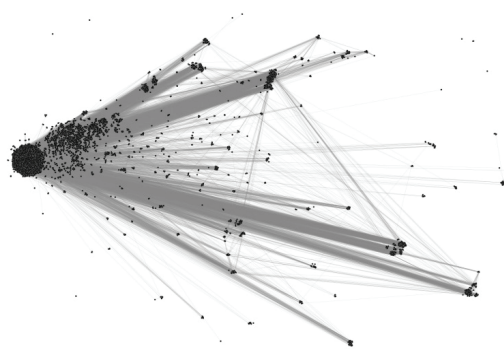

Рис. 1. Социальный граф сообщества «СТОП ГОК/Группа по проблеме Томинского ГОКа»

и плотности. Подмножество вершин графа, являющееся как внутренне устойчивым, так и внешне устойчивым, называется ядром. Ядро графа — это максимально независимое и минимально доминирующее множество людей. Ядро — это пользователи, объединенные наличием «дружеских» связей, но не имеющие таких связей между собой. На периферии — отдельные сообщества людей, которые составляют изолированные группы. Изучение причин образования кластеров в данной группе — актуальная задача для более углубленного исследования [3; 4]. Для этого следует вручную изучить страницы «изолянтов», чтобы понять, что их объединяет.

Использование математических методов, алгоритмы которых реализованы в программном обеспечении Pajek, дают значительно больше материала для анализа. В данной статье мы рассмотрим лишь несколько значимых метрик социальной сети. Одна из самых важных — плотность, она определяет, насколько разрежен или плотен граф, согласно числу связей на один узел. Чем больше связей между людьми, тем выше этот показатель, а значит, скорость и интенсивность распространения информации по сети будут выше [5]. Этот показатель позволяет оценить «сплоченность» группы. Можно констатировать, что социальный граф группы «СТОП ГОК/Группа по проблеме Томинского ГОКа» отличается низкой плотностью, ее показатель — 0,001 при максимуме 1. Это значит, что большая часть членов сообщества не связана прямыми «дружескими» отношениями. Следовательно, их объединяют не личные связи, а наличие общих интересов и цели. Можно отметить, что при низкой плотности сети эффективность распространения информации будет выше, так как «перепосты» будут видны в новостных лентах большего количества пользователей.

Еще один показатель — модулярность сети. Ее значение равно разности между долей ребер внутри сообщества и ожидаемой доли связей, если бы ребра были размещены случайно. Модулярность дает возможность эффективно пересчитывать при небольших изменениях в кластерах. Коэффициент позволяет выявить в структуре графа подграфы — сообщества или группы пользователей. Показатель в изучаемом сообществе также оказался достаточно низким — 0,3. Однако, по мнению исследователей М. Ньюмана и М. Гирвана, на практике значение модулярности, лежащее в диапазоне от 0,3 до 0,7, означает, что сеть имеет вполне различимую структуру с

сообществами, и применение алгоритма обнаружения групп имеет смысл [9].

Мы планируем провести кластеризацию сети, выделить группы, объединенные по определенным признакам. Коэффициент кластеризации показывает, насколько сильно вершины склонны образовывать группы, которые характеризуются тем, что вершины, входящие в одну группу, соединены между собой гораздо плотнее, чем всем остальным графом. Таким образом, можно выяснить, что разделяет и что объединяет членов группы. Также в дальнейшем мы изучим влияние лидеров мнений на группу, определим социально-демографические характеристики, проведем анализ вовлеченности участников в жизнь сообщества: создание контента, комментирование, распространение информации.

В нашем «пилотном» исследовании обратимся к изучению контента сообщества «СТОП ГОК/Группа по проблеме Томинского ГОКа». На основе полученных данных мы можем сказать, что 7 % участников сообщества квалифицируются поисковыми системами как «боты». В среднем в группе публикуется по семь постов в сутки.

Нами были определены десять самых «резонансных» постов, вызвавших наибольшее количество откликов. Качественный контент-анализ данных сообщений будет проведен на следующей стадии нашего исследования.

Также интересно проанализировать активность администраторов сообщества. Так, мы установили, что сообщения на стене группы публикуются систематически, но наблюдается зависимость от дня недели. Как видно, чаще всего посты выкладывают в воскресенье (рис. 2).

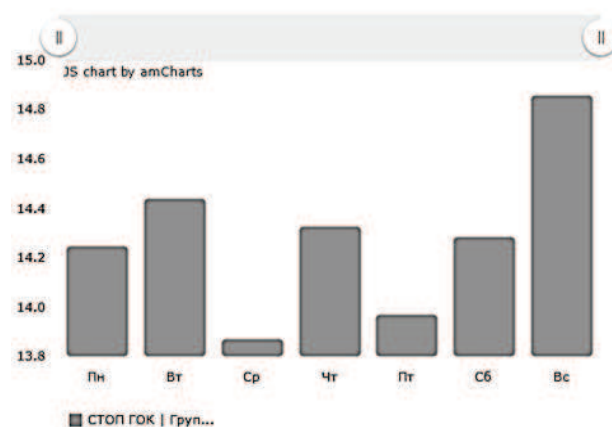

Рис. 2. График недельной активности администраторов группы «Рабочая группа по проблеме Томинского ГОКа»

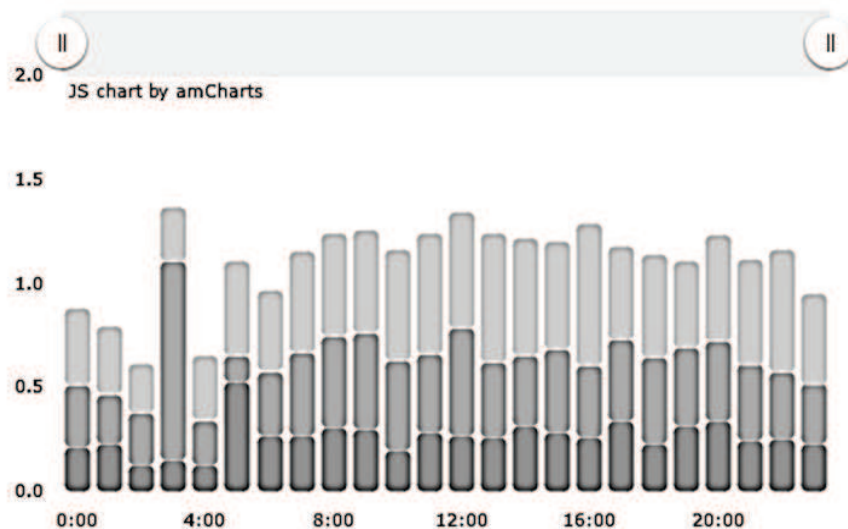

Рис. 3. График почасовой активности администраторов группы «Рабочая группа по проблеме Томинского ГОКа»

Проанализировав время публикаций, мы проследили определенную закономерность. Явно видна системность в размещении сообщений. Большинство «постов» выкладывается в 20.00, 16.00, в 12.00 и в 3 утра — утренние новости в ленте перед началом рабочего дня, обеденный перерыв, середина дня и прайм-тайм. К слову, именно эти промежутки времени считаются наиболее эффективными для работы у специалистов SMM-продвижения и направлены на то, чтобы как можно большее количество пользователей увидело сообщение (рис. 3).

Также мы выяснили, что большая часть контента, размещенного в группе, — это тексты среднего и крупного формата. Такое явление нетипично для социальных сетей, пользователи которых предпочитают видеть в новостях визуальные образы и короткие подписи к ним. Можно

предположить, что авторы сообщений используют некую стратегию в своей интернет-деятельности. Выявление данной технологической составляющей их работы — одна из наших последующих исследовательских задач.

Таким образом, используя метод сетевого моделирования, мы получили количественные показатели активности протестных движений в социальной сети «ВКонтакте», которые демонстрируют, с одной стороны, высокую гражданскую активность пользователей, с другой стороны, свидетельствуют об использовании PR-технологий в продвижении определенных идей и формировании оппозиционных настроений. Возникает риск использования групп и сообществ в социальных сетях для решения конъюнктурных политических задач.

Список литературы

1. Аудитория «ВКонтакте». — URL: <https://vk.com/about>. — Дата обращения: 19.11.2017.
2. Аудитория пользователей Интернета в России в 2017 году составила 87 млн человек. — URL: <http://mediascope.net/press/news/744498/>. — Дата обращения: 19.11.2017.
3. Губанов, Д. А. Концептуальный подход к анализу онлайн-социальных сетей / Д. А. Губанов // Упр. большими системами. — 2013. — № 45. — С. 222–236.
4. Губанов, Д. А. Модели репутации и информационного управления в социальных сетях / Д. А. Губанов // Мат. теория игр и ее приложения. — 2009. — Т. 1, вып. 2. — С. 14–37.
5. Губанов, Д. А. Социальные сети: модели информационного влияния, управления и противоборства / Д. А. Губанов. — СПб., 2010. — 228 с.
6. Кальярова, К. Н. Использование pr-технологий в продвижении протестных настроений в социальных медиа / К. Н. Кальярова // Рекламное и PR-образование в условиях информационно-технологических перемен: актуальные вопросы и тренды : сб. ст. — Челябинск, 2016. — С. 202–208.

7. Руденок, Д. В. Социальные сети как источник информации / Д. В. Руденок // Вестн. электрон. и печат. СМИ. — 2016. — № 1 (24). — С. 86–99.
8. Степанов, В. А. Сообщества в социальной сети «ВКонтакте» как СМИ: особенности типологии и перспективы развития / В. А. Степанов // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя 4. Філалогія. Журналістыка. Педагагіка. — 2015. — № 2. — С. 86–90.
9. Newman, M. E. J. Finding and evaluating community structure in networks / M. E. J. Newman, M. Girvan. — URL: <https://arxiv.org/abs/cond-mat/0308217>. — Date of access: 02.09.2017.
10. Simeonov, S. Metcalfe's Law: more misunderstood than wrong? / S. Simeonov. — URL: <http://blog.simeonov.com/2006/07/26/metcalfes-law-moremisunderstood-than-wrong>. — Date of access: 02.09.2017.

Сведения об авторах

Морозова Анна Анатольевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и массовых коммуникаций, директор Учебно-научного центра медиаобразования, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. goxfan@ Rambler.ru

Кальярова Карина Нигматжановна — магистрант третьего года обучения по направлению «Журналистика» факультета журналистики, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. goxfan@ Rambler.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2017. No. 12 (408). Philology Sciences. Iss. 110. Pp. 129–135.

ANALYSES OF COMMUNICATIVE ACTIVITY OF PROTESTING GROUPS IN SOCIAL NETWORKS WITH METHODS OF MATHEMATICAL MODELING

A. A. Morozova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. roxfan@ Rambler.ru

K. N. Kalyarova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. roxfan@ Rambler.ru

The article considers the problem of studying of social nets as a platform for coordination of the protesting movements. It analyses an opportunity of applying the methods of mathematical modeling realized in contemporary software for researching of online-communities. The article demonstrates effectiveness of the methods by the example of designing and studying the graph of the group in the social net “Vkontakte” “STOP GOK/ Group on the problem of Tominsk GOK”.

Keywords: *mathematical modeling, protesting movements, social media, social nets, theory of graphs.*

References

1. *Auditoriya VKontakte* [VKontakte audience]. Available at: <http://vk.com/about>, accessed 19.11.17. (In Russ.).
2. *Auditoriya pol'zovatelej Interneta v Rossii v 2017 godu sostavila 87 mln. chelovek* [Internet users' audience in Russia in 2017 made up 87 million people]. Available at: <http://mediascope.net/press/news/744498/>, accessed 19.11.17. (In Russ.).
3. Gubanov D.A. Konceptual'nyj podhod k analizu onlajnovyh social'nyh setej [Conceptual approach to the analyses of online social nets]. *Upravlenie bol'shimi sistemami* [Management of big systems], 2013, iss. 45, pp. 222–236. (In Russ.).
4. Gubanov D.A. Modeli reputacii i informacionnogo upravlenija v social'nyh setjah [Models of reputation and informational management in social nets]. *Matematicheskaja teorija igr i ee prilozhenija* [Mathematical theory of games and its appliances], 2009, vol. 1, iss. 2, pp. 14–37. (In Russ.).
5. Gubanov D.A. *Social'nye seti: modeli informacionnogo vlijanija, upravlenija i protivoborstva* [Social nets: models of informational influence, management and struggle]. St. Petersburg, 2010. 228 p. (In Russ.).
6. Kal'jarova K.N. Ispol'zovanie pr-tehnologij v prodvizhenii protestnyh nastroenij v social'nyh media [Using pr-technologies in promoting protest moods in social media]. *Reklamnoe i PR-obrazovanie v uslovijah*

informacionno-tehnologicheskikh peremen: aktual'nye voprosy i trendy [Advertising and PR education in the context of information and technological change]. Chelyabinsk, 2016. Pp. 202–208. (In Russ.).

7. Rudenok D.V. Social'nye seti kak istochnik informacii [Social nets as a source of information]. *Vestnik ehlektronnyh i pechatnyh SMI* [Herald of digital and printed mass media], 2016, iss. 1 (24), pp. 86–99. (In Russ.).

8. Stepanov V.A. Soobshhestva v social'noj seti «VKontakte» kak SMI: osobennosti tipologii i perspektivy razvitiya [Communities in the social network “VKontakte” as media: features of typology and development prospects]. *Vesnik Belaruskaga dzjarzhaŭnaga universitjeta. Seryja 4. Filalogija. Zhurnalistyka. Pedagogika* [Bulletin of the Belarusian State University. Series 4. Philology. Journalism. Pedagogy], 2015, iss. 2, pp. 86–90. (In Belarus.).

9. Newman M.E.J., Girvan M. *Finding and evaluating community structure in networks*. Available at: <https://arxiv.org/abs/cond-mat/0308217>, accessed 02.09.2017.

10. Simeonov S. *Metcalfe's Law: more misunderstood than wrong?* [Electronic resource]. Available at: <http://blog.simeonov.com/2006/07/26/metcalfes-law-moremisunderstood-than-wrong>, accessed 02.09.2017.

УДК 81

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕФОРМАЦИЯ ЧИТАТЕЛЕЙ ГАЗЕТ (на примере фокус-групп молодежной аудитории)

Е. В. Надейкина

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02032)

Автором проведено исследование прочтения текста представителями различных профессий на примере молодежной аудитории (18–25 лет). «Перестройка» мышления отмечается даже у студентов. Студенты-журналисты адаптируют любой текст из СМИ под новость, представители математических профессий проводят связи между текстами, связанными темой, специалисты, занимающиеся естественными науками, задумываются, поймет ли написанное человек, не обладающий «специальными» знаниями.

Ключевые слова: профессиональная деформация, восприятие текста, качественная периодика, массовая периодика, элитарная пресса, технические специальности, гуманитарные специальности.

Основной критерий успешности журналистского материала — достижение аудитории. Текст, пропущенный читателем, написан в небытие. По мнению Д. Э. Коноплева, потеря читательского внимания происходит из-за обилия в публикации так называемых «слепых зон» — блоков текста, в которых снижается динамичность повествования (статистика, мнение эксперта, авторские выводы). Исследователь предполагает, что чем меньше смысловых узлов приходится на единицу текста, тем менее стройным и структурированным он оказывается для читателя [8].

Таким образом, автор, пытаясь подкрепить свое мнение в материале фактическими данными, рискует потерять читателя.

Чтобы определить, какие факторы в большей мере влияют на восприятие журналистского текста, мы провели исследование. Его целью являлось изучение этих факторов и выявление взаимосвязей между социально-демографическими характеристикам респондента и его читательским интересом.

Актуальность исследования заключается в том, что традиционные СМИ стремятся соответствовать современным требованиям к медиа в условиях их жесткой деформации. Проигрывая в оперативности, газеты должны компенсировать читательский интерес чем-то другим. Например, предоставление «комфортного» аналитического материала. Работая с текстом, читатель должен получать от него удовольствие. Это в большей мере связано с индивидуальными особенностями респондента, в число которых входят социально-демографические характеристики, такие как пол, возраст, профессиональная деформация и др.

Изучением различных аспектов данной проблемы в разные годы занимались большое количество отечественных и зарубежных ученых в области теории журналистики и средств массовой информации (А. И. Акопов, Я. Н. Засурский, С. Г. Корконосенко, Т. И. Фролова, А. Маслоу, М. Гессен, Е. Гонтмахер и др.), психологии восприятия текста (А. Р. Лурия [11], С. Л. Рубинштейн [13], В. В. Красных [10]), психологических особенностей восприятия письменной речи (З. И. Клычковой [9]), восприятия журналистских текстов (И. М. Дзялошинский [7], Е. Е. Пронина [12], Н. С. Валгина [3; 4], А. М. Шестерина [15; 16] и др).

Эмпирической базой для нашего исследования выступили 80 текстов из газет «Московский комсомолец», «Аргументы и факты», «Коммерсант», «Независимая газета» и журналов «Огонек», «Эксперт», «Наш современник» и «Знамя», поступивших в печать в 2013–2015 гг. Из всего многообразия периодики мы произвольно отобрали 2 газеты и 1 журнал из перечня качественных и массовых изданий. Среди представителей элитарной периодики (выделяемой В. В. Антроповой [1]) было выбрано 2 журнала, которые носят общественно-политический литературно-публицистический характер. Метод произвольной выборки в данном случае используется, чтобы исключить фактор авторского предпочтения к тем или иным журналам и газетам, любые экземпляры, представленные на рынке, имели равную вероятность оказаться в числе испытуемых.

Для работы с респондентами в ходе исследования использованы методы анализа, синтеза (обобщения и систематизации), сравнительный

и типологический виды анализов. Кроме того, использованы социологические методы анализа контента, случайной выборки, фокус-группы и анкетирования. Для выявления социально-демографических факторов, влияющих на восприятие аудиторией текстов печатных СМИ, использовался эмпирический метод психологического эксперимента.

Само исследование проводилось в два этапа: количественное (по методу семантического дифференциала) и качественное (с помощью фокус-групп).

Сегодня аудитория является не конечной точкой в движении масс-медийного текста, а активным участником процесса коммуникации. Действуя в рамках человекоцентрированной парадигмы [5], мы склонны воспринимать читателя как ньюсмейкера, редактора собственной повестки дня, автора постов в социальных медиа.

Насыщенность и характер такой читательской активности зависит от индивидуальных интересов респондента и уровня владения социальными категориями, которые обеспечивают формирование в сознании определенной культуры. Совокупность таких особенностей приводит к формированию массовой культуры и массового сознания аудитории, нивелируя индивидуальную составляющую мышления [6].

Однако, несмотря на унификацию индивидуальностей, каждый отдельный критерий накладывает отпечаток на образ массового мышления. Так, многие исследователи, в том числе Е. Е. Пронина, уделяют внимание возрастному искажению восприятия. Если в раннем возрасте читателю важна убедительность, в подростковом — информативность, то с возрастом возрастает требование к понятности и ясности изложения материала [12].

Специалисты в области рекламы и специализированных медиа обращают внимание на изучение гендерных особенностей в чтении текстов. Так, женщины склонны выбирать тексты творческого характера, без жесткой структурированности повествования, литературного характера, мужчины же более склонны к восприятию скупой, но информативной публикации [2].

Большое влияние на формирование образа мышления респондента оказывает и профессиональная деформация. Человек, занимающийся на протяжении долгого времени определенным родом деятельности, как бы «затачивает» себя под определенный формат, в результате формируется

запрос на эту форму, которая переносится в литературу и журналистские тексты.

Поскольку понимание запроса аудитории необходимо журналисту для более тесного контакта с читателем, соответствия предъявляемым требованиям, важно изучать не только половозрастные особенности респондентов, но и профессиональные изменения в психологии человека, поскольку журналист и сам подвержен такого рода деформации, из-за чего могут возникать определенные алгоритмы, по которым удобно работать автору, но, возможно, не удобно читателю. Чтобы разрешить диссонанс, мы провели исследование коммуникативной линии «автор — читатель».

В качестве гипотезы мы выдвигаем суждение о том, что люди, постоянно работающие с текстом (лингвисты, филологи), предъявляют к нему более жесткие требования — оценивают структуру, средства выразительности, коммуникативные модели. Те, кто занимается инженерной, математической работой, предпочитают опираться не на эмоции автора, а на фактическую составляющую материала. Представители естественно-научных специальностей также в большей мере требуют от текста фактов.

В своем исследовании мы сравнили, на какие текстовые вехи большее внимание обращают представители различных профессий.

Изучение строилось на сравнении восприятия трех текстов из разных видов СМИ тремя группами респондентов. Участники фокусированного интервью знакомились с текстами, после чего высказывали собственное мнение по поводу прочитанного.

Методика фокус-групп выбрана в качестве основной, поскольку она позволяет спровоцировать у читателя рассуждения и проявление определенных эмоций, концентрирует внимание на частных, особенных фрагментах мышления респондентов [14], так как базой такого метода изучения выступает глубинное интервью.

Качественная (гуманистическая) социология в данном контексте выступает микросоциологией [14], так как центр изучения на субъекте, его эмоциях. Оценивается невербальная составляющая коммуникации. Затем данные кодируются в словесное описание, после им дается теоретическая интерпретация.

В нашем исследовании приняли участие 3 группы респондентов в возрасте от 19 до 25 лет, являющиеся представителями разных специальностей (студенты разных курсов и молодые

специалисты): гуманитарии, технические специалисты, представители естественно-научного направления.

Участникам эксперимента были предложены к прочтению 3 текста из качественной, массовой и элитарной периодики, которые затем обсуждались. Вопросы строились таким образом, чтобы так или иначе каждого участника вывести на выражение действительных эмоций, связанных с прочитанным материалом.

Тексты для эксперимента отобраны авторами исследования случайным образом из массива текстов, представляющих на рынке каждый вид прессы.

Текст, рассчитанный на массовую аудиторию (газета «Московский комсомолец»), не произвел должного эффекта ни на одну из группы из серии. Материалы показались сложными, участники сочли их публикациями для «избранных».

Представители гуманитарных профессий (студенты-журналисты) отметили, что материал эмоционального воздействия не оказывает, сославшись на большой объем статистической информации, также, по мнению участников, это не позволяет уловить основную мысль произведения.

Важным для гуманитариев оказалось ощущение авторского участия и присутствия в публикации. Испытуемые указали на сухость подаваемой информации, которая несколько отталкивает даже от актуальных проблем.

Вопреки прямо выражаемому недовольству прочитанной публикацией, эффект на аудиторию был оказан. Некоторые участницы беседы приняли информацию и переложили ее на соучастников дискуссии.

Сами студенты отметили, что, вероятно, текст рассчитан на другую аудиторию, поэтому не позволяет молодым читателям в полной мере понять актуальность поднятой проблемы и меру проработанности выбранной темы журналистом. Не понравилась читателям и аналитическая составляющая материала — сравнение российского и зарубежного опыта. Аналитики студенты здесь не увидели, но приписали тексту второй смысл, выдвинув предположение, что инструмент использован, чтобы сказать читателю о том, что данная проблема в условиях российской действительности решена быть не может.

Будущие журналисты предложили видоизменить предложенный им текст, автоматически адаптируя его для формата новости или неболь-

шой интернет-публикации. В числе предложений оказалось сокращение статистической информации или придание ей более лаконичного, визуализированного облика (инфографика, таблицы и так далее), разделение текста на короткие смысловые блоки, возможно, расширение материала и организация его в виде публикации, подготовленной с помощью инфотејнмента.

Обсудив и проанализировав текст из массового издания, студенты гуманитарного направления отнесли его к типу элитарной прессы, сославшись на необходимость определенного уровня образования у читателя, необходимого для усвоения материала.

Публикация, размещенная в качественном издании (газета «Коммерсант»), как и публикация из массовой периодики, по словам респондентов, положительного впечатления на них не произвела. Текст также оказался насыщен статистикой; читателям не хватило живых примеров.

Также не удовлетворил студентов-журналистов и выбор экспертов: участники дискуссии признались, что о большинстве компаний, которые комментируют поднятую проблему, никогда не слышали, хотя фирмы работают на федеральном уровне.

Заинтересовала журналистов в большей мере не манера подачи и сам материал, а возможность его переделать. Участники беседы разобрали возможности, которые, по их мнению, упустил автор, попытались представить себя на месте журналиста. Например, одним из вариантов оказался эксперимент. Респонденты предложили отправить двух корреспондентов «в поле», чтобы те на себе испытали условия, описанные в материале, а затем сравнили, что отличалось в проведенном эксперименте «при прочих равных условиях».

Этот текст из качественного издания, по мнению участников дискуссии, соответствует репрезентируемому виду СМИ.

Материал из элитарного издания (журнал «Наш современник») понравился респондентам больше предыдущих. По мнению продуцентов, язык автора здесь очень художественный, информация подана логично и понятно.

Студенты отметили сходство публикации с художественной литературой.

Из недостатков участники выделили обилие неуместных (на их взгляд) религиозных цитат, тему, не свойственную их возрасту, и устаревшие факты. Эксперты и синхроны оказались уместны и интересны читателю.

В качестве преобразования студенты предложили избавиться от религиозного блока, но в целом оставить текст в неизменном виде.

Публикацию из элитарного издания студенты-гуманитарии отнесли к массовому изданию, сославшись на простоту и легкость повествования.

Фокус-группа с молодой гуманитарной аудиторией показала, что читатели обладают малым жизненным опытом, как следствие, они не могут интерпретировать данные, размещаемые автором в материале. Пресуппозиция аудитории и журналиста не совпадает, несмотря на то, что авторы современных изданий, как правило, не намного старше испытуемой группы.

К тому же испытуемые показали наличие сильной профессиональной деформации, проявляющейся еще в университете. Студенты склонны адаптировать материал любого жанра к новостной форме, которая наиболее распространена в современных СМИ.

Профессиональная деформация была отмечена авторами исследования и у представителей технических специальностей. Здесь аудитория оказалась приоритетно мужской. Причем молодые люди отметили, что им проще воспринимать и понимать информацию, переведенную в цифры, причем более удобной формой является именно сравнение.

Для этой фокус-группы текст из гуманитарного издания показался самым простым (текст отличался того, с которым работала предыдущая группа). Данные респонденты без труда соединили информацию, предоставленную автором, с реалиями, отметив, что данные устарели (текст был дан за 2015 г.).

В число минусов попало и сравнение России с Западом. Такая параллель тоже вызвала сомнения в результативности текста, респонденты посчитали, что с помощью этого инструмента автор хочет избежать ответа на поставленные в материале вопросы, не показав реального пути решения проблемы.

Между публикациями из качественного и элитарного издания представители технической профессии установили логические связи, назвав один материал продолжением другого.

Работая с материалом и качественного издания, респонденты заинтересовались личностью автора, даже сделали предположение о его поле, аргументировав свои ответы тем, что эксперты в материале оказались исключительно девушками.

Однако компетентность спикеров сомнений у данной группы респондентов не вызвала.

Разложив детали, интересовавшие участников, интервьюируемые отметили, что текст сложен для восприятия в целом из-за языка и не оформленной визуальной статистики.

Однако эффект текстом все же был оказан. После прочтения материала у фокус-группы возникла активная дискуссия, касающаяся содержания публикации, причем аргументами в беседе, как правило, выступал жизненный опыт респондентов.

Текст из элитарного издания одним респондентам показался самым сложным, другие, наоборот, отметили легкость языка, сославшись на схожесть с художественной литературой, формат подачи в которой более привычен, чем в журналистских публикациях.

Не смутило респондентов и дробление материала. Каждый смысловой блок участники беседы без труда связали с предыдущим и последующим, уловив единую мысль публикации.

Недовольство, как и у предыдущей группы, вызвало обилие религиозных цитат. Группа посчитала, что они не несут конкретной смысловой нагрузки, и посоветовала от них избавиться, отдав предпочтение более актуальным и компетентным экспертам.

Также недовольство испытуемых вызвало и использование в качестве аргументов устаревших данных.

Ознакомившись со всеми текстами, респонденты посчитали, что публикация из элитарного издания принадлежит элитарному, поскольку вызвала скуку у читателей; публикация из массового журнала была отнесена к массовой периодике. Однако классификацию, предложенную автором, читатели предложили изменить, и в качестве определяющего критерия выбрать не контентный, а возрастной показатель.

Отметим, о форме и языковых средствах никто из респондентов не упоминал. Для них большую роль играл именно смысл.

Определяющим смысл явился и для студентов-экологов. Текст из массового издания данная группа читателей назвала актуальным для региона (эта фокус-группа была единственной, кто связал материалы с реальной повесткой дня и геолокацией). Участники беседы задумались и о том, на какую аудиторию рассчитан текст — смутили профессионализмы и непонятная для широкой

аудитории статистика в сложных единицах измерения.

Чтобы избежать непонимания, студенты-экологи предложили сократить объем данных и оставить наиболее важные и понятные.

Эмоции, вызванные материалом, респонденты охарактеризовали как «грусть» и «безысходность».

Текст из качественного издания оказался для участников беседы более интересным, поскольку проблема поиска работы актуальна для возраста данного читателя. Однако с некоторыми фактами, приведенными в публикации, респонденты были готовы поспорить, некоторые данные возмутили читателей, что спровоцировало оживленную беседу в группе.

Несмотря на заинтересованность темой, читатели отметили, что подача материала сложная — из-за обилия статистики с материалом тяжело для понимания. Чтобы решить проблему с восприятием, участники дискуссии предложили выбрать более структурированную форму для подачи статистических данных, например, таблицы или визуализированное оформление.

Тема публикации из элитарного издания респондентов заинтересовала (также в силу возраста и социального статуса), однако, как и предыдущим группам, им не понравилось использование религиозных цитат, хотя некоторые из участников беседы отметили их уместность, обратив внимание собеседников на выдержки из Библии и Корана, которые использованы не с целью прославления одного вероисповедания, напротив, автор ставил задачу провести некий анализ.

Читатели также отметили, что публикация сложна для восприятия за счет дробления на части. Респонденты предложили некоторые блоки текста совершенно убрать, другие сделать самостоятельными материалами, которые, по мнению участников беседы, вызовут больший интерес у аудитории, чем произведение целиком.

Смутил читателей и выбор спикеров, которых автор материала использует в качестве экспертов (так же, как и в качественном издании). Однако сомнения читателей вызвала не компетентность специалистов, а их позиция.

Представители естественно-научных специальностей сделали предположение, что текст написан для молодой аудитории в силу того, что в

нем поднимаются проблемы вечных ценностей. Но более эффективным его воздействие будет в том случае, если автор видоизменит часть с цитатами, объяснили участники.

Распределяя публикации по изданиям, представители естественно-научных направлений предположили, что публикация из толстого журнала предназначена для массовой аудитории, качественный текст размещен в качественной прессе, а публикацию из массового издания назвали самой сложной и отнесли к элитарным журналам (аналогично распределили тексты студенты-журналисты).

Таким образом, проведенное исследование показало, что формирование профессиональной деформации начинается у человека уже в университете. Так, гуманитарии большее внимание уделяют форме подачи и организации текста, ставят себя на место автора, стремятся найти ошибки.

Представители технических специальностей, наоборот, обращают внимание на смысл, проводят логические связи между не связанными между собой текстами, обладающими схожей тематикой. Для данной группы определяющую роль играет жизненный опыт, читатели не абстрагируются от текста, примеряя его на себя, представляя себя в каждой конкретной ситуации.

Те, кто занимается естественными науками, в большей мере склонны задумываться об аудитории. У молодежи уже есть понимание того, что их сфера деятельности сложна для восприятия широкой аудитории, поэтому необходимо приводить всю информацию в более понятный вид. Такое же отношение у студентов-экологов сохраняется и при работе с публицистическим текстом.

Также важно отметить, что любая молодежная аудитория неоднозначно относится к религии, воспринимая любые упоминания о ней достаточно скептически.

Все молодые читатели отдали большее предпочтение элитарной прессе, сославшись на ее литературность. Таким образом, можно сделать предположение, что для юной аудитории важна образность языка, наличествующая у толстых журналов.

Отметим, что респонденты по форме повествования и манере подачи информации не могут различить тип издания, считая наиболее простым текст из элитарных изданий.

Список литературы

1. Антропова, В. В. Типология культуры как фактор типологической идентификации прессы в контексте лингвокультурологического анализа медиатекстов: экспансия масскульта / В. В. Антропова // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2013. — № 21 (312). Филология. Искусствоведение. Вып. 80. — С. 23–29.
2. Богомолова, Н. Н. Социальная психология печати, радио и телевидения / Н. Н. Богомолова. — М., 1991. — 125 с.
3. Валгина, Н. С. Теория текста : учеб. пособие / Н. С. Валгина. — М., 1998. — 210 с.
4. Валгина, Н. С. Теория текста : учеб. пособие / Н. С. Валгина. — М., 2003. — 250 с.
5. Громова, Т. Н. Социально-психологические и социологические аспекты изучения массовой коммуникации (теория вопроса и методы измерения) / Т. Н. Громова // Актуальные проблемы психологии. Самарский регион. — 2002. — Спец. вып. — С. 67–74.
6. Дубов, И. Г. Феномен менталитета: психологический анализ / И. Г. Дубов // Вопр. психологии. — 1993. — № 5. — С. 20–29.
7. Дзялошинский, И. М. Информационное пространство России: структура и особенности функционирования, перспективы эволюции / И. М. Дзялошинский. — М., 2001. — 493 с.
8. Коноплев, Д. Э. Слепые зоны журналистского текста как фактор снижения читательского внимания / Д. Э. Коноплев. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/slepye-zony-zhurnalistskogo-teksta-kak-faktor-snizheniya-chitatelskogo-vnimaniya>.
9. Клычникова, З. И. Психологические особенности восприятия и понимания письменной речи (психология чтения) : дис. ... д-ра психол. наук / З. И. Клычникова. — М., 1975. — 387 с.
10. Красных, В. В. Основы психолингвистики и теории коммуникации / В. В. Красных. — М., 2001. — 270 с.
11. Лурия, А. Р. Язык и сознание / А. Р. Лурия. — Ростов н/Д., 1998. — 416 с.
12. Пронина, Е. Е. Психология журналистского творчества / Е. Е. Пронина. — М., 2002. — 320 с.
13. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. — СПб., 2002. — 720 с.
14. Семенова, В. В. Гл. VI. Качественные методы в социологии / В. В. Семенова. — URL: <http://www.sociologos.ru/>
15. Шестерина, А. М. Полемический текст в современном медиапространстве (функциональные, жанровые и структурные особенности печатной полемики) : монография / А. М. Шестерина. — Тамбов, 2003. — 302 с.
16. Шестерина, А. М. Психология журналистики : в 2 ч. / А. М. Шестерина. — Воронеж, 2011. — Ч. 1. — 190 с.

Сведения об авторе

Надейкина Елена Владимировна — преподаватель факультета журналистики, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. e-w-nikitina@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2017. No. 12 (408). *Philology Sciences. Iss. 110. Pp. 136–142.*

THE PROFESSIONAL DEFORMATION OF NEWSPAPER READERS (on the example of focus groups of youth audience)

E. V. Nadeykina

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. e-w-nikitina@yandex.ru

The author made a study of the differences in the reading of the text by representatives of various professions by the example of a youth audience (18–25 years). The experiment showed that the “restructuring” of thinking is celebrated already in the student age. For example, students-journalists adapt any text placed in the media to the format of news, representatives of mathematical professions conduct links between texts that are only indirectly related topics, specialists in the natural sciences, because of the specificity of their activities and terminology, think about whether they will understand written by an ordinary person who does not pos-

sess “special” knowledge. However, there is also a unity in the perception of texts among the younger generation. For example, readers of the age of 18–25 sharply negatively refer to the mention of the church in secular publications, without making an exception even for those materials where this is justified.

Keywords: *professional deformation, text perception, qualitative periodicals, mass periodicals, elite press, technical specialties, humanitarian specialties.*

References

1. Antropova V.V. Tipologiya kulturyi kak faktor tipologicheskoy identifikatsii pressyi v kontekste lingvokulturologicheskogo analiza mediatekstov: ekspansiya masskulta [Typology of culture as a factor of typological identification of the press in the context of linguocultural analysis of media texts: masscult expansion]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State University], 2013, no. 21 (312), pp. 23–29. (In Russ.).
2. Bogomolova N.N. *Sotsialnaya psihologiya pechati, radio i televideniya* [Social psychology of the press, radio and television]. Moscow, 1991. 125 p. (In Russ.).
3. Valgina N.S. *Teoriya teksta* [Text theory]. Moscow, 1998. 210 p. (In Russ.).
4. Valgina N.S. *Teoriya teksta* [Text theory]. Moscow, 2003. 250 p. (In Russ.).
5. Gromova T.N. Sotsialno-psihologicheskie i sotsiologicheskie aspekty izucheniya massovoy kommunikatsii (teoriya voprosa i metody izmereniya) [Socio-psychological and sociological aspects of the study of mass communication (theory of the question and measurement methods)]. *Aktualnyie problemyi psihologii. Samarskiy region* [Actual problems of psychology. Samara Region], 2002, pp. 67–74. (In Russ.).
6. Dubov I.G. Fenomen mentaliteta: psihologicheskiiy analiz [The phenomenon of mentality: psychological analysis]. *Voprosyi psihologii* [Questions of Psychology], 1993, no. 5, pp. 20–29. (In Russ.).
7. Dzyaloshinskiy I.M. *Informatsionnoe prostranstvo Rossii: struktura i osobennosti funktsionirovaniya, perspektivy evolyutsii* [Information space of Russia: structure and features of functioning, evolution prospects]. Moscow, 2001. 493 p. (In Russ.).
8. Konoplev D.E. *Slepye zony zhurnalistskogo teksta kak faktor snizheniya chitatelskogo vnimaniya* [Blind areas of journalistic text as a factor in reducing reader attention]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/slepye-zony-zhurnalistskogo-teksta-kak-faktor-snizheniya-chitatelskogo-vnimaniya>. (In Russ.).
9. Klychnikova Z.I. *Psihologicheskie osobennosti vospriyatiya i ponimaniya pismennoy rechi (psihologiya chteniya)* [Psychological features of perception and understanding of written speech (reading psychology)]. Moscow, 1975. 387 p. (In Russ.).
10. Krasnyih V.V. *Osnovy psiholingvistiki i teorii kommunikatsii* [Fundamentals of psycholinguistics and communication theory]. Moscow, 2001. 270 p. (In Russ.).
11. Luriya A.R. *Yazyk i soznanie* [Language and Consciousness]. Rostov on Don, 1998. 416 p. (In Russ.).
12. Pronina E.E. *Psihologiya zhurnalistskogo tvorchestva* [Psychology of journalistic creativity]. Moscow, 2002. 320 p. (In Russ.).
13. Rubinshteyn S.L. *Osnovy obschey psihologii* [The fundamentals of general psychology]. St. Petersburg, 2002. 720 p. (In Russ.).
14. Semenova V.V. *Kachestvennyie metody v sotsiologii* [Qualitative methods in sociology]. Available at: <http://www.sociologos.ru/>. (In Russ.).
15. Shesterina A.M. *Polemicheskiiy tekst v sovremennom mediaprostranstve (funktsionalnyie, zhanrovyye i strukturnyye osobennosti pechatnoy polemiki)* [Polemical text in modern media space (functional, genre and structural features of printed polemics)]. Tambov, 2003. 302 p. (In Russ.).
16. Shesterina A.M. *Psihologiya zhurnalistiki* [Psychology of journalism]. Voronezh, 2011. 190 p. (In Russ.).

ББК 81.2Англ-4
УДК 81'374.7

О ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ И РАЗРАБОТКЕ СЛОВАРНОЙ СТАТЬИ

(на примере русских и английских фразеологизмов с компонентом-технонимом)

Д. О. Никонов

Брянский государственный университет, Брянск, Россия

В данной статье автор рассматривает основные принципы фразеографирования устойчивых оборотов, исходя из последних тенденций в области словарной фиксации фразеологических единиц. На примере русских и английских устойчивых оборотов раскрывается понятие фразеологизма с компонентом-технонимом. Автором разрабатывается макет двуязычной словарной статьи, описывающей основные языковые характеристики фразеологизмов с компонентом-технонимом.

Ключевые слова: *фразеологизм, фразеография, словарная статья, техноним, языковые свойства фразеологизмов с компонентом-технонимом.*

Разнообразие знаков, функционирующих в рамках отдельно взятого языка, их неоднородность, а также способность изменяться с течением времени привели к необходимости не просто изучать свойства языковых единиц, но и документировать их в специальных печатных или электронных изданиях, которые впоследствии станут называться словарями.

Что приходит на ум в первую очередь, когда речь идет о словарях? С большей долей вероятности это, прежде всего, толковый словарь, в котором собраны различные лексические единицы в алфавитном порядке с объяснением их семантики и сопутствующим примером употребления в речи. Действительно, подобные виды словарей были созданы человеком самыми первыми, их основное предназначение заключалось в толковании малопонятных слов, использовавшихся в древних рукописных книгах. Изначально разъяснительные комментарии, или глоссы, делались между строк в рукописных книгах для облегчения понимания читателем текста. Именно глоссы послужили прообразом современных словарных статей.

Немного истории. Накопление объема толковых комментариев привело к идее создания специализированной книги, содержащей большое количество глоссов, употребленных в том или ином рукописном произведении. Подобное объединение глоссов в единый реестр на основе их принадлежности к тому или иному литературному источнику получило название глоссария. Глоссарии представляли собой сборники слов с толкованием их лексического значения.

Наиболее древним считается глоссарий к новгородской Кормчей книге 1282 г. Этот сборник глоссов состоял из 174 слов, снабженных толкованием, взятых из древнегреческого, древнееврейского и славянского языков [3]. Сами древнерусские глоссарии, в свою очередь, делились на 4 различных типа: ономастиконы (словари имен собственных), приточники (словари символики), произвольники (словари, толкующие непонятные слова книжной речи), разговорники (первые переводные словари) [6].

С течением времени и появлением все большего количества языковых единиц создаются более объемные и усовершенствованные версии словарей. Например, первый печатный словарь, появившийся в 1596 г. в качестве дополнения к грамматике Лаврентия Зизания, содержал 1061 слово (старославянизмы и заимствования из западноевропейских языков) и был организован в алфавитном порядке. В 1627 г. печатная версия словаря «Лексикон славеноросский» содержит уже 6982 лексические единицы. Первый трехязычный переводческий словарь издается в 1703 г. и насчитывает 17 328 слов [3]. Знаменитый «Толковый словарь живого великорусского языка» под редакцией В. И. Даля насчитывает уже свыше 200 тысяч слов и 30 тысяч пословиц, поговорок и метких речений [5].

Подобные примеры наглядно демонстрируют непрерывный процесс накопления лексических единиц в языке и необходимость их фиксации в специализированных книжных изданиях. Таким образом, самые первые словари обладали в подавляющем большинстве случаев лексической

направленностью и предоставляли толкование различных слов как в рамках одной языковой системы, так и в сравнении с несколькими другими языками. Тот факт, что первыми появились толковые словари, можно объяснить значительным объемом лексического пласта в языке и, как следствие, большим количеством слов, использующихся и в литературных текстах, и в повседневной речи.

Тем не менее следует отметить, что толкование слов не осталось единственным видом деятельности, присущим составителям словарей. В XVIII в. появляются первые этимологические словари, задача которых не просто привести толкование слова, но и проследить историю его появления в языке. В XIX в. создается первый сборник «Русское правописание» под редакцией Я. К. Грота, в котором центральное внимание уделяется правописанию лексических единиц. В XX в. создается орфоэпический словарь, посвященный правильно произношению и расстановке ударений в словах. Кроме того, выпускаются различные переводные словари, толковые словари иностранных слов, терминологические словари, исторические словари, культурологические словари, словари неологизмов, словари антонимов и синонимов и многие другие.

Очевидно, что такой большой объем поисковой и исследовательской деятельности в области фиксации различных аспектов употребления языковых единиц невозможно было бы осуществить без создания научной базы, определяющей основные принципы и подходы при составлении разнообразных типов словарей. Теорией и практикой составления словарей занимается такой раздел языкознания, как лексикография. Основной задачей лексикографии является совершенствование приемов и принципов словарного описания лексических единиц, составление словарей различной направленности, а также работа с национальным корпусом языка. В то же время составитель словаря должен руководствоваться рядом определенных принципов, ориентируясь в своей работе на конечного пользователя. Так, В. В. Дубчинский выделяет такие принципы: составителю словаря следует ориентироваться на конкретные потребности конечного пользователя, эти потребности следует тщательно проанализировать, прежде чем приступать к словарному поиску [7].

Словарь как продукт поисковой деятельности в сфере языка, направленной на сбор и система-

тизацию языковых единиц по некоторому критерию, менялся не только с точки зрения своей типологии, но и в зависимости от предназначения для конечного пользователя. Е. П. Иванова писала о том, что словари прошли долгий путь от единичных и монументальных изданий до вариативного с точки зрения наполнения и формы реализации информационного ресурса, необходимого в работе любого лингвиста [8].

Возникает резонный вопрос: если раздел языкознания, посвященный работе со словарями и способами их составления, носит название лексикография, то как поступить с многочисленными фразеологическими единицами (далее — ФЕ), являющимися неотъемлемой частью любого языка?

Некоторые специалисты считали возможным соотносить устойчивые обороты с приемами словарной фиксации, уже существующих для лексических единиц.

В частности, А. М. Бабкин подчеркивал то, что, несмотря на включение фразеологических единиц в состав общих толковых словарей, следует создавать специализированные словари, в которых будет дана лексикографическая характеристика каждого устойчивого оборота [1]. С одной стороны, ученый признавал необходимость включения устойчивых оборотов в состав специализированных словарных изданий, с другой — предлагал выделять лексикографические характеристики *фразеологических* единиц. Данное противоречие можно объяснить недостаточным уровнем разработанности вопроса фразеографирования на тот момент.

В наши дни подавляющее большинство лингвистов сходится во мнении, что основные принципы словарной фиксации устойчивых оборотов должны рассматриваться в рамках отдельного раздела языкознания под названием «фразеография». Причиной этого является уникальный языковой статус фразеологической единицы. Несмотря на то, что слова и фразеологические единицы (далее — ФЕ) имеют схожие черты (выступают в качестве конкретных членов предложения, имеют антонимы и синонимы, выражают определенное значение, обладают свойством воспроизводимости), между ними также немало важных отличий: слово имеет морфемный состав, ФЕ — компонентный; слово является цельнооформленной единицей, ФЕ — раздельнооформленной; ФЕ имеет более сложный структурный состав, включающий в себя разное число компонентов, которые часто являются десемантизиро-

ванными словами; наконец, значение ФЕ в большинстве случаев не является суммой значений ее составляющих.

Кроме того, различные устойчивые обороты являются более сложными с точки зрения выражаемого значения и более комплексными по своему составу языковыми знаками, нежели лексические единицы. Очевидно, что появление фразеологических словарей было лишь вопросом времени. И действительно, с момента становления фразеологии как самостоятельной отрасли языкознания начались накопления и категоризации устойчивых оборотов по различным критериям (семантическому, историческому, переводческому, грамматическому и др.). До выхода специализированных фразеологических словарей имелась тенденция фиксировать устойчивые обороты в толковых словарях.

Составление фразеологических словарей является необходимым для учета, фиксации и классификации как уже существующих устойчивых оборотов, так и появляющихся новых. Как и любая другая наука, фразеография базируется на ряде принципов и правил, которые следует соблюдать и учитывать при составлении словарей. Одним из основных принципов можно назвать антропоцентрический, то есть ориентированность на нужды человека, не только занимающегося лингвистикой, но и на рядового пользователя [13].

Данный подход предлагает составление словарей, в которых представлено комплексное описание ФЕ с точки зрения следующих требований: наличие необходимой квалификации и языковой подготовки у автора или авторов словаря; организация словаря с соблюдением параметров его типологии; фиксация и описание культурологической составляющей ФЕ; фразеографирование концептосферы человека; составление словаря, в котором язык представлен в качестве объекта усвоения человеком, то есть содержание ориентировано на конечного пользователя [9].

Каким же требованиям должен отвечать словарь по фразеологии? Дело в том, что, как в случае и с лексикологическими словарями, фразеологические также делятся на несколько типов, в зависимости от того, какой критерий подбора практического материала для создания словарных статей был определяющим. Рассмотрим наиболее общие положения, которые необходимо соблюдать при составлении любого фразеологического словаря.

Важной задачей при фразеографировании является точное выделение денотативного и коннотативного значений в устойчивом обороте. Это необходимо с целью установления возможных случаев употребления той или иной фразеологической единицы в контексте, а также исключение возможности употребления устойчивого оборота в речевой ситуации. Индикатором сферы использования фразеологической единицы могут являться стилистические пометы, такие как: *экспресс.* — экспрессивный; *разг.* — разговорный; *неодобр.* — неодобрительно; *шутл.* — шутливый; *устар.* — устаревший и другие.

Немаловажным является и указание примеров использования фразеологической единицы. Для демонстрации случаев употребления устойчивых оборотов в речевой ситуации в словарях могут использоваться выдержки из различных литературных источников, а также СМИ, в которых часто отражаются фразеологические неологизмы. В этом случае на помощь фразеографам может прийти корпусный подход, позволяющий анализировать собрание текстов на предмет наличия искомым фразеологических единиц. Корпусы помогают определять морфологические и синтаксические границы использования устойчивых оборотов, найти различные контекстуальные варианты употребления ФЕ, выделить авторскую фразеологию.

Кроме того, в современных фразеологических словарях также необходимо представить грамотное описание внутренней формы ФЕ. В некоторых случаях образ, являющийся прототипом устойчивого оборота, тесно связан со свободным сочетанием слов, на основе которого и сформировался в дальнейшем фразеологизм. Образ может повлиять на фразеологическое значение и предопределить некоторые характеристики устойчивого оборота, такие как оценочный параметр, эмоциональность, стилистические особенности употребления оборота в речи.

Исходя из положений о современной фразеографии, специалисты все чаще включают в общие или специализированные фразеологические словари такой элемент словарной статьи, как культурологическая справка. Несомненная связь, установленная в языке между фразеологическими оборотами и культурой человека, является причиной более глубокого анализа устойчивых оборотов с точки зрения их культурологического наполнения. В. Н. Телия утверждала: «Культура и язык существуют в диалоге между

собой. При этом субъект речи и ее адресат — это всегда субъекты культуры. В норме использование определенного языка гармонирует с соответствующим ему кодом культуры...» [16. С. 225].

С данной точкой зрения сложно не согласиться, поскольку устойчивые обороты являются своеобразными языковыми проявлениями культурных реалий того или иного этноса. Особенно ярко в этом плане проявляют себя устойчивые обороты, обладающие национально-культурной спецификой. Они являются своеобразными маяками, указывающими на уникальный образ мышления народа, его неповторимое видение мира.

В современных фразеологических словарях часто можно обнаружить культурологические комментарии, структура которых может быть следующей: этимологическая справка, которая указывается в случае, если образ фразеологизма или входящих в его состав компонентов остается неясным; страноведческая справка, необходимая для оборотов, обладающих национально-культурной спецификой и связанных с какими-либо культурными реалиями, обычаями, особенностями обустройства быта и так далее; а также непосредственно культурологический комментарий [2].

Итак, фразеологизм как языковая единица обладает лингвокультурным потенциалом. ФЕ может выступать не только как элемент языкового, но и культурного пространства человека. По своей сути каждый устойчивый оборот является неким «ларчиком», который может очень непросто открываться для конечного адресата, особенно если адресат не знаком с особенностями фразеологической системы языка или попросту не встречал раньше подобного устойчивого выражения. Особенно ярко это проявляется на примере фразеологизмов с национально-культурной спецификой.

В рамках данной статьи рассмотрим особенности фразеографирования устойчивых оборотов, раскрывающих технические аспекты деятельности человека и состояния окружающей его действительности. Подобные устойчивые обороты будем называть «фразеологизмы с компонентом-технонимом». Как видно из названия, не всякая ФЕ может быть причислена к обозначенной категории, лишь та, в составе которой находится элемент, связанный в своем значении с такими понятиями, как техника, техницизм, техносфера. Таким образом, термин «техноним» обозначает некоего рода инструмент, используемый для

оказания влияния на объект с целью получения впоследствии определенного результата. В составе фразеологического оборота компонент-техноним образует метафорическую основу выражения, прямым образом влияющую на денотативный и коннотативный аспекты фразеологического значения.

Следует отметить, что в языке существует целый ряд устойчивых оборотов, которые можно разграничить по признаку наличия в их составе того или иного тематического компонента. Например, широко известны фразеологизмы, включающие в свой состав компоненты-антропонимы (имена, фамилии или прозвища человека), мифонимы (элементы мифологий различных народов), зоонимы (названия животных), фитонимы (названия растений), топонимы (географические наименования) и др. Подобная частотность употребления позволяет говорить о новом способе типологизации фразеологических единиц по признаку наличия в их компонентном составе того или иного элемента-онима. Использование компонентов-онимов в составе фразеологизмов обусловлено тем, что данные устойчивые обороты не только именуют объекты и события окружающей действительности, но и напрямую относятся к повседневной и творческой деятельности человека.

Онимы неразрывно связаны с любыми изменениями, происходящими в системе языка, что отображается как на количественном, так и на качественном уровнях. Они включают в себя целые группы языковых единиц, связанных общими родовыми, видовыми, подвидовыми или сортовыми наименованиями [15].

Рассматриваемые устойчивые обороты обладают рядом характеристик, которые могут быть отражены в рамках прототипа словарного издания, в полном объеме раскрывающего языковые особенности фразеологизмов, имеющих в своем составе элемент *-оним*. Учитывая современные требования к процедуре словарной фиксации фразеологических единиц, рассмотрим наиболее значимые параметры фразеологизмов с элементом *-оним* на примере устойчивых оборотов с компонентом-технонимом.

Наиболее важной является процедура идентификации фразеологизма как языкового образования, имеющего отношение к понятию «техносфера» или «техника». В рамках словарного поиска рассматриваемых фразеологических единиц в первую очередь следует обращать внимание на компонентный состав устойчивого оборота.

Известно, что фразеологическая единица состоит из нескольких десемантизированных слов, значение которых частично или полностью утрачивается при употреблении внутри фразеологизма.

Тем не менее, в большинстве случаев, поскольку внешняя форма компонента остается неизменной, представляется возможным проследить его техническую природу и тем самым установить принадлежность ФЕ к категории технонимов. Например, *от горшка два вершка* — ‘очень низкого роста’ (в своем свободном употреблении «горшок» — сосуд для хранения пищи) [14. С. 218]; *скидывать с чаши весов* — ‘не принимать в расчет’ (в своем свободном употреблении «весы» — прибор для измерения массы объектов) [14. С. 289]; *send the axe after the helve* (букв.: посылать топор за топорием) — ‘рисковать последним, что осталось’ (в своем свободном употреблении «топор» — инструмент для рубания чего-либо) [10. С. 56]; *put one's hand to the plough* (букв.: приложить чью-то руку к плугу) — ‘приступить к работе’ (в своем свободном употреблении «плуг» — приспособление для возделывания земли) [10. С. 355]. В перечисленных примерах подчеркнутые компоненты относятся к технической сфере деятельности человека, а значит, и устойчивый оборот в целом принадлежит к группе технонимов.

Учитывая большое разнообразие лексических единиц, относящихся к понятиям «техника» и «техносфера» и выступающих в качестве компонентов устойчивых оборотов, а также опираясь на принципы полевой структуры, можно выделить следующие объединения фразеологизмов-технонимов:

Орудия труда: в данную категорию войдут фразеологизмы-технонимы, содержащие в своем составе компоненты, семантически отражающие широкий спектр приспособлений, используемых человеком в трудовой деятельности. Под трудовой деятельностью в данном случае будем понимать целенаправленный процесс выполнения определенного ряда задач, в совокупности приводящий к достижению конкретных результатов. В качестве примеров подобных фразеологизмов-технонимов можно привести следующие устойчивые обороты: русск. *брать на карандаш* — ‘записывать, делать заметку о чем-либо’ [12. С. 48]; русск. *ни Богу свечка, ни черту кочерга* — ‘ничем не выделяющийся, посредственный человек’ [12. С. 416]; русск. *наше вам с кисточкой* — ‘фамильярное приветствие’ [12. С. 274]; англ. *a good*

anvil doesn't fear the hammer — ‘хорошая наковальня молота не боится’ [10. С. 45]; англ. *use the axe* (букв.: использовать топор) — ‘резко сократить штат работников’ [10. С. 56]; англ. *cut blocks with a razor* (букв.: резать бревна бритвой) — ‘растрачивать силы впустую’ [10. С. 89].

Устройства и механизмы: к данной категории отнесем фразеологизмы-технонимы, имеющие в своей структуре компоненты, семантически связанные с обозначением различных устройств и механизмов, используемых человеком. В качестве примеров подобных фразеологизмов-технонимов можно привести следующие устойчивые обороты: русск. *бесструнная балалайка* — ‘очень болтливый человек, пустомеля’ [12. С. 35]; русск. *сжигать мосты* — ‘решительно порывать с прошлым’ [17. С. 614]; англ. *answer the bell* (букв.: ответить на колокольчик) — ‘открыть дверь’ [10. С. 45]; англ. *cast an anchor to windward* (букв.: бросать якорь с подветренной стороны) — ‘принять меры предосторожности’ [10. С. 43].

Средства передвижения: к данной категории отнесем фразеологизмы-технонимы, имеющие в своей структуре компоненты, семантически связанные с обозначением различных способов и средств передвижения. В качестве примеров подобных фразеологизмов-технонимов можно привести следующие устойчивые обороты: русск. *вертеться как белка в колесе* — ‘быть в беспрестанных хлопотах, заботах’ [12. С. 63]; русск. *пятое колесо в телеге* — ‘лишний, ненужный в каком-либо деле человек’ [12. С. 204]; англ. *in the cart* (букв.: в телеге) — ‘быть в тяжелом положении’ [10. С. 129]; англ. *be tied to the chariot of smb.* (букв.: быть привязанным к чьей-то колеснице) — ‘связать судьбу с кем-то, идти на поводу’ [10. С. 142].

Технические действия: к данной категории отнесем фразеологизмы-технонимы, имеющие в своей структуре компоненты, семантически связанные с обозначением действий, встречающихся наиболее часто в ходе осуществления человеком трудовой или иной другой деятельности. В качестве примеров подобных фразеологизмов-технонимов можно привести следующие устойчивые обороты: русск. *вариться в собственном соку* — ‘не выходить за пределы своей ограниченной какими-либо узкими интересами жизни’ [12. С. 58]; русск. *вбивать клин* — ‘разобщать кого-либо, делать чуждыми, враждебными друг другу’ [12. С. 59]; англ. *burn the candle at both ends* (букв.: жечь свечу с двух сторон) — ‘напрасно тратить ценные ресурсы, прожигать жизнь’ [10. С. 123];

англ. *with an axe to grind* (букв.: зарубить топором) — ‘преследующий личные, корыстные цели’ [10. С. 45].

Определив принадлежность фразеологизма с компонентом-технонимом к одной из четырех перечисленных выше групп, можно говорить о том, какое влияние оказывается в рамках выражаемого значения той или иной ФЕ на объект воздействия.

Выделим два основных типа подобных воздействий: позитивное и негативное. Позитивным будем считать такое воздействие, при котором объект видоизменяет свое состояние к лучшему по сравнению с изначальным или получает положительную характеристику присущим ему качествам или свойствам. Негативным будем считать такое воздействие, при котором объект видоизменяет свое состояние к худшему по сравнению с изначальным или получает отрицательную характеристику присущим ему качествам или свойствам. Определить характер воздействия возможно благодаря как плану выражения ФЕ, так и плану содержания.

С точки зрения означаемого фразеологической единицы, тип воздействия может быть определен по семантике компонентов, входящих в состав оборота. Например, русск. *не в своей тарелке* — ‘не в обычном для себя состоянии, неуютно себя чувствовать’ [14. С. 192]; русск. *не в свои сани лезть* — ‘заниматься тем, на что не способен’ [14. С. 192] — в данных устойчивых оборотах негативное воздействие выражено в компонентном составе сочетанием отрицательной частицы и притяжательного местоимения *не + свой*, что в совокупности дает представление о совершении действия, приносящего скорее вред, нежели пользу. Другие примеры фразеологических оборотов, выражающих негативное воздействие в рамках своего компонентного состава: русск. *надевать хомут на шею* — ‘непомерно обременять’ [13. С. 178]; русск. *марать бумагу* — ‘бездарно писать’ [14. С. 166]; русск. *булавочный укол* — ‘о мелком, язвительном замечании’ [14. С. 30]; англ. *as savage as a meat axe* (букв.: дикий, как мясницкий топор) — ‘взбешенный’ [10. С. 56]; англ. *defile the marriage bed* (букв.: осквернить супружеское ложе) — ‘совершить измену’ [10. С. 491]; англ. *a bitter cup* (букв.: горькая чашка) — ‘горькая чаша’ [10. С. 189].

Подобные примеры устойчивых оборотов можно найти и в случае позитивного воздействия на объект: русск. *подкрутить гайки* — ‘воздейство-

вать на кого-то, заставляя быть активнее, энергичнее’ [12. С. 332]; русск. *на всех парусах* — ‘очень быстро, стремительно’ [12. С. 314]; русск. *играть первую скрипку* — ‘быть главным в каком-либо деле’ [12. С. 182]; англ. *the pen is mightier than the sword* (букв.: ручка сильнее, чем меч) — ‘перо сильнее меча’ [10. С. 491]; англ. *fall into a good berth* (букв.: упасть на хорошую койку) — ‘найти высокооплачиваемое место работы’ [10. С. 77]; англ. *clear as a bell* (букв.: ясный, как колокол) — ‘все предельно понятно’ [10. С. 75].

Раскрыть характер воздействия на объект помогает не только означаемое, но и означающее. Образ устойчивого оборота, его фразеологическое значение, выраженное в денотативном и коннотативном аспектах, позволяют судить о том, является ли совершенное воздействие позитивным или негативным, даже если с точки зрения значения компонентов это сделать невозможно. Например, в компонентах устойчивого оборота *мешок с соломой* отсутствует указание на позитивную или негативную природу совершаемого на объект воздействия в силу их семантики. Тем не менее, если мы обратимся к фразеологическому значению данного оборота — ‘нерасторопный, глуповатый человек’ [12. С. 251] — станет ясно, что речь определенно идет о негативном воздействии. Примеры подобных устойчивых оборотов: русск. *играть в бирюльки* — ‘заниматься пустяками, даром тратить время’ [12. С. 182] (негативное воздействие); русск. *голова варит* — ‘кто-то сообразителен, догадлив’ [12. С. 58] (позитивное воздействие); англ. *a straight arrow* (букв.: прямая стрела) — ‘честный человек’ [10. С. 50] (позитивное воздействие); англ. *jump over the fence* (букв.: перепрыгнуть изгородь) — ‘перейти все дозволенные границы’ [10. С. 271] (негативное воздействие). Таким образом, определение характера воздействия на объект в рамках фразеологизмов-технонимов может происходить на уровне плана выражения, на уровне плана содержания или при помощи контекста, в рамках которого использован устойчивый оборот.

Принято считать, что главным «двигателем» всех изменений, происходящих в техносфере, является человек. В большинстве случаев это действительно так, поскольку основополагающей деятельностью, определяющей технический прогресс, можно назвать трудовую, осуществляемую людьми. Однако будет ошибочным предполагать, что преобразования технического плана может осуществлять только человек, это также проис-

ходит с участием природных сил. Например, в ветряных мельницах основополагающими факторами успешной работы являются сама мельница как продукт инженерной мысли человека и наличие ветра, осуществляющего движение крыльев мельницы. Таким образом, фразеологизмы с компонентом-технонимом можно также систематизировать по принципу природного или человеческого происхождения стержневого компонента-технонима. Например, русск. *заводить волюнку* — ‘говорить надоедливо’ [14. С. 113]; русск. *как заведенные часы* — ‘в жизни не происходит изменений’ [14. С. 134]; англ. *carry the guns* (букв.: нести пушки) — ‘быть влиятельным человеком, принадлежать к сильным мира сего’ [10. С. 339]; англ. *bite the bullet* (букв.: кусать пулю) — ‘стойко терпеть тяжелые обстоятельства’ [10. С. 114] — все перечисленные устойчивые обороты имеют антропогенное происхождение, поскольку *волюнка, часы, пушки, пуля* возникли благодаря технической деятельности человека, направленной на создание этих предметов.

В то же время такие устойчивые обороты, как русск. *землю роет* — ‘об активном человеке’ [11. С. 252]; русск. *живая вода* — ‘эликсир жизни’ [11. С. 90]; англ. *catch wind of* (букв.: поймать ветер чего-либо) — ‘узнать о чём-либо; почувствовать кого-либо’ [10. С. 822]; *a burnt child dreads the fire*

(букв.: обжегшийся ребенок боится огня) — ‘пуганая ворона куста боится’ [10. С. 277] можно отнести к фразеологизмам-технонимам природного происхождения, поскольку *вода, земля, ветер, огонь* — стихийные силы, существующие вне зависимости от воли человека, способные оказывать воздействие на объекты окружающей действительности и изменять их структуру. Таким образом, для того, чтобы определить, какое происхождение у ФЕ, человеческое или природное, необходимо обратиться к компонентному составу устойчивого оборота.

Рассмотрев наиболее важные характеристики фразеологизмов-технонимов и основываясь на современных тенденциях во фразеографировании, предлагаем возможный образец словарного описания подобных устойчивых оборотов на примере фразеологических единиц с компонентом «бить». В данную словарную статью включаем такие характеристики фразеологизмов-технонимов, как тематическая группа (в нашем случае — технические действия); тип воздействия на объект — позитивное или негативное, а также происхождение оборота — природное или человеческое. Также в словарной статье дается толкование фразеологического значения и пример использования устойчивого оборота в речевой ситуации. Рабочие языки — русский и английский.

Тематическая группа
«ТЕХНИЧЕСКИЕ ДЕЙСТВИЯ»

БИТЬ	BEAT
<p>• бить баклуши тип воздействия: негативное происхождение: человеческое ‘бездельничать’ <i>Ребята, мы бьем баклуши уже часа три, может, начнём уже ремонт по восстановлению водоснабжения?</i></p> <p>• бить в глаза тип воздействия: негативное происхождение: человеческое ‘быть особенно заметным’ <i>Яркий свет от прожектора бил в глаза, мешая целяться в непроглядную тьму, скрывающуюся за пределами линии обороны.</i></p> <p>• бить в набат тип воздействия: позитивное происхождение: человеческое ‘обращать внимание окружающих на надвигающуюся опасность’ <i>Всегда бей в набат, если у тебя появляются плохие предчувствия.</i></p>	<p>• beat the devil тип воздействия: позитивное происхождение: человеческое ‘превзойти все ожидания’ <i>To tell the truth, at first, I wasn't quite sure about that guy but his skills and technique...he really beat the devil.</i></p> <p>• beat goose тип воздействия: негативное происхождение: человеческое ‘хлопать себя руками по бокам, чтобы согреться’ <i>When you work outside at a cold winter night, you don't think about ruined dreams, you beat goose.</i></p> <p>• beat to sticks тип воздействия: позитивное происхождение: человеческое ‘одержать полную победу’ <i>You tried to challenge me and lost. Oh no, not just lost, I beat you to sticks!</i></p>

Продолжение таблицы

БИТЬ	BEAT
<p>• бить в одну точку тип воздействия: позитивное происхождение: человеческое ‘направить все усилия на достижение поставленной цели’ <i>Неужели не понимаешь, что это большая тема для неё, а ты постоянно бьешь в разговор в одну точку.</i></p> <p>• бить как обухом по голове тип воздействия: негативное происхождение: человеческое ‘ошеломлять’ <i>Новость о смерти отца ударила его как обухом по голове.</i></p> <p>• бить ключом тип воздействия: позитивное происхождение: природное ‘бурно протекать, проявляться’ <i>В этом маленьком городке на берегу Средиземного моря жизнь не бьет ключом, но именно это и нужно людям, ищущим спокойствие и уединение.</i></p> <p>• бить мимо цели тип воздействия: негативное происхождение: человеческое ‘не достигать планируемого результата’ <i>Придумав всю схему от начала до конца, ты все-таки ударил мимо цели — прибыль катастрофически падает вот уже две недели!</i></p> <p>• бить отбой тип воздействия: негативное происхождение: человеческое ‘отказываться от своего мнения, намерений’ <i>Мы уже всё обсудили, назначили дату встречи — и тут он бьёт отбой!</i></p> <p>• бить поклоны тип воздействия: позитивное происхождение: человеческое ‘почтительно кланяться; выражать чувство глубокого уважения’ <i>Ты мне поклоны не бей, а говори прямо: сколько надо в долг?</i></p> <p>• бить по рукам тип воздействия: позитивное происхождение: человеческое ‘заключать соглашение, сделку’ <i>Двое мужчин за соседним столиком долго о чем-то яростно спорили, но в итоге ударили по рукам и разошлись с довольным видом.</i></p> <p>• бить челом тип воздействия: позитивное происхождение: человеческое ‘почтительно кланяться кому-то в знак уважения’ <i>Великий государь, бьём тебе челом и на мудрость твою уповаем!</i></p> <p>• бить через край тип воздействия: негативное происхождение: природное ‘бурно проявляться (о эмоциях, чувствах)’ Такое ощущение, что его самодовольство буквально бьёт через край и скоро выльется наружу.</p>	<p>• beat it тип воздействия: позитивное происхождение: человеческое ‘уходить, убираться’ <i>Leave this problem to me and beat it, I can handle this.</i></p> <p>• beat smb. black and blue тип воздействия: негативное происхождение: человеческое ‘жестоко избить кого-то’ <i>If I were you I would beat him black and blue.</i></p> <p>• beat the air тип воздействия: негативное происхождение: природное ‘зря стараться’ <i>You will not be able to convince me so don't beat the air.</i></p> <p>• can you beat that! тип воздействия: позитивное происхождение: человеческое ‘ты не поверишь!’ <i>He has won a jackpot of totally five million dollars now can you beat that!</i></p> <p>STRIKE Бить, ударить</p> <p>• strike it rich тип воздействия: позитивное происхождение: человеческое ‘напасть на золотую жилу’ <i>John caught gold fever and went to America to become rich and famous. Unlike other guys with bad luck he really struck it rich.</i></p> <p>тип воздействия: позитивное происхождение: человеческое ‘разбогатеть’ <i>His most cherished dream was to find the most beautiful girl in the world and struck it rich.</i></p> <p>• strike me blind тип воздействия: негативное происхождение: человеческое ‘чтоб мне провалиться на этом самом месте’ <i>Strike me blind if I've ever lied to you!</i></p> <p>• strike smb. dumb тип воздействия: негативное происхождение: человеческое ‘лишиться дара речи’ <i>The news seemed to strike him dumb, he couldn't move and just stared at the screen.</i></p> <p>HIT Бить, ударить</p> <p>• hit smb. where it hurts тип воздействия: негативное происхождение: человеческое ‘задеть за живое кого-либо’ <i>By discussing his salary you've managed to hit him where it hurts</i></p> <p>• hit the bottle тип воздействия: негативное происхождение: человеческое ‘беспробудно пьянствовать’</p>

Окончание таблицы

БИТЬ	BEAT
	<p><i>By discussing his salary you've managed to hit him where it hurts</i></p> <p>• hit the hay тип воздействия: позитивное происхождение: натурогенное 'пойти спать' <i>Let's hit the hay and think about it later, when we are awake.</i></p> <p>• hit the road тип воздействия: негативное происхождение: человеческое 'отправиться в путь, удрать, смотаться' <i>As it is sung in a popular song: 'Hit the road, Jack!' and never come back cause my hatred will never cool down.</i></p>

Таким образом, исходя из рассмотренных в статье примеров, мы можем прийти к следующим выводам:

1. Современные фразеографические словари являются комплексными изданиями, описывающими такие аспекты существования устойчивых оборотов в языковой системе, как этимологический, функциональный, лингвокультурный и др.

2. Элемент *-оним* позволяет объединять фразеологизмы в тематические группы, содержащие устойчивые обороты, которые именуют явления или объекты окружающей действительности, се-

мантически связанные с вышеобозначенным элементом.

3. Фразеологизмы-технонимы могут обладать следующими языковыми характеристиками: принадлежность к тематической группе (орудия труда, устройства и механизмы, средства передвижения, технические действия); тип воздействия, оказываемый на объект (позитивное или негативное); происхождение оборота (природное или человеческое). Эти языковые свойства могут быть отражены в макете двуязычного словаря, представленного в рамках данной статьи.

Список литературы

1. Бабкин, А. М. Лексикографическая разработка русской фразеологии / А. М. Бабкин. — М. ; Л., 1964. — 76 с.
2. Байрамова, Л. К. Фразеологические словари нового поколения // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2010. — № 29 (210). Филология. Искусствоведение. Вып. 47. — С. 27–32.
3. Валгина, Н. С. Современный русский язык / Н. С. Валгина, Д. Э. Розенталь, М. И. Фомина. — URL: http://nwapr.spb.ru/sajt_ibo/vistavki/slovari/istoriya.html.
4. Василенко, А. П. О генетической воспроизводимости единиц фразеологического корпуса языка / А. П. Василенко // Вестн. Челяб. гос. пед. ун-та. — 2010. — № 10. — С. 270–279.
5. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль — М., 2003. — Т. 1. — 700 с.
6. Дмитриева, Ю. В. Как и где рождаются словари / Ю. В. Дмитриева. — URL: <https://sites.google.com/site/kakigderozdautsaslovari/istoria-sozdania-slovaraj>.
7. Дубчинский, В. В. Лексикография русского языка : учеб. пособие / В. В. Дубчинский. — М., 2009. — 432 с.
8. Иванова, Е. П. Новые возможности семантизации лексической единицы в мультимедийном словаре / Е. П. Иванова // Ученые зап. Комсом.-на-Амуре гос. техн. ун-та. — 2010. — № 1–2. — С. 49–53.
9. Каламбет, Е. В. Проявления антропоцентризма в современной отечественной лексикографии (на материале лингвистических словарей) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. В. Каламбет. — Краснодар, 2007. — 23 с.
10. Кунин, А. В. Англо-русский фразеологический словарь / сост. А. В. Кунин. — М., 1984. — 944 с.

11. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских поговорок. Более 40 000 образных выражений / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. — М., 2007. — 785 с.
12. Молотков, А. И. Фразеологический словарь русского языка / сост. А. И. Молотков. — М., 1968. — 543 с.
13. Морковкин, В. В. Антропоцентрический versus лингвоцентрический подход к лексикографированию / В. В. Морковкин // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре. — М., 1988. — С. 131–136.
14. Степанова, М. И. Фразеологический словарь русского языка / сост. М. И. Степанова. — СПб., 2003. — 608 с.
15. Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. — М., 2009. — 367 с.
16. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. — М., 1996. — 288 с.
17. Фёдоров, А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13 000 фразеологических единиц / А. И. Фёдоров. — М., 2008. — 878 с.

Сведения об авторе

Никонов Денис Олегович — аспирант кафедры теории английского языка и переводоведения, Брянский государственный университет им. Петровского. Брянск, Россия. nikonov.den@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2017. No. 12 (408). *Philology Sciences. Iss. 110. Pp. 143–153.*

ABOUT PHRASEOLOGICAL DICTIONARY AND DESIGN OF A DICTIONARY ENTRY (by the example of English and Russian phraseological units with a technical component)

D. O. Nikonov

Bryansk State University, Bryansk, Russia. nikonov.den@yandex.ru

This article deals with major principles of idiomatic phrase-making based on the latest tendencies in the field of dictionary fixation of phraseological units. The author gives a historical reference to the appearance of vocabulary system and its development throughout the ages up to the modern condition. The difference between such terms as “lexicography” and “phraseography” is observed. In the context of vocabulary fixation, the linguistic features of idioms with the “onym” element are studied, namely phraseological units with a technical component (technonyms). The author gives an example of a dictionary entry based on two languages, Russian and English, where idioms with a technical component are described from the point of view of their natural or human origin, positive or negative effect produced on the object and componential group they belong to.

Keywords: *idiom, phraseography, dictionary entry, technonym, language features of phraseological units with a technical component.*

References

1. Babkin A.M. *Leksikograficheskaya razrabotka russkoi fraseologii* [Lexicographical design of Russian phraseology]. Moscow; Leningrad, 1964. 76 p. (In Russ.).
2. Bairamova L.K. *Fraseologicheskie slovari novogo pokoleniya* [Phraseological dictionaries of the new generation]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2010, no. 29, pp. 27–32. (In Russ.).
3. Valgina N.S., Rozental' D.I., Fomina M.I. *Sovremenniy russkiy yazyk* [Contemporary Russian Language]. Available at: http://nwapa.spb.ru/sajt_ibo/vistavki/slovari/istoriya.html, accessed 07.10.2017. (In Russ.).
4. Vasilenko A.P. *O geneticheskoy vosproizvodimosti edinit frazeologicheskogo korpusa yazyika* [About genetic reproducibility of units of phraseological corpus of language]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2010, no. 10, pp. 270–279. (In Russ.).

5. Dahl V.I. *Tolkoviy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyika. T. 1* [the Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. Vol. 1]. Moscow, 2003. 700 p. (In Russ.).
6. Dmitrieva Y.V. *Kak i gde rozhdayutsya slovari* [How and where dictionaries are born]. Available at: <https://sites.google.com/site/kakigderozhdaysaslovari/istoria-sozdania-slovaraj>, accessed 07.10.2017. (In Russ.).
7. Dubchinsky V.V. *Leksikografiya russkogo yazyika* [Lexicography of the Russian language]. Moscow, 2009. 432 p. (In Russ.).
8. Ivanova E.P. *Noviye vozmozhnosti semantizatsii leksicheskoy edinitsyi v multimediyenom slovare* [The new possibilities of semantization of a lexical unit in a multimedia dictionary]. *Uchenye zapiski Komsomolskogo-na-Amure gosudarstvennogo tehnikeskogo universiteta* [Scientific notes of Komsomolsk-on-Amur State Technical University], 2010, no. 1–2, pp. 49–53. (In Russ.).
9. Kalambet E.V. *Proyavleniya antropotsentrizma v sovremennoy otechestvennoy leksikografii (na materiale lingvisticheskikh slovarey)* [The manifestations of anthropocentrism in contemporary national lexicography (based on the material from linguistic dictionaries)]. Krasnodar, 2007. 23 p. (In Russ.).
10. Kunin A.V. *Anglo-russkiy frazeologicheskiy slovar'* [English–Russian phraseological dictionary]. Moscow, 1984. 944 p. (In Russ.).
11. Mokienko V.M., Nikitina T.G. *Bolshoy slovar russkikh pogovorok. Bolee 40 000 obraznykh vyrazheniy* [Large dictionary of Russian Proverbs. More than 40,000 figurative expressions]. Moscow, 2007. 785 p. (In Russ.).
12. Molotkov A.I. *Frazeologicheskiy slovar russkogo yazyika* [Phraseological dictionary of the Russian language]. Moscow, 1968. 543 p. (In Russ.).
13. Morkovkin V.V. *Antropotsentricheskii versus lingvotsentricheskii podhod k leksikografirovaniyu* [Anthropocentric versus linguistic approach to lexicography]. *Natsionalnaya spetsifika yazyika i ee otrazhenie v normativnom slovare* [National specifics of language and its reflection in a normative dictionary]. Moscow, 1988. Pp. 131–136. (In Russ.).
14. Stepanova M.I. *Frazeologicheskiy slovar russkogo yazyika* [Phraseological dictionary of Russian language]. St. Petersburg, 2003. 608 p. (In Russ.).
15. Superanskaya A.V. *Obschaya teoriya imeni sobstvennogo* [The General theory of a proper name]. Moscow, 2009. 367 p. (In Russ.).
16. Teliya V.N. *Russkaya frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokulturologicheskiy aspekty* [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguacultural aspects]. Moscow, 1996. 288 p. (In Russ.).
17. Fedorov A.I. *Frazeologicheskiy slovar russkogo literaturnogo yazyika: ok. 13 000 frazeologicheskikh edinits* [Phraseological dictionary of the Russian language: approx. 13 000 phraseological units]. Moscow, 2008. 878 p. (In Russ.).

УДК 82-343.4
ББК 82.3 (2Рос.Яку)

ИНИЦИАЛЬНЫЕ (НАЧАЛЬНЫЕ) ФОРМУЛЫ В ЯКУТСКОЙ НАРОДНОЙ СКАЗКЕ

Н. В. Павлова

*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения
Российской академии наук, Якутск, Россия*

В данной статье автором систематизированы инициальные (начальные) формулы всех жанров якутской народной сказки (волшебной, бытовой и сказки о животных) по классификации зачинов волшебной сказки адыгских народов А. И. Алиевой. На материале изданных текстов определен начальный формульный пласт якутской народной сказки, выявлены характерные отличия инициальных формул каждого сказочного жанра народа саха.

Ключевые слова: якутская волшебная сказка; якутская бытовая сказка; якутские сказки о животных; инициальные (начальные) формулы; хронологические формулы (формулы времени); топографические формулы (формулы пространства); формулы, определяющие социальное положение героя; формулы, характеризующие социальное и семейное положение героя; формулы, определяющие семейное положение героя; формулы, вводящие слушателя в действие сказки.

Традиционные формулы являются специфическими элементами, конструкциями, создающие традиционную структуру фольклорных произведений. Автор работы «Традиционные формулы сказки» Н. Рошияну разделяет сказочные формулы на три большие группы: а) инициальные формулы; б) медиальные формулы; в) финальные формулы. Так, на материале румынской волшебной сказки Н. Рошияну инициальные формулы подразделяет на хронологические и топографические формулы [5]. На материале волшебных сказок адыгских народов А. И. Алиева выявила значение инициальных формул, в котором они не только определяют время и место сказочного повествования, но и «представляют основных персонажей, обозначают исходную ситуацию» [1. С. 127]. Так, исследователем составлен перечень основных разновидностей зачинов адыгской сказки по функциональному характеру: 1) определяющие социальное положение героя; 2) характеризующие социальное и семейное положение героя; 3) определяющие семейное положение героя; 4) вводящие слушателя в действие сказки; 5) определяющие место сказочного действия; 6) определяющие время действия сказки [1]. Исследователь коми сказок Н. С. Коровина выявила особенность инициальных формул путем систематизации начальных формул на пять типов: 1. Формулы существования героев; 2. Формулы наличия или отсутствия; 3. Формулы времени; 4. Формулы пространства; 5. Формулы недостоверности [3]. Исследователь отмечает:

«основное место принадлежит зачинам, констатирующим существование героев», затем «среди смешанных типов инициальных формул получили формулы времени» [2. С. 109].

На примере А. И. Алиевой мы также распределили инициальные формулы якутской волшебной сказки на 6 категорий. Однако в отличие от классификации зачинов адыгских сказок, в первую категорию мы внесли дополнительно инициальные формулы якутской волшебной сказки, в которых указывается имущество героя, его возрастная и гендерная принадлежность, а также профессия героя: 1. *Биир дьадангы ошонньор олорбута эбитэ үһү* [7. Т. 1. С. 243]. *Жил один бедный старик, говорят* [7. Т. 1. С. 245]. 2. *Чампарыын саар диэн ыраахтаабы бутун импиэрийэни баһылаан олорбута* [7. Т. 1. С. 228]. *Жил царь Чампарын, правивший целой империей* [7. Т. 1. С. 231]. 3. *Мас ууһа олорбут* [7. Т. 1. С. 284]. *Жил-был плотник* [7. Т. 1. С. 285]. 4. *Биир антаах аҕабыт олорбут үһү* [7. Т. 1. С. 272]. *Жил, говорят, поп-колдун* [7. Т. 1. С. 272]. 5. *Көмүс илимнээх, көмүс тыылаах* *Лыыбырда ошонньор диэн үөскээн-төрүүн олорбут* [7. Т. 1. С. 120]. *Жил родившийся-появившийся (на свет) старик по имени Лыыбырда с серебряной веткой (лодочкой) и серебряной сетью* [7. Т. 1. С. 123]. В инициальных формулах якутской волшебной сказки, определяющих социальное положение, описывается обычно существование таких героев как *ошонньор* (старик), *эмээхсин* (старушка), *ыраахтаабы* (царь), *күбүөрүнээтэр* (губернатор), *ороспуой* (разбойник), *аҕабыт*

(нон), мас ууһа (плотник), что свидетельствует о возрасте и половой принадлежности, а также профессии и занятии героев. В этих формулах иногда герои номинируются просто словом «киһи» («человек»), в котором не указывается возраст и пол героя. Например: «Хаһан эрэ Чаарчахаан диэн сытыы өйдөөх, хорсунунан аатырбыт **киһи** олорбута үһү» [7. Т. 1. С. 116]. «Когда-то жил, говорят, Чаарчахаан, человек с острым умом, прославившийся своей смелостью» [7. Т. 1. С. 118].

Во вторую категорию мы включили формулы, характеризующие одновременно социальное и семейное положение героя: 1. **Биир ойохтоох, уоллаах кыыс оҕолоох, күүх эбириэн оҕустаах, икки ынахтаах, икки биэлээх, икки тыйдаах, биир бороосколоох, Киэнг Чэнгэлик диэн күүлээх Чөпчөөкөөн-Чөпчөөкөөн диэн олорбута эбитэ үһү** [6. С. 184]. *Жил, говорят, [человек] по имени Чөпчөөкөөн-Чөпчөөкөөн с одной женой, детьми, мальчиком и девочкой, сизо-пестрым быком, двумя коровами, двумя кобылами, двумя двухтравными лошадами, одним бычком и озером Киэнг Чэнгэлик* [6. С. 185]. 2. **От Сабынньах диэн уоллаах, алааска баппат ала диэн оҕустаах, буор дьадаҥы оҕонньордоох эмээхсин ыал буолан олоотторо үһү** [6. С. 274]. *Жили, говорят, семьей очень бедные старик со старухой, с сыном От Сагынньахом и не вмещающимся на алаасе пегим быком* [6. С. 275]. 3. **Биир ойохтоох, уоллаах кыыс оҕолоох, күүх эбириэн оҕустаах, икки биэлээх, икки тыйдаах, биир торбостоох, Киэнг Чэнгэлик диэн күүлээх Чөпчөөкөөн-Чөпчөөкөөн диэн киһи олорбута эбитэ үһү** [7. Т. 1. С. 138]. *Жил-был, говорят, человек по имени Чөпчөөкөөн-Чөпчөөкөөн* [7. Т. 1. С. 142]. Формулы этой категории информируют о семейном и социальном положении героя, то есть сообщается, сколько у героя жен, детей, скота, имущества, чем он занимается. В начальных формулах якутской волшебной сказки данной категории герой бывает с женой, детьми или с родными братьями, сестрами, иногда без кого бы то ни было или безо всего. Если герой состоятельный, то основным имуществом является скот (корова, бык, лошадь). Герой является царем, шаманом, крестьянином и так далее. Центральное место занимает мужчина, старик или старик со старухой вместе.

Третья категория состоит из инициальных формул, определяющих только семейное положение героя: 1. **Үчүгэй Удьүйэн баар үһү, Куһаҕан Ходьугур, инитэ баар үһү. Иккиэйхтэр үһү** [6. С. 218]. *Живет, говорят, Славный Юджуйэн,*

у него, говорят, есть младший брат Худой Ходьугур — двое их, говорят [6. С. 219]. 2. **Биэс уоллаах, биир кыыстаах Хабарата эмээхсин баар үһү** [7. Т. 1. С. 133]. *Жила, говорят, старуха Хабарата с пятью сыновьями и одной дочерью* [7. Т. 1. С. 134]. 3. **Чаачахаан Чабычахаан эмээхсин диэн ойохтоох, Кыл Куөмэй диэн кыыстаах, От Атах диэн уоллаах, Сэбирдэх Түөс диэн уоллаах, От Сыалыйа диэн уоллаах, Хабах Бас диэн уоллаах, Орой Мэйи диэн уоллаах** [7. Т. 1. С. 108]. *Чаачахаан имел жену старуху Чабычахаан, дочь Кыл Куөмэй, сына От Атах, сына Сэбирдэх Түөс, сына Хабах Бас, сына Орой Мэйи* [7. Т. 1. С. 108]. Из этих формул видно, что героями являются в основном старик со старухой, которые имеют сколько-то сыновей и дочерей, или родные братья.

В четвертую группу мы включили начальные формулы, вводящие слушателя в действие сказки: 1. **Сырагына икки Карагына икки олорбуттар** [7. Т. 1. С. 136]. *Жили, говорят, Сырагына и Карагына* [7. Т. 1. С. 137]. 2. **Айыы икки абааһы икки аргыстаспыттара үһү** [7. Т. 1. С. 270]. *Говорят, что айыы с абаасы были спутниками* [7. Т. 1. С. 271]. 3. **Чаачахаан-Чаачахаан олорбута эбитэ үһү** [6. С. 162]. *Жила, оказывается, Чаачахаан-Чаачахаан, говорят* [6. С. 163]. Сказка сразу начинается с констатации факта, в этой формуле не рассказывается об имуществе, семейном положении героя, а называется его действие.

Пятая группа состоит из формул, определяющих место сказочного действия: 1. **Бэрт улахан куорат тас өттүгэр, саастарын тухары оҕо төрөппөтөх, дьадаҥы баҕайы оҕонньордоох эмээхсин олорбуттара эбитэ үһү** [7. Т. 1. С. 258]. *На окраине очень большого города жили, говорят очень бедные старик со старухой, за всю свою жизнь не имевшие детей* [7. Т. 1. С. 261]. 2. **Ханнык эрэ саарыстыбаҕа, ханнык эрэ государствоҕа Марба уоруйах диэн киһи олорбута эбитэ үһү, аакка тахсыбыт албын киһи** [7. Т. 1. С. 246]. *В каком-то царстве, в каком-то государстве жил человек по имени Марба-вор, известный обманщик, говорят: не работая, ничего не промышляя, всю свою жизнь прожил он на обмане* [7. Т. 1. С. 248]. 3. **Биир сарсыарда туран, биэс ынахтаах Бэйбэрикээн эмээхсин алаас сыһыга ынабын сылгылыы барбыт үһү** [7. Т. 1. С. 166]. *Говорят, встав однажды утром, низенькая (маленькая, толстенная) старушка Бэйбэрикээн с пятью коровами пошла в поле искать коров* [7. Т. 1. С. 172]. Топографические фор-

мулы якутской волшебной сказки информируют о том, что действие сказки происходит в поле (*алаас сыһыы*), на озере (*көлүйэ күөлүгэр*), в отдаленном месте (*бэрт ыраах сиргэ*), на окраине очень большого города (*бэрт улахан куорат тас өттүгэр*) или, как и в русских сказках «в каком-то царстве, в каком-то государстве» (*ханнык эрэ саарыстыбаҕа, ханнык эрэ государствоҕа*). Следует отметить, что доминирует больше всего описание природного ландшафта Якутии.

В шестую группу включены формулы, определяющие время действия сказки, по-другому — хронологические формулы или формулы времени: 1. *Обонньордоох эмээхсин былыргы дьыл мындаатыгар, урукку дьыл уорбатыгар, этиһилээх дьылым элбээн турдагына, өлөссүүлээх дьылым үүнэн турдагына, олоббуттар эбит* [6. С. 232]. *На вершине старинных лет, на хребте давних лет, когда, умножаясь, бранные лета вставали, когда, вырастая, ратные лета поднимались, жили, оказывается, старик со старухой* [6. С. 233]. 2. **Былыр** *обонньордоох эмээхсин олоббуттар: уоллаах кыыс оҕолоохтор эбит* [6. С. 244]. *В старину жили старик со старухой, у них дети — мальчик с девочкой, оказывается* [6. С. 245]. 3. **Былыр-былыр** *Күргүй Дохсун уоллаах, чэп-чэгиэн дьиэлээх, Чэм-Чэмиликээн эмээхсиннээх, Хоп-Дьип кийиһиттээх, букуй-такый тайыылаах Букуйдаан обонньор диэн олобута эбитэ үһү* [6. С. 288]. *Давным-давно жил, говорят, старик по имени Букуйдаан с сыном Кюргүй Дохсун, с очень прочным домом, со старушкой Чэм-Чэмиликээн, с невесткой Хоп-Джип, с гнутой-согнутой рогатиной* [6. С. 289]. Хронологическим формулам якутской волшебной сказки мы посвятили отдельную статью, в которой отметили, что они занимают особое место в композиции начальных формул якутской волшебной сказки, а также состоят обычно из наречия «былыр» («в древности») вместе с глаголами в прошедшем времени и с частицами «үһү», «эбит» [4. С. 25–28].

В результате рассмотрения 58 изданных текстов якутской волшебной сказки начальные формулы распределены нами по категориям следующим образом:

1. Определяющие социальное положение героя — 25.
2. Характеризующие социальное и семейное положение героя — 14.
3. Определяющие только семейное положение героя — 10.

4. Вводящие слушателя в действие сказки — 3.

5. Определяющие место сказочного действия — 6.

6. Определяющие время действия сказки — 15.

Некоторые формулы мы включили параллельно в разных категориях, так как по содержанию они могут относиться к нескольким группам. Например, начальная формула «*Биир сарсыарда туран, биэс ынахтаах Бэйбэрикээн эмээхсин алаас сыһыыга ынабын сылгылыы барбыт үһү*» [7. Т. 1. С. 166]. «*Говорят, встав однажды утром, низенькая (маленькая, толстенная) старушка Бэйбэрикээн с пятью коровами пошла в поле искать коров*» [7. Т. 1. С. 172] соответствует категориям, определяющим социальное положение героя, место и время сказочного действия.

В результате классификации начальных формул якутской волшебной сказки по 6 категориям мы обнаружили, что доминирующее количество единиц содержится в группе, определяющей социальное положение героя. Затем особое место занимают формулы времени и формулы, характеризующие социальное и семейное положение героя.

С целью определить специфику начальных формул якутской волшебной сказки мы рассмотрели 68 инициальных формул якутских бытовых сказок и 49 начальных формул якутских сказок о животных, изданных в сборниках якутских народных сказок [7; 6]. Некоторые начальные формулы также соответствуют сразу нескольким группам. Спецификой инициальных формул бытовых сказок является наличие в формулах подробного описания характера и поведение героя. В связи с этим в перечень групп инициальных формул мы включили дополнительно седьмую группу формул, описывающих поведение персонажей.

В результате классификации начальных формул якутской бытовой сказки выяснилось, что в доминирующем положении находятся инициальные формулы, определяющие время действия сказки, которые составляют 38 единиц, что составляет большую часть рассмотренных текстов. В хронологических начальных формулах якутской бытовой сказки, как и в якутской волшебной сказке, наличествует наречие «былыр», «былыр-былыр» (в переводе на русс. «давно», «давным-давно»), а также эвиденциальные частицы «эбит», «үһү» с глаголом в прошедшем времени.

Показатель 68 инициальных формул якутской бытовой сказки:

1. Определяющие социальное положение — 24.
2. Характеризующие социальное и семейное положение героя — 30.
3. Определяющие семейное положение героя — 2.
4. Вводящие слушателя в действие сказки — 27.
5. Определяющие место сказочного действия — 8.
6. Определяющие время действия сказки — 39.
7. Поведение персонажа — 13.

Совсем другой показатель получился среди инициальных формул сказки о животных. Наибольшее количество присутствует в группе начальных формул, вводящие слушателя в действие сказки (33 единицы). Второе доминирующее положение занимает категория формул, определяющих время действия сказки (30 единиц). Затем — группа формул, определяющих место сказочного действия (20 единиц). Некоторые начальные формулы также соответствуют сразу нескольким группам. Например, формула «*Биирдэ мас туруйата биир бэртээхэй суон тииккэ төрөөн олордобуна, куула тыа диэкиттэн саһыл обургу кыһыһыбыт-абарбыт, түүтүн адырыччы туруорбут, киирэн кэлбитэ*» [7. Т. 1. С. 41] («Однажды, когда аист-самка на прекрасной толстой лиственнице выхаживала своих птенцов, с теневой стороны леса прибежала лиса, сердитая, грозная, взъерошившая свою шерсть» [7. Т. 1. С. 44]) соответствует к категориям формул, вводящие в действие сказки и описывающие место и время сказочного действия.

Количественный показатель среди 49 инициальных формул сказки о животных:

1. Определяющие социальное положение — 2.
2. Характеризующие социальное и семейное положение героя — 3.
3. Вводящие слушателя в действие сказки — 33.

4. Определяющие место сказочного действия — 20.
5. Определяющие время действия сказки — 30.
6. Человеческие качества героя — 5.
7. Описывающие размер, цвет животных, птиц — 6.
8. Формулы существования — 6.

Таким образом, систематизировав якутские начальные сказочные формулы, мы выявили совершенно разные показатели по жанрам якутской народной сказки. Если в волшебной сказке доминируют начальные формулы, определяющие социальное положение героя, то в якутских сказках о животных они, наоборот, наименее представлены. В якутских сказках о животных преобладают инициальные формулы, вводящие слушателя в действие, а в волшебной сказке они, напротив, оказались в малом количестве. В начальных формулах якутской бытовой сказки наибольшее место занимают хронологические формулы, которых немало и в других двух жанрах якутской сказки. Инициальные формулы якутских сказок отличаются еще наличием характерных групп. Так, в классификации начальных формул бытовой сказки мы добавили группу формул, описывающих поведение персонажа, а в перечень групп инициальных формул сказок о животных включили две категории формул, которые описывают внешность персонажей, а также информирующие о существовании сказочных героев.

В дальнейшем было бы интересно рассмотреть систематизацию начальных формул по классификации зачинов А. И. Алиевой еще не изданных текстов общего сказочного фонда народа саха. На примере данной классификации мы в дальнейшем рассмотрим инициальные формулы якутской народной сказки Вилюйской экспедиции С. И. Боло и А. А. Саввина.

Список литературы

1. Алиева, А. И. Поэтика и стиль волшебных сказок адыгских народов / А. И. Алиева. — М., 1986. — 279 с.
2. Коровина, Н. С. Инициальные формулы коми народных сказок / Н. С. Коровина // Филол. науки. Вопр. теории и практики. — 2013. — № 6 (24), ч. 2. — С. 107–110.
3. Коровина, Н. С. Типология взаимодействия коми и русских волшебных сказок (сюжетный состав, художественно-стилевая структура) / Н. С. Коровина. — Сыктывкар, 2013. — 232 с.
4. Павлова, Н. В. Инициальные формулы времени в якутской волшебной сказке / Н. В. Павлова // Филол. науки. Вопр. теории и практики. — 2017. — № 12, ч. 1. — С. 25–28.
5. Рошияну, Н. Традиционные формулы сказки / Н. Рошияну. — М., 1974. — 216 с.
6. Якутские народные сказки. — Новосибирск, 2008. — Т. 27. — 462 с.
7. Якутские сказки. — Якутск, 1964–1967. — Т. 1–2.

Сведения об авторе

Павлова Надежда Васильевна — младший научный сотрудник отдела фольклора и литературы Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, кандидат филологических наук. Якутск, Россия. nadya.sanaaya@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2017. No. 12 (408). *Philology Sciences. Iss. 110. Pp. 154—158.*

THE INITIAL (INTRODUCTORY) FORMULAS IN THE YAKUT FAIRY TALE

N. V. Pavlova

Institut for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russia. nadya.sanaaya@yandex.ru

In this article, the author systematizes the initial (introductory) formulas in all genres of the Yakut folk tales on the classification of the beginnings of fairy tales of the Circassian peoples by A. I. Aliyeva. Comparing initial formula layer of Yakut household tales and tales about animals, the author reveals the specificity of the initial formulas of the Yakut fairy tales. If in a fairy tale most of all dominated by the initial formulas defining the social position of the hero, in the Yakut fairy tales about animals on the contrary, they have the least number. In the Yakut fairy tales about animals most of all dominated by the initial formula, misleading the listener into the action, as in a fairy tale, on the contrary, been found in small quantity. In the initial formulas of the Yakut household tales, the greatest place to take a chronological formula, which in the other two genres of the Yakut fairy tales have a considerable amount.

Keywords: *Yakut fairy tale; household tale Yakut; Yakut tales about animals; the initial (introductory) formulas; chronological formula (formula); topographical of the formula (formula space); the formulas that determine the social position of the hero; the formula that characterizes social and family situation of the hero; the formulas defining the marital status of a hero; formula, misleading the listener into the tale.*

References

1. Aliyeva A.I. *Poetika i stil volshebnykh skazok adygskich narodov* [Poetics and style of magical fairy tales of the Circassian peoples]. Moscow, 1986. P. 279. (In Russ.).
2. Korovina N.S. Inisialnyie formuly komi narodnyh skazok [the Initial formula of Komi folk tales]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of theory and practice], 2013, no. 6 (24), part 2, pp. 107–110. (In Russ.).
3. Korovina N.S. *Tipologiya vzaimodeistviia komi i russkikh volshebnykh skazok (siujetnyi sostav, khudozhestvenno-stilevaia struktura)* [Typology of interaction between the Komi and Russian fairy tales (the scene composition, artistic and stylistic structure)]. Syktyvkar, 2013. 232 p. (In Russ.).
4. Pavlova N.V. Inisialnyie formuly vremeni v yakutskoi volshebnoi skazke [Initial formula of time in the Yakut fairy tale]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of theory and practice], 2017, no. 12, part 1, pp. 25–28. (In Russ.).
5. Rosianu N. *Traditsionnyie formuly skazki* [Traditional formulas of tales]. Moscow, 1974. 216 p. (In Russ.).
6. *Yakutskie narodnyie skazki. T. 27* [Yakut folk tales. Vol. 27]. Novosibirsk, 2008. 462 p. (In Russ.).
7. *Yakutskie skazki. T. 1–2* [Yakut fairy tales. Vol. 1–2]. Yakutsk, 1964–1967. (In Russ.).

УДК 81'276
ББК 81-25

КОММУНИКАТИВНЫЕ И РЕЧЕВЫЕ СТРАТЕГИИ РЕПОРТАЖА КАК ЖАНРА СПОРТИВНОГО ДИСКУРСА СМИ

Н. Б. Попова

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

В статье рассматривается публицистический жанр репортажа, который представляет одну из важнейших составляющих масс-медийного пространства спортивного дискурса. В центре внимания исследования находятся особенности институционального и личностного аспектов спортивного дискурса, коммуникативные и речевые стратегии спортивного репортажа.

Ключевые слова: *речевой жанр, публицистический стиль, спортивный дискурс, средства массовой информации, коммуникативные и речевые стратегии.*

Публицистический жанр репортажа восходит к понятию речевых жанров, определенных М. М. Бахтиным «как относительно устойчивые типы высказываний» [2]. Условно выделяются три группы публицистических жанров в зависимости от коммуникативных стратегий передачи информации, которая служит их типологическому объединению в средствах массовой информации: новостная информация, аналитическая и художественно-публицистическая.

Понятие стратегии, заимствованное из военного дела, определяет в коммуникативной лингвистике, по выражению О. С. Иссерс, «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативных целей» [4]. Коммуникативные стратегии речевых жанров задают определенный угол зрения на выбранный тип информации. Они целенаправленно ограничивают возможный объем информации и определяют конкретный отбор языковых средств для ее представления речевыми стратегиями в той или иной группе публицистических жанров.

Первая группа публицистических жанров имеет в качестве основной коммуникативной стратегии передачу новостной информации, а ее конкретные жанры (заметка, репортаж, интервью, отчет) отражают частные коммуникативные стратегии, согласно форме того или иного речевого жанра. Коммуникативные стратегии аналитической группы опираются соответственно на анализ передаваемой информации, а ее формы (беседа, статья, корреспонденция, рецензия, обзор, обозрение) отражают частный характер коммуникативных стратегий данной группы. Художественно-публицистическая информация выражается в жанровых формах эссе, очерка, фе-

льетона и памфлета, в которых отражено своеобразие частных коммуникативных стратегий группы.

Несмотря на разнообразие публицистических жанров в дискурсе СМИ, все они отображают единство публицистического стиля речи, своеобразие которого заключается в выполнении функций информирования и воздействия, хотя и в разной степени интенсивности. Информационная функция публицистики определяется сдержанностью, объективностью, документальностью и фактологичностью, а функция воздействия, отражая личностный и социальный аспекты речевых жанров, характеризуется эмоциональностью, оценочностью и полемичностью.

Как видим, единство публицистического стиля речи достаточно противоречиво, что дает возможность определить его как гетерогенное (неоднородное) единство. В свое время академик В. Г. Костомаров назвал это противоречивое единство «сопряжением экспрессии и стандарта» [10], определение, которое в современной дискурсивной парадигме находит отражение в типологическом представлении дискурса В. И. Карасиком как единства двух его аспектов: индивидуально-личностного и институционального [9].

В современной лингвистике понятие дискурса представляется достаточно сложным и неоднозначным явлением. Дискурс рассматривается Т. А. ван Дейком как коммуникативное событие [3], Н. Д. Арутюновой как речь, погруженная в жизнь [1], Е. С. Кубряковой — как когнитивный процесс [11]. С точки зрения формальной типологии, дискурс может быть устным и письменным, монологическим и диалогическим. С точки зрения рассмотрения дискурса по сферам

человеческой деятельности, он может быть политическим, юридическим, судебным, религиозным, медицинским, спортивным и так далее. Именно в рамках последней типологии в настоящее время актуально исследование институционально-социального и индивидуально-личностного статусов дискурса, обозначенных В. И. Карасиком.

Объектом нашего исследования является спортивный *дискурс*, который полностью отвечает всем выше представленным определениям понятия дискурс. Вслед за У. В. Снятковым спортивный дискурс можно определить как «речь (в устной или письменной форме), которая транслирует смыслы, определяющие спортивную деятельность (дискурс как процесс), и совокупность произведенных текстов, в которых репрезентированы эти смыслы (дискурс как результат), то есть совокупность речевых произведений, зафиксированных письмом или памятью» [12]. Спортивный дискурс можно и целесообразно рассмотреть и в рамках типологии В. И. Карасика: персональный (лично-ориентированный) тип дискурса, отражающий экспрессивную функцию, и институциональный тип дискурса, представляющий функцию стандарта в той или иной сфере человеческой деятельности.

Специфика институциональности, в терминах В. Г. Костомарова «стандарта» или стандартизованности, спортивного дискурса определяется особенностями спорта как социального института, в центре внимания которого находится физическая деятельность человека и общества. Вся коммуникация, тематически связанная со спортом, служит сохранению и развитию социального института спорта и отражает все многообразие коммуникативных стратегий спортивного дискурса.

Личностно-ориентированный аспект спортивного дискурса обусловлен индивидуальностью речевой деятельности журналиста, его ориентацией на читателя, слушателя или зрителя. То есть личностный аспект спортивного дискурса отражает эмоциональное состояние журналиста и проявляется в его речевых стратегиях в виде использования конкретных речевых единиц в личностных комментариях на непредсказуемую ситуацию.

Развивая понятие институциональности спортивного дискурса, исследователи Б. А. и А. Б. Зильберт выделяют его коммуникативные сферы. Это «само спортивное соревнование в «реальном хронотопе» как «игровой спортив-

ный дискурс», который практически не предусматривает наличия вербального компонента: его участники — это спортсмены и зрители. Другая коммуникативная сфера касается «письменной коммуникации» в сферах науки, образования и организации спорта, где происходит пересечение спортивного дискурса с другими институциональными дискурсами. И, наконец, третья сфера — это устные и письменные спортивные дискурсы, транслируемые по каналам масс-медиа, сфера, сочетающая в себе черты институциональности спортивного и масс-медийного дискурсов [5].

Действительно, дискурс средств массовой информации является практически основным каналом передачи спортивной коммуникации и существует в речевой среде масс-медиа как телевизионная, газетно-журнальная, радио- и интернет-разновидности.

Институциональный аспект масс-медийного спортивного дискурса отражает в основном коммуникативные стратегии, которые в определенной степени предполагают, по мнению К. В. Сняtkова, свои зоны специальной пресуппозиции. К ним относятся правила соревнований; «действующие лица» (спортсмены, команды, судьи, тренеры); «история» (представления о результатах предшествующих состязаний, возникновении и развитии того или иного вида спорта и так далее); спортивные орудия, устройство площадки и другие аспекты организации состязания. Кроме того, за всяким видом спорта закрепляется своя уникальная терминологическая база, также составляющая благодаря ее регулярной повторяемости «пресуппозиционную основу» того или иного вида спорта [12].

Коммуникативные стратегии спортивного дискурса, отмечает К. В. Сняtkов, должны также учитывать неоднородность пресуппозиционного фонда реципиентов. Наиболее эффективной коммуникативной стратегией в этом случае необходимо признать повторение ранее сообщенной информации, что позволяет помочь ее восприятию «неподготовленной» частью аудитории, и одновременно «обновить» пресуппозиционный фонд постоянного зрителя [12].

Рассмотрение коммуникативных стратегий спортивного дискурса представляется наиболее актуальным для жанра комментирования спортивного репортажа, слушатели или зрители которого могут обладать разной полнотой осведомленности о представляемом спортивном событии.

Жанр репортажа, согласно «Стилистическому энциклопедическому словарю русского языка» [8], относится к информационной группе публицистических жанров наряду с интервью, заметкой и отчетом. Собственно коммуникативные стратегии репортажа начинаются с оперативного и беспристрастного освещения некоего мероприятия или происшествия непосредственно с места события, где автор репортажа — активный наблюдатель и комментатор действия.

Репортажи подразделяются на событийные, аналитические, познавательно-тематические и репортажи-комментарии.

Событийный репортаж — это моментальный отклик на происходящее, к основным признакам событийного репортажа можно отнести оперативность и актуальность. *Аналитический* репортаж наряду с описанием конкретного события включает описание места действия, характеристику участников действия, информационные факты, цифры, свидетельства, оценки, комментарии, прогнозы. Как правило, разнородные элементы аналитического репортажа объединяются единой темой и логической схемой: тезис-аргумент-вывод. *Познавательно-тематический* репортаж по своему функциональному назначению подразделяется на репортаж специальный, репортаж комментированный, репортаж-расследование, их общая коммуникативная стратегия заключается в передаче репортером интересной жизненной ситуации. И, наконец, *репортаж-комментарий* по своему назначению ориентирован на детальное комментирование. Он может быть расширенным, синхронным, подробным, с использованием специалиста и специалистов разных сфер деятельности [8].

Спортивный репортаж, как телевизионный, так и радиный или газетный, — это чаще всего репортажи-комментарии с элементами событийного, аналитического и познавательно-тематического видов репортажей. В спортивном репортаже журналист рассказывает о конкретных событиях, свидетелем которых он является, которые зачастую происходят непредсказуемым образом. В последнем случае комментатор эмоционально реагирует на события, позволяя проявиться в репортаже своему личностному аспекту (эмоциональным реакциям и оценкам). В спортивном репортаже журналист успевает дать описание места действия, характеристику участников действия, информационные факты, цифры, свидетельства, оценки и прогнозы.

То есть современный спортивный репортаж — это смешанный жанр, представляющий собой подробный событийный комментарий информационно-аналитического типа, отражающий яркую авторскую позицию, обращенную к массовому адресату. Комментатор не только описывает ход спортивного мероприятия, он одновременно болеет за то, что происходит на поле или спортивной площадке, дает анализ происходящему, обсуждает проблемы проигрыша той или иной команды или отдельного участника. Не менее важное место в спортивном репортаже занимают элементы жанра интервью с другими комментаторами, тренерами, или значимыми спортивными деятелями. Таким образом, в связи с непосредственным ярким вербальным комментированием и обсуждением спортивного соревнования важная роль приходится на собственно речевые стратегии жанра спортивного репортажа.

Т. А. ван Дейк выделяет следующие типы речевых стратегий: прагматические, семантические, риторические. Прагматические стратегии обеспечивают гибкое и эффективное достижение прагматических целей. Семантические стратегии нацелены на оптимальное формирование семантической макроструктуры фрагментов дискурса, включая такие ходы, как обобщение, пояснение, приведение примера и так далее. Риторические стратегии — это использование в речи конкретных риторических операций типа преуменьшения, преувеличения, повторов, метафор и так далее [3]. О. С. Иссерс рассматривает речевые стратегии в когнитивном преломлении как «специфические способы речевого поведения» [4].

Так или иначе, жанр спортивного репортажа характеризуется ярким присутствием автора на месте события, что позволяет вести описание спортивного мероприятия динамично, с использованием стилистически маркированных языковых средств, обеспечивающих всю полноту описания и вызывающих у реципиента ощущение присутствия и сопричастности к спортивному событию. Ощущение сопричастного присутствия в спортивном событии во многом обязано речевым стратегиям и тактикам автора репортажа, которые эмоционально и одновременно технично реализуют стратегии коммуникативные.

Специфические признаки в речи спортивного комментатора, характеризующие речевые стратегии, позволили Е. Г. Малышевой выделить коммуникативные типы спортивных комментаторов: «репортер», «аналитик», «знарок», «иро-

ник», «балагур», «болельщик», «актер», которые, по сути, отражают основные коммуникативные стратегии [6; 7].

Посмотрим, как вписываются речевые стратегии спортивного репортажа в стратегии коммуникативные на примере футбольного репортажа.

Футбольный репортаж любой национальной культуры, несмотря на эмоциональную, зачастую хаотичную речевую форму самого комментатора, отражающего непредсказуемую динамику игры, имеет классическую структуру типа «введение — основная часть — заключение».

Введение характеризуется приветствием зрителей, с указания статуса матча и турнира, места проведения матча, даты. Затем объявляется состав команд. Такое вступление отражает коммуникативные стратегии, имеет традиционно устоявшиеся вербальные формы и одновременно дает комментатору возможность реализовать стратегии речевые в виде личностных оценок и реакций.

Мировую известность получила фраза итальянского комментатора Бруно Пиццула, который вел репортаж матча Штудгард — Наполи 1989 г. Он начал так:

«Tutto è pronto per l'inizio partita. 90 minuti di passione, 90 minuti di attese, 90 minuti di speranza. **Partiti!**»

(*Всё готово к началу матча. 90 минут страсти, 90 минут ожиданий, 90 минут надежды. Поехали!*).

В рамках трехтактного синтаксического параллелизма номинативных перечислений с анафорой «90 минут» (риторическая речевая стратегия) выделяются главные смысловые составляющие футбола, определяющие основные коммуникативные стратегии: страсть, ожидание, надежда. И затем неожиданное эмоциональное «Поехали» (Partiti!).

Основная часть футбольного репортажа — это самая непредсказуемая составляющая репортажа. В ней хаотично перемешано все. В течение 2 периодов матча по 45 минут каждый комментируется ход игры с многообразными включениями новостной и аналитической информации по игрокам, футболу и спорту вообще. В большинстве своем это эмоциональные отрезки наблюдения за матчем, как например, в следующем примере из комментария Мартеллини в виде парцелляции синтаксической конструкции на части (риторическая стратегия):

«Gentile, <...>. Conti contropiede, siamo in vantaggio, <...> va in avanti Conti, <...> traversa Altobelli!»

(*Джентиле, <...>. Конти идет в стремительную контратаку, <...> преимущество у нас, <...> Конти выходит вперед, <...> пересекает Альтобелли!*)

Заключение — это подведение итога. Но оно тоже может быть эмоционально насыщенным, как например, в следующем заключительном слове итальянского комментатора Риккардо Куки:

«È stata una grande lotta di calcio! E Napoli ottiene una vittoria estremamente sofferta. Speriamo che adesso la vittoria abbia dato un po' di respiro e anche un po' di voce ai giocatori e ai protagonisti in campo. È finita 2:1, cari ascoltatori. Serena notte.

(*Это была великая футбольная битва! Наполи завоевывает по-настоящему выстраданную победу. Надеемся, что теперь победа даст глоток воздуха и немного голоса игрокам и главным героям на поле. Результат 2:1, дорогие слушатели. Спокойной ночи!*).

На уровне синтаксиса эмоциональность снижается: предложения все законченные, включая и восклицательную форму. Эмоциональность ярко проявляется на лексико-семантическом уровне в виде риторических стратегий метафорического характера: una vittoria estremamente sofferta (*выстраданная победа*), una grande lotta di calcio (*великая битва*), la vittoria abbia dato un po' di respiro (*победа даст глоток воздуха*) и так далее.

Несмотря на то, что приведенные примеры представляют исключительно эмоциональный итальянский футбол, речевые стратегии футбольных репортажей в принципе типичны для большинства этносов: логическая схема репортажа (введение, основная часть, заключение) пронизана эмоциональным содержанием на всех языковых уровнях.

Исследование речевых стратегий футбольного репортажа на материале русского и итальянского языков показало, что на синтаксическом уровне речевые стратегии реализуются:

- 1) риторическими вопросами, которые создают иллюзию диалога со зрителем и подчеркивают дискуссионность мнения комментатора;
- 2) повторами, которые усиливают напряженность речи и вовлекают зрителя в сопереживание того или иного момента;
- 3) предложениями с инвертированным порядком слов;
- 4) простыми односоставными предложениями, которые зачастую воспринимаются как парцелляция кратких и отрывистых высказываний.

На лексико-семантическом уровне речевые стратегии футбольного репортажа отличаются специфической образностью профессиональной лексики, яркими эпитетами, сравнениями, гиперболами и особенно метафорами. Все они усиливают изобразительность и выразительность звучащей в эфире речи, передают оценочные и эмоционально-экспрессивные значения.

В качестве примера отметим некоторые устойчивые метафоры из военной области, перешедшие в разряд спортивных терминов и профессионализмов: *финальная атака, пойти на обстрел, делать окоп, тактика заграждения, подрывник, сохранить трофей, поразить ворота, арьергард, атаковать команду противника*.

Речевые стратегии спортивного репортажа являются неотъемлемой частью языковой личности комментатора. Коммуникативные стратегии, определяющие тип языковой личности спортивного комментатора (знарок, балагур, аналитик и так далее), часто пересекаются, о чем свидетельствует конкретный анализ собственно речевых стратегий.

В качестве примера можно привести языковую личность «комментатора-знарка» Владимира Маслаченко, опытного и знающего футболиста в прошлом.

Пришедший в журналистику из профессионального спорта, Владимир Маслаченко выступает как *аналитик*, объясняющий зрителю все

тонкости игры. Одновременно он передает атмосферу, царящую на футбольном поле и на всем стадионе, выступая не только как *репортер*, но и как *болельщик*.

Интонация комментирования В. Маслаченко носит отечески-тренерский характер: он дает советы и высказывает критические замечания, порицания и похвалы. Например: «Отдай мяч ближнему!.. Безадресная передача... Молодец — слушает подсказки». При этом речь В. Маслаченко, богатая парадоксальными сравнениями и определениями разговорного характера, выдает в нем *балагура* и человека *ироничного*: «Филимонов стоит в воротах, как *циркуль*». «В авоське Реала побывал только один мяч». «Отечественный» стиль комментатора проявляется в частом использовании разговорных уменьшительных суффиксов: «Пальюка играет в *майчонке* с коротким рукавом». «Наш замечательный бразильский парень утеплит свои *ушонки*». «Погладил *мозжечок* итальянскому футболисту».

В целом проведенное исследование показало, что стилевая неоднородность речевого жанра спортивного репортажа, использование ярких языковых средств, ориентация на массового адресата — все эти и многие другие лингвистические и экстралингвистические факторы определяют в комплексе коммуникативные и речевые стратегии репортажа как жанра спортивного дискурса средств массовой информации.

Список литературы

1. Арутюнова, Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1990. — С. 136–137.
2. Бахтин, М. М. Проблема речевых жанров / М. М. Бахтин // Собрание сочинений. — М., 1997. — Т. 5. — С. 159–206.
3. Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк. — М., 1989. — 312 с.
4. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. — М., 2006. — 288 с.
5. Зильберт, Б. А. Спортивный дискурс: базовые понятия и категории; исследовательские задачи / Б. А. Зильберт, А. Б. Зильберт // Язык, сознание, коммуникация : сб. науч. ст. — М., 2001. — Вып. 17. — С. 45–56.
6. Малышева, Е. Г. Журналистский спортивный дискурс сквозь призму типологических характеристик языковой личности спортивного комментатора / Е. Г. Малышева // Вестн. Омск. ун-та. — 2009. — № 3 (53). — С. 160–169.
7. Малышева, Е. Г. Дискурсивная языковая личность в русском спортивном дискурсе / Е. Г. Малышева // Медиаскоп. — 2011. — Вып. 1.
8. Майданова, Л. М. Жанры публицистического стиля / Л. М. Майданова, Л. Р. Дускаева // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. — М., 2006. — 696 с.
9. Карасик, В. И. О типах дискурса / И. В. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс : сб. науч. тр. — Волгоград, 2000. — С. 5–20.

10. Костомаров, В. Г. Русский язык на газетной полосе / В. Г. Костомаров. — М., 1971.
11. Кубрякова, Е. С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике / Е. С. Кубрякова // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты. — М., 2000. — С. 5–13.
12. Снятков, К. В. Коммуникативно-прагматические характеристики телевизионного спортивного дискурса : автореф. дис. ... канд. филол. наук / К. В. Снятков. — Вологда, 2008. — 19 с.

Сведения об авторе

Попова Наталья Борисовна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры романогерманских языков и межкультурной коммуникации, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. popova@csu.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2017. No. 12 (408). *Philology Sciences. Iss. 110. Pp. 159—165.*

REPORT'S COMMUNICATIVE AND SPEECH STRATEGIES AS A GENRE OF MASS MEDIA SPORTING DISCOURSE

N. B. Popova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. popova@csu.ru

The paper is devoted to analysis of reporting publicistic genre which constitutes one of the important components of mass-media area sporting discourse. In the centre of research attention there are particulars of institutional and personal aspects of sporting discourse and communicative and speech strategies of sporting reporting.

Keywords: *speech genre, publicistic style, sporting discourse, mass communication media, communicative and speech strategies.*

References

1. Arutyunova N.D. Discurs [Discourse]. *Bol'shoj entsiklopedicheskij slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, 1998. Pp. 136–137. (In Russ.).
2. Bahtin M.M. Problemy rechevyh zhanrov [The Problem of Speech Genres]. *Sobranie sochinenij. T. 5* [Collected Works. Vol. 5]. Moscow, 1997. Pp. 159–206. (In Russ.).
3. Dijk T.A.van. *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya* [Language. Cognition. Communication]. Moscow, 1989. 312 p. (In Russ.).
4. Issers O.S. *Kommunikativnyje strategii i taktiki russkoj rechi* [Communicative strategies and tactics of Russian speech]. Moscow, 2006. 288 p. (In Russ.).
5. Zilbert B.A., Zilbert A.B. Sportivnyj discours: bazovye pon'atija i kat'egorii; issledovatel'skije zadachi [Sports Discourse: Basic Concepts and Categories; research problems]. *Jazyk, soznaniye i kommunikatsia. Vyp. 17* [Language, consciousness, communication. Iss. 17]. Moscow, 2001. Pp. 45–56. (In Russ.).
6. Malysheva E.G. Zhurnalistskij sportivnij discours skvoz' prizmu tipologicheskikh harakteristik jazykovoj lichnosti sportivnogo kommentatora [Journalistic sports discourse through the prism of typological characteristics of the linguistic personality of the sports commentator]. *Vestnik Omskogo universiteta* [Bulletin of Omsk University], 2009, no. 3 (53), pp. 160–169. (In Russ.).
7. Malysheva E.G. Diskursivnaja jazykovaja lichnost' v russkom sportivnom diskurse [Discourse language personality in Russian sports discourse]. *Mediaskop* [Mediaskop], 2011, iss. 1. (In Russ.).
8. Majdanova L.M., Duskajeva L.R. Zhanry publicisticheskogo stil'a [Genres of the publicistic style]. *Stilisticheskij jenciklopedicheskij slovar'* [Stylistic encyclopedic dictionary]. Moscow, 2006. 696 p. (In Russ.).
9. Karasik V.I. O tipah discursa [About types of discourse]. *Jazykovaja lichnost': institucional'nyj i personal'nyj discours* [Language personality: institutional and personal discourse]. Volgograd, 2000. Pp. 5–20. (In Russ.).

10. Kostomarov V.G. *Russkij jazyk na gazetnoj polose* [Russian language on the newspaper page]. Moscow, 1971. (In Russ.).

11. Kubriakova E.S. O poniatijah diskursa i discursionnogo analiza v sovremennoj lingvistike [On the concepts of discourse and discursive analysis in modern linguistics]. *Discurs, rech, rechevaja dejatel'nost': funkcional'nyje i strukturnije aspekty* [Discourse, Speech, Speech Activity: Functional and Structural Aspects]. Moscow, 2000. Pp. 5–13. (In Russ.).

12. Snjatkov K.V. *Kommunikativno-pragmatičeskije harakteristiki televisionnogo sportivnogo discursa* [Communicatively-pragmatic characteristics of television sports discourse]. Vologda, 2008. 19 p. (In Russ.).

УДК 82

БЫЛИННЫЙ ТЕКСТ КАК СРЕДСТВО ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

М. С. Родионов

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Рассматривается русский героический эпос как особый язык профессиональной коммуникации богатырского сословия, построенный на основе специфического информационного кода. Приведенные примеры раскрывают механизм и особенности отражения различных видов профессиональной информации, касающейся военного опыта, рыцарской модели поведения, структурной организации богатырского братства, обрядов воинской инициации.

Ключевые слова: *традиционный фольклор, героический эпос, былина, профессиональная коммуникация, информационный код, информационная доминанта, модель поведения, богатырское братство, инициация.*

К числу приоритетных задач современной фольклористики можно отнести необходимость выработки принципиально новых подходов к изучению традиционного фольклора. Это связано с тем, что берущая свое начало во второй половине XIX в. классическая ориентация исследований преимущественно на проблемы поэтики и эволюции жанров не позволяет в полной мере решить ряд чрезвычайно важных задач, связанных с их происхождением и функциональным наполнением. При исследовании произведений устного народного творчества часто не учитывается тот факт, что изначально фольклор выполнял утилитарную, прикладную функцию и, прежде всего, был средством хранения и способом передачи от поколения к поколению актуальной информации. Следовательно, изучение информационной структуры фольклорного текста, выделение его информационной доминанты — ключ к пониманию того, для каких целей он создавался, какой социальной среде принадлежал и что должен был донести до слушателей. Сюда можно отнести и вопрос о среде формирования русского героического эпоса, крестьянская природа которого ставилась под сомнение уже некоторыми первыми исследователями, но была безоговорочно принята представителями утвердившегося в фольклористике так называемого демократического направления, которые предпочитали не замечать несоответствие объективного содержания богатырских былин мироощущению земледельца.

Информационная доминанта былин Киевского цикла явно указывает на то, что крестьянская среда не могла быть местом их создания. Авторы

этих произведений демонстрируют потрясающую осведомленность в военном деле: они имеют исчерпывающее представление о тактике оборонительного и наступательного боя конных отрядов, знакомы с деталями поединка, точно описывают вооружение и защитный комплекс конного воина и характерные приемы обращения с ними, знакомы с особенностями ведения дальней и ближней разведки. Если учесть, что рассматриваемые былины создавались в основном в XI–XIII вв., то есть в тот исторический период, когда социальные низы перестали играть какую-либо военную роль в государстве и, следовательно, уже не обучались воинскому искусству, то подобная осведомленность в военном деле вызывает удивление. Да и сама модель поведения героев богатырского эпоса не могла сформироваться в сознании земледельца, а уж тем более быть им реализована. Вывод может быть сделан только один: былинные тексты с информационной доминантой, ориентированной на отражение военного искусства русичей, создавались профессиональными военными и служили потребностям этой социальной среды, выполняя в том числе и специфическую коммуникативную функцию.

Одной из главных задач, обязательно встающих перед любой профессиональной корпорацией, становится задача аккумуляции, анализа, сохранения и передачи знаний и опыта, имеющих для нее определяющий, критически важный характер. Учитывая реалии средневекового общества и то, что определенный объем такого знания носит закрытый, в том числе и сакральный, характер, единственно приемлемой оказывается устная форма хранения и передачи информации.

Для русского рыцарства таким «устным» носителем стали былины. Именно они содержали в себе комплекс знаний, необходимых для усвоения следующими поколениями богатырей. И фиксировалась эта информация при помощи особого кода, понятного только посвященным. Поэтому можно уверенно утверждать, что в случае с былинными текстами мы имеем дело с особым языком профессиональной коммуникации.

Рассмотрим на нескольких примерах механизм трансляции информации былинным текстом. В деле воспитания подрастающего поколения решающее значение имеет передача профессионального опыта. В нашем случае речь идет прежде всего о различных сценариях ведения боя, тонкостях воинского мастерства, которое формировалось, развивалось и шлифовалось как в поединках, имитирующих условия реального боя, так и непосредственно в сражениях, а также типичных ситуациях, в которых мог оказаться рыцарь. При этом очень много внимания былины с «воинской» информационной доминантой уделяют именно описанию поединков между богатырями. Здесь обращает на себя внимание строгий порядок действий: сначала следует обмен ударами палиц, затем в ход идут копья и сабли, и, наконец, все заканчивается рукопашным боем. Следует отметить, что представленный порядок разительно отличается от известных нам описаний поединков европейских рыцарей, которые, как известно, начинали бой с обмена ударами длинными («долгомерными», по былинной терминологии) копьями. В русском героическом эпосе нашла свое отражение специфическая особенность поединка, в котором чаще всего приходилось принимать участие русскому конному воину. Практически все исследования по русскому военному искусству отмечают, что постоянные военные столкновения со степняками, сражающимися на легких подвижных конях, заставили русичей выработать особую тактику боя, поскольку в таких условиях длинное копье, ориентированное на удар по тяжело движущейся цели (тяжеловооруженному рыцарю) оказывалось неэффективным. Русские богатыри начинали бой именно палицей (булавой), преследуя цель либо оглушить (ошеломить) противника, либо пробить в его доспехах дыру, в которую затем можно было бы ударить коротким копьем или мечом. А поскольку воин-кочевник был наиболее частым противником, то именно этой стороне подготовки русского рыцаря уделялось основное внима-

ние, что и фиксирует былинный текст, с помощью ярких образных картин передавая знание молодым воинам.

Характерно, что в таких текстах следует обязательное уточнение того, что удар наносится «басурманским» («мурзавецким») копьем. Здесь имеются в виду облегченные короткие копья, впервые появившиеся именно у восточных народов, а затем принятые на вооружение русскими воинами. Это оружие ближнего боя, им удобно нанести удар в пробитое булавой отверстие. Поэтому всегда, когда речь идет о непосредственном столкновении воинов, былинные богатыри используют именно восточное копье. В то же время, когда речь идет об атаке и дальнем бое, авторы былин используют другой термин — «копье длинномерное», тем самым указывая уже на другой вид оружия — традиционное длинное копье. Таким образом, былины ориентируют слушателя в стандартной для профессионального военного ситуации, подсказывая, где и когда применяется то или иное оружие.

Кстати сказать, восточный тип копья был достаточно хрупким оружием, поскольку его легкость достигалась не только за счет уменьшения длины, но и в результате использования полого древка. Именно потому у былинных богатырей они часто ломаются, гораздо чаще, чем другие виды оружия. Это можно интерпретировать как своеобразное предупреждение будущего воина о специфических особенностях его вооружения.

Нашел отражение в былинах и другой аспект воинского искусства: тактика оборонительного и наступательного боя русских богатырей. При наступательном бое русские рыцари (как, впрочем, и европейские) использовали удар клином (сильный центр и более слабые фланги) с целью рассеяния главных сил противника и уничтожения их по частям. Такая тактика была выработана у русских в борьбе с кочевниками, а у европейцев — с арабами: восточные народы не имели четкого военного строя, предпочитали нападать массой. В былинах мы встречаем стандартную ситуацию: когда речь идет о подготовке богатырей к нападению на татар (кочевников), русские воины всегда формируют клин: в центре оказывается наиболее сильный Илья Муромец, по флангам богатыри послабее. Характерно использование авторами былин профессионального термина для обозначения центра строя — матица. Подобный термин мы встречаем и в русских летописях, например, в «Летописце Даниила Галицкого», автором

которого, как было давно доказано, являлся профессиональный воин.

Другая особенность тактики русских рыцарей выражается термином «напуск», встречающимся во многих былинах. Напуск — быстрая, скоротечная атака. Если она не давала результата, отряд отступал, а затем вновь атаковал. Как правило, напуск предпринимался отрядом трижды. В былинах с рассматриваемой информационной доминантой сохраняется такой порядок действий, и троекратная атака богатыря — это не дань эпической традиции, а отражение реального боевого опыта, предназначенного для передачи молодому поколению рыцарей. Кстати, сам термин «рыцарь» также встречается в былинах. Например, в былине «Добрыня и Змей» из сборника Гильфердинга [3] князь Владимир:

По три дня да тут билич кликал,

А билич кликал да славных рыцарей...

Трудно представить, что подобное слово было в крестьянском обиходе. Контекст его употребления более связан с самоназванием.

Вообще профессиональной воинской терминологии в рассматриваемых былинах более чем достаточно. В качестве примеров можно привести следующее: взять за щитом город (то есть взять приступом, когда наступающие воины прикрывались щитами от стрел и камней, летящих с крепостных стен), нож булатный на кресте (речь идет о специфическом оружии, совмещающем в себе крест и клинок, подобном некоторым образцам европейских рыцарских мечей, которые, будучи воткнутыми в землю, превращались в молитвенный крест благодаря особой форме рукояти), насадка (рукоятка копья), парубок (оруженосец), заговорная дружина (то есть заговоренная), гридня, поляковать (странствовать в поисках ратного дела), ратовище (копье), поприще (ристалище), старый казак (пожизненный воин).

Эта терминология не могла быть использована крестьянами, если бы те являлись первотворцами былинных текстов. Она чужда и непонятна этой социальной среде, что подтверждается неправильным ее использованием в тех былинах, где мы сталкиваемся с «переформатированной» информационной доминантой, отражающей крестьянское мироощущение.

Кстати сказать, система сравнений в былинах с «воинской» информационной доминантой также указывает на рыцарскую среду их формирования:

У того Скимена рыло, как востро копье,

У того Скимена уши — калены стрелы...
[1. № 21]

Ясно, что для крестьянской среды характерна другая система сравнений, связанная с сельскохозяйственной терминологией.

Нашел свое отражение в текстах богатырских былин и кодекс поведения рыцаря. Он содержит положения, известные нам из уставов европейских рыцарских орденов: любить свою Родину, защищать Церковь даже под угрозой смерти, защищать женщин и слабых, нести правосудие среди зла и беззакония. Подобный набор в своей совокупности не мог быть сформирован крестьянской средой, поскольку известно, что связанный с ней фольклор по природе своей атеистичен, и, значит, положение о защите церкви, о приоритете ее интересов чуждо этому классу. Вывод напрашивается сам собой: наказания, которые в былинах получает от старшего поколения молодой богатырь, вступающий на жизненный путь профессионального воина, не что иное, как зашифрованный устав, как основные положения рыцарского кодекса чести, в своей совокупности понятные только посвященному.

Другой аспект информационного посыла киевских былин связан со структурной организацией русского богатырства. В этом контексте чаще всего упоминается богатырское братство. Сразу возникает серия вопросов: Что это за структура? Как она организована? Какая идеология положена в ее основу? Как русское богатырское братство сопряжено с традиционными европейскими рыцарскими орденами? При внимательном прочтении былинных тексты дают возможность ответить на эти вопросы. Действительно, содружество былинных богатырей четко вписывается в общую логику возникновения, развития и функционирования средневековых рыцарских орденов, которые никогда не были чисто военной организацией и для которых ритуальная и духовная сторона часто имели определяющее значение. Проще говоря, сначала формулировалась идея, а уж потом под нее создавалась подходящая структура, где основополагающими принципами были добровольность участия и готовность умереть за общее дело. Именно на такой основе и формируется в русских былинах богатырское братство, определяющими идеями которого становятся защита родной земли и православной веры. В русском эпосе оно представлено прежде всего знаменитой тройкой Киевского цикла. Очевидно, что

растиражированный демократической фольклористикой взгляд на Илью Муромца, Добрыню Никитича и Алешу Поповича как на воплощение наиболее общих народных представлений о защитнике Родины не исчерпывает всей глубины и сложности этих образов. Так, например, тот же Добрыня не может быть назван народным защитником, поскольку, например, в былине «Добрыня и Змей» четко обозначено, что полоны он освободил попутно, вызволяя княжескую племянницу. Иначе говоря, если бы не беда, случившаяся с членом княжеской семьи, этот богатырь только из-за простых людей не стал бы вступать в бой с чудовищем. Не менее странным оказывается в этой тройке и поповский сын Алеша, поскольку общеизвестно недружелюбное отношение народа к духовному сословию, на что указывает огромное количество антипоповских фольклорных текстов. И вдруг выходец из этой среды оказывается одним из главных героев богатырского эпоса. Да и сам Илья Муромец все же больше говорит о защите веры христианской и границ Русского государства, а не о защите вдов и сирот. Все это наводит на мысль, что объективное содержание рассматриваемых образов мало связано с мировоззрением крестьянства.

Таким образом, ключом к пониманию системы идей, отраженных в знаменитой киевской тройке и транслируемых слушателям, должна быть их привязка к духовно-рыцарской среде. В этом контексте прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что в подавляющем большинстве песен Илья, Добрыня и Алеша представлены как единое целое, как крестовые братья, связанные одной целью и одной судьбой. То есть, по сути, мы имеем дело с триадой, каждый элемент которой отражает различные ипостаси одного целого. Уместно предположить, что творцы былин, представляющие духовно-рыцарскую среду, тесно связанную с церковью, использовали наиболее привычную им модель реализации идеи — концепт Троицы. Тогда возникает вопрос: какая информация зашифрована в этой взаимосвязанной системе образов? Прежде всего, речь должна идти о той сумме знаний, которая необходима каждому члену братства (ордена). И дело здесь не только о воинских навыках, без которых рыцарю не выжить. В большей степени это касается морального кодекса, которым он должен руководствоваться в своей повседневной жизни в братстве. Несомненно, первый информационный пласт, выделяемый в данной триаде, — это кодекс

воина, тогда каждый из трех богатырей воплощает в себе одно из ключевых его положений: Илья Муромец — идею патриотизма и воинской доблести, бескорыстного служения идее; Добрыня Никитич — идею «вежества», умудренности в книгах, дипломатичности; Алеша Попович — идею изощренности, изворотливости ума, воинской хитрости. Сложенные вместе, эти категории формируют общую концепцию идеального воина-рыцаря, на которую должно ориентироваться молодое поколение братьев.

Данная триада имеет, очевидно, и другую информационную нагрузку. Можно предположить, что в ней нашла свое частичное отражение и организационная структура богатырского братства. Пример аналогичных европейских структур показывает, что рыцарский орден — чрезвычайно сложное образование, включающее в себя посвященных (высшее руководство), ударную воинскую силу (рыцарей), резидентов, послушников, духовников-монахов и так далее. В этом контексте можно предположить, что Добрыня представляет высшее руководство братства (но при этом не является его главой), Илья Муромец связан с рыцарским кругом, а в Алеше отразились представления о монахах-духовниках, также способных в случае необходимости держать оружие.

Отдельного внимания заслуживают отношения былинных богатырей с киевским князем. С одной стороны, они служат князю Владимиру (здесь очень важно отметить, что не киевскому великому князю, а именно Владимиру), но в то же время его вассалами не являются. Поэтому последнему приходится часто уговаривать богатырей начать действовать, убеждать их в своей правоте, в необходимости выполнить его распоряжение, и нередко богатырь соглашается, подчиняясь при этом не князю, а мнению большинства. Так, например, в уже упомянутой былине «Добрыня и Змей» идея отправить Добрыню выручать племянницу из змеиного плена принадлежит не князю, а Алеше Поповичу. Владимир же лишь соглашается с этим предложением. В былинах мы часто видим, что князь не может приказывать богатырям единолично, он должен их попросить, а если приказывает, то опирается при этом на мнение других рыцарей, то есть озвучивает некое коллегиальное решение:

Тут Олешенька Григорьевич по горенке похаживат,

Пословечно князю выговариват:

«Ты Владимир князь да стольнѣ-киевской!

*А й накинъ-ко ту ведь службуку великую,
Да велику службуку немалую,
На того да на молодого Добрынюшку»...
Тут Владимир князь да стольнѣ-киевской
Приходил-то он к молодому Добрынюшке,
Говорил Добрыне таковы слова:
«Ты молоденькой Добрынюшка Микитинец!
Налогоаю тоби службуку великую»... [3. II, № 79]*

Примеров такого рода в богатырских былинах достаточно много. К ним относятся сюжеты «Дунай и Добрыня сватают невесту князю Владимиру», «Добрыня Никитич и Василий Казимирович», «Илья в ссоре с Владимиром», «Мишута Данилович» и ряд других.

Отсюда напрашивается вывод, что изображенный во многих былинах Киевского цикла князь Владимир выступает не как глава государства, не как сюзерен, чье слово закон для подданных и вассалов, а как первый среди равных, чья власть велика, но не абсолютна, то есть именно такая, какой обладали магистры наиболее известных духовно-рыцарских орденов. Здесь более подходит параллель со взаимоотношениями великого магистра и капитула, характерная для европейских орденов. Кстати сказать, в классической «Книге о рыцарском ордене» Раймона Льюля, написанной в 1275 г., предпочтение отдается ситуации, когда во главе ордена стоит глава государства, хотя тут же оговаривается и другое: по отношению к членам ордена его власть не может быть абсолютной. «Подобно Творцу, который всему является господином, император должен быть рыцарем и господином для всех рыцарей; однако один он всеми рыцарями управлять не имеет возможности, поэтому помогать ему управлять рыцарским орденом должны монархи, которые, также будучи рыцарями, уступали бы ему по положению» [2].

При этом важно учесть, что речь идет именно о духовно-рыцарском (то есть военном) ордене, задачи которого включают оборону государственных рубежей и превентивную борьбу со Степью. В итоге должна была сложиться соответствующая структура, которая бы позволяла успешно решать весь комплекс озвученных задач. Ее характеристику мы также можем найти в былинах Киевского цикла. Прежде всего, нужно отметить сложную внутреннюю организацию военной составляющей ордена. Здесь можно выделить разведку, основные силы, рассредоточенные по богатырским заставам, мобильные отряды, способные совершать рейды на территорию противника, отряды наемников, предлагавшие свои услуги

другим христианским правителям. О наличии у богатырского братства своей разведки сообщают многие былины. Один из наиболее ярких примеров мы видим в песне «Илья Муромец и Идолище в Царьграде». По сюжету некий калика по имени Иванище собирает точные сведения о врагах, захвативших Царьград, а потом передает их Илье Муромцу, который, в свою очередь, опираясь на полученные данные, начинает боевые действия:

*Как это сильное могучее Иванище
Хватил-то он татарина под пазуху,
Вытащил поганого на чисто поле,
А начал у поганого доспрашивать:
«Ай же ты татарин да неверный!
А ты скажи, татарин, не утай себя:
Какой у вас погано есть Идолище,
Велик ли он ростом собой да был?» [3. I, № 48]*

А вот пример из песни «Илья Муромец в изгнании и Идолище»:

*Это калика да все увидела,
Все увидела да все услышала...
Все разведала, рассказала им... [4. № 26]*

Нужно отметить, что во многих дошедших до нас богатырских былинах слово «калика» (богатырь во смирении и богоугодных делах, как определяет его В. И. Даль) воспринимается сказителями как существительное не мужского, а женского рода. Это еще один пример того, что крестьянская среда, где и были записаны данные тексты, является для этих произведений абсолютно чуждой, если перед нами налицо элементарное непонимание базовой терминологии.

Особое место в текстах русских богатырских былин занимает информация, относящаяся к посвятившимся инициациям, через которые в обязательном порядке проходили все юноши, посвящаемые в рыцари, и рыцари, принимаемые в полноправные члены ордена. Опираясь на весь имеющийся в нашем распоряжении комплекс данных, можно уверенно утверждать, что русский героический эпос не только зафиксировал сам факт существования института инициации в Киевской Руси, но и оставил достаточно подробные сведения о механизме его применения. Правда, это справедливо и по отношению к другим тематическим блокам русских былин, в каком-то одном тексте мы не найдем всего объема информации такого рода. Учитывая уровень сохранности данных текстов и то, что в течение многих столетий они находились в чуждой им социальной среде, достаточно полное представление о богатырских обрядах инициации можно получить, только сум-

мируя данные, извлекаемые из разных эпических песен.

При рассмотрении данного вопроса важно также учесть, что древнерусский и западноевропейский обряды воинской инициации имеют больше общего, чем различий. С одной стороны, это объясняется единым вектором исторического и социокультурного развития Руси (до татаро-монгольского нашествия) и Европы, а с другой — общими корнями всех подобных обрядов, в своей основе связанных еще с мифологическим сознанием доклассового общества. Сам процесс инициации был достаточно растянут во времени и распался на три основные фазы: выделение индивида из коллектива (так называемая ритуальная смерть для воскресения к новой жизни), пограничный период и реинкорпорация в коллектив.

Итак, воинско-дружинная инициация начиналась с обрядового отделения будущего дружинника от привычной для него среды существования — коллектива и семьи. Примером такого ритуального отделения является традиция передачи боярами своих сыновей на воспитание за пределы семьи так называемым кормильцам. Но настоящее выделение юноши из коллектива, в котором он до тех пор воспитывался, происходило в момент проводов его ко двору князя или крупного боярина, занимавшего, например, пост воеводы, где молодому человеку и предстояло начать военную службу. По прибытии юноша в определенной обрядовой форме представлялся князю и его дружине. Об этом можно судить по тому, как представляются Владимиру былинные богатыри в момент их первой встречи. Вообще, судя по всему, это было от начала до конца ритуальное действие, в котором звучали заранее известные вопросы (о происхождении «соискателя», о том, откуда он родом, о цели его приезда и т. п.) и требовались соответствующие обязательные ответы. Иначе говоря, выстраивать свое поведение и вести разговор следовало по строго определенной модели — «по-писаному», «по-ученому». Вот былинные примеры такого представления:

*Да крест-от кладут-де по-писаному,
Поклон-от ведут да по-ученому,
Молитву творят да все исусову,
Они бьют челом на вси чотыри стороны...
«Ты здраствуй, Владимир стольнокиевской!»...
Говорит-то Владимир стольнокиевской:
— Вы здраствуй, удалы добры молодцы!
Вы какой жо земли, какого города,
Какого отца да какой матушки?*

*Как вас, молодцов, да именём зовут?
Говорит тут удалой доброй молодец:
«Меня зовут Олешой нынь поповицём,
Попа бы Левонтья сын Ростовского,
Да другой-от Еким, Олешин паробок».* [4. № 85]

Крест-от клал он [Илья Муромец] по-писаному.

Вел поклоны по-ученому,

На все на три, на четыре на сторонки низко кланялся,

Самому князю Владимиру в особину,

Еще всем его князьям он подколанным.

Тут Владимир-князь стал молодца выспрашивать:

«Ты скажи-тко, ты откулешний, добрый молодец,

Тебя как-то, молодца, да именем зовут,

Величают, удалого, по отечеству?»

Говорил-то старый казак да Илья Муромец:

«Есть я с славного из города из Муroma,

Из того села да Карачарова,

Есть я старый казак да Илья Муромец,

Илья Муромец да сын Иванович». [3. II, № 74]

Кстати сказать, подобный ритуальный сценарий представления кандидата в члены рыцарского сообщества имел место не только при дворах светских правителей или крупных рыцарей-феодалов, обладавших правом посвящения, но и при принятии в духовно-рыцарские ордена. Так, например, сохранившийся Устав Ордена Тамплиеров в части, регламентирующей принятие в орден новых членов, дает развернутый сценарий будущего действия, в котором четко сформулированы вопросы, которые должны задать магистр ордена и потенциальные братья претендента, и ответы, который неопит должен дать. Вот фрагмент такого ритуального диалога: «Магистру следует сказать снова, что если кто-либо знает что-нибудь еще, тот должен это сказать, и лучше сейчас, чем позже. И если никто ничего не сказал, следует ему спросить: “Желаете ли вы, чтобы его привели именем Господа?”. И достойные люди скажут: “Приведите его именем Господа” и затем те, кто говорил с ним, должны вернуться и спросить: “Ты по-прежнему желаешь [стать нашим братом]?”. И если он скажет: “Да”, им следует сказать ему и научить его, как он должен просить общества Дома. Должен он войти в капитул и преклонить колена перед тем, кто возглавляет его, соединив ладони, и должен сказать: “Сир, вот я пред Богом и вами, и пред

братьями, и прошу вас во имя любви Господней и Девы Марии ввести меня в ваше общество, и под покровительство Дома, как человека, который желает быть слугой и рабом Дома вовеки»».

Далее начинался курс обучения будущего воина, который должен был освоить все виды оружия, различные приемы рукопашной борьбы и рыцарских упражнений, технику верховой езды. Естественно, что все это происходило под руководством наставников из числа наиболее опытных воинов. Былинных примеров такого рода мы знаем достаточно много: так, наставником Ильи Муромца был Святогор:

*Тогда Святогор жену свою богатырскую убил,
А с Ильей поменялся крестом*

И назвал меньшим братом.

*Выучил Святогор Илью все похваткам,
Поездкам богатырским... [З. I, № 1]*

Богатыря Михаила (Михайло) воинскому искусству обучал родной отец — Данило Игнатьевич. Своих подопечных «паробков» (слуг-оруженосцев) имеет и каждый из богатырей главной эпической тройки.

Однако одним формированием рыцарских навыков на этом этапе не ограничивались. Будущие рыцари должны были еще и прислуживать своим наставникам. В этом также заключался ритуальный, сакральный смысл: выполнение выходцами из знатных семей обязанностей слуг указывало на их приниженное положение, что как раз характерно для второй, порубежной, фазы инициации. Например, одно из положений Устава Ордена Тамплиеров гласит: «И если этот брат — сержант, и он желает быть братом конвента, ему могут приказать выполнять одну из простейших работ, что у нас есть, возможно, у печи или на мельнице, или на кухне, или с верблюдами, или в свинарнике, или другую обязанность, и другие суровые повеления будут тебе давать; когда ты за столом и желаешь есть, кто-то прикажет тебе идти, куда он пожелает, и ты не будешь знать куда. И многие жалобы, что ты услышишь не единожды, должен ты перенести. Теперь решай, добрый благородный брат, смог бы ты вынести все эти трудности?».

Один из крупнейших исследователей инициатических обрядов В. Тэрнер по этому поводу замечает: «Поскольку иницианты во время лиминальной фазы “умирают” в своем старом качестве, а нового еще не приобретают, они в это время пребывают “в промежутке между положениями, предписанными и распределенными законом, обычаем, условностями и церемониалом”, представляя собой “ни то ни се”». Поэтому не случайно и «паробки» богатырей выполняют при них не только роль оруженосцев, но и слуг.

Ключевым сакральным элементом обряда инициации является ритуальный обмен нательными крестами. В былинах Киевского цикла такой обмен всегда происходит между старшим (ветераном) и младшим (начинающим свой воинский путь) богатырем: так, например, Святогор обменивается крестом с Ильей Муромцем, а тот в свою очередь — с Добрыней, играющим в эпической тройке роль «брата среднего», и так далее. Это чрезвычайно важный момент, символизирующий окончательный прием молодого воина в богатырское братство, его переход в статус «крестового брата» и превращение в полноправного члена закрытой корпорации профессиональных воинов. Здесь важно подчеркнуть, что этот ритуал означает прием именно в братство, где все равны и действует заповедь «меньшему брату слушать брата большего, а большему слушать брата меньшего», а не в княжескую дружину, где воины являются не братьями, а вассалами своего господина и действует жесткая иерархическая вертикаль, требующая безусловного подчинения младшего старшему. К этому остается добавить, что члены европейских рыцарских и духовно-рыцарских орденов также называли себя братьями, поэтому термины «братство», «богатырское братство», «рыцарское братство» в принципе означают одно и то же — рыцарский орден.

Все это означает, что былинный текст представляет собой сложную коммуникационно-информационную систему, нацеленную на сохранение и передачу специфического знания, предназначенного для профессиональной воинской среды.

Список литературы

1. Былины и песни южной Сибири. Собрание С. И. Гуляева. — Новосибирск, 1952.
2. Льюль, Р. Книга о рыцарском ордене / Р. Льюль. — М., 1997.
3. Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. — М. ; Л., 1949–1951. — Т. I–III.
4. Печорские былины. — СПб., 1904.

Сведения об авторе

Родионов Михаил Сергеевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы историко-филологического факультета, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. 210536010@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2017. No. 12 (408). *Philology Sciences. Iss. 110. Pp. 166—173.*

EPIC TEXT AS A MEANS OF PROFESSIONAL COMMUNICATION

M. S. Rodionov

Chelyabinsk state university, Chelyabinsk, Russia. 210536010@mail.ru

This article considers the Russian heroic epos as a special language for professional communication the heroic class, is built on the basis of specific information code. The above examples reveal the mechanism and features of the reflection of various types of professional information relating to military experience, the knightly model of behavior, the structural organization of the heroic brotherhood, rituals of military initiation.

Keywords: *traditional folklore, heroic epos, epic, professional communication, information code, information dominance, model of behavior, heroic brotherhood, initiation.*

References

1. *Byliny i pesni Juzhnoj Sibiri. Sobranije S.I. Gulyaeva* [Bylin and songs of southern Siberia. Collection of S.I. Gulyaev]. Novosibirsk, 1952. (In Russ.).
2. Lyul Raymond. *Kniga o rycarskom ordene* [The book is about a knightly order]. Moscow, 1997. (In Russ.).
3. *Onezhskije byliny, zapisannyje A.F. Gilferdingom letom 1871 goda. T. I–III* [The Onego epics, recorded by A.F. Hilferding in the summer of 1871. Vol. I–III]. Moscow; Leningrad, 1949–1951. (In Russ.).
4. *Pechorskije byliny* [The Pechora epics]. St. Petersburg, 1904. (In Russ.).

УДК 398.22(=512.1)
ББК 82.3(=63)

К ВОПРОСУ О СЮЖЕТНЫХ МОТИВАХ ОЛОНХО И ЭПОСОВ ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ

Г. Е. Саввинова, В. Б. Огорокова

Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова, Якутск, Россия

В статье рассматриваются вопросы генезиса сюжетных мотивов олонхо и эпосов тюркоязычных народов. Предпринята попытка изучить возможные древние связи олонхо с другими тюркскими версиями и провести краткий обзор вопросов, посвященных сюжетным мотивам олонхо и некоторых тюркских народов. Выдвинута гипотеза о возможных параллелях в сюжетных мотивах тюркских версий. Внимание обращено на общую характеристику исследуемых эпосов, сюжетных мотивов, а также некоторые черты общности в образах и символах в эпосе. В своих многочисленных проявлениях эпос тюркоязычных народов представляет большой интерес.

Ключевые слова: *олонхо, эпос, мотив, сюжетные линии, зооморфное, тюркоязычные народы, архетип.*

Сравнительно-аналитическое изучение сюжетных мотивов и образов героических тюркоязычных эпосов дает возможность обнаружить не только способы выражения художественно-поэтической образности, но и многоликость оформления художественного мира древних родственных тюркоязычных народов. Олонховед И. В. Пухов отметил, «что во многих работах из сравнительно-исторического метода выпадала самая важная часть — историческая основа» [27. С. 48].

Феномен якутского героического эпоса олонхо сам по себе представляет факт исключительного значения для истории тюркской культуры. Осознание и рассмотрение данного факта делает статью актуальной.

Нами ставится цель сравнительного изучения сюжетных мотивов олонхо и их специфики в сопоставлении с другими национальными версиями эпосов тюркоязычных народов. В связи с этим обращено внимание на выявление общих и специфических особенностей в построении сюжетных мотивов олонхо.

Теоретическая база исследования основывается на трудах отечественных ученых (В. М. Жирмунского [9], Е. М. Мелетинского [18], А. Н. Веселовского [1], В. Я. Проппа [24], Г. Д. Гачева [2]), а также якутских фольклористов, историков П. А. Ойунского [23], А. Е. Кулаковского [12], И. В. Пухова [26, 27], Н. В. Емельянова [7], А. И. Гоголева [5] и др.

Как отметил К. Райхл, для полного понимания предмета изучения филологические теории

должны быть дополнены изысканиями этнографов [28]. М. Веселовским отмечено, что «якуты... сохранили много черт первоначальной тюркской культуры» [1. С. 35]. А. Гоголев обнаружил основные элементы высокой древней культуры, которой обладали южные предки якутов до переселения на Среднюю Лену [5].

Сложнейший процесс этнического происхождения якутского народа отражен и в содержании якутского героического эпоса олонхо. В олонхо, имеющем своеобразный историзм и реализм, воссоздается общая панорама этнических процессов, развития якутского народа со времен древних протоякутов. Изучение подробного описания этнографического быта в якутском эпосе дает возможность сопоставления его с явлениями в жизни, верованиях, мировоззрениях других тюркоязычных народов, у которых эти признаки сохранились в менее рельефном виде. Современный российский фольклорист В. Гацак считает, что «эпос — это повествование об этносе и его бытии в мире» [3. С. 38]. Исследование А. Окладникова [22] о «южных связях олонхо» является отправным пунктом для исследований исторических корней якутского олонхо.

Многие мотивы находят свое объяснение в представлениях и религиозно-магической практике на разных ступенях развития общества. Привлечение этнографических материалов важно, однако, не только для генетического изучения в узком смысле слова, но и для изучения первоначального развития, ибо от форм материальной и социальной жизни зависит не только про-

исхождение жанров, сюжетов и мотивов, но и их дальнейшая жизнь и изменяемость [23]. И. Пухов выявил черты типологического и генетического сходств в эпическом стиле олонхо и алтайских, шорских, хакасских эпосах [26]. Наш интерес к тюркоязычным эпосам объясняется задачей изучения проблемы генезиса олонхо в контексте эпического наследия тюркоязычных народов.

Конвергентное развитие олонхо и эпосов тюркоязычных народов с древних времен сохранило общие мотивы. Но со временем эпические образы и сюжеты трансформировались. Эпосы, развиваясь исторически в различных условиях бытия народа, обретали и типологические сходные черты в сюжетно-стилевом строе и характеристике образов. Это обусловлено закономерным развитием культуры и истории тюркских народов.

В компаративистском анализе сюжетных мотивов и образов в эпосах выявляется то, что в олонхо и эпосах тюркоязычных народов явно подчеркиваются архетипические представления, указывающие на их общее древнее происхождение и вместе с тем являющиеся основополагающей конструкцией духовной жизни, особенностей мировосприятия, ментальности, художественно-словесного творчества. Тюркоязычным народам (как и у монголоидов) свойственна пространственно-образная форма мышления, а у европейцев — логико-знаковый тип. Выявленную особенность можно объяснить тем, что, к примеру, якуты как народ формировались в контакте с древней южной этнокультурой. Пространственно-образная форма мышления в олонхо и эпосах тюркоязычных народов отражается в том, что мир мыслился многослойным. Древний якут Вселенную, мир делит на две части: Земля — «сир» и Небо — «халлаан». Такое деление мира на две части, на Землю и Небо, при появлении народного словесного творчества принимает новую форму: Земля становится средним миром, Небо — верхним, а третьим является нижний мир. Основанием нового представления о мире явилось предание о войне, окончившейся созданием трех миров, то есть разделением Вселенной между тремя союзными объединениями племен, на верхнюю, среднюю и нижнюю страны. Поэтому представление якута времен матриархата о мире по аналогии (создание трех стран) стало уже представлением якута эпохи патриархата о трех мирах [5]. В этом видится философское восприятие действительности: во Вселенной, где идет вечная борьба между Злом и

Добром, он отвоевал свое пространство, находящееся все-таки в зависимости от них.

Как отмечает Н. В. Емельянов, «все эпосы начинаются с описания картины сотворения мира — это древний миф об образовании мира, земли. Поэтому иногда говорится об особых мирах или землях, со своими небесами или без них, морями, реками и подземным миром, где тускло светят луна и солнце» [7. С. 3]. В якутском олонхо о сотворении мира повествуется: «<...> это было Время до Времени, когда царили темнота и хаос. Появился Великий океан, плавно несший свои волны, которым не было предела и преграды. Сколько это продолжалось — не знает никто...» [7. С. 3–4]. В алтайском эпосе «Алып-Манаш» страна, где живет нареченная невеста богатыря-великана, лежит на краю света, «где небо с землей сходится», это страна, откуда нет возврата («назад следов нет»). Путь туда ведет через широкую реку, которую «на крылатом коне не перелететь, на семивесельной лодке не переплыть» [9. С. 335].

Природные циклы определяют не только образы и сюжеты, но целые жанры, мотивы [18]. В олонхо многослойное небо в виде купола прикрывает землю, и земли стучаются друг о друга. Образ «небо-купол» защищает и оберегает жителей срединной земли. Древний якут, защищенный «куполом-небом» от сурового северного климата, боготворит это небо, считает небо — верхний мир — состоящим из девяти небесных пространств или из девяти небесных стран. Из них три нижние страны, залегающие от среднего мира на юго-восток, отличаются теплым климатом, ярким и никогда не заходящим солнцем и богатой вечнозеленой растительностью. Пять небесных стран, залегающие от среднего мира на юго-запад [21] и северо-запад, отличаются холодным и сырым климатом, туманным небом и скудной растительностью. Верхняя, девятая небесная страна, как конец и полюс мира, отличается особенно суровым климатом, без всякой растительности, ледяным дыханием, туманным небом. Это страна мрака и тени [23].

Далее, среди множества мировоззренческих взглядов создателей древних эпосов наибольший интерес представляет вопрос зависимости судьбы людей от верховных небожителей. В иерархии небесного пантеона божеств в олонхо небожителями седьмого, восьмого уровня считаются Джылга, Тангха, Билгэ, Одун, Чынгыс. При этом А. Кулаковский замечает, что «Джылга как будто более компетентен в назначении времени, через

которое должно совершиться какое-нибудь роковое событие в жизни человека» [12. С. 22]. В сюжетах олонхо также упоминаются небесные писари, заносящие в мировой архив все сведения, относящиеся к земной жизни людей. Главный писарь Усун Джурантаайы считается одним из сыновей Юрюнг Аар Тойона. В олонхо «Строптивный Кулун Куллустуур» отведено значимое описание: «Эти писари властного Рока раскрыли небесную Книгу судеб» [29. С. 605].

Евразийская «кочевая» цивилизация первоначально возникла в горно-таежной, лесостепной зоне Южного Приуралья и Алтае-Байкальского региона. При этом важную роль сыграла так называемая родственная религия тюрко-монголов. К примеру, в культе природы особенно важное место занимали культ священного дерева, культ неба, что в известной мере было обусловлено ландшафтом исторической родины тюркских народов, которую, таким образом, можно рассматривать и как прародину самих тюркских народов. К признакам эпического бытования текста находим употребление постоянного эпитета «голубое небо» (көк таңри), «небоподобный каган», которое выполняет те же функции, что и постоянный эпитет в фольклорных произведениях: он выражает типические, идеальные признаки объектов, а также представление об «эпическом» времени: «Когда было сотворено (возникло) вверху голубое небо и внизу бурая (темная) земля, между ними обоими были сотворены (возникли) сыны человеческие (то есть люди). Над сынами человеческими воссели мои предки Бумынкаган и Истеми-каган (ўзә көк таңри асра жағыз жір кылынтукда, әкін ара кісі оглы кылынмыс. Кісі оглынта ўзә ачұм апам Бумын каган Істәмі каган олурмыш); Время (судьбы, сроки) распределяет Небо (Бог), Человеческие сыны родились, чтобы умереть (өд таңры жасар, кісі оглы коп өлгәлі тәрүміс)» [19. С. 144].

Полагается, что в олонхо представление о первоизданном мире отражает основные моменты этнических контактов, которые происходили за пределами современной родины якутов. В олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» отразилась память о южной степной прародине якутов, где они жили до переселения на берега Лены:

Осьмикрайняя, на восьми ободах,
На шести незыблемых обручах,
Убранная в роскошный наряд...
С деревьями, роняющими листву,
Падающими, умирая... [21. С. 4].

Не менее важным фактором мировоззренческого единства и пространственного мышления в тюркоязычном обществе ранних кочевников явилось оформление культа растительных сил природы в образе мирового дерева. Во многих тюркоязычных эпосах Вселенную — три сферы Вселенной — связывает либо древо мировое (пай кайынг, «богатая береза», или темир-терек, «железный тополь», на ветвях которого находятся зародыши детей и скота), либо гора, упирающаяся вершиной в небеса (горы Аскартог в эпосах «Гёр-оглы» и «Алпамыш») [4]. В эпосах «Гёр-оглы» и «Алпамыш» гора рассматривается как центр, где верх горы связан с Полярной звездой, а низ — с потусторонним, подземным миром. Таким образом, образ горы мира (или космоса) ассоциируется с образом дерева мира. В «Маадай-Кара» четыре священные березы своим соком, как материнским молоком, выкармливают спасителя Когюдей-Мергена. Как известно, в древности у индоиранцев популярной была идея прорастания, связанная с концепцией мирового дерева и «древа жизни». В якутском олонхо «дерево жизни» — Аал луук мас (его бытовая персонификация — Ытык мас) воспринимается в образе громадного священного дерева, связывающего все три мира Вселенной; «с ветвей которого капает животворная влага изобилия, у подножия белеет беломолочное море» [5]. Вершина Аал Луук мас «достигает небес, светлой стороны Юрюнг Айыы тойона, главы якутского Олимпа. Около него пируют боги, по семи суток они пьют вкруговую кумыс». В олонхо с мировым деревом, связанном с тремя мирами, ассоциируется богиня плодородия Аан Алахчын хотун [7].

Данный эпический сюжет является универсальным, встречаемым у многих народов мира. Композиционный, символический и концептуальный строй данного сюжета отнесен известным индологом В. Топоровым к общим космологическо-религиозным представлениям древнейшего комплекса верований, условно названного им «шаманским» [30. С. 107–109]. При этом специфическим символом «центра» среднего мира в тюркских эпосах является мировое дерево.

Если шорский сказитель живописует, как «на самой вершине золотой горы <...> с золотыми листьями золотая береза стоит, оказывается, под золотой березой стоит золотой стол, оказывается, за золотым столом на почетном месте три творца восседают» [33. С. 337], то в олонхо это священное «дерево с берестой из слоистого серебра,

цвета серебряных опилок» [27. С. 48], куда записываются судьбы всех героев. Эти примеры имеют многочисленные параллели в родственных культурах, причем заметное постоянство эпитета «серебряный (золотой)» применительно к небу, солнцу, мировому древу и все это можно интерпретировать как связь с идеей изначальности и вечности [20].

Образ дерева и образ горы в религиозно-мифологическом сознании тюркоязычных народов выполняли функцию связующего звена трех миров: верхнего, земного и нижнего. Как и «дерево» в олонхо, «гора» в родственных эпосах выступала в качестве посредника между небом и землей. Также в генетической структуре образов дерева и горы выделяем исторические периоды — архаический и шаманистический. Здесь древнейший период характеризуется осмыслением мира в виде семантических оппозиций: верх — низ, правое — левое, мужское — женское, прошлое — будущее и так далее.

Существует ряд сходного антропологического явления в тюркоязычных эпосах. Мотив богатыря — предка человеческого племени — встречается обычно во вступительной части героической поэмы. В архаической эпике герой большей частью имеет чудесное происхождение или рождение. Сверхъестественное рождение героя в эпосах в большинстве случаев подразумевает и подчеркивает особенность будущего богатыря, его судьбы в незапамятных эпических традициях.

В нарратив-повествовании о национальной праоснове в образе чудо-богатыря обнаруживается семантика прообраза человека (концепт идеального человека, боговидного и богоподобного; у саха «богатырь-айыы»). Обогащенный и завершенный образ Богатыря мыслеобразами, мыслеформами, системой символических персонажей раскрывает субстанцию этнической истории, глубинную сокровенную память народа.

В киргизском «Манасе» Умай, покровительница всех рожениц, покровительствует Чыйырды, когда она рождает Манаса. Культ богини Умай, олицетворяющий плодородие, сохранился в видоизмененной форме. Это богиня Айыысыт — якутская ипостась древнетюркской Умай. В эпосе Умай является универсальным женским божеством и выступала также в роли хозяйки гор, покровительницы охотников и диких зверей [6]. В тюркских версиях имеет место такое необычное явление, как способность ребенка говорить и общаться, пока он находится еще в утробе ма-

тери. Особенно это свойственно южным вариантам «Манаса», где сохранились многие древние пласты эпической культуры народа. Так, в вариантах А. Ташова и М. Акбаева Манас разговаривает прямо из утробы матери [8]. Весьма необычно рождается главный герой узбекского эпоса «Гороглы», который воспринимался как «человек, родившийся в гробнице». Кроме того, деятельность главного героя произведения протекает совсем иначе, что вполне объяснимо. Чудесное зачатие и рождение отмечается также и в алтайском «Маадай-Кара», но здесь этот мотив развивается в связи с ясновидящей дочерью владыки подземного царства Эрлика — Кара-Таади:

... На стойбище Маадай-Кара

Встал на крыло птенец орла.

Отцом ему была гора,

Береза матерью была [16. С. 91].

Узбекский Алпамыш рождается у безбедного главы племени кунграт после вмешательства святого покровителя. Фантастически волшебным рождается богатырь и в башкирском «Урал батыр», хотя ни одного слова о его появлении на свет нет: «<...> когда только родился Урал-батыр, Дивы, что в небесах пролетали, на землю упали, убить хотели его, шутя, Оно (дитя Урал) в упор взглянуло на них — И разум у дивов смутился вмиг, <...> Рухнули (дивы) наземь, как горный обвал» [30. С. 75].

В олонхо богатырей ниспосылают с неба боги айыы или богатыри сами рождаются чудесным образом (рождение от родителей преклонного возраста; рождение от прародителя-лошади). К примеру, в олонхо «Кентестей Беге» Старуха Сэбэйикээн Баай попросила у солнечных улусов даровать ей ребенка, чтобы Средний мир не остался без людей. Спущенные с неба богатыри являются с наказом установить счастливую жизнь на земле. В своих наиболее архаических формах мотив чудесного зачатия и рождения героя связан, как указывают этнографы, с первобытными представлениями о «партеногенезисе» (непорочном зачатии), восходящими к эпохе материнского рода: герой рождается от вкушения яблока его матерью, от запаха цветка, от воды чудесного источника, от солнечного света, дождя или ветра и т. п. В якутском олонхо в мотиве чудесного происхождения сохранились архаические поверья якутского народа, как о протоякуте. Как и богатырь, в олонхо с небес спускается и конь, посланный владыкой Верхнего мира Солнце Джесегей тойон. Здесь обнаруживаем

древнее представление, древнее, чем эпоха «олонхо». Широкое распространение такого мотива в фольклоре народов мира свидетельствует о его типологичности и древности [8].

Необыкновенный стремительный рост богатыря является особенностью эпоса. Богатырь «через три дня после рождения стал ростом в три сажени и превратился в орла самца» в олонхо «Кентестей Беге». В олонхо богатырь обладает волшебными способностями — может обернуться орлом, быть жестоким в бою. В башкирском «Алпамыше» герой растет не по дням, а по часам: «За день он рос, как за месяц, а за месяц — как за целый год» [25. С. 12]. Богатырь, достигший через 25 дней роста 70 аршин, получает имя «Алпамыш». В киргизском «Манасе» [17] богатырь-младенец в колыбели пролежал всего три дня, а затем отправился на охоту. В башкирском «Урал батыре» [31] с момента рождения герой наделен сверхъестественными свойствами. Он растет с фантастической быстротой, обладает могучей силой. Рассматриваемый мотив чудесного рождения и роста богатыря подчеркивает широкий арсенал мотивов тюркоязычных эпосов, просматривается его архаичность.

Древнейшие истоки в тюркоязычных эпосах прослеживаются как испытавшие влияние «звериного стиля». В якутском олонхо имеют различные функции зооморфные и орнитоморфные образы, которые обычно используются как символы в эпических формулах. Главным из эпических волшебств является способность к магическим превращениям (в птиц, зверей, облик другого человека, мифических животных и так далее). Чтобы быстро преодолеть большие расстояния, ему необходимо перевоплощаться в различных птиц (степных, южных, хищных, чаще мифических птиц гибридного свойства). Чаще всего в эпическом тексте встречаются образы коня и птиц, которые имели в мифологии и культуре саха сакральное значение. Интересен эпический образ огромной сказочной птицы — грифона, крылатого зверя-барса, полуптицы («халлаан кэй кыыла, бар кетере») [5. С. 101]. В олонхо эти птицы обладают способностью летать и перемещаться по трем мирам, однако будучи генетически зооморфными (зверями) явственно несут следы вымерших рептилий доисторических времен. В зооморфных родителях якутского богатыря (конь-тотем, богиня-кобылица, жеребец-молочный брат) сохранилась связь с тотемным предком.

В материалах якутского олонхо запечатлены некоторые предметы быта, по всей вероятности, выполненные в канонах «звериного стиля». В этом плане, например, выделяются медные вешалки — «алтан кехелер», существенные дополнения домашнего интерьера богатырей, которые изготавливались мастерами в форме конских голов, зверей и хищных птиц [23]. Также, по четырем стенам юрты богатыря имеются приделанные к основным столбам нары. Эти нары покрыты звериными шкурами или шкурами коней. Почетным гостям кладутся шкуры волка или медведя (почетное сидение) [23]. По материалам древнеиранских собраний священных текстов «Авесты» животные выступают как ипостаси различных божеств и как атрибуты (спутники) их, и как самостоятельные персонажи [32]. Эти же черты культивированных животных и птиц присущи и сюжетам якутского олонхо. Орел, по описанию в «Авесте», обитает на космическом дереве. В этой связи следует отметить, что якутские шаманы воздвигали культовое дерево «түспэт туруу», своеобразную модель мирового дерева, на вершине которого водружали изображение орла. Л. Штернберг, обративший на это внимание, обнаружил аналогию термина «туру» в санскритском слове *dru*, обозначающем дерево Будды [24]. В «Авесте» одно и то же божество воплощается в образах различных животных. Это явление характерно и для якутского эпического наследия. Так, например, богиня Иэйиэхсит принимала вид то белогородого, косматого жеребца, то белой кобылицы, иногда ворона или даже орла. В нартовском эпосе герои, имеющие отношение к солярному, грозовому верху, ранят стрелой белых оленей, которые впоследствии оказываются их женами в образе Богини-матери.

В олонхо многослойность образа богатырского коня дается в рамках эпической традиции тюрко-монгольских народов. Эпический конь — это крылья боотура. В олонхо сохранился наиболее архаический пласт, когда конь выступает в качестве одного из родителей богатыря («Сын лошади Дыырай Бэргэн»). В зооморфных родителях якутского богатыря сохранилась связь с тотемным предком. Как говорил Г. Гачев, обожествление животных, особенно коня — это полная зависимость, внутреннее родство кочевого народа с животными [2]. В казахском эпосе «Кобланды» так описывается бег коня Тайбурыла:

Кобланды на Тайбурыла вскочил,
Помчался, как вихрь, богатырь
...Из кыятов никто за ним не поспел.
Резво мчится богатырский тулпар [10. С. 19].

В олонхо богатырский конь «со стремительной силой, неудержимой поводом; с порывающей недоуздой силой в звонко хрустящих сухожилиях; с четырьмя играющими, как копыта из-под снега опрокинутые, каменными копытами; поющими легенду звонами, с прочно-вескими стременами; покрытый, как красное облачко, попоной и в чепраке, как черное облачко, знаменитый» [23].

Есть сведения, что «в эпосе некоторых тюркоязычных народов смерть батыра и его коня происходит одновременно» [15. С. 219]. Такое положение может указывать на единую их субстанцию в прошлом. Как отмечает Р. Липец, связь между богатырем и его воинственным конем неразрывна, почти мистическая, оккультная, «причем эта связь преломляется через архаичные представления о тотемических отношениях, о какой-то родственной связи всадника-батыра и его коня» [15. С. 124]. Якутское олонхо — это архаический эпос. В многослойном образе эпического коня переплелись архаика, мифология, конкретные исторические черты верхового. Конь богатыря-айыы Кулун Куллустуур впечатляюще фантастический:

С кроншнепом-птицей на ушах,
Кукушкой-птицей на загривке,
Сарычем-птицей на лопатках,
Селезнем-птицей на крупе,
Голубем-птицей на бедрах,
Серыми зайчатами на подколенках... [29. С. 8]

В олонхо «Строптивный Кулун Куллустуур» «эпическая формула-описание коня имеет схожие мотивы» [13. С. 197]. Вещий говорящий конь в олонхо — спаситель, хранитель заветного родового оружия, богатырского снаряжения, которые ниспосланы ему богами, как и сам конь. Имея божественное, небесное происхождение, конь не только пронизывает пространства, обеспечивая людей «вертикальной коммуникацией», но и устанавливает для них «связь времен», обладая информацией о прошлом и будущем. В киргизском «Манасе» одновременно с героем появляется на свет его будущий верный спутник — конь Ак-Кула. Исследователь отмечает, что связь между конем и всадником была настолько тесной и неразрывной, что зачастую потеря коня лишала героя силы внутреннего сопротивления, хотя изначально срок жизни коня биологически втрое

короче, чем человека: «...конь в разных версиях предназначен высшими силами быть и «патроном», и покровителем героя» [15. С. 132].

Интересно утверждение В. Я. Проппа о том, что «развитие мифологических образов происходит путем их расщепления. Конь и птица как бы отслаиваются от человека, и в более разработанных вариантах вместо человека-животного действуют уже два персонажа — человек и животное, звериная сущность которого как будто “сползает” с героя, преобразившись в зверя-помощника» [24. С. 189]. Как отметила Р. С. Липец, «реликты особого жанра славословия богатырскому коню в тюркских эпосах» [15. С. 125].

Известно, что значительное место в якутском олонхо отведено богу коневодства Уордах Джесегею, который дарует ретивых коней и героических богатырей. В древности по материалам олонхо Уордах Джесегей называли Кюн Джесегей тойон (кюн — солнце). В нем «четко проявляется связь этого патрона коневодства с культом солнца и вместе с тем наличие в якутской мифологии центрально-азиатского мифа о солнечном происхождении божественного коня» [23. С. 120]. То есть в эпосах сибирских тюрков изображается утверждение этноса в мироздании. Крылатым конем — тулпар в узбекском эпосе — является конь богатыря Алпамыша Байчибар, также крылатый знаменитый богатырский конь героя Кероглы Гират. Гират фантастичен тем, что является «водяным конем», вышедшим из моря или озера. Обычно у этих богатырских коней крылья находятся под мышками, зеленого цвета, размером в «три с половиной аршина» и развертываются при беге, который превращается в сказочный, волшебный полет. Народ обожествляет их, описывая их божественную красоту: «кони настолько красивые, что у них и шеи лебединые».

Г. Ксенофонов предполагал существование в древности общеякутского божества в образе коня-неба, Джылга тойона [11. С. 229]. Похожие представления существовали у древних ариев. По обряду, описанному в «Ригведе», чтобы получить царские достоинства и могущество, царь на год выпускал на волю своего лучшего белого жеребца. Близкий к нему обряд существовал до недавнего времени у тюркоязычных народов Сибири под названием «изых». У якутов он назывался «ытык сылгы», то есть священный конь, предназначенный [5] божеству солнца. В старину создателю Вселенной Юрюнг, Аар тойону, некогда олицетворявшего божество солнца, якуты

выбирали в жертву отборную лошадь белой масти и сжигали ее [5]. Древние персы приносили в жертву божеству солнца Митре белых коней.

В более ранних якутских олонхо, фрагментарно записанных в первой половине XVIII в. Я. Линденау, наблюдаются отдельные идеи, близкие по смыслу с зороастрийскими воззрениями. Так, в мифологическом творчестве скотоводов Лены жизнь на земле основывалась на борьбе доброго начала во главе с Юрюнг Аар тойоном и Аджарай Беге, воплощающем все плохое, злое. Последний был загнан в преисподнюю и в злобе за это мучил все живое [14]. Любопытно в этом плане имя главы нижнего мира — Аджарай. В иранском эпосе встречается мифический образ Аждахи — дракона [5]. В олонхо Аджарай Беге представляет собой огромную змею или дракона.

Проведенный обзор дает возможность еще раз констатировать в генезисе сюжетных мотивов олонхо и эпосах тюркоязычных народов определяющую роль средневековых тюркоязычных племен Сибири. В якутском героическом эпосе олонхо признаки древнетюркского комплекса сохранились через посредство древнетюркской среды в религиозно-мифологическом творчестве, в виде отдельных реликтов в предметах быта (Манас носит «непроницаемый для стрел шелковый олопок»), в стилизованных пережитках «звериного стиля» и др. Следовательно, эти «дотюркские» основы в якутском эпическом наследии показывают самые древние «подпочвенные» истоки, отражающие ее «доэтническое» состояние, когда только создавались предпосылки «стартовых» компонентов будущих эпических сказаний.

Таким образом, сюжетные мотивы олонхо и героические эпосы тюркоязычных народов свидетельствуют об их сложном интегрированном целом. Дают ценный материал о взаимосвязях эпосов, генетических и типологических характеристиках этих связей, свидетельствующем о своеобразном видении макро- и микрокосма, отличительных чертах менталитета. Жизнедеятельность

народов была основана на зависимости от природы, определялась и доминировалась ею; наблюдался эксплицитный процесс во взаимосвязи человека с природой. Выявление специфики генезиса и особенностей эпических мотивов олонхо и эпосов тюркоязычных народов в данной статье позволило сделать следующие выводы:

– особенности эпосов тюркских народов сводятся к содержанию общих мотивов в повествовании;

– общность в мотивах эпического наследия тюркских народов опирается на сходные культурно-космологические, природные образы, а также религиозные представления. Древний пласт якутского эпического наследия охватывает до религиозный этап целостного восприятия мира. Люди чувствовали себя единственными с природными явлениями, животной и растительной средой. Выделяется Кюн Джесегей — покровитель конного скота. Выявлено предположение, что и в мотивах олонхо, и других тюркских версиях есть понятие о космическом едином первоначале, где не было структурных или иных разделений на уровни Времени и Пространства;

– мотивы о богатырях встречаются часто в контексте всей тюркской эпической традиции; соблюдены древние национальные эпические каноны, под которыми подразумеваем сохранение архаичных мотивов.

Каждый эпический мотив находит обоснование либо в мифологическом мышлении, либо в историческом прошлом народа. С точки зрения интерпретации сюжетобразующих мотивов якутского олонхо можно заключить, что по сравнению с остальными тюркскими версиями, якутская версия сохранила в своей основе гораздо больше архаического мировоззрения. Один мотив верховного Старца Юрюнг Айыы Тойона имеет параллель с древнеиндийским верховным божеством Индра из «Ригведы», практически совершенно отсутствующий в других тюркских версиях, что говорит в пользу древности сюжета.

Список литературы

1. Веселовский, А. Н. Историческая поэтика / А. Н. Веселовский. — М., 1989. — 408 с.
2. Гачев, Г. Национальные образы мира. Евразия — космос кочевника, земледельца, горца / Г. Гачев. — М., 1999. — 396 с.
3. Гацак, В. М. Устная эпическая традиция во времени: Историческое исследование поэтики / В. М. Гацак. — М., 1989. — 254 с.
4. Гер-оглы. Туркменский героический эпос / Гер-оглы. — М., 1983. — 808 с.

5. Гоголев, А. И. Этническая история народов Якутии (до начала XX в.) / А. И. Гоголев. — Якутск, 2004. — 104 с.
6. Длужневская, Г. В. Еще раз о «кудыргинском валуне» (к вопросу об иконографии Умай у древних тюрков) // Тюркологический сборник. — М., 1974. — С. 230–233.
7. Емельянов, Н. В. Якутские мифы и олонхо / Н. В. Емельянов // Поэтика эпического повествования : сб. науч. тр. — Якутск, 1993. — С. 3–19.
8. Жамгырчиева, Г. Т. Чудесное рождение и быстрый рост героя как архаический сюжетный мотив в киргизском эпосе / Г. Т. Жамгырчиева // Молодой ученый. — 2016. — № 9. — С. 1267–1270.
9. Жирмунский, В. М. Сказание об Алпамыше и богатырская сказка / В. М. Жирмунский. — М., 1960. — 335 с.
10. Казахский героический эпос «Кобланды-батыр» / О. Нурмагамбетова. — Алма-Ата, 1988. — 189 с.
11. Ксенофонтов, Г. В. Эллэйада: Материалы по мифологии и легендарной истории якутов / Г. В. Ксенофонтов. — М., 1977. — 348 с.
12. Кулаковский, А. Е. Якутской интеллигенции / А. Е. Кулаковский. — Якутск, 1992. — 77 с.
13. Куприянова, Е. С. Частотные зооморфные образы олонхо «Строптивный Кулун Куллустуур» / Е. С. Куприянова // Молодой ученый. — 2012. — № 10. — С. 197–199.
14. Линденау, Я. И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII века) / Я. И. Линденау. — Магадан, 1984. — 176 с.
15. Липец, Р. С. Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе / Р. С. Липец. — М., 1984. — 266 с.
16. Маадай-Кара. Алтайский героический эпос / Маадай-Кара. — М., 1973. — 474 с.
17. Манас: киргизский героический эпос : в 4 кн. — М., 1984. — 544 с.
18. Мелетинский, Е. М. О литературных архетипах / Е. М. Мелетинский. — М., 1994. — 136 с.
19. Мелиоранский, П. М. Памятник в честь Кюль Тегина / П. М. Мелиоранский. — СПб., 1899. — 144 с.
20. Неклюдов, С. Ю. Заметки о мифологической и фольклорно-эпической символике у монгольских народов: символика золота / С. Ю. Неклюдов // *Etnografia Polska*. — 1980. — Т. XXIV, zesz. 1. — С. 65–94.
21. Нюргун Боотур Стремительный: Якутский героический эпос олонхо / под общ. ред. С. В. Михалкова. — Якутск, 1982. — 432 с.
22. Окладников, А. П. Якутия до присоединения к русскому государству / А. П. Окладников. — М.; Л., 1955–1963. — 432 с.
23. Ойунский, П. А. Якутская сказка (олонхо), ее сюжет и содержание / П. А. Ойунский. — Якутск, 2016. — 120 с.
24. Пропп, В. Я. Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. — Л., 1946. — 340 с.
25. Путилов, Б. Н. Методология сравнительно-исторического изучения фольклора / Б. Н. Путилов. — Л., 1976. — 242 с.
26. Пухов, И. В. Героический эпос алтае-саянских народов и якутские олонхо / И. В. Пухов. — Якутск, 2004. — 328 с.
27. Пухов, И. В. Якутский героический эпос олонхо / И. В. Пухов // Публикация, перевод, теория, типология. Избранные статьи. — Якутск, 2004. — С. 48–50.
28. Райхл, К. Тюркский эпос: традиции, формы, поэтическая структура / К. Райхл. — М., 2008. — 383 с.
29. Строптивный Кулун Куллустуур: Якутское олонхо / сказитель И. Г. Тимофеев-Теплоухов. — М., 1985. — 605 с.
30. Топоров, В. Н. Миф, ритуал, образ: исследования в области мифопоэтического: избранное / В. Н. Топоров. — М., 1995. — 624 с.
31. Урал-батыр // Башкирское народное творчество. — Уфа, 1987. — Т. I. — 544 с.
32. Хазанов, А. М. Социальные и религиозные основы скифского искусства / А. М. Хазанов, А. И. Шкурко // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. — М., 1976. — С. 40–51.
33. Шорские героические сказания. — М.; Новосибирск, 1998. — 463 с.

Сведения об авторах

Саввинова Гульнара Егоровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры культурологии Института языков и культуры народов Северо-Востока Российской Федерации; заведующая сектором «Язык эпоса» Научно-исследовательского института Олонхо, Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова. Якутск, Россия. savgul6767@mail.ru

Окорокова Варвара Борисовна — доктор филологических наук, профессор кафедры якутской литературы Института языков и культуры народов Северо-Востока Российской Федерации, Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова. Якутск, Россия. savgul6767@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2017. No. 12 (408). *Philology Sciences. Iss. 110. Pp. 174—183.*

ON ISSUE OF PLOT MOTIVES OF THE OLONKHO AND EPICS OF TURKIC-MONGOLIAN PEOPLES

V. B. Okorokova

North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov, Yakutsk, Russia. savgul6767@mail.ru

G. E. Savvinova

North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov, Yakutsk, Russia. savgul6767@mail.ru

The article is an attempt to examine the genesis of the plot motives of olonkho and epics of Turkic-speaking peoples. We are making an attempt to study possible ancient links of olonkho with other Turkic versions and to conduct a brief review of the issues devoted to the plot motives of olonkho and some Turkic peoples. A hypothesis is advanced about possible parallels in the plot motives of the Turkic versions. Attention is drawn to the general characteristics of studied epics, plot motifs, as well as some features of commonality in images and symbols in the epic. In its numerous manifestations the epic of the Turkic peoples is of great interest.

The revealing of the specifics of genesis and features of the epic motifs of olonkho and epics of Turkic-speaking peoples in this article allowed to draw the following conclusions: the peculiarities of the epics of the Turkic peoples are reduced to the content of common motives in the narrative; commonality in the motifs of the epic heritage of the Turkic peoples rests on similar cult-cosmological, natural images, as well as religious beliefs; motifs about heroes are often found in the context of the entire Turkic epic tradition, where epic canons are found that have preserved archaic motifs.

Keywords: *olonkho, epic, motive, story lines, zoomorphic, Turkic-speaking peoples, archetype.*

References

1. Veselovskij A.N. *Istoricheskaja pojetika* [Historic poetics]. Moscow, 1989. 408 p. (In Russ.).
2. Gachev G. *Nacional'nye obrazy mira. Evrazija — kosmos kochevnika, zemledel'ca, gorca* [National images of the world. Eurasia — universe of nomad, farmer and hillman]. Moscow, 1999. 396 p. (In Russ.).
3. Gacac V.M. *Ustnaja jepicheskaja tradicija vo vremeni: Istoricheskoe issledovanie pojetiki* [Oral epic tradition in time: historic research of poetics]. Moscow, 1989. 254 p. (In Russ.).
4. *Ger-ogly. Turkmenskij geroicheskiy jepos* [Ger-ogly. Turkmenian heroic epic]. Moscow, 1983. 808 p. (In Russ.).
5. Gogolev A.I. *Jetnicheskaja istorija narodov Jakutii* [Ethnic history of Yakut peoples]. Yakutsk, 2004. 104 p. (In Russ.).
6. Dlužnevskaja G.V. Eshhe raz o «kudyrginskom valune» (k voprosu ob ikonografii Umaj u drevnih tjurkov) [One more time about “kudyrginsky stone” (on issue about Umaj iconography of ancient Turkis)]. *Tjurkologičeskij sbornik* [Turkologic collection]. Moscow, 1974. Pp. 230–233. (In Russ.).
7. Emel'janov N.V. Jakutskie mify i olonho [Yakut myths and olonkho]. *Pojetika jepicheskogo povestvovanija* [Poetics of epic narration]. Yakutsk, 1993. Pp. 3–19. (In Russ.).
8. Zhamgyrchieva G.T. Chudesnoe rozhdenie i bystryj rost geroja kak arhaicheskiy sjuzhetnyj motiv v kirgizskom jepose [Divine birth and fast growth of the hero as archaic plot motive in Kyrgyz epic]. *Molodoj učenij* [Young scientist], 2016, no. 9, pp. 1267–1270. (In Russ.).

9. Zhirmunskij V.M. *Skazanie ob Alpamysh i bogatyrskaja skazka* [Legend of Alpamysh and bogatyr fairy tale]. Moscow, 1960. 335 p. (In Russ.).
10. *Kazahskij geroicheskiy jepos "Koblandy-batyr"* [Kazakh heroic epic "Koblandy-batyr"]. Alma-Ata, 1988. 189 p. (In Russ.).
11. Ksenofontov G.V. *Jelllejada: Materialy po mifologii i legendarnoj istorii jakutov* [Elleyade: Materials on mythology and legendary history of Yakuts]. Moscow, 1977. 348 p. (In Russ.).
12. Kulakovskij A.E. *Jakutskoj intelligencii* [To the Yakut intellectuals]. Yakutsk, 1992. 77 p. (In Russ.).
13. Kuprijanova E.S. *Chastotnye zoomorfnye obrazy olonho «Stroptivyy Kulun Kullustuur»* [Frequency zoomorphic images of olonkho "Obstinate Kulun Kullustuur"]. *Molodoj uchenyj* [Young scientist], 2012, no. 10, pp. 197–199. (In Russ.).
14. Lindenau Ja.I. *Opisanie narodov Sibiri (pervaja polovina XVIII veka)* [Description of Siberian peoples (first half 18 century)]. Magadan, 1984. 176 p. (In Russ.).
15. Lipeč R.S. *Obrazy batyra i ego konja v tjurko-mongol'skom jepose* [Images of batyr and his horse in Turkic-Mongolian epic]. Moscow, 1984. 266 p. (In Russ.).
16. *Maadaj-Kara. Altajskiy geroicheskiy jepos* [Maaday-Kara. Altaic heroic epic]. Moscow, 1973. 474 p. (In Russ.).
17. *Manas: kirgizskij geroicheskiy jepos* [Manas: Kyrgyz heroic epic]. Moscow, 1984. 544 p. (In Russ.).
18. Meletinskij E.M. *O literaturnyh arhetipah* [About literary archetypes]. Moscow, 1994. 136 p. (In Russ.).
19. Melioranskij P.M. *Pamjatnik v chest' Kjul' Tegina* [Monument in honor of Kyul Tegil]. St. Petersburg, 1899. 144 p. (In Russ.).
20. Nekljudov S.Ju. *Zametki o mifologičeskoj i fol'klorno-jepičeskoj simvolike u mongol'skih narodov: simvolika zolota* [Notes about mythologic and folklore and epic symbolic of Mongol peoples: gold symbolics]. *Etnografija Polska* [Polish ethnography], 1980, t. XXIV, zes. 1, pp. 65–94. (In Russ.).
21. *Njurgun Bootur Stremitel'nyj: Jakutskij geroicheskiy jepos olonho* [Nurgun the Swift: Yakut heroic epic olonkho]. Yakutsk, 1982. 432 p. (In Russ.).
22. Okladnikov A.P. *Jakutija do prisoedinenija k russkomu gosudarstvu* [Yakutia before joining to Russian state]. Moscow; Leningrad, 1955–1963. 432 p. (In Russ.).
23. Ojunskij P.A. *Jakutskaja skazka (olonho), ee szuzhet i sodержanie* [Yakut fairy tale, its plot and content]. Yakutsk, 2016. 120 p. (In Russ.).
24. Propp V.Ja. *Istoricheskie korni volshebnoj skazki* [Historic roots of magic fairy tale]. Leningrad, 1946. 340 p. (In Russ.).
25. Putilov B.N. *Metodologija sravnitel'no-istoričeskogo izuchenija fol'klora* [Methodology of comparative and historic research of folklore]. Leningrad, 1976. 242 p. (In Russ.).
26. Puhov I.V. *Geroicheskiy jepos altae-sajanskih narodov i jakutskie olonho* [Heroic epic of Altaic-Sayan peoples and Yakut olonkho]. Yakutsk, 2004. 328 p. (In Russ.).
27. Puhov I.V. *Jakutskij geroicheskiy jepos olonho* [Yakut heroic epic Olonkho]. *Publikacija, perevod, teorija, tipologija. Izbrannye stat'i* [Publication, translation, theory and typology. Selected articles]. Yakutsk, 2004. Pp. 48–50. (In Russ.).
28. Rajhl Karl. *Tjurkskiy jepos: tradicii, formy, pojetičeskaja struktura* [Turkic epic: traditions, forms and poetic structure]. Moscow, 2008. 383 p. (In Russ.).
29. *Stroptivyy Kulun Kullustuur: Jakutskoe olonho* [Obstinate Kulun Kullustuur]. Moscow, 1985. 605 p. (In Russ.).
30. Toporov V.N. *Mif, ritual, obraz: issledovanija v oblasti mifopojetičeskogo: izbrannoe* [Myth, ritual and image: mythopoetic researches: selected]. Moscow, 1995. 624 p. (In Russ.).
31. Ural-batyr [Ural-batyr]. *Bashkirskoe narodnoe tvorčestvo. T. I* [Bashkir national creation. Vol. 1]. Ufa, 1987. 544 p. (In Russ.).
32. Hazanov A.M., Shkurko A.I. *Social'nye i religioznye osnovy skifskogo iskusstva* [Social and religious basis of Scythian art]. *Skifo-sibirskij zverinyj stil' v iskusstve narodov Evrazii* [Scythian and Siberian animal style in Eurasian peoples art]. Moscow, 1976. Pp. 40–51. (In Russ.).
33. *Shorskie geroicheskie skazanija* [Shor heroic legends]. Moscow; Novosibirsk, 1998. 463 p. (In Russ.).

УДК 070
ББК 076

ПОЛИКОДОВОСТЬ КАК СМЫСЛЫ, МУЛЬТИМЕДИЙНОСТЬ КАК ФОРМА В ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ТЕЛЕЖУРНАЛИСТИКЕ ЛЕОНИДА ПАРФЁНОВА

Е. Б. Футерман

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

В статье осуществляется попытка представить документальные творческие проекты Леонида Парфёнова как проекты с современными кодировками смыслов и мультимедийным форматом подачи информации. Не опровергая традиционные, классические теории медиа, мы приводим способы «упаковывания» сложного исторического материала в вид, более понятный для раскодирования современниками, привыкшими к мультимедийным технологиям.

Ключевые слова: поликодовость, мультимедийность, точки внимания, мыслеобразы, кодировка, раскодировка.

Еще Ю. М. Лотман говорил про науку о коммуникативных системах и знаках, используемых в процессе общения. В 60-х гг. сформировалась семиотическая ветвь кинотеории, выросшая на базе структурной лингвистики. В основе ее определения сущности кино легло понимание кадра фильма как знака, как фонемы или как кинемы. Среди западных исследователей, которые разрабатывали это направление, можно назвать Р. Якобсона, П. Пазолини, Ж. Митри, У. Эко, К. Метца, а также русских — Ю. Тынянова, Ю. Лотмана, Вяч. Иванова, Ю. Мартыненко и ряд других, которые утверждают, что кино — это тоже язык. А так как в основе языка лежат формализованные знаки различной структуры, то можно сделать вывод, что в основе кино скрываются подобные знаковые единицы.

Попытки формализовать понимание единиц фильма, его «кирпичей», можно найти уже в ранних работах Л. Кулешова и позже — в ранних работах С. Эйзенштейна (кадр — знак, кадр — иероглиф). Ж. Митри первый заговорил о том, что эффект при монтаже получается от вариаций образов-объектов, которые попадают в поле зрения объектива.

Для нас важно отметить не то, что Ж. Митри первым обратил внимание на то, что внутреннее содержание кадра, по выражению С. Эйзенштейна, «не свободно от монтажа», а то, что он видит его в последовательной «вариации образов-объектов», а не знаков и иероглифов. Впоследствии Эйзенштейн говорит о том, что кадр — не элемент монтажа, кадр — ячейка монтажа.

Опыты и исследования психологов показали, что в нашей памяти хранится несметное количество пластических признаков образов и самих образов, своим количеством существенно, в тысячи раз, превосходящее количество хранящихся слов, выражений, мыслей, стихов и так далее. А еще, помимо статичных пластических образов, — множество пластических образов действия.

Вывод предельно прост: материалом и пластического мышления человека, и любого экранного творчества являются пластические (или зрительные) образы. Художник, который творит для экрана, мыслит образами. Он монтирует, сопоставляет эти образы внутри кадра, чтобы выразить определенный смысл и вызвать желаемое переживание зрителя. Монтаж — не «свойство» кадра, не «свойство» кино, не «свойство» телевидения! Монтаж — метод человеческого мышления, которым пользуются киношники и телевизионщики для создания своих произведений. Монтаж — обязательная составляющая природы функционирования человеческого сознания.

Л. Кулешов называет монтаж «сущностью кинематографии». Вслед за ним С. Эйзенштейн утверждает, что «кинематография — это, прежде всего, монтаж». А В. Пудовкин как бы подводит итог: «Монтаж неотделим от мысли».

На раннем этапе развития теории кино Л. Кулешов, а следом за ним С. Эйзенштейн, утверждали, что кадр в немом кино способен выступать как знак, как иероглиф. Такое утверждение им понадобилось для того, чтобы показать, что фильм способен вести рассказ, передавать сложные мысли и чувства, что кинематограф — искусство с без-

граничными возможностями. В ту пору главенствовали литература и театр. Им, целиком построенным на слове, принадлежала пальма первенства в выражении сложнейших движений человеческой души. Поэтому сама возможность поставить предмет своей страсти — кинематограф — рядом с ними, благодаря его близости, общности с языком, была весьма привлекательна. Обнаружение близких связей кинематографа с языком делало экранному творчеству честь и позволяло ему утвердиться на Олимпе искусства. Немаловажную роль в распространении таких взглядов сыграли Ю. Тынянов, Б. Эйхенбаум, В. Шкловский. «Смысловой знак», «кинофраза», «кинематографические слова», «кинематографическая грамматика» — все это выражения того времени.

Спустя годы оба основоположника теории кино, Л. Кулешов и С. Эйзенштейн, отказались от понимания кадра и других элементов фильма как проявления знаковой системы, ушли от крайней точки зрения.

Кинематограф, став звучащим, вновь притянул к себе приверженцев трактовки кадра как знака, как фонемы или кинемы. И никого не смутило, что уже был сложный и развернутый внутрикадровый монтаж, не было коротких кадров, которые можно было принять за знаки.

Семиологи утверждают, что наше мышление протекает исключительно в языковых категориях и что все, что создается, рождается человеческим сознанием, обязательно имеет знаковую структуру. Следовательно, можно применить метод данной науки к анализу кинопроизведений. Но пока шло исследование текстов, не было никаких проблем. А как только подвергались анализу произведения живописи или кино, так рождались проблемы. Первая — как выделить знак, единицу «речи». Составить кинематографический «алфавит» не получалось. Предположение, что у каждого художника свой алфавит (по французскому языковеду Э. Бенвенисту), не оправдалось, так как в таком случае «расплывалось» понятие знака. В то же время Ю. Мартыненко настаивает, что отдельный кадр уже является знаковой системой и при образовании знака (единицы искусства) возникают весьма крупные агломерации, ансамбли, блоки из выполняющих подчиненную роль знаков. «Альтернатива — или знак, или образ — уже ложна, поскольку образ в кино существует на основе знаковой системы».

Вслед за Ю. Лотманом все (от Р. Якобсона до Р. Беллура) предлагали свою терминологию: филь-

мическая речь, изображение-знак, образ-знак, план-эпизод, несобственно прямая речь, визуальная риторика, кинема, письменный язык действия, кинеморфа, кинезический знак, фильмическая кодификация, сюжетный организм, изображение-событие, видема, кадема, эдема, фильм как текст. Л. Выготский (педагог и психолог) утверждал, что мысль и слово оказываются вовсе не скроенными по одному образцу, между ними скорее противоречие, чем согласованность (1982 г.).

Киносемиотика сделала предметом своего особого интереса только игровой кинематограф. Применительно к нему можно допустить, что режиссер, оператор и актеры нечто «закодировали в знаки». Эту точку зрения можно распространить и на мультипликацию. Но как быть с документальным кино?

Всякая попытка трансформации снимаемой на пленку действительности в кинознак будет означать не отображение, а вторжение кинематографиста в эту действительность, а тем самым — разрушение правды, разрушение документа на экране. То же рассуждение относится к научному, просветительскому, учебному и другим видам фильмов и еще более — к телевидению в целом. А кинематографическая природа, которую изучает семиотика, едина для всех видов экранного творчества, включая телевидение. Отличие обнаруживается только в проявлении разных форм условности. В книге «Феномен достоверности» С. Дробашенко подчеркивает, что введение кадра в монтажную структуру осуществляется по иным признакам, нежели это происходит со словом в литературном языке, с учетом именно его конкретности.

Таким образом, можно сделать вывод: принципы общения со знаковыми единицами (словами) при выражении той или иной мысли через текст, закономерности фразосложения, как нам представляется, совершенно не походят на закономерности кадросложения в межкадровом монтаже. Эту мысль, созвучную с мыслями автора этой статьи, первым высказал Алексей Соколов — режиссер кино и ТВ, автор учебников по режиссуре, педагог, доктор искусствоведения, профессор. Именно они (закономерности кадросложения) являются единицами экранного языка.

Приводим пять важных различий между кадрами фильма и лингвистическими словами (по мнению К. Метца).

1. Число возможных кадров бесконечно в противовес к числу слов в языке. Не ограничено

только число формулируемых в языке высказываний.

2. Вставки находит режиссер в противоположность тому, что слова существуют в словарях. Только высказывание является в принципе находкой говорящего.

3. Содержащееся во вставке количество информации неограниченно велико, что нельзя отнести к слову. С этой точки зрения кадр не является фразой, а представляет собой комплексное проявление неопределенной длины (пример: как можно полностью описать кадр фильма с помощью обычного языка?).

4. Кадр является актуализированной единицей речи, утверждением. Слово, напротив, чисто потенциальная (лексическая) единица. Только выражение всегда относится к чему-то реальному (имеет ли оно вопросительный или приказной характер). Изображение дома не означает «дом», оно прямо указывает, что это есть «дом». В связи с этим фактом, если он имеет место на экране, то изображение является родом актуализированного индекса.

5. Изображение получает свой смысл только в слабой мере путем парадигматического противопоставления другим изображениям, которые могут возникнуть в той же цепи (если их число может быть любой величиной). Кадры в фильме больше похожи на высказывание, чем на слово. Но кадр в фильме не эквивалентен лингвистическому высказыванию. Самое сложное высказывание может быть уменьшено до отдельных единиц (слов, морфем, фонем, релевантных форм), которые лежат в основе их природы. «Образ — это целостное, интегральное отражение действительности, — утверждают В. П. Зинченко и Н. Д. Гордеева, — в котором одновременно представлены основные перцептивные категории (пространство, движение, цвет, форма, фактура и так далее). Процесс формирования образа включает в себя целый ряд перцептивных действий, таких как обнаружение, выделение адекватных задач информативных признаков, обследование выделенных признаков и собственно построение образа». Этот процесс нельзя назвать знакообразованием. Алфавит не может быть у всех разным, он должен быть единым, ему должен кто-то обучить человечество. Эти образы мы впитываем с рождения. Каждый малыш запоминает признаки кошки, зайца, воды. Эйзенштейн во втором томе полного собрания сочинений признается, что его теория иероглифического кино-

языка, то есть знаковая теория, потерпела фиаско. Он говорит впоследствии о «ранних формах мышления». Под «ранними формами мышления» и «чувственным мышлением» кинотеоретик понимает те формы, которые сегодня на языке психологов именуется наглядно-образным и наглядно-действенным мышлением — результатом сенсорного (чувственного) восприятия. Безусловно, эти виды мышления сложились в далекой доязыковой эпохе становления человека как самостоятельного вида, но с развитием языка не угасли и не застыли в развитии, а продолжали совершенствоваться.

Здесь мы вводим понятия «точка внимания» или «точка интереса», которые близки к понятию «устойчивый образ», но более точны, по мнению автора. Мы можем предположить, что не знаки, а мыслеобразы — гораздо более близкое понятие для обозначения языка кинематографа и телевидения. Однако и этот термин кажется нам неточным. Ведь мы реагируем на некие «крючки», «зацепки». Экран общается с нами, передает нам некую информацию, вызывает в нас поток сознания и эмоций, вызывая устойчивые образы, расставляя **точки внимания** или **точки интереса**. Итак, никакой знак не может исчерпать всю многовариантность конкретного образа и его уникальных признаков. В нашей памяти образ (мыслительный образ) может находиться сколь угодно долго, не требуя перекодировки в знак. Для порождения любого знака необходимо совершить обязательную мыслительную операцию, именуемую «обозначением». Пока этого не произошло, до тех пор, пока тем или иным путем не совершилась целенаправленная трансформация отражения объекта в какой-либо знак, мы не имеем права утверждать, что результат отражения уже является знаком.

Мы отдали заслуженную дань семиотике. Она продвинула наши познания в области человеческого общения, коммуникаций, обмена информацией. Но для дальнейшего плодотворного изучения природы экранного творчества в большей степени подходят более универсальные инструменты анализа, такие как общая теория информации, психология, физиология человека, общая философия.

Этот анализ приводит автора к ключевому выводу — в силу своей специфики аудиовизуальный язык обращен к эмоциям массовой аудитории, непосредственно воздействует на подсознание и бессознательное в индивиду и все чаще ис-

пользует механизмы управления коллективным бессознательным.

С другой стороны, аудиовизуальный язык опирается на законы индивидуального восприятия и бессознательную логику поведения массы, и потому перед мастерами современного телевидения стоит непростая задача овладеть не только грамматикой и синтаксисом этого языка, но и освоить опыт современной науки о механизмах мозга и управлении сознанием. Дальнейшее совершенствование электронной техники и развитие аудиовизуального языка (компьютерная графика, электронные игры, телевидение высокой четкости) способны свести к мыслимому минимуму разрыв между реальностью и ее виртуальным двойником. Ведь сопоставление — ключевое слово в кинематографе и признак зрительного образа. Все это говорит о том, что образ может сколько угодно долго оставаться в нашем сознании и памяти образом.

Мы доказали, что природа экранного творчества вбирает в себя огромное множество разнообразнейших приемов аудиовизуального языка, его наполнения (контента). Попробуем описать все его художественно-выразительные средства применительно к документальной телевизионной журналистике и не забудем про главное — монтаж. Итак, культурные коды транслируются в основном посредством передачи зрительных образов. Изображение и сопровождающие его текст, музыка оказывают огромное воздействие на телезрителя, причем превалирует изображение. Считается, что до 80 % информации о внешнем мире человек получает благодаря зрению. Недаром существует поговорка «лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать». Полное же восприятие информации происходит при комплексном аудиовизуальном воздействии. Телевидение представляет собой аудиовизуальное отражение мира, особым образом структурированное с целью коммуникации, то есть определенной знаковой системой, аудиовизуальным «языком». Причем языком оригинальным, со своей орфографией, грамматикой, синтаксисом и морфологией, с богатым запасом художественно-выразительных средств. Сообщения телевидения формируются и интерпретируются в соответствии с определенными правилами или кодами. Когда мы получаем информацию о событии по телевидению или смотрим фильм, то перед нами не «живое» событие, а сообщение об этом событии. «Мы читаем и интерпретируем событие, принимая пра-

вила и коды, в соответствии с которыми происходит чтение и интерпретация. То есть анализ сообщений и их значений, очевидно, является ключевым для понимания массовой коммуникации» [1]. По мнению таких известных приверженцев постмодернизма, как Дж. Фиск и Дж. Бодрийяр, телевидение не отражает фрагменты реальности, а, скорее, производит или конструирует ее. Реальность является продуктом дискурса, кодирующего ее телевизионными камерами и микрофонами. По выражению Дж. Фиска, «Реализм — это не то, что реально, но то, что дискурсивно привычно». Общее правило заключается в ориентации на условный средний уровень смыслов, понятных потенциальному потребителю передач. С этой точки зрения центральной для большинства исследований является проблема трансформации звукового и визуального материала при его включении в произведение, иначе говоря — проблема структурирования реальности на экране. Структурирование есть результат совокупной деятельности создателей любых аудиовизуальных сообщений. Структура сообщения — это модель, которая направляет восприятие явления определенным образом. Семиотики утверждают, что структуру сообщения задают некие коды, и, поскольку на основе того или иного кода автор сообщения отбирает определенные выразительные средства, поскольку система отношений, устанавливаемая кодом, усваивается реципиентами, код можно считать основным элементом телевизионного языка, влияющим на содержание определенной картины мира у телезрителей. Однако нам кажется, что система расшифровки кодов у различного зрителя своя и это не делает код универсальной единицей аудиовизуального языка. Нельзя рассматривать телевизионное произведение как текст. Текст — понятие логичное и ментальное, телепроизведение — образное и чувственное. И раскрытие неких глубинных чувств, знаний, понятий и ощущений при просмотре визуальных произведений зависит от эмоциональной сонстройки реципиента (зрителя) и автора произведения. Эта сонстройка осуществляется с помощью **точек внимания**, которые в пространственно-временном воображении зрителя оставляют зацепки, эмоциональные всплески, ментальные прозрения, на которые он и ориентируется в дальнейшем при принятии решения о том, интересен ему данный материал или нет, смотреть ему дальше или переключить канал. То есть **точки внимания** должны действовать

завораживающе на зрителя, обладать неким магическим эффектом. Достичь этого можно опять же с помощью хорошо всем известных художественно-выразительных средств и монтажа.

В своей работе по репрезентации «Encoding, decoding» Стюарт Холл говорит о том, что культура задается общими значениями [9], а язык — это вариант медиопосредника, поскольку сквозь него мысли, идеи и чувства оказываются представленными в культуре. И именно такой тип репрезентации является центровым. В этом (по Холлу) отличия в семиотическом и дискурсивном подходе: семиотику интересует, как язык производит значения, то есть сам процесс репрезентации. Дискурсивный подход по Фиске озабочен последствиями этой репрезентации. В первом случае мы имеем дело с упаковкой смыслов (кодировкой), во втором — с их восприятием (раскодированием). Холл также говорит о том, что семиотика не несет в себе историзма, эта теория занимает вне-историческую позицию, в то время как Фуко, например, «историзировал» дискурс, репрезентацию, знание, правду [3]. То, что вчера казалось нормой, сегодня интерпретируется (раскодировается) совершенно иначе. Сумасшествие, наказание, сексуальность существуют только внутри дискурсивных практик о них, так как значения порождаются только в дискурсе. Об этом Холл пишет в своих исследованиях в области создания культурной идентичности [10]. Таким образом, получается, что аудиовизуальный язык несет закодированную информацию, создавая поликодовые смыслы в процессе внеисторической репрезентации, а дискурсивный подход помогает расшифровать эти поликодовые смыслы в определенных исторических рамках, в заданных сегодня пониманиях, в понятных и принятых форматах и формулировках, доносящих эти самые смыслы до получателя по мультимедийным каналам восприятия (ведь речь идет о визуалистике), то есть мультимедиа можно воспринимать как форму (формат) получения понятной для реципиента информации.

Итак, семиотический и дискурсивный подходы едины, первый упаковывает смыслы (кодирует), второй раскодировывает и доносит до получателя в понятной для данного момента форме. Эта мысль особенно важна, так как материалом нашего исследования являются произведения Леонида Парфёнова, который как никто другой умел упаковывать историческую информацию (кодировать) в определенный формат при помощи таких

кодов (поликодов), которые помогали раскодировать их именно в ту, правильную репрезентацию смыслов, заложенную автором изначально.

Сам Л. Парфёнов говорит о том, что вся разница между документалистикой прошлого и современными проектами — в форме, в стилистике, в подаче, в типе диалога с публикой. То, что касается исторических фильмов, — очень важно, чтобы это было не про нафталин, это не про то, что где-то там ненужное пылится в шкафу и это достают, «ой, вы помните, это было 150 лет назад». Это и есть инфотейнмент, историкотейнмент [хотя Парфёнов не любит этот термин. Говорит, что сам его «притащил» и сам же не знает, как теперь его «задвинуть» обратно в Америку. Он вообще терпеть не может всякой терминологии. — *Е. Ф.*] Главное — чтобы это было интересно. Это и есть главная задача, часть профессии. Парфёнов утверждает, что на ТВ все можно рассказывать только как человеческую историю. Все эти приемы кодировки информации прекрасно укладываются в постмодерновский стиль, в медиатекст в широком, постмодернистском смысле. Например, отбор фактов. В истории много чего происходило, но нам надо отобрать те факты и те детали, которые помогают вести разговор о дне сегодняшнем. Второй момент — это система образов. Это не просто набор образов, а образов, возведенных в систему, которые в синтезе начинают работать. Это подталкивает аудиторию к некоторым соразмышлениям, интерполяциям на сегодня, к дискурсу и выявлению периферийных смыслов. Причем мы вполне можем допускать, что Парфёнов изначально не вкладывал эти мысли, но он создал систему так, в том виде, в котором она уже начинает функционировать как самостоятельная, как самостоятельный субъект, уже вне авторского замысла. И это как раз черта постмодернистской культуры, когда читатель является сотворцом, соавтором этого текста, за счет своего додумывания, докручивания. Третий прием — это прямое высказывание. Например, как в «Российской империи» в серии про Николая II: «Государственный строй заслуживал насильственные изменения». То есть некие языковые конструкции, которые употребимы сейчас, из XXI в., а не из XX в. И это тоже постмодернистский стиль. С одной стороны — это интересно и стильно, сам Парфёнов рассказывал в одном из интервью, когда его спросили, в чем здесь смысл, он сказал, что просто так понятнее объяснить. И здесь он абсолютно прав, но

помимо всего прочего это еще и перенос проблематики того периода, его актуализация в современном социокультурном философско-мировоззренческом пространстве. И вознесение этого в более высокую философскую парадигму, которая распространяется на любые времена. Для лучшего понимания: мы говорим о постмодернизме как о художественном методе и стиле, а не о философии. А постмодернизм как метод — это креатив.

Если говорить о мультимедиа, то эти приемы предоставляют некий набор возможностей, несколько форм подачи материала, по-разному скомпонованного и организованного, рассчитанного на разный способ потребления. «Мультимедиа» — термин очень старый. Он родился задолго до появления компьютеров Macintosh с улыбкой при загрузке. В поиске слова, описывающего возможные сочетания медиаформ в начале цифровой эпохи, термин «мультимедиа» был заимствован журналистами, когда новости впервые появились в интернете. Тогда стало возможно рассказывание истории не только словами и статичными изображениями, но еще и с помощью инфографики, звука и позже — видео.

Кинохроника и телевидение уже практически сто лет рассказывали новости с помощью текста, звука, статичных изображений, видеозаписей и справочных графиков. Сейчас термин «мультимедиа» применяется почти для любого вида цифрового сторителлинга. Сначала газетчик, потом — телевизионщик, а сегодня — киношник Парфёнов (в промежутке — радищик, блогер, редактор журнала, издатель, актер и так далее) одним из первых стал мыслить мультимедийно и создавать свои проекты именно с использованием мультимедийных технологий. Итак, мультимедийные форматы: инфографика (интерактивные карты, storymap: карты+фото+видео+текст, ленты времени (timeline), фотографии, слайдшоу, фоторепортажи, интерактивное фото, фотослайдер: возможность сравнить «до и после», интерактив, онлайн-конференции и пользовательские комментарии, голосования, викторины, тесты, народные новости, вставка пользовательского контента, видеофрагменты, интерактивное видео, аудиофрагменты внутри текста, аудиослайдшоу, «облака слов», цепочка наращивания сюжета, планирование истории на несколько платформ). Парфёнов использует практически все, добавим еще мультиминьены, технологию фейс-трекинга и так далее. Его документальные проекты — это мультимедийный лонгрид по форме (формату) и

публицистический очерк по содержанию (жанру). Не следует считать, что мультимедиа — это просто технология или платформа. Нужен мультимедийный мозг, мультимедийный подход к воплощению материала, к его подаче (поликодовой зашифровке). Этим умением в полной мере обладает Л. Г. Парфёнов, работая на традиционной телевизионной (кино) платформе, но используя все мультимедийные инструменты. В мультимедийном производстве технологии — это второе крыло, на котором «взлетает» проект. Без хорошей истории технология мало чего стоит, но и без адекватного современного воплощения и межплатформенной дистрибуции история может остаться незамеченной (цит. по вебинарам Оксаны Силантьевой). При реализации этой стратегии важно не привлекать программистов и дизайнеров, которые лишь выполняют задачи, которые им поставили редакторы. В редакции нужны программисты, которые умеют думать, как журналисты, и журналисты, которые понимают возможности программирования. В подобных командах дизайнеры не боятся, «заходить на поляну» редакционного контента, а редакторы умеют нарисовать скетч того, как они видят структуру и визуальное решение материала. Именно такой подход к работе наблюдается в команде Леонида Парфёнова, в его студии «Намедни». С его правой рукой, режиссером Сергеем Нурмамедом, он работал над самыми звездными своими проектами: «Российская империя», «Война в Крыму — все в дыму», «Птица-Гоголь», «Зворыкин-муромец», «Русские евреи» и другими. Мультимедийный формат — это командная работа, где каждый — профи в своей области, но прекрасно понимает и поддерживает работу напарника. И вновь сошлемся на специалиста в области мультимедиа Оксану Силантьеву, утверждающую, что число «мультимедийно-думающих» журналистов и технологически подкованных авторов с каждым годом растет, они объединяются в команды, создающие современные, востребованные медиапродукты. Журналистика и массовая коммуникация как сфера деятельности не исчезнет. Но это несколько не гарантирует каждой отдельно взятой редакции вечную жизнь, а отдельно взятому журналисту — пожизненную востребованность. Надо владеть мультимедийными технологиями, уметь быстро осваивать новые, понимать их возможности и потенциал для улучшения работы мультимедийного журналиста. Такими умениями и навыками интуитивно обла-

дал журналист Леонид Парфёнов еще в 90-е гг., когда слово мультимедиа еще и не знал никто. Он всегда исходил из материала и понимал, как его надо «упаковать»: в какую систему и структуру мультимедийных инструментариев, понимал ключевые принципы поиска «набора стамесок» (выражение Парфёнова) для персонального набора. Он как художник, который умеет создавать произведения, используя пастель, масло, карандаш, тушь, акрил. Разбирается в жесткости щетины кистей, знает, какие мазки какими кисточками может нанести. Он знает, как грунтовать холст, какую бумагу выбрать для акварели, чем покрыть полотно, в какую раму заключить творение в финале. Художники это умеют. Сумел и Парфёнов. Он понял, что мультимедиа — это не просто инструменты, но еще и смыслы, организованные в поликодовом режиме. Итак, мультимедийный подход к организации пространства фильма возьмем за форму. А за содержание (контент), отбор понятий и вложенных в них смыслов отвечает поликодовость.

Поликодовость (интегративность). Понятие «код», пришедшее в лингвистику из теории информации, обычно трактуется как шифр, множество знаков, «упаковывающих» информацию по определенным правилам, предположительно известным адресату и адресанту сообщения. Существует бесчисленное множество кодов, определяемых в соответствии с разными критериями, и, наряду с кодами, связанными с каналом передачи информации (вербальными, визуальными др.), могут быть выделены идеологические, риторические, культурные коды, жанровые и стилистические, стихотворный и прозаический и подобные. Именно такое понимание кода лежит в основе известного тезиса Ю. М. Лотмана: зашифрованность многими кодами есть закон для подавляющего числа текстов культуры. Поликодовость не тождественна мультимедийности — транслированию информации с помощью разных каналов восприятия. Поликодовость — это, скорее всего, способ когниции. Современный потребитель информации уже не хочет получать ее через один канал восприятия, так он не может составить полное представление об этом явлении. Современнику необходимо задействовать разные каналы потребления и декодировки информации: зрение, слух, ментальные каналы. Ему важна эстетика подаваемой информации, эмоциональная насыщенность. Только сложив все эти информационные поля, современный читатель,

слушатель, зритель сможет составить собственное мнение, ощущение от потребляемого медиaproдукта. Таким образом, мультимедиа — это способ доставки, а поликодовость — способ восприятия. Еще более ранний и обобщающий термин — конвергенция (от лат. *convergere* — приближаться, сходиться). Это понятие, уже давно принятое в биологии, этнографии, языкознании для обозначения аналогичных процессов схождения, взаимоуподобления, всецело характеризует состояние современных медиа. «Основой конвергенции является единообразное цифровое представление различных типов информации — текстовой, графической, аудио и видео, а также использование единых стандартов и протоколов для ее распространения по физически различным каналам: эфирное, спутниковое и кабельное радио и телевидение, сети передачи данных и интернет» [8]. В итоге Интернет превращается в одно из важнейших СМИ, обеспечивающее, с одной стороны, дополнительный канал для распространения информации, а с другой — поступление разнообразных данных для других СМИ. Кроме того, конвергенция информационных интернет-ресурсов и СМИ создает предпосылки расширения аудитории традиционных СМИ, объединения ее во времени и пространстве с интернет-аудиторией. А интернет-аудитория привыкла к поликодовому восприятию и мультимедийной доставке информации. «Конвергенция СМИ, появление общих для разных каналов содержательных продуктов ведет к рождению новых интегрированных жанров — инфотейнмента (англ. *Infertainment* от *information* — информация и *entertainment* — развлечения), эдютейнмента (*education* — обучение, *entertainment* — развлечение) и других» [5]. С точки зрения исследователей текстов СМИ, важнейшим следствием процесса конвергенции становится изменение характера самого информационного продукта. Текстовые, графические, звуковые и видео-иллюстрации интегрируются в единый информационный продукт, создавая новую информационную среду, которую принято обозначать термином мультимедиа. Представляется более обоснованным определение мультимедиа как нового типа информационного продукта через две его основные характеристики:

– синтетический характер, то есть комбинация в одном информационном продукте различных типов информации (в частности, текста, изображений, звука, видеофрагментов);

– интерактивный характер, возможность индивидуализации продукта, выбора среди множества возможностей [7].

Интерактивность позволяет осуществлять обратную связь с источником информации или провайдером содержания. Двусторонняя модель коммуникации, характеризующая массовую коммуникацию, предполагает, что процесс коммуникации образует своего рода петлю, завершённый цикл, где важное место занимает обратная реакция получателя. В то же время обратная связь всегда считалась наиболее уязвимой стороной взаимодействия СМИ и ее аудитории, поскольку в реальности была ограничена звонками в студию и письмами в редакцию. «Новые информационно-коммуникационные технологии позволили получателю не только выбирать нужную ему информацию, но и самому определять повестку дня. Активизация обратной связи поставила редакцию перед необходимостью оперативно реагировать на изменения требований аудитории и общественного мнения» [2]. Если вернуться к синтетическому характеру современного медиатекста, то исследователь В. В. Волкова, доцент, кандидат филологических наук, подтверждает, что телевизионная медиаречь является мультимедийной и поликодовой формой коммуникации. Для нее характерно использование одновременно нескольких кодов, заимствованных телевидением из других СМИ. «Производители телепрограмм и вещатели используют эти коды как инструмент создания медиатекста в режиме реального времени: для актуализации медиапродукции, подчеркивания современности и креативности своей деятельности, формирования фирменного стиля» [6]. Если говорить об инновациях последних лет, повлиявших на телевизионную медиаречь, то можно отметить активное включение анимированной (видео- и 3D) инфографики в программы, что позволяет продолжить аудиовизуальный ряд в тех случаях, когда традиционный для телевидения формат медиаречи невозможен или не дает полной информационной картины. К графике и тексту, традиционным кодам инфографики в печатных и цифровых медиа, добавляются движение и звук, что существенно расширяет границы воздействия данного формата медиаречи на аудиторию.

Очевидно, что в современной телевизионной речи акцент делается на визуальный ряд, который усложняется и интенсифицируется с развитием кросскодowości медиа, с совершенствованием

технологических инструментов медиадизайна. Далеко не всегда эти инновации ориентированы на реализацию информационной или аналитической функции телевидения. Если актуализируются технологии инфотеймента, то слово может заглушаться визуальным шумом. Возможно, что именно эта особенность поликодового мультимедийного произведения постмодернистской эпохи вызывает наибольшие нападки со стороны приверженцев традиционных форм изложения материала. Леонид Парфёнов, давно и успешно использующий данные технологии в своих работах, критикуется именно за свободное жонглирование инструментарием, применение множества ранее неприемлемых приемов и методов подачи информации. И. И. Волкова, доктор филологических наук, доцент Российского университета дружбы народов в работе «Игровые форматы мультимедийной журналистики» утверждает, что игра как «средство расширения нашего социального Я» (М. Маклюэн), является оптимальной моделью организации интернет-пространства для реализации функций современной мультимедийной журналистики. В эпоху постмодернизма медийная аудитория переосмысливает реальность, моделирует новые формы когниции, играет со смыслами. Именно игровые коммуникации могут стать наиболее эффективными в практике сетевых медиа. Это утверждение в полной мере относится и к журналистскому производству, созданному для любых других типов СМИ и даже для кино. Применение игровых, постмодернистских приемов в полной мере демонстрирует Леонид Парфёнов в своих последних работах как для телевидения («Зворыкин-муромец», «Глас народа», «Цвет нации»), так и для кинозалов («Русские евреи»). «В его работах в режиме реального времени адресат системно воспринимает текстовое сообщение, которое может быть снабжено инфографикой, анимацией, видео, фото, музыкой, звучащей речью. Чем больше опций задействовано, тем лучше, но они должны не дублировать сообщение, а удачно дополнять его. Современные технологии дают автору возможность загрузить все органы чувств получателя экранной информации» [4]. И если информация не успевает обрабатываться на когнитивном уровне, то все равно она оставляет след на уровне подсознания, оказывает влияние на органы чувственного и эстетического восприятия медиапроизведения. Ирина Волкова утверждает, что игра (как переосмысленная реальность — это ее главный

типологический признак) отвечает глубинным потребностям человека эпохи постмодерна. Ключевая идея постмодернизма сводится к трактовке мира как неупорядоченной непознаваемой субстанции. Интерпретировать мир с помощью логических умозаключений нельзя, необходим свободный, широкий взгляд. Противоречия необходимо не снимать, а наслаивать и сталкивать. На наш взгляд, постмодернизм, игра и Всемирная паутина (Интернет) связаны онтологически, фун-

даментальными принципами устройства бытия. Произведения Л. Г. Парфёнова здесь — некий лабиринт с непредсказуемыми событиями за каждым поворотом. Так, завлекая зрителя все дальше, автор, как жонглер, мозаично подбрасывает события, факты и явления, как бы без всякой логической выстроенности. Однако именно в сочетании этих несочетаемых на первый взгляд элементов и складывается особый, постмодернистский, стилистически узнаваемый формат Парфёнова.

Список литературы

1. Вартанова, Е. Л. Конвергенция как неизбежность. О роли технологического фактора в трансформации современных медиасистем / Е. Л. Вартанова // От книги до Интернета: журналистика и литература на рубеже нового тысячелетия. — М., 2000. — С. 37–55.
2. Волкова, А. А. Медиатекст в условиях конвергенции / А. А. Волкова // Журналистский ежегодник. — Томск, 2013. — С. 26–28.
3. Волкова, В. В. Поликодовый текст в экранной ситуации / В. В. Волкова // Век информации. Медиа в современном мире. Петербургские чтения. — СПб., 2017. — Т. 2. — С. 20–21.
4. Волкова, И. И. Игровые форматы мультимедийной журналистики / И. И. Волкова // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. Литературоведение. Журналистика. — 2014. — № 1. — С. 106.
5. Землянова, Л. М. Зарубежная коммуникативистика на рубеже веков / Л. М. Землянова. — URL: http://infoculture.rsl.ru/donArch/home/news/dek/2001/08/2001-08_r_dek-sl.htm.
6. Почепцов, Г. Г. Модель декорирования Стивена Холла / Г. Г. Почепцов. — URL: <http://psyfactor.org/lib/propaganda29.htm>.
7. Солодов, В. В. Структурная трансформация СМИ: технологические причины и социально-экономические последствия / В. В. Солодов. — М., 2004. — 203 с.
8. Уоллакот, Дж. Сообщения и значения / М. М. Назаров // Массовая коммуникация и общество. — М., 2004. — С. 265.
9. Hall, S. Introduction / ed. by S. Hall // Representation. Cultural representations and signifying practices. — London, 1997. — 391 с.
10. Hall, S. The question of cultural identity / S. Hall. — URL: <http://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/10646175.2016.1148651#metrics-content>.

Сведения об авторе

Футерман Евгения Борисовна — соискатель ученой степени, заведующая медиалабораторией кафедры журналистики и массовых коммуникаций, старший преподаватель, начальник отдела электронных СМИ УСО, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. bluztv@gmail.com

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2017. No. 12 (408). *Philology Sciences. Iss. 110. Pp. 184–193.*

POLIKIDOVOST LIKE MEANINGS, MULTIMEDIA AS A FORM IN THE DOCUMENTARY TV JOURNALISM LEONID PARFENOV

E. B. Futerman

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. bluztv@gmail.com

The article is an attempt to present Leonid Parfenov's documentary creative projects as projects with modern encodings of meanings and a multimedia format for submitting information. Without refuting traditional, classical media theories, there are ways to "pack" complex historical material in a way more understandable for decoding by contemporaries who are accustomed to multimedia technologies. Audiovisual language bears

encoded information, creating polycode meanings in the process of non-historical representation, and a discursive approach helps to decipher these polycode meanings in certain historical frameworks, in today's understandings, in understandable and accepted formats and formulations that convey these meanings to the recipient through multimedia perception channels (in fact it is a question of visualistics), i. e. — Multimedia can be perceived as a form (format) of obtaining an understandable information for the respondent. So, the semiotic and discursive campaigns are one, the first packs the meanings (encodes), the second — decodes and delivers to the recipient in an understandable form for this moment. This idea is of special importance to us, since the material of our research is the works of Leonid Parfenov, who, like no one else, was able to pack historical information (encode) into a specific format with the help of codes (polycodes) that helped to decode them precisely into that correct representation of meanings, which was laid down by the author from the very beginning.

Keywords: *multicode, multimedia, points of attention, thought images, encoding, decoding.*

References

1. Vartanova E.L. Konvergentsiya kak neizbezhnost'. O roli tekhnologicheskogo faktora v transformatsii sovremennykh mediasistem [Convergence as inevitability. On the Role of the Technological Factor in the Transformation of Modern Media Systems]. *Ot knigi do Interneta: zhurnalistika i literatura na rubezhe novogo tysyacheletiya* [From book to Internet: journalism and literature at the turn of the new millennium]. Moscow, 2000. Pp. 37–55. (In Russ.).
2. Volkova A.A. Mediatekst v usloviyakh konvergentsii [MediaText in Convergence]. *Zhurnalistitskiy yezhegodnik* [Journalistic Yearbook]. Tomsk, 2013. Pp. 26–28. (In Russ.).
3. Volkova V.V. Polikodovyy tekst v ekrannoy situatsii [Polycode text in the screen situation]. *Vek informatsii. Media v sovremennom mire. Peterburgskiy chteniye* [The age of information. Media in the modern world. Petersburg Readings]. St. Petersburg, 2017. Pp. 20–21. (In Russ.).
4. Volkova I.I. Igrovyye formaty mul'timediynoy zhurnalistiki [Game formats of multimedia journalism]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov, seriya Literaturovedeniye. Zhurnalistika* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia, series Literary criticism. Journalism]. Moscow, 2014. 106 p. (In Russ.).
5. Zemlyaninova L.M. Zarubezhnaya kommunikativistika na rubezhe vekov [Foreign communicativistics at the turn of the century]. Available at: http://infoculture.rsl.ru/donArch/home/news/dek/2001/08/2001-08_r_dek-sl.htm, accessed 20.11.2017. (In Russ.).
6. Pocheptsov G.G. Model' dekorirovaniya Stivena Kholla [The decoration model of Stephen Hall]. Available at: <http://psyfactor.org/lib/propaganda29.htm>, accessed 20.11.2017. (In Russ.).
7. Solodov V.V. *Strukturnaya transformatsiya SMI: tekhnologicheskiye prichiny i sotsial'no-ekonomicheskiye posledstviya* [Structural transformation of the media: technological causes and socio-economic consequences]. Moscow, 2004. 203 p. (In Russ.).
8. Ualkot Dg. Soobshcheniya i znacheniya [Messages and meanings]. *Massovaya kommunikatsiya i obshchestvo* [Mass Communication and Society]. Moscow, 2004. 265 p. (In Russ.).
9. Hall S. *Representation. Cultural representations and signifying practices*. London, 1997. 391 p.
10. Hall S. *The question of cultural identity*. Available at: <http://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/10646175.2016.1148651#metrics-content>, accessed 21.11.2017. (In Russ.).

ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИЯ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ (на примере медицинского персонала)

Е. В. Харченко, Е. В. Клочкова

Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия

В статье приводятся подходы к описанию языкового сознания. Описываются этапы профессионализации медиков. Приводится описание и анализ данных психолингвистического эксперимента, направленного на изучение профессионального сознания медицинских работников. Делается вывод о том, что профессиональная деятельность имеет значительное влияние на языковое сознание индивида и о наличии особого образа мира, сложившегося в этой сфере.

Ключевые слова: *языковое сознание, образ мира, профессионализация, профессиональное языковое сознание, психолингвистический эксперимент, профессионально маркированные фразеологизмы.*

Исследования широкого круга проблем языкового сознания ведутся в рамках философии, психологии, лингвистики, психолингвистики, социолингвистики, лингвокультурологии, прагмалингвистики, этнолингвистики и других, позволяющих применять теоретические знания для повышения эффективности внутрикультурной и межкультурной коммуникации.

Различные определения и трактовки термина «языковое сознание» были предложены в трудах А. А. Залевской, В. В. Красных, С. Е. Никитиной, Е. Ю. Поздняковой, А. Н. Портнова, И. А. Стернина, Е. Ф. Тарасова, Т. Н. Ушаковой, Н. В. Уфимцевой, и др.

В нашем исследовании мы придерживаемся психолингвистического подхода и согласны с определением, предложенным Е. Ф. Тарасовым, при котором языковое сознание определяется как «совокупность образов сознания, формируемых и овнешняемых при помощи языковых средств — слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей» [10]. Е. Ф. Тарасов определяет языковое сознание как «совокупность перцептивных и концептуальных знаний личности об объекте реального мира, опосредованный языком образ мира той или иной культуры. Функционирование языкового сознания связано с механизмами порождения, понимания речи и хранения языка в сознании, то есть психическими механизмами, обеспечивающими процесс речевой деятельности человека» [10].

А. А. Леонтьев сопоставляет понятие «языковое сознание» с понятием «образ мира» и определяет последнее как «отображение в психике индивида предметного мира, опосредованное предметными значениями и соответствующи-

ми когнитивными схемами и поддающееся сознательной рефлексии» [5. С. 112]. Он указывает, что образ мира многомерен, как сам мир, а знание о мире неразрывно с нашей деятельностью в мире.

Образ мира, в свою очередь, является основной компонентой культуры и содержит в себе все существенные с точки зрения данной культуры знания, необходимые для адаптации каждого ее члена к окружающей природной и социальной среде [12. С. 205].

Мы предполагаем, что языковое сознание личности испытывает существенное влияние со стороны сферы деятельности и сложившейся в ней профессиональной культуры.

Об этом говорит и Е. А. Климов. По его мнению, профессия накладывает отпечаток на сознание индивида. Ученый сформулировал тезис о том, что специфические особенности профессиональной деятельности детерминируют и некую специфику образа мира, в этом случае профессиональная деятельность выступает одним из факторов типизации индивидуальных образов мира. Описывая профессии в их предметной отнесенности, Е. А. Климов отметил, что «образы окрестного мира у представителей разнотипных профессий существенно различаются» и «разные профессионалы живут в разных субъективных мирах» [3. С. 85]. Таким образом, образ мира различен у разных профессий. Сознание профессионала формируется в процессе его профессиональной деятельности и «овнешняется» при помощи языка, который «аккумулирует особенности профессиональной деятельности и тем самым структурирует профессиональную языковую картину мира» [8. С. 15].

Важным звеном в формировании профессионального языкового сознания является обучение. Именно в процессе обучения формируются все необходимые профессиональные компетенции, нормы поведения и ценностные ориентиры, идеалы и внутренние структуры личности. Происходит так называемая профессионализация личности.

Профессионализация рассматривается как принадлежность к определенному профессиональному сообществу, одна из форм самореализации человека в ходе его профессиональной деятельности, то есть профессионализация в данном случае отождествляется с самим процессом профессиональной деятельности [13. С. 262.].

Г. В. Кубиц отмечает, что «профессионализация языковой личности представляет собой процесс формирования профессионального языкового сознания личности, которое связано с полным и совершенным овладением профессиональным языком» [4. С. 10].

Профессиональное сознание формируется посредством определенных языковых средств, так как они обеспечивают соответствующую коммуникацию в системе общения специалистов. По мнению Н. Н. Нечаева, овладение соответствующим языком профессиональной коммуникации становится возможным «по мере выявления и осознанного освоения предметного содержания профессии и обеспечивает переход будущего специалиста от обыденного — к профессиональному сознанию» [9. С. 4].

Под профессиональным языковым сознанием понимается «психолингвистическая модель, реконструирующая систему основных образов сознания, формируемых и овнешняемых с помощью профессионально ориентированных языковых средств» [1. С. 199].

Профессионализация языкового сознания начинается во время обучения и вхождения в мир специалистов и продолжается всю жизнь. При смене сферы деятельности человек приспосабливается к новым знаниям, используя старые. Можно привести много примеров, когда менеджеры и продавцы, пришедшие в торговлю из разных сфер, вели себя по-разному в одинаковых ситуациях, демонстрируя особенности поведения из другой сферы. Так бывшая медсестра спрашивала у покупателя при примерке, как он себя чувствует в пальто.

Цель настоящей статьи — изучение профессионализации языкового сознания медицинского персонала.

Процесс профессионализации медика можно разделить на 4 этапа: 1) 1–3 курс — это так называемое базовое обучение, когда студенты изучают общие теоретические дисциплины; 2) 4–6 курс — на этом этапе студенты изучают специальные предметы циклами; 3) интернатура (1 год), либо ординатура (2 года) — обучаясь в интернатуре или ординатуре, студенты приобретают узкую специализацию, совершенствуются в конкретном профиле; 4) реализация полученных знаний в самостоятельной профессиональной деятельности по выбранному профилю.

О. В. Денисова отмечает, что в силу специфики врачебной профессии важнейшим звеном профессиональной подготовки студента-медика является становление его профессиональной идентичности, «содержательный компонент которой определяется особенностями профессии, раскрывающимися в следующих взаимосвязанных составляющих: профессиональной деятельности, профессиональном общении, личности профессионала, профессиональной морали и нравственности, при этом в качестве системообразующего компонента выступает морально-нравственный компонент профидентичности» [2. С. 8].

Теоретические дисциплины, которые студенты изучают в течение всего срока обучения, являются необходимым условием для успешного прохождения практики. После второго курса студенты проходят санитарскую практику, после третьего — сестринскую, после четвертого проходят практику в поликлинике, а после пятого — в стационаре. Данные виды практик позволяют студентам определиться со сферой, в которой они хотели бы продолжить дальнейшее обучение и работу, а также дают опыт, необходимый для успешной работы в сфере медицинского обслуживания.

Согласно определению языкового сознания, предложенному Е. Ф. Тарасовым, доступ к профессиональному языковому сознанию для выявления специфики возможен через слова, словосочетания, устойчивые обороты, фразеологизмы, тексты, то есть через «овнешнение» образов языкового сознания.

Материалом для данной статьи послужили данные, полученные в результате проведения психолингвистического эксперимента. Респондентами выступили медсестры психиатрического отделения, имеющие опыт работы от 15 до 35 лет, проходившие обучение по программе повышения квалификации на базе Челябинского областного

центра дополнительного профессионального образования специалистов здравоохранения. Для отбора материала мы использовали такие методы, как наблюдение, интроспекция и метод воспоминаний. Для трактовки некоторых выражений нам пришлось прибегнуть к методу экспертной оценки.

Изучая данные проведенных нами ранее ассоциативных экспериментов среди студентов-медиков 1, 3, 5 курсов и специалистов сферы здравоохранения, мы обратили внимание на появление среди реакций студентов старших курсов и медиков-специалистов крылатых выражений, фразеологизмов, относящихся к медицинской тематике.

Фразеологизмы играют особую роль в создании языковой картины мира. Как справедливо замечает И. А. Привалова, во фразеологизмах эксплицируется специфика знания относительно какого-либо предмета или явления реального мира, обусловленная национально-культурными стереотипами, установками, ценностями.

По мнению В. А. Масловой, природа значения фразеологических единиц тесно связана с фоновыми знаниями носителя языка, с практическим опытом личности, с культурно-историческими традициями народа, говорящего на данном языке [7]. Фразеологизмы характеризуют человека и его деятельность.

По мнению медиков-специалистов, медицинские фразеологизмы отражают точные клинические признаки заболеваний и синдромов. Знание фразеологизмов необходимо при изучении специальных дисциплин, в профессиональной деятельности медицинского работника.

Поскольку целью нашего исследования является изучение профессионализации личности и выявление влияния профессии на языковое сознание личности, мы решили обратиться к методу воспоминаний.

Мы попросили респондентов попытаться вспомнить и привести примеры известных им фразеологизмов или крылатых выражений, связанных с медициной. В качестве примера был приведен фразеологизм «грудь сапожника». Всего было обработано 50 анкет, однако лишь 20 из них содержали профессиональные медицинские фразеологизмы.

Полученные фразеологизмы мы разделили на несколько групп:

1) крылатые выражения: *пока живу, надеюсь; здоровье это еще не всё, но без здоровья всё — ничто; истина в вине, здоровье в воде; время —*

лучший лекарь, гнев — кратковременное безумие. Знакомство с ними студент-медик начинает на первых этапах обучения в российском вузе, так как ФГОС предусматривает изучение латинского языка на первом курсе университета и методичека;

2) выражения, которые, по сути, не имеют профессиональной детерминированности, однако содержат в себе названия частей тела и, видимо, из-за этого были приведены в качестве примеров: *заговаривать зубы, зарубить на носу;*

3) фразеологизмы, обозначающие симптомы или названия болезней, как например: *голова медузы, рука — куриная лапка, заячья губа (волчья пасть), восковая гибкость, петушиная походка, турецкое седло, руки акушера, крыло смерти.* Примечательно, что у большей части приведенных фразеологизмов существуют медицинские названия: *воздушная подушка* — синдром Дюпре, *руки прачки* — раздражающий контактный дерматит, *пальцы формы барабанных палочек* — пальцы Гиппократова, *грудная жаба* — стенокардия. Данные фразеологизмы являются эмоционально окрашенными и выполняют экспрессивную функцию для эмоциональной разрядки медиков;

4) мы отметили, что особое место среди реакций занимают выражения философов или знаменитых людей, которые передаются в устном общении в качестве наставлений от более опытных коллег: *никогда не надо стоять, если есть возможность посидеть и не надо сидеть, если есть возможность полежать; лучше иметь 4 креста в истории болезней, чем один на кладбище; работать с холодной головой и горячим сердцем.* Данные выражения являются отражением постулатов, включенных в медицинскую деонтологию (наука о высоком долге медиков и в то же время это наука о том, каким должен быть моральный, эстетический и интеллектуальный облик медиков, каковы должны быть взаимоотношения между медиками, больными и их родственниками, каковы должны быть взаимоотношения в медицинском коллективе).

Так, в руководстве по медицинской психологии И. М. Тылевич отмечает, что основными чертами личности медицинской сестры должны быть сострадательность, доброжелательность, трудолюбие, самоотверженность, честность, терпение, вежливость, внимательность, нежность, ласковость, оптимизм, мужество, решительность, скромность, принципиальность, чувство соб-

ственного достоинства; аккуратность, эрудированность, наблюдательность, логичность, стремление проникнуть в суть явлений [11]. Любой медицинский работник должен подходить к каждому пациенту с холодной головой, то есть внимательно изучать каждый случай, стараться найти истинную причину заболевания и при этом сохранять моральные качества и проявлять внимательность, оптимизм и доброжелательность даже в самых тяжёлых случаях. Несмотря на то, что первоначально выражение *«работать с холодной головой и горячим сердцем»* характеризовало работу и качества чекиста, а затем работников госбезопасности, оно в той же степени справедливо и для работников сферы здравоохранения, поскольку характеризует качества, необходимые им в работе.

Интересным мы считаем выражение *«лучше иметь 4 креста в истории болезней, чем один на кладбище»*, поскольку оно функционирует только в устной речи медицинских работников и нигде не закреплено. Крестами в медицине принято обозначать сифилис. Доктор Вассерман разработал особую систему характеристики болезни, которая количеством крестов показывает на количество антител в крови. Чем больше их концентрация, тем больше плюсов. Максимальное количество плюсов-крестов — четыре. Передаваемое наставниками выражение несет в себе установки оптимизма — согласно деонтологии, медицинские работники должны внушать надежду на благоприятный исход, для этого они сами должны быть оптимистами, а это значит не просто надеяться на благоприятный исход, но всячески добиваться его. Кроме того, выполняя клятву Гиппократова, медик должен способствовать жизни до конца. Ситуация с четырьмя крестами на сегодняшний день поддается лечению, а значит при правильном подходе не приведет к плачевным результатам.

Самым частотным фразеологизмом среди ответов респондентов был *«не навреди»* — старейший принцип медицинской этики, обычно приписываемый Гиппократу. Поскольку оказание медицинской помощи может быть связано с некоторым риском, или просто чревато выполнением некоторых неприятных, болезненных процедур, этот принцип следует понимать так: исходящий от врача вред должен быть только объективно неизбежным и минимальным.

Данная статья является этапом изучения профессионализации языкового сознания медиков. Изучение этой темы представляется нам важным, поскольку профессия медицинского работника относится к профессиям «повышенной речевой ответственности». Работа медика предполагает продолжительное общение с больными, их родственниками, коллегами, медицинским персоналом. От того, как специалист умеет общаться, добиваться доверия в отношениях, устанавливать взаимоотношения с людьми, зависит его профессиональный успех. Зачастую именно слово срабатывает пусковым механизмом. Не случайно еще в древности говорили: «Слово лечит и калечит». Так, рассказывая о силе слова, Б. Лоун приводит пример про случай «ритм галопа»: пациент внезапно поправился, услышав диагноз врача, сообщившего своим ассистентам, что у мужчины «ритм галопа». Больной решил, что раз его сердце способно на галоп, значит, он идет на поправку. В действительности же «ритм галопа» — очень опасный симптом, когда растянутый и перенапряженный левый клапан безуспешно пытается качать кровь [6].

Важно понимать, что больной и его родственники всегда будут вкладывать в высказывания врача свой смысл, часто не совпадающий с тем, что вкладывает врач.

Проведенное исследование показало, что языковое сознание медицинских работников в процессе профессиональной деятельности претерпевает значительные изменения. Профессиональная сфера здравоохранения, задавая пределы деятельности индивида, предполагает следование принятым нормам, что может влиять на сужение некоторых понятий и на особое восприятие окружающих людей и действительности. Полученные данные подтверждают, что в медицинской сфере огромное количество образных выражений, которые свидетельствуют об особом образе мира, сложившегося в этой сфере.

Данная статья является этапом описания профессионализации языкового сознания медиков и демонстрирует результаты, полученные в ходе изучения уровней языкового сознания с помощью методики воспоминаний. В дальнейшем мы планируем расширить исследование, добавив материал, отобранный из форумов, предназначенных для общения медиков и пациентов, а также добавить методы исследования.

Список литературы

1. Алферова, Ю. И. Профессионально маркированные компоненты языкового сознания, репрезентированные единицами родного и изучаемого языков : дис. ... канд. филол. наук / Ю. И. Алферова. — Барнаул, 2005. — 219 с.
2. Денисова, О. В. Становление профессиональной идентичности студента-медика в образовательном процессе вуза : дис. ... канд. психол. наук / О. В. Денисова. — Екатеринбург, 2008.
3. Климов, Е. А. Образ мира в разнотипных профессиях / Е. А. Климов. — М., 1995. — 224 с.
4. Кубиц, Г. В. Профессионализация языковой личности (на примере юридического дискурса) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г. В. Кубиц. — Челябинск, 2005. — 258 с.
5. Леонтьев, А. А. Основы психолингвистики / А. А. Леонтьев. — М., 1999. — 287 с.
6. Лоун, Б. Искусство быть врачом / Б. Лоун // Будь здоров. — 2001. — № 1. — С. 3–6.
7. Маслова, В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие / В. А. Маслова. — М., 2001. — 208 с.
8. Масыч, Т. Л. Профессиональная языковая картина мира сотрудников правоохранительных органов: на материале русского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. Л. Масыч. — Волгоград, 2010. — 21 с.
9. Нечаев, Н. Н. Формирование коммуникативной компетенции как условие становления профессионального сознания специалиста / Н. Н. Нечаев, Г. И. Резницкая // Вестн. Ун-та Рос. акад. образования. — 2002. — № 1. — С. 3–24.
10. Тарасов, Е. Ф. Актуальные проблемы анализа языкового сознания / Е. Ф. Тарасов // Языковое сознание и образ мира : сб. науч. ст. — URL: http://www.iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book2000/html_204/1-3.html1.
11. Тылевич, И. М. Руководство по медицинской психологии / И. М. Тылевич. — URL: http://www.med312.ru/rukovodstvo_po_meditsinskoy_psihologii/meditsinskaya_deontologiya/955.html.
12. Уфимцева, Н. В. Археология языкового сознания: первые результаты / Н. В. Уфимцева // Язык. Сознание. Культура. — М., 2005. — С. 205–215.
13. Цвынк, В. А. Профессионализация как социальный процесс / В. А. Цвынк // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. — 2003. — № 4–5. — С. 262.

Сведения об авторе

Харченко Елена Владимировна — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой «Русский язык как иностранный», Южно-Уральский государственный университет. Челябинск, Россия. ev-kharchenko@yandex.ru

Клочкова Екатерина Владимировна — преподаватель кафедры лингвистики и перевода Института лингвистики и международных коммуникаций, Южно-Уральский государственный университет. Челябинск, Россия. vilisovaev@susu.ac.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2017. No. 12 (408). Philology Sciences. Iss. 110. Pp. 194–199.

PROFESSIONALIZATION OF LINGUISTIC CONSCIOUSNESS (the case of medical staff)

E. V. Kharchenko

South Ural State University, Chelyabinsk, Russia. ev-kharchenko@yandex.ru

E. V. Klochkova

South Ural State University, Chelyabinsk, Russia. vilisovaev@susu.ac.ru

The article describes approaches to the description of linguistic consciousness and describes the stages of professionalization of medical professionals. The authors analyse and define medical phraseological units provided from the psycholinguistic experiment aimed to study the professional consciousness of medical workers. The researchers distinguish 4 groups of obtained phraseological units and draw a conclusion that professional

activity has a significant influence on the individual's linguistic consciousness. And prove the existence of a special image of the world that has developed in this sphere.

Keywords: *language consciousness, the image of the world, professionalization, professional linguistic consciousness, psycholinguistic experiment, professionally marked phraseological units.*

References

1. Alferova Ju.I. *Professional'no markirovannye komponenty jazykovogo soznaniya, reprezentirovannye edinicami rodnogo i izuchaemogo jazykov* [Professionally marked components of linguistic consciousness, represented by units of native and studied languages]. Barnaul, 2005. 219 p. (In Russ.).
2. Denisova O.V. *Stanovlenie professional'noj identichnosti studenta-medika v obrazovatel'nom processe vuza* [Formation of the professional identity of a medical student in the educational process of the university]. Ekaterinburg, 2008.
3. Klimov E.A. *Obraz mira v raznotipnyh professijah* [The image of the world in various professions]. Moscow, 1995. 224 p. (In Russ.).
4. Kubic G.V. *Professionalizacija jazykovej lichnosti (na primere juridicheskogo diskursa)* [Professionalization of the language personality (the case of legal discourse)]. Chelyabinsk, 2005. 258 p. (In Russ.).
5. Leont'ev A.A. *Osnovy psiholingvistiki* [Fundamentals of psycholinguistics]. Moscow, 1999. 287 p. (In Russ.).
6. Loun B. *Iskusstvo byt' vrachom* [The art of being a doctor]. *Bud' zdorov* [Be healthy], 2001, iss. 1, pp. 3–6. (In Russ.).
7. Maslova V.A. *Lingvokul'turologija* [Lingvoculturology]. Moscow, 2001. 208 p. (In Russ.).
8. Masych T.L. *Professional'naja jazykovaja kartina mira sotrudnikov pravoohranitel'nyh organov: na materiale russkogo jazyka* [Professional language picture of the world of law enforcement officers: on the material of the Russian language]. Volgograd, 2010. 21 p. (In Russ.).
9. Nechaev N.N., Reznickaja G.I. *Formirovanie kommunikativnoj kompetencii kak uslovie stanovlenija professional'nogo soznaniya specialist* [Formation of communicative competence as a condition for the formation of professional consciousness of a specialist]. *Vestnik Universiteta Rossijskoj akademii obrazovanija* [Bulletin of the University of the Russian Academy of Education], 2002, iss. 1, pp. 3–24. (In Russ.).
10. Tarasov E.F. *Aktual'nye problemy analiza jazykovogo soznaniya* [Actual problems of the analysis of linguistic consciousness]. *Jazykovoje soznanie i obraz mira* [Language Consciousness and image of the world]. Available at: http://www.iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book2000/html_204/1-3.html, accessed 18.10.2017. (In Russ.).
11. Tylevich I.M. *Rukovodstvo po medicinskoj psihologii* [Guide to Medical Psychology]. Available at: http://www.med312.ru/rukovodstvo_po_medicinskoj_psihologii/medicinskaya_deontologiya/955.html, accessed 18.10.2017. (In Russ.).
12. Ufimceva N.V. *Arheologija jazykovogo soznaniya: pervye rezul'taty* [Archeology of linguistic consciousness: the first results]. *Jazyk. Soznanie. Kul'tura* [Language. Consciousness. Culture]. Moscow, 2005. Pp. 205–215. (In Russ.).
13. Cvyнк V.A. *Professionalizacija kak social'nyj process* [Professionalization as a social process]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia], 2003, iss. 4–5, p. 262. (In Russ.).